www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году

Выходит по средам

№ 3–4 (5957–5958)
28 января – 3 февраля 2004 г.

В НОМЕРЕ:

Есть ли альтернатива президенту Путину? стр. 2
Лживая правда журналистики стр. 4
«Русский выбор» и белая гвардия стр. 14
Сколько стоит «быстрая карьера» стр. 16
Приложение «Действующие лица» стр. 17 – 20
Евтушенко и Бродский – pro и contra стр. 23

■ ПЕРВАЯ КОЛОНКА ■

Честь научит!

Горестно снова соглашаешься с Розановым: «Не беда, что Россия в «фасадах», а что фасады-то эти – пустые. И Россия – ряд пустот. «Пусто» правительство – от мысли, от убеждения... Но не утешайтесь – пусты и университеты. Пусто общество... И вот в эти пустоты забираются инородцы; даже иностранцы забираются. Не в силе их натиска – дело, а в том, что нет сопротивления им».

Написано это в 1913-м, а в 14-м началась долгая катастрофа. Вот и сегодня наши фасады-имиджи остаются пустыми. Бессмыслицы невпроворот, но к ней привыкли как к норме, даже оправдывают её как некий «закон природы российской».

Страна давно в состоянии вялотекущей деградации. Но говорить и писать об этом неприлично, надо быть оптимистом, считать трудности временными, которых скоро не будет. Говорят: не надо сгущать краски. Помню, это предлагали и в годы брежневского застоя

Для выхода из кризиса мало что делается, но многие верят, что чудо произойдёт – само собой! – «по щучьему велению» вдруг система уродливая начнёт превращаться в красавицу.

Академик-экономист Д. Львов направил президенту конкретные предложения по решению проблемы бедности. И получил ответ от замминистра по экономическому развитию М. Дмитриева с отповедью: «Неужели академик не понимает, что бедность можно победить, лишь удвоив ВВП к 2010 году?»

Академик действительно недопонимает. Он-то искренне хочет бороться с нищетой в стране. Но для правительства это не является первоочередной задачей, главное – удвоить ВВП. Чей только – свой или страны? Львов делает вывод печальный – с такими министрами невозможно какие-либо задачи решить.

Министр труда А. Починок любит являться на телеэкране. Глядя на его временами скорбный вид, кто-то решит, что он ночи не спит, страдая, что плохо живёт российский народ. Починок рвётся в бой с бедностью, но вот беда, говорит – невозможно быстро поднять уровень жизни в стране.

А что министры сами скоро разбогатели, так ведь потому, что у них уйма талантов! Потому и несменяемы они, сколько их ни критикуй. Незаменимы, несмотря на любые итоги работы. Интересно, бывают ли у Починка тяжёлые минуты, когда он сомневается в том, справляется ли он с обязанностями?

Богато изданный журнал выдал мнение военного эксперта: против России ведётся четвёртая мировая война, где основное средство нанесения нам вреда – наши руководящие элиты. Враги якобы хитро навязывают нам кадровую политику, обеспечивающую «приход к власти людей безответственных, зависимых (уже замаранных «прошлыми подвигами»), тщеславных, жадных, беспринципных, ущербных морально и, безусловно, подконтрольных».

Интересно, кого из власти генерал имел в виду? Но тогда почему доблестные генералы, обсуждая «четвёртую мировую», не защищают народ от страшных вражеских технологий? Или в армии ведётся точно такая же кадровая политика? И объясните чётко – кто же главный враг российского народа?

Знаменитый теоретик войны генерал Клаузевиц считал: «Цель военных действий – лишить противника возможности сопротивляться». Если принять, что против России действительно ведётся война, то сопротивления и впрямь не видно. Или оно чрезвычайно тщательно маскируется?

Войну «холодную» СССР проиграл не только потому, что государственная система оказалась слабой и страну предали. Кадры, партийные и государственные, давно уже были слабы, хотя и утверждают: сито отбора было настолько частое, что к управлению попадали самые лучшие. Но если так, то почему же тогда не предотвратили поражение?

Есть ли новые люди, способные победить псевдоэлиту? Оптимисты твердят: есть. Скептики сильно сомневаются. Интеллигенция бесконечно ругается меж собой и спорит, пустым красноречием и эрудицией пытаясь доказать свою правоту, а не решить задачу, и при этом все – врозь.

Мы живём во времена всеобщего шантажа – насилием, предательством, продажностью, провокациями, роскошью...

Роскошь отовсюду прёт – с витрин, с журналов, с экранов. В каждом номере журналов красочные картинки о блестящей жизни простых российских «звёзд» – когда только успели разбогатеть так неприлично, вроде и фамилий-то их не знаешь. Авто, виллы с бассейнами, шикарные наряды и мебель... Потому и понятно осуждение сына-студента высказанное отцу, руководителю завода: «Боишься больше воровать, как другие!» Логично – парню на красивую жизнь не хватает.

И трагедия не в том, что Бога нет и, значит, всё позволено. Бог остался, но ведь «и бесы веруют, и трепещут». Бога, может, люди и боятся, но всё равно продолжают грешить напропалую. Всё позволено, потому что вероятность наказания невелика. Что нравственно запрещено в России ныне? Ничего!

Развращайся с нами, развращайся как мы, развращайся сильней нас! Деньги – единственное мерило оценки человека. Богатые и преуспевающие автоматом зачисляются в «праведники», бедные и неудачники – презренные «грешники».

Кто богаче, властней и сильней, тот и прав. Во всём. Конечно, можно утешаться, что сила в правде, но это для кино. Власть и деньги – настоящая сила, с ними доказать недоказуемое легко. Из любой посредственности можно слепить хоть известного политика, хоть любимца эстрадного. А «пипл всё схавает», восторгаясь бездарностью и пошлостью. Народ не научился разбираться, кто за него, кто против него. Не хочет тратиться на свою настоящую элиту. Значит, придётся горбатиться на чужую.

Если нет у нас воли и силы негодяйству противостоять, надо хотя бы подвергнуть его всеобщему остракизму, жёсткому моральному суду. Нам обязательно надо вернуть понимание общественного стыда. Пока не пришли новые беды.

Возрождение России начнётся только с возрождения нравственного. Честь научит, что делать.

Владимир ПОЛЯКОВ

ЯВЛЕНИЕ ПРОРОКА СВОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ

Антон МЕНЬШОВ

Среди бесконечного информационного потока, ежеминутно обрушиваемого на наши головы, так трудно задержать внимание на новости действительно незаурядной, которая может не ошеломить, не развлечь, не перепугать, но заставит задуматься, отвлечься от каждодневной суеты.

Известие о выходе первых томов полного собрания сочинений Фёдора Михайловича Достоевского – из таких новостей. Его пророчества сегодня мало слышны, хотя доселе пугающе злободневны. Его мысли не поняты до конца, хотя в них ответы на многие проклятые вопросы. Его призывы заглушены торопливым бормотанием нынешних ньюсмейкеров и толкователей виртуальной действительности.

Но хочется верить, что в России выход великой книги по-прежнему событие, способное хоть что-то переменить в сгустившейся мгле неверия и безразличия.

Продолжение на темы на стр. 11

■ АКТУАЛЬНО ■

Без царя во главе

– Алексей Константинович, Госдума попала под тотальный контроль «Единой России», отчего наша политика, похоже, становится малоинтересной. Или всё-таки нас ждут большие перемены?

– Выборы в Думу выявили, и это очень важно, неприемлемость либеральной лжемодернизации. Нам твердили, что путь превращения госсобственности в крупную олигархическую собственность – это единственный путь развития России, но мы на деле ушли в сторону от модернизации экономики. Реформаторы деньги отдавали МВФ и вывозили их за рубеж либо через олигархов.

В итоге реформаторы Россию сдвинули, но не туда, куда нужно было сдвинуть. Мы как при КПСС «сидели» на нефтегазовой трубе, так и остаёмся на ней сидеть. Вот результат 12 лет псевдореформаторства. Ведь приватизация может вести и к модернизации, и к расхищению. У нас, увы, она по большей части привела к расхищению национального достояния.

Это нам урок: не всякая приватизация есть модернизация. Не всякий либерализм прогрессивен. Либерализм может привести к разрегулированию всей социальной, экономической и финансовой сферы. Что и произошло.

Почему сейчас возникают все эти вопросы в связи с массированным уходом от налогов? Говорят, что крупный бизнес у нас не платил налогов на основе законов. Это оптимизация уплаты налогов, говорит замминистра экономического развития г-н Дворкович. Нет, это не оптимизация, а нечто иное – узаконенное воровство.

У нас очень долго принимали законы, выгодные лишь узкому слою людей. В результате мы сейчас имеем страну, решающую все те же самые вопросы развития, которые она решала, уходя из коммунизма.

– Значит, теперь, 12 лет спустя, нам придётся начинать разбираться с последствиями либеральных реформ?

– Страна отвергла сценарий лжемодернизации, за которым стояли известные фигуры правого движения. Не назову его демократическим, ибо демократы всё же заботятся о большинстве.

Политическое положение, возникшее в России после думских выборов и накануне президентских, анализирует ведущий программы «Постскриптум» телеканала ТВ Центр Алексей ПУШКОВ.

У нас это движение было демократическим, когда выступало против коммунистической системы, и перестало им быть, начав обслуживать узкое меньшинство, пришедшее с Ельциным к власти, меньшинство, которое начало присваивать народные богатства и развернувшее страну в направлении, ведущем в «бесконечный тупик». Но лжемодернизацию отвергли с большим опозданием.

– Народ давно сигнализировал, что страна идёт не туда.

– Да, первый сигнал прозвучал в 93-м, когда 24 процента избирателей отдали голоса Жириновскому и только 13,5 процента – «Демвыбору России». «Демократы» тогда в ужасе кричали: «Россия, ты одурела!», а на самом деле страна заявила «демократам»: во власти вас видеть не хотим. Но в 2003-м прозвучал ещё более мощный сигнал: выяснилось, что правые противостоят почти всей стране.

– Как вы оцениваете победу «Единой России»?

– Это подтверждение нашей исторической веры в одного лидера – политического «царя», в каком бы обличии он ни выступал. «Единая Россия» воспринимается не как партия, а как политическая опора Владимира Путина. Эта победа – также результат желания большой части бюрократии и большого бизнеса приобщиться к высшей власти. «Единая Россия» ещё должна определиться, какую страну она хочет строить. В этой партии состоят люди с очень разными взглядами, и разброс мнений тоже очень велик – от чуть ли не коммунистических до праволиберальных.

– Опять получается «многоподъездная партия»?

– Верно. «Единая Россия» – не единая партия. Как, впрочем, и администрация президента... Борьба политическая переносится теперь вовнутрь «партии власти».

– Много говорят о необходимости смены российской элиты. Возможно ли это?

– А откуда возьмётся новая элита?! Подчёркиваю: слово «элита» я употребляю в чисто социологическом смысле, а не в морально-этическом. Политическая элита уже сформировалась при падении коммунистической системы и появлении принципиально новых руководящих слоёв – тех, которые принимают решения, владеют собственностью и определяют путь развития страны.

Сейчас эта элита несколько разбавится за счёт новых депутатов из регионов, пополнивших корпус «Единой России». Но большинство этих людей не имеют самостоятельного лица, и они впишутся в уже существующие известные модели политического поведения. Для кого-то это лоббирование интересов крупного капитала, для других – проведение интересов исполнительной власти, для третьих – обслуживание партийной верхушки...

– Может ли произойти некоторая переориентация элиты в сторону концепции национального блага?

– Десять лет нас убеждали, что благо – это антикоммунизм, поддержка Ельцина и либерал-реформаторов. Однако этой схеме последние выборы подписали «смертный приговор».

Новую концепцию национального блага частично выражает Путин, когда говорит, что не можем мы полностью закрыть глаза на все нарушения, допущенные в процессе приватизации; объявив полную амнистию, мы снимем понятие ответственности и вновь скатимся назад, к Ельцину; надо обязательно сохранить в общественном сознании критерии, что правильно, что нет. Утратив эти критерии, мы окончательно превратимся в отсталую страну.

Окончание на стр. 3

ЛГ-РЕЙТИНГ

● Лариса Миллер. **Где хорошо? Повсюду и нигде...»** /Сост. Б.Л. Альтшулер. – М.: Время, 2003. – 560 с. – (Поэтическая библиотека).

Очередной выпуск популярной издательской серии составил сборник стихотворений Л. Миллер, где представлено более 800 произведений – итог её сорокалетней работы с 1963 по 2002 год. Выстроен он по хронологическому принципу и достаточно полно отражает творческий путь поэтессы. Кроме стихов в книге помещены отзывы на них Владимира Соколова, Льва Озерова, Арсения Тарковского, Григория Померанца, Зинаиды Миркиной, Юрия Ряшенцева, Натальи Трауберг, Ирины Машинской и многих других рецензентов, а также довольно обширное извлечение из беседы Инги Кузнецовой с автором, полностью опубликованной в журнале «Вопросы литературы». Библиография и алфавитный указатель придают изданию классическую законченность.

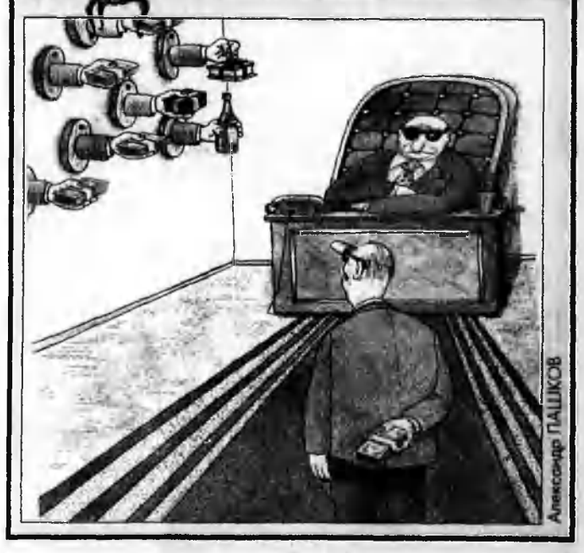
● Вадим Баранов. **Сергей Есенин. Биографическая хроника в воспоминаниях, фотографиях, письмах.** – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 464 с.

Самарский исследователь жизни и творчества Сергея Есенина издал очень ёмкую хронику основных событий жизненного пути и творческих вех русского гения. Извлечения из мемуарных свидетельств и малоизвестные архивные сведения дорисовывают портрет замечательного поэта. Этому же помогают несколько сотен фотографий, изящно вкраплённых в текст издания. В «Приложении» опубликованы материалы о судьбах ряда людей из ближайшего окружения героя хроники. В заключительном разделе «Слово о Есенине» помещены отклики Александра Солженицына, Виктора Астафьева, Д. Святополка-Мирского и Николая Рубцова. Краткая библиография и краткие биографические справки завершают своеобразный документальный свод.

● **Слово о полку Игоревом. Общий Перевод Евгения Евтушенко** – М.: Вагриус, 2003. – 120 с.

Очередное переложение (а не буквальный или художественный перевод) знаменитейшего произведения неизвестного древнерусского автора было начато известным современным поэтом в сентябре 2000 года, а завершено в январе 2002 года. В своём предисловии «Нежестоких войн не бывает» автор «переклада» подробно излагает побудительные причины новой работы и убедительно оправдывает собственные «вольности». Послесловие и заключительное объяснение включения литографий безвременно ушедшего художника Юрия Селивёрстова, чьё видение «Слова» очень точно совпало с концепцией нового интерпретатора, дополняют осмысление неувядающего шедевра давнего времени. А макет и современный дизайн художника Александра Коноплёва превращают это издание в образец полиграфического искусства.

12 ТУР КАРИКАТУР



Александр ПАШКОВ

ЧИТАЙТЕ В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Кумиры постсоветской эпохи – без пощады и без пристрастий
- Кто у нас голосует «за!»
- Рейтинг коммерческой беллетристики. 50 самых покупаемых аторов

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетил 7871 человек. Заходите!

■ КУДА ИДЕМ? ■

Вершки и корешки

Мы уже привыкли: цены растут, рубль обесценивается. Новое одно: рубль одновременно укрепляется по отношению к американскому доллару. К чему в этой ситуации приковывается внимание публики, о чём спрашивают экономистов в теле- и радиопередачах? Вопроса два. Первый – почему снижается курс доллара и не будет ли обвального падения? Второй – в какой валюте и где лучше хранить сбережения?

В целом же происходящее удивления ни у кого не вызывает: каждому явлению уже даны свои объяснения. И как лучше теперь хранить сбережения, тоже подсказали. Объяснения понятные – каждое в отдельности. А если все вместе? Ничто не удивляет?

Что выигрывают европейцы – известно. Мир начинает рассматривать евро как резервную валюту и переводит в неё часть ресурсов, кредитуя тем самым Европейский союз. И в чём выигрывают американцы, снижающие курс своей валюты по отношению к евро, тоже понятно: они стимулируют экспорт.

Почему же мы пожинаем от всех этих процессов негативные плоды? Почему рост цен таков, что эта проблема по результатам соцопросов вышла на первое место и беспокоит более двух третей населения? Почему, в отличие от США, где снижение курса доллара не влечёт за собой роста внутренних цен, у нас налицо рост цен на товары и услуги как в долларовом исчислении (при падающем долларе), так и в рублёвом (при укрепляющемся рубле)? И даже рост цен в евро – при укрепляющейся европейской валюте?

Зато у нас семипроцентный рост ВВП! Но почему тогда, несмотря на вроде положительную динамику развития и явное укрепление рубля, проценты по вкладам наши граждане в банках получают ниже уровня инфляции? Деньги нашей экономике не нужны?

Эту версию подтверждают уже «зашкалившие» наши золотовалютные резервы – почти в 80 миллиардов долларов – и создание бюджетного резерва – до 17 миллиардов долларов. Неужто «запас карман не тянет»?

На популярной телепередаче известный академик-экономист предложил использовать хотя бы около одной десятой резервов для доведения доходов самых малоимущих до прожиточного минимума. Это гуманное предложение представителями правительства было отвергнуто. С экономической точки зрения вроде обоснованно: проедим, а что дальше? Но некому оказалось вернуть министрам тот же вопрос в иной постановке: а если не проедим, то что дальше?

То есть было бы понятно, если бы вместо проедания средств они вкладывались в развитие. Как выражаются наши либералы от экономики: в то, чтобы дать бедным не рыбу, но удочку. Но ведь о вложении этих средств в нашу экономику и речи нет. В чужую же они и так вкладываются. В экономику тех, кто выпускает соответствующую валюту: мы их кредитуем нефтью и газом, получая не оборудование и технологии, а лишь банкноты – не важно, в бумажном исполнении или виртуальном, которые не расходуем опять же на оборудование и технологии, а лишь складируем. И туда же, когда размещаем накопленное в их банках и ценных бумагах.

Зачем же мы вышли на пятое место в мире по объёмам золотовалютных резервов (после Японии, Китая, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня)? Зачем нам замораживать средств больше, чем это нужно более мощным экономикам США, Германии, Франции, Великобритании, Канады и др.? И тем более зачем равняться на страны (все лидеры «резервирования», кроме Китая), не имеющие иных ликвидных ресурсов, прежде всего природных, по своим объёмам и стоимости сколько-нибудь сопоставимых с нашими?

Но вместо ограничения резервов и направления средств на развитие инфраструктуры экономики, в высокие технологии и приоритетные несырьевые отрасли, вместо вложения средств в здравоохранение и образование, то есть вместо инвестирования в будущее, мы гордимся накопленным и выдумываем, где бы ещё взять средств, пусть даже... залезая в долги.

Парадокс? Но и это наша реальность: печально известные ГКО вновь раскручиваются...

Если же оглянуться вокруг, нельзя не заметить, как США демонстрируют миру способность отказаться от догматов, включая «правильные» с неолиберальной точки зрения рецепты. И экономическая политика, проводимая сейчас США – ярко выраженная кейнсианская. – противоположна тому, что на протяжении десятилетий США навязывали остальному миру.

США при снижении курса доллара к евро и росте дефицита федерального бюджета тем не менее обеспечивают минимальную инфляцию и сохраняют низкие ставки кредитования – искусственно «разгоняют» экономику через повышение конкурентоспособности своего экспорта, стимулирование внутреннего спроса (включая обеспечение спроса на наукоёмкую продукцию со стороны государства) и облегчённое кредитование как потребления, так и развития.

Мы же остаёмся «святее папы римского». Лучшее, на что мы можем рассчитывать при очередном снижении цен на энергоресурсы, это возможность скудно прожить, «проедая» резервы. Для экономического развития и нынешний, благоприятный, и последующий периоды окажутся потерянными, усугубляющими наше отставание от экономически развитого мира.

Но, может быть, поняв, что опять обманулись, мы должны броситься догонять США в этой теперь уже другой, «правильной» стратегии развития?

По двум причинам.

Во-первых, в США можно направить сотни миллиардов долларов госсредств на программы развития, и при этом о банальном разворовывании этих средств речи быть не может. У нас же, как известно, те, кто прежде занимался криминальным перераспределением, и ныне при высоких должностях.

И во-вторых, прислушаемся к г-ну Д. Соросу: «Успешная для Америки модель не подходит для других, поскольку зиждется в основном на ведущей роли в мировой системе капитализма – роли, которую мы никому уступать не собираемся».

Вспомним старую сказку о вершках и корешках. Мораль сказки, если кто помнит, такова: побеждает не тот, кто забил себе в голову что-то одно, «правильное»; побеждает тот, кто использует нужный рецепт в подходящем месте и в соответствующее время.

Юрий БОЛДЫРЕВ

Есть ли альтернатива президенту Путину?

Валентин ТОЛСТЫХ,
доктор философии

– Президентом будет обязательно избран Владимир Путин. Потому что это отвечает интересам большинства россиян. Лично я ему альтернативы как президенту не вижу. Не потому, что Россия оскудела талантами, хорошими людьми – просто не вижу на политическом небосклоне ярких фигур.

Беседуя с молодой сотрудницей, я услышал:

– Конечно, только Путин, а кто ещё?

– Почему?

– Молодой, энергичный, умный, хорошо говорит, за такого президента не стыдно.

– Но ведь этого мало…

– Мне этого вполне достаточно, в политику не хочу лезть, не хочу разбираться в этой каше.

А народный артист Василий Лановой сказал мне:

– Я за Путина, этот человек нам и нужен – «соскучились по государственности, которую топтали целых десять лет и превратили в мочалку».

Конечно же, альтернативы есть, но, к сожалению, они лишь носятся в воздухе в виде каких-то предположений, не находя субъективного выражения и представления в виде конкретной программы действий.

Путин – российский либерал, очень последовательно и систематично продолжающий сложившийся уже до его прихода политико-экономический курс. Но при этом он полагает, что этот либерализм можно представить народу, обществу и миру в облачении сильного государства.

У Путина нет никакой социальной политики как таковой. Есть лишь политика «всепомоществования», когда от массы бедных отделываются мизерными подачками. И проповедуется идея сильного государства с сильной бюрократией. Но иногда лучше, если государство слабое, ибо важно, какого оно качества. Сначала надо построить правовое демократическое государство. Эта задача и есть альтернатива Путину на его второй президентский срок.

Сергей КАРА-МУРЗА,
политолог, профессор

– Пока есть Путин, ему альтернативы быть не может, но Путин лично может стать альтернативой самому себе.

В современной политике действуют «имиджи», вот создали определённый имидж Путина, и он действует в его рамках. Но проект, стоящий за этим имиджем, несовместим с жизнью страны, даже если Путин будет достаточно силён, чтобы потребовать от команды создать себе новый имидж.

Есть ли альтернатива проекту, осуществляемому Путиным? И можно ли его реализовать? По-моему, в поле «возможного» проект никак не влезает. Если предположить, что проект будет всё-таки осуществлён какими-то неведомыми силами, то не станет России, тогда снимается и проблема альтернативы.

Путин сделал ряд фундаментальных утверждений. Главное из них: он продолжает проект, начатый в конце 80-х, – условный «Большой Проект Горбачёва–Ельцина–Путина». И отхода от проекта в рамках его доктрины он не допустит.

Идеи этой доктрины обсуждались ещё с 60-х годов. В открытой фазе проект начали реализовывать с перестройки. Это была революция «сверху». Кризиса в экономике, если верить не нашим учёным, а ЦРУ, не было.

Была цель: смена всех институциональных матриц России, то есть тех устойчивых образований, на которых базируется жизнеустройство нашего общества и жизнь воспроизводится. Это армия, промышленность, сельское хозяйство, транспорт, энергетика, образование и т.д. – большие социально-технические системы, очень инерционные. Они складываются не логически, не инженерным способом, а исторически.

Проект не удался, он абсолютно невозможен. Причины неудачи в фундаментальных ошибках проекта. Путин говорит, что продолжит его реализацию, но проект натолкнётся на непреодолимые ограничения, ибо некоторые процессы вышли из-под контроля, например, глубокая деградация трудовой квалификации, материально-технических систем, обуздать эти процессы в рамках этой доктрины уже невозможно, как бы ни корректировали курс реформ.

Никаких сдвигов не происходит в сознании господствующего меньшинства, оно продолжает быть глубоко дерационализировано: эта дремучая смесь механистического детерминизма и социал-дарвинизма – бессмыслица полная на фоне современной культуры.

В стране идут неумолимые процессы деградации, но власть не только не предпринимает попыток их блокировать, она даже не хочет глядеть в глаза реальности. Но это свойственно и всему населению. Страна неизбежно приходит к моменту разрыва непрерывности – в принципе будет невозможно продолжать такое существование. Этот момент настанет в обозримый период. Поэтому остро встаёт вопрос: какой будет альтернатива Путину как носителю проекта, когда мы достигнем критической точки? Люди же ведут себя так, как будто «инкубационный период» катастрофы будет продолжаться вечно.

Путин за время пребывания у власти принял около сотни принципиальных решений, в них выражена суть его проекта. Главное в них – осознанный отказ от активного вмешательства в процессы переживаемой нами деградации.

Алексей КАРА-МУРЗА,
доктор философии

– Соперники Путину как президенту всегда найдутся, но будут ли они альтернативны? Альтернативность во власти предполагает много обязательного – особую политическую программу, теневой кабинет, большую политическую команду, члены которой займут руководящие посты по всей стране, – в США это около 2000 номенклатурных должностей.

У нас идёт насильственная монополизация этих возможностей. При отсутствии реальной многопартийности нет механизмов выработки альтернативности в комплексном плане. Людей можно найти, но альтернативы по существу не будет, ибо правящий клан монополизирует все возможности, всасывая в себя всех, кто может стать полезен.

С 1996 года мы очень далеко ушли от альтернативности в таком смысле. В борьбе Ельцина с Зюгановым противостояли две совершенно разные «политические системы». Была ещё неразложившаяся коммунистическая номенклатурная элита, около трети губернаторов были в КПРФ или близки к ней. Почему так боялись Ельцин и команда проиграть первый тур? Потому что не слишком «замазанные» чиновники сразу бы начали дрейф в сторону будущего победителя – к Зюганову! Им и перекрашиваться не надо было, номенклатура-то одна! Была схватка альтернативности – разных программ и людей.

Но потом многие губернаторы перешли в партию власти, причём как раз ключевые, за ними охотились и привлекали, среди них вождей-то буйных и не осталось. Поэтому странно коммунистам выдвигать кандидатом Кондратенко, воспитавшего преемником Ткачёва, перешедшего к Путину.

Альтернативности власти сегодня нет ни на каком уровне. К тому же «пиаром» Ельцина вообще почти не занимались, отсюда и рейтинг в 4 процента. А теперь «пиар» постоянный, многие лозунги заимствовали у левых, у националистов, перехватили по сути полкоммунистической программы, потому и не ясно, какая может быть альтернатива.

Сейчас власть выбирает внутри себя.

Монополия на власть была и при коммунистах. А была ли альтернатива Брежневу? Или Андропову? Да вроде бы нет. А была ли альтернатива Хрущёву?! Оказывается, была – ведь его сняли. А ведь тоже была полная монополизация власти. А посмотрите на судьбу Ленина – постоянная борьба с серьёзными альтернативами! Значит, даже в тоталитарном режиме есть альтернативы. Если не видно – ищите, они должны быть.

■ ФОТОГЛАС ■

«Вас вызывает Сыр!»

Дни «Литературной газеты» в Болгарии. Виталий Сырокомский представляет авторов «ЛГ»: Василя Быкова, Владимира Огнева, Константина Ваншенкина, Аркадия Ваксберга, Римму Казакову и Даниила Гранина

Жила-была когда-то редакция под названием «ЛГ». Не газета – та не только была, но есть и будет. А редакция, то есть люди, её составляющие. Ни на что и ни на кого не похожая. Домашним министром иностранных дел был несменяемый *Пруд*, то есть Олег Николаевич Прудков. Искусством ведал интеллигентнейший *Гал*, в миру Борис Ефимович Галанов. Литературой или чем-то там ещё заправлял непотопляемый *Гул*, по паспорту Георгий Дмитриевич Гулиа. Над ними парили бдительный *Крив*, он же Евгений Алексеевич Кривицкий, и проницательный *Тер* – Артур Сергеевич Тертерян, хитрец и пересмешник.

На вершине беспримерной той пирамиды возвышался с потухшей сигарой в зубах якобы грозный *Чак*, Александр Борисович Чаковский, который ни в каких прилагательных не нуждается. Но – ручаюсь! – куда главнее самого главного был его первый зам: несравненный, ни на кого не похожий СЫР, Виталий Александрович СЫРОКОМСКИЙ, имя которого негоже писать даже курсивом, ибо пристали ему лишь прописные буквы.

Мотор, душа, мозговой центр редакции, он-то и был настоящей грозой. Его смертельно боялись. Хвалить он не умел – лишь распекать. «Сыр вызывает» – значит, жди разноса. Отчего же тогда попасть под его начало мечтали лучшие перья? Отчего же тогда он лучших как раз и собрал в свою команду? Не всех, разумеется, которые были в стране.

Но зато, кого уж собрал, команду не посрамили. И чем они были талантливее, чем острее были их перья, чем с большей страстью отдавались любимой «ЛГ», тем раскатистей и металлистей был его голос, когда с редким усердием, с упоением даже, он их громил. Хорошо помню, что это как раз и было лучшей его похвалой. Что до меня, то заслужить окрик Сыра я всегда считал высокой наградой.

Это он (под крылом всесильного Чака, конечно) сделал «ЛГ» на многие годы любимицей миллионов читателей и дал ей поистине всемирное имя. И это он создал в «ЛГ», притом вовсе не в лучшее для страны время, воздух вольности и свободы, удивительное чувство принадлежности к общему делу, где никто не толкался локтями, но все чувствовали локоть друг друга. Иных уж нет, а те далече… Но те, кто есть, пусть и раскиданные по городам, странам и материкам, с чувством дружеской благодарности вспоминают благословенные годы работы под суровым началом Виталия Александровича Сырокомского, и давно уже не его подчинённые шлют ему братский привет по случаю юбилея, который не зря же называют не серебряным и даже не золотым, а – платиновым.

Только, пожалуйста, не болей, дорогой мой Виталий, – ты же ещё совсем молодой! Покричи на меня лучше снова, неистовый Сыр!

По поручению литгазетовцев всех поколений

Аркадий ВАКСБЕРГ

■ СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ ■

Украинский Севастополь – город русских моряков

Знакомые в Москве иногда искренне удивляются, увидев мой паспорт с трезубцем: «Разве Севастополь не российский?» Только недавно научилась спокойно отвечать: нет. Кое-как мы тут успокоились.

Всё позади. Российский Черноморский флот теперь арендует причалы в городе, который построили его моряки 220 лет назад. А мы, жители Севастополя, уже окончательно стали украинскими гражданами, оставшись при этом русскими. Совместить в сознании два этих факта удаётся не всем. Значительная часть населения отправилась в эдакую внутреннюю эмиграцию. Потому, наверное, россиянам и кажется, что Севастополь всё ещё российский.

Украинский город русских моряков – верное определение. Добавлю: не только моряков. Вам интересно, как мы тут? Если да, рубрика «Севастопольские рассказы» (да простят меня за нескромность) приживётся в «Литературной газете».

Имя Рада по-украински значит «совет». Родители нарекли меня так вовсе не потому, что хотели видеть дочку народным депутатом. Тогда, в 54-м, мало кто в послевоенном Севастополе знал украинский. И, давая первому долгожданному ребёнку имя, мама как будто прокричала на весь свет по-русски: «Рада!!!» И все поняли. Ни в школе, ни в институте меня не дразнили.

Мне было почти сорок, когда я впервые услышала: не украинка ли я? Десятки тысяч севастопольских полукровок в те лихие дни, когда рушилась Великая страна, когда по живому резали флот, вдруг задали себе нелепый вопрос: национальность кого из родителей считать своей? От абсурда кружилась голова. Мы впервые стали обращать внимание на окончания фамилий, на то, где живут родственники. Потом появилось странное, нелепое для пропитанного военными традициями Севастополя слово – «переприсягнувшие». Я стала ловить себя на том, что, встречая офицера, скольжу взглядом не по погонам (какой чин), а пялюсь прямо в лоб на кокарду: трезуб или старый советский «краб».

Как бред вспоминаются исторические «открытия» того времени. Когда мастера архивных интерпретаций в погоне за докторскими степенями доказывали, что греческое Ахтиар (название посёлка, на месте которого построен Севастополь) – это на самом деле украинское «ах ты яр» (ах ты овраг). А как в пику 300-летию российского флота начали отмечать «504-ю річницу» украинского! А как искали украинские корни Павла Степановича Нахимова – мол, великий украинский адмирал Павло Нахименко скрывал своё происхождение.

Период с 92-го по 97-й сегодня вспоминается как массовый приступ шизофрении. Люди служили вместе, работали и вдруг, будто получив установку беловежских гипнотизёров, начали, словно зомби, конфликтовать, оскорблять друг друга. Не раз приходилось видеть: двое ругаются по национальному вопросу, завелись, а в глазах недоумение: «О чём это я?» Ведь на самом деле мы оставались интернационалистами, хотя тогда стало модным ругать это советское слово. А в Севастополе все были советскими и неплохо при этом жили, пока политики не навязали нам виртуальную гражданскую войну.

Прошло десять лет, и традиция военного гарнизона, где делят по чинам и по заслугам, помогла городу переболеть детскими болезнями «нэзалэжности». Псевдопатриотизм как критерий личностной оценки уступил место профессионализму, а севастопольцы вернулись в своё нормальное советское состояние. Однако…

Мы уже спокойно воспринимаем соседство российских триколоров и украинских жёлто-голубых флагов на главной улице города. Она по-прежнему носит имя Ленина. Название оставили не потому, что сохранили пламенную любовь к вождю мирового пролетариата. Просто историческая справедливость в данном случае вступает в жёсткое противоречие с политическими реалиями, ведь своё старое название улица Большая Екатерининская получила в честь Екатерины Второй. А вот разрешить увековечить память российской императрицы – основательницы города, давшей ему имя, – украинские власти решиться не могут.

Зато на одной из севастопольских площадей установлен памятник Тарасу Шевченко – совместный подарок львовской областной администрации и украинских канадцев. Это рядом с самым большим пляжем города, чтобы москали, проходя в шлепках и трусах мимо Кобзаря, никогда не бывавшего в Севастополе, не забывали: они на украинской территории. Еще одну площадь поближе к центру собирались переименовывать из «50-летия СССР» в «Гетмана Сагайдачного». Но столкнулись с сопротивлением ветеранов.

Когда в Севастополе происходит подобная тупость, хочется сорваться и покричать про хохлятскую дурь (прости, мама-украинка!) хотя бы на собственной кухне. Но я запрещаю себе это. Потому что боюсь снова свалиться в бред 90-х. Говорю: учись жить в этой новой стране, отстаивать свои права по её законам. Успокаиваюсь – и снова натыкаюсь на очередную провокацию.

Нельзя сказать, что 350-летие Переяславской Рады широко отмечалось в Севастополе. Для города единство русского и украинского народов – реальность, данная в ощущениях. А вот в киевских СМИ пришлось в январе прочитать немало интересного. Весёлое сетевое издание «Pro UA» полагает, что у Богдана Хмельницкого в 1654 году просто не было другого выхода, как прилечь под Россию. И вообще история доказывает: Украине необходимо быть частью какой-нибудь империи. В Америку-Европу пустят только в качестве колонии. Издание предлагает России строить империю на паях.

Рупор антикучминской оппозиции «Зеркало недели» написал: «Россию следует уважать как могущественного соседа, как страну, связанную с нами веками общей судьбы. Однако политически необходимо держаться от Российского государства подальше». Вполне корректно.

А вот после чтения севастопольской газеты «Флот Украины» в сердце зашевелилась знакомая ненависть 90-х. Переяслав, дескать, – великая трагедия украинского народа, отбросившая его к самым отсталым формам феодализма. Перспектива перейти под протекторат панской Польши или султанской Турции была меньшим злом, чем подчинение «отсталому, азиатскому, свирепому царизму». После Переяслава Украина превратилась «в покорный объект исторических и социальных усилий и экспериментов цивилизационно чуждого социума».

Характерно, что цитируемая газета вообще издаётся на украинском языке, а эту статью почему-то опубликовала на русском. Наверное, чтобы поняли призывники из Николаева, Харькова и Донецка, которые плохо знают государственный язык. Или чтобы прочли моряки братского Черноморского флота и, подобно мне, нервно сглотнули. Почему журналисты, работающие в русском городе, позволяют себе оскорбления, от которых воздерживаются националисты в столице? Сами решили отличиться или пришла директива из Киева? Кстати, автора, Игоря Лосева, я знаю. Он севастопольский, ещё при Союзе выучился в Киеве, а после 92-го стал националистом (тогда это способствовало карьерному росту). Теперь вот подрабатывает в провинциальных газетах.

Рада ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ

P.S. *Иногда меня спрашивают: «А почему ты – Рада?» Да потому, что я наполовину русская, наполовину украинка – ходячее воплощение наследия Переяслава.*

■ ПОЛИТГРАМОТА ■

Обстоятельства реванша

После всего того, что мы узнали за последние годы, теперь уже просто глупо отрицать, что с помощью горбачёвской перестройки и ельцинских радикально-либеральных реформ Запад и в первую очередь США добились того, к чему стремились: ликвидировали вторую в мире сверхдержаву, резко ослабили Россию и стали претендовать на роль мирового жандарма, который сам себе устанавливает правила поведения.

Сейчас трудно отрицать и то, что в окружении Горбачёва и Ельцина были люди, работавшие на интересы Запада. Шеф КГБ говорил об А.Н. Яковлеве. Совсем недавно интересное признание сделал обиженный на американцев Шеварднадзе: дескать, за что же они так со мной поступили, я ведь делал всё, что они хотели.

И многие вспомнили, что именно при активном участии министра иностранных дел СССР Шеварднадзе Горбачёв в одностороннем порядке сдавал Западу одну позицию за другой, тогда же был решён вопрос о передаче США, и тоже в одностороннем порядке, стратегически и экономически важной акватории в районе Берингова пролива.

Более или менее известно и то, по чьей подсказке формировалась первая команда ельцинских реформаторов и за какие конкретно ключевые фигуры в правительстве ходатайствовал перед Ельциным президент США.

Хорошо информированные люди свидетельствуют: идеи, так или иначе способствовавшие распаду СССР, приходили от должностных лиц, часто высокопоставленных, которых подозревали в тесных связях с США.

Это и «общеевропейский дом», и «общечеловеческие ценности», и «новое мышление». (Кстати сказать, после распада СССР обо всех этих «ценностях» тут же все забыли.) Это и идея учреждения поста президента РСФСР, и провозглашение Россией государственного суверенитета. (Что де-факто стало началом разрушения СССР.)

В результате заговора или сговора узкой группой лиц была присвоена львиная доля общенародной собственности, захвачены государственные и общественные СМИ, а средства из госбюджета и от внешних заимствований широко использовались для создания класса нуворишей.

Более или менее известно и то, какими методами кланы Гусинского и Березовского внедряли своих людей в окружение Ельцина и избавлялись от неугодных им политиков национальной ориентации. Тут и были и «тайное оружие» под кодовым названием «Таня», и шельмование неугодных политиков и высокого ранга чиновников в СМИ, и грубые провокации и даже ультиматумы. С помощью СМИ, включая западные, шла и раскрутка нужных нуворишам людей, а наши инфантильные эпигоны неолиберализма превращались в «великих реформаторов».

Комплекс вины за экономические преступления и подспудная боязнь наказания выработали у многих наших «демократов» психологию сродни воровской: враждебное отношение к третьей власти. Когда, например, в Южной Корее на скамье подсудимых за экономические преступления оказались два бывших президента страны, я себе сказал: наконец-то в эту страну пришла демократия, у нас такое пока невозможно. Немцов же по этому поводу просто плотовал. Так он понимает демократию!

Недавно директор Института Европы РАН академик Н.П. Шмелёв писал: «То, что в 90-х и вплоть до настоящего времени традиционная основа доходной части бюджета – рента на природные ресурсы и акцизы на спиртное – была передана различным легальным и нелегальным структурам, – это, как говорится, медицинский факт, всерьёз оспаривать который сегодня не решится, наверное, никто.

На подобном фоне особенно лицемерными выглядят все стоны и причитания об отсутствии денег в казне, о необходимости резкого сокращения расходной части бюджета, о невозможности отыскать средства для решения таких жизненно важных задач, как поддержание устойчивой, спокойной социальной обстановки в стране, сохранение на должном уровне её (страны) обороноспособности и модернизация Вооруженных сил (неизбежная, если страна думает о своей дальнейшей судьбе), субсидирование северных и восточных регионов, а также ряда важнейших отраслей экономики (в частности, сельского хозяйства), возрождение науки, образования, здравоохранения, культуры, и т.д. Ведь, по некоторым оценкам, размеры только недополучаемой сегодня государством природной ренты равны примерно трём четвертям всех ежегодных бюджетных доходов».

Моё несогласие с Николаем Петровичем состоит только в том, что это отнюдь не результат «клинического случая». Как в своё время отметил работавший в Счётной палате Ю. Болдырев, достаточно хорошо знавший проделки «демократов», дураков среди них нет, они прекрасно знают, что делают. Многие из них ныне откровенно похваляются, что они богатые и процветающие.

Нам многое известно о том, как радикал-либералы грабили россиян, унижали, третировали. Но гораздо меньше знаем о том, как они вели и ведут информационную и психологическую войну против собственной страны. Те, кто своими разорительными реформами отбросил Россию на несколько десятилетий назад, но при этом сам нажился и создал около двух десятков миллиардеров за счёт ограбления народа; те, кто созданную ими плутократию выдаёт за демократию, а, защищая интересы «баронов-грабителей», бесстыдно лжёт, глядя людям в глаза, присвоили себе право называть себя демократами, либералами, борцами за права и свободы граждан, сторонниками европейского пути развития России.

«Демократы» говорили в своей «Декларации» по случаю создания «СПС» в 2001 г.: «В XX веке Россия была отброшена назад. Но благодаря самоотверженным усилиям диссидентов-правозащитников, политиков-демократов, экономистов-реформаторов и первых российских предпринимателей Россия сделала гигантский шаг в своём политическом, экономическом и нравственном развитии».

Это же типичный «новояз», заимствованный из антиутопии Оруэлла «1984»! Вроде того, что правда – это ложь, экономический упадок – это прогресс, нищета народа – это благо, нравственная деградация – это возрождение... А когда лидеры правых стали говорить об угрожающей стране опасности со стороны национал-социализма и даже русского фашизма, я вспомнил Геббельса, утверждавшего: чем чудовищнее ложь, тем больше в неё поверят. Он же говорил и о том, что когда он слышит слово «культура», рука сама тянется к пистолету. Похоже, что наши «демократы» примерно так же реагируют, когда слышат слова «русский народ» и «патриотизм».

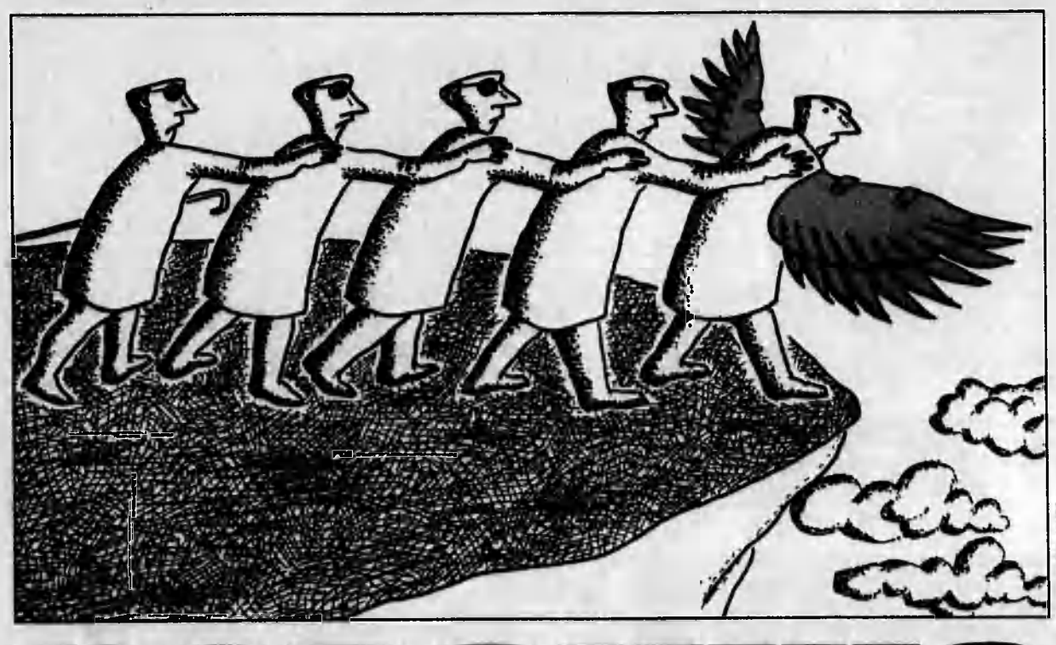
В ходе подведения итогов парламентских выборов на центральных телеканалах едва ли не все политтехнологи, политологи, журналисты представляли интересы проигравших правых партий. Как так? Если народ отказывает в доверии правым, проявившим себя как антинациональная сила, кого же тогда представляют эти господа? А они представляют интересы тех, кто создал многочисленные фонды, центры, институты, правозащитные (часто откровенно антигосударственные) организации, пиар-структуры, учредил СМИ и т.д. А это определённые круги Запада и российские олигархи.

Едва ли не каждый наш радикал-реформатор, ушедший или изгнанный из государственных структур из-за коррупции, ангажированности, профнепригодности и пр., или провалившийся на выборах, или, наоборот, преуспевший в своём лакействе перед олигархами неофит, получает «хлебное место» в виде какого-нибудь фонда, центра, института, руководителя СМИ и пр.

Основная задача всех этих структур – в интересах своих кредиторов формировать ложное массовое сознание, разрушать общественное мнение, попросту говоря, сбивать с толку людей. Но они являются ещё и источником информации, точнее, дезинформации для антироссийских сил Запада. Руководители этих фондов и институтов часто лгут, клевещут, а то и просто несут откровенный бред, но всё это быстро подхватывают западные корреспонденты, а затем тиражируется в антироссийской западной прессе.

Вот что говорит бывший депутат, а ныне директор Института проблем либерального развития Ю. Нисневич: «90 процентов партий сегодня говорят о возрастании роли государства, о природной ренте. Абсолютно националистический и шовинистический угар царит в стране». Руководитель ещё какого-то центра А. Пионтковский заявляет: «Хочу поднять тему личности президента. Характер его публичных выступлений даёт нам совершенно чёткое представление об этой личности, о её психофизиологической структуре. Впечатление очень тревожное. Его недостатки, вполне терпимые среди нас, посткоммунистов, становятся совершенно невозможными для человека на посту президента». Бывший ельцинский министр Е. Ясин, тоже руководитель фонда, называет Путина «неразумным волком», стремящимся погубить бедных «овечек» – нефтяных олигархов.

Непредвзятые аналитики наверняка подтвердят, что в большинстве центральных СМИ очень трудно, а то и невозможно опубликоваться или получить эфир политологу, не разделяющему взгляды прозападной элиты.



Вячеслав ТАРАСОВ

СМИ либо по-прежнему принадлежат олигархам, либо даже при формальной смене собственника в них по большей части сохранились прежний менеджмент и прежние «инженеры человеческих душ». Лидеры же правых и, в частности, Немцов, раз за разом твердят о «тотальной цензуре», якобы установленной при власти Путина.

На первый взгляд может показаться, что все эти люди неадекватны. Но тогда неадекватными следует признать Березовского и его окружение, включая Рыбкина, людей Гусинского, Ходорковского, авторов пропланенных антироссийских статей в западных СМИ и т.д. Там ведь сплошная ложь и клевета!

На деле это есть часть психологической войны, которую развернули против президента Путина, а по существу, против обретающей свою идентичность России откровенно реакционные силы, стремящиеся превратить нашу страну в зависимую от Запада полуколонию, его сырьевой придаток.

То, что информационные войны и диверсии способны вызвать как в народе, так и в правящей элите массовые заблуждения и повлиять на судьбу страны, хорошо известно. Но опасна и облечённая в наукообразные формы спланированная дезинформация.

Все мы хорошо помним, какой широкий резонанс получили сенсационные утверждения руководителей фонда «ИНДЕМ» о том, что согласно результатам исследований их сотрудников российский бизнес ежегодно теряет десятки миллиардов долларов, откупаясь от коррумпированных государственных чиновников. Ельцинские чиновники настолько погрязли в коррупции, что общество готово было поверить чему угодно.

Однако скоро дала о себе знать подоплёка этих «данных». Как только встал вопрос о том, что принадлежащая народу природная рента не должна плодить всё новых миллиардеров и вывозиться из страны, а помогать решению неотложных экономических, социальных и иных задач, олигархи, их адвокаты в правительстве, в СМИ и т.д. тут же прибегли к аргументу, покоящемуся на «исследованиях» фонда «ИНДЕМ».

А зачем, дескать, государству деньги? Всё равно чиновники их разворуют. И это при том, что отсутствие у государства средств обрекает на полуголодное существование миллионы людей, умножает техногенные катастрофы, ведёт к деградации жизненно важных сфер бытия и даже ставит под сомнение будущее России.

Трезвый анализ показывал, что фантастические потери бизнеса в результате чиновного произвола – это чистой воды мистификация.

Во-первых, коррумпировать акул нашего крупного бизнеса не так просто. Тем более тогда, когда проводились «исследования» фонда «ИНДЕМ». У олигархов был прямой выход на власть, они имели своих людей в органах правопорядка, защищены целой армией охранников, первоклассных адвокатов. Наконец, они владели (и владеют) СМИ, в том числе электронными.

Да, денежные мешки могут передавать крупные суммы тем чиновникам, которые им по заниженной цене (в десятки, а то и сотни раз) передали народную собственность. Но это не коррупция. Это делёж награбленного по криминальному сговору по типу того, как «братва» «отстёгивает» деньги в «общак».

Ещё олигархи покупали депутатов, чтобы те либо приняли закон в их пользу, либо заблокировали им неугодный. Только платили они за это сущие пустяки по сравнению с теми гигантскими средствами, которые они получали в результате такой криминальной сделки.

Ещё они могут «покупать» отдельных должностных лиц в целях так называемой оптимизации налогов. Что это такое, мы уже знаем. Но, опять же, это гроши в сравнении с теми суммами, которые они при этом утаивали от налоговых служб. Ради защиты своих интересов ещё содержали правые партии, СМИ... Наверное, это тоже проходило по той статье?

Во-вторых, самым незащищённым является у нас мелкий и средний бизнес. И он действительно является объектом грабежа со стороны криминала и чиновников. Только он у нас очень слабо развит, его вклад в ВВП меньше 10 процентов. Но говорить о миллиардах, изымаемых чиновниками у мелкого и среднего бизнеса, просто несерьёзно.

После провала на парламентских выборах правых партий руководитель фонда «ИНДЕМ» Сатаров открыто стал защищать олигархов. Но, пытаясь представить партии олигархов локомотивами прогресса, он скорее по умыслу чем незнанию, назвал партией олигархов Либерально-демократическую партию Японии. Партию, бессменно находившуюся у власти почти 40 лет и превратившую Японию в процветающую высокоразвитую страну. Только японские ФПГ ничего общего не имеют с олигархическими кланами Березовских, Гусинских, Ходорковских и К°.

В Японии власть, бизнес и работники действовали как единая команда и исключительно в национально-государственных интересах. К тому же японский крупный бизнес вырос на почве не воровства, а гениальных экономических, научно-технических и социальных решений японской элиты, с одной стороны, и поистине титанического труда японских рабочих – с другой. Для этого должны быть сильные мотивации, и они там были. У всех рос достаток, при том, что разрыв в доходах низов и верхов не превышал 1:4. У нас же он 1:40, если не 1:60. В такой ситуации, как наша, гораздо больше шансов для новой революции, чем для «экономического чуда».

И последнее. Могут ли потерпевшие поражение правые и их западные покровители готовить реванш? Увы, могут, пока Россия остаётся экономически сильно уязвимой перед внешним давлением.

Алексей КИВА

■ АКТУАЛЬНО ■

Без царя во главе

Окончание. Начало на стр. 1

– Концепция будет, но удастся ли её реализовать? Люди во власти прошли «отрицательный отбор». К власти вернулась многие из тех, кто бездарно проиграл в 91-м. Но если они не смогли эффективно управлять страной, когда имели бездну власть, почему сейчас получатся?

– Это ключевой вопрос. Властью была поставлена задача перед своим аппаратом добиться очень убедительной победы «Единой России» на выборах.

Добились, но ради чего? Для поддержания власти? Для лидера страны это важно, но для общества недостаточно. Потому что, если эта власть просто будет сама себя поддерживать, тогда наступит новый социально-политический кризис. Власть должна показать, ради чего она добилась успеха.

Люди, занимавшиеся обеспечением такого результата, – это люди, пришедшие из ельцинского периода. Они владеют политтехнологиями, искусством управления, «разруливания», как сейчас модно говорить, и «решения вопросов». Но есть ли у них понимание, какую страну они строят? Какова их долгосрочная стратегия?

Сейчас создана возможность начала продвижения России к национальному благу. Ельцину мешали коммунисты, Чубайсу – «красные директора». «Красных директоров» больше нет, коммунисты уже почти не мешают. Вроде бы мешают олигархи, но ведь они люди приспосабливающиеся.

И они приспособятся к новым правилам игры. Раньше им говорили: «Берите всё, что хотите» – кто же откажется? Если правила менять, им это не понравится, они будут сопротивляться, у них появится большой зуб на президента.

Но они примут новые правила, если им объяснить, что правила меняются всерьёз и надолго. Они не утратят возможности кататься на яхтах по Средиземному морю, просто всё будет приведено в большее соответствие с общественными потребностями.

Очень важно, чтобы наш президент был не просто менеджером порочной системы, созданной при Ельцине, а взял на себя более крупную роль – роль лидера. То есть политика, который меняет устоявшиеся правила игры. Путин сейчас где-то на полпути между ролью менеджера и лидера. Где-то он пытается управлять тем, что есть, а где-то он понимает, что управлять тем, что есть, уже просто нельзя!

Да, к сожалению, он об этом не заявляет открыто, потому дело и дошло до скандала с ЮКОСом. Да, и «олигархи», и высшая бюрократия прошли «отрицательный отбор» и привыкли к старым правилам игры, за которые они будут бороться. Но менять систему необходимо – общество этого хочет.

Для России есть две угрозы. Одна проявится, если крупный бизнес полностью навяжет себя стране, которая станет лишь полем для его действий. Другая угроза – стагнация, если верх возьмут слои коррумпированной бюрократии, желающей придавить бизнес, но лишь для того, чтобы он платил им большую дань, а страну никуда не двигать. Президент должен предотвратить обе угрозы. Крупный бизнес должен развиваться, развивая страну. Путин должен нацелить бюрократию не на махровый застой, наступления которого многие опасаются, а тоже на развитие.

– Но его окружение сильно похоже на людей из «системы КПСС», когда генсека одобряли, при этом делая свои делишки и не работая на страну. Эти люди конформисты по убеждениям. А подбор кадров ведётся не по их качеству, а по лояльности.

– Путин должен нарушить вековую российскую традицию – отказаться от восприятия власти как самодостаточной цели. По моим ощущениям, он очень близок к этому.

Ведь власть – это возможность сделать из страны нечто лучшее. У нас достаточно людей, совершенно не желающих играть по правилам застоя. Но будут ли они востребованы президентом?

На мой взгляд, Путину всё-таки небезразлично, в какой стране он будет жить после конца своего президентства.

Иначе зачем он заявляет о том, что нельзя отказываться от понятия «незаконная приватизация»? Он ведь создаёт себе новые проблемы таким образом, настраивает против себя немалую часть имущего класса. Почему он это говорит? Потому, что считает это правильным.

И выбор между застоем и прогрессом в России делать именно президенту. Здесь не надо заблуждаться – нет таких социальных слоёв, способных вместо него сделать этот выбор. Народ хочет прогресса, потому поддерживает президента. Если он поведёт к застою, народ будет обманут. Будет ли это иметь трагические последствия? Не обязательно. Но это тупик. В России застой может длиться очень долго.

– Не хочется жить в вялотекущей деградации...

– Не хочется. Поэтому важна позиция общества. Если оно будет выражать потребности в прогрессе, то и президенту будет трудно уклониться от выполнения этой задачи.

Гражданское общество – общество неравнодушных. Оно вынуждает власть действовать, в этом главное назначение гражданского общества. Оно не может двинуть страну само, но может создать такие условия, когда власть будет чувствовать необходимость движения вперёд.

Власть вынуждена приспосабливаться к обществу. Новые отношения, которые Путин выстраивает с крупным капиталом, не возникли спонтанно, президент почувствовал, что в этом возникла общественная потребность. Создавая управляемую систему, президент столкнулся с кризисом управляемости. Почему заговорили о перераспределении природной ренты? Да потому что нужны источники развития, для этого нужны деньги!

Какая бы ни была тенденция к застою, всё равно должны быть будоражащие элементы. Ведь застой означал бы длительное историческое затухание страны. С последующим её распадом.

– Кто субъект будоражащих действий? Партии показали неспособность к этому. Люди из «Единой России» почти все известны, новых нет. Где новые незаурядные политики? Или в «Единой России» возникнет «демократическая платформа»?

– Нынешнее положение позволяет создать однопартийную систему, но не коммунистическую! Как в тех странах, где после большого национального потрясения политические ресурсы для модернизации были сосредоточены в одной партии.

В Японии это была Либерально-демократическая партия, в Италии и в Германии – христианские демократы. Одна мощная партия вела каждую из этих стран по пути экономического и социального возрождения. Почему бы и нам для нашего модернизационного прорыва не сосредоточить ресурсы в одной мощной партии?

– Но сможет ли «Единая Россия» стать «партией прорыва»?

– Это самый главный вопрос! Пока, похоже, не может. Такая Россия страна, что мы всегда упираемся в высшего руководителя. Царская это страна, царская! Нам надо, чтобы наш «царь», избранный демократически, государство двигал. Источником развития в России всегда была и остаётся исполнительная власть.

Но кое-что изменилось по сравнению с коммунистическим временем: появилось общество, способное влиять на власть. Наше общество должно продемонстрировать способность к выживанию, самоутверждению и влиянию на власть.

Почему погиб СССР? Система себя исчерпала. Для нас сейчас время великого испытания – способен ли народ заставить власть двигаться и хочет ли действовать власть, опираясь на народ? Или это будет затухание российского этноса, которое постепенно приведёт Россию к гибели как страны и как этноса?

Мы должны доказать, что мы можем быть среди тех государств, которые определяют судьбы человечества, государств-лидеров, государств с сильным национальным началом. Или же мы попадём в число наций вялых и постепенно сходящих на нет. Тогда история с нами расстанется. История считается только с сильными нациями. Другого, более оптимистического сценария у меня нет.

Беседовал
Владимир ПОЛЯКОВ

■ ОПЫТ ■

Русофония и франкофония

Что французам здорово, то и русским может быть впрок

Русофония – мир русского языка, культуры, русскоязычных СМИ, образования на русском языке – оказалась в последние годы в центре процессов, связанных с правами человека в Европе.

Президент Путин, выступая на Конгрессе соотечественников, проживающих за рубежом, впервые попытался сформулировать основные принципы руссофонии в XXI веке. Он подчеркнул, что русский мир «испокон веку выходил за географические границы России и даже далеко за границы существования русского этноса».

Президент говорил и о необходимости организации русского мира. Мир этот – «категория внеполитическая, не нуждающаяся в территориальной интерпретации, но невозможная без создания сети социальных, экономических, культурных, информационных и иных связей, позволяющих добиться самодостаточности».

Проблема организации русского мира весьма «озадачила» МИД России. Там довольно оперативно сочинили программный документ – «Основные направления работы МИД РФ по развитию культурных связей России с зарубежными странами».

Оперативно откликнулось на призыв и правительство Москвы. В столице были проведены две международные встречи – «круглый стол» «Зарубежная диаспора – экономический потенциал России» и форум «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России». Мэрия Москвы взяла на себя проведение в 2005 г. очередного Конгресса соотечественников.

Отметим Международную ассоциацию преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), созданную в 1967 году и объединяющую 180 юридических членов из 70 стран дальнего и ближнего зарубежья. При непосредственном участии Людмилы Путиной ассоциация проводит международные школьные олимпиады русского языка, конгрессы русистов и славистов.

Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но нельзя не сказать, что проблема русского мира давно требовала особого внимания, а уж после распада СССР и вовсе превратилась в вопиющую. Шутка ли, 25 миллионов этнических русских, оказавшихся за пределами Российской Федерации, – это население Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении и Македонии, вместе взятых.

Проблему «красноногих» – так в печати Франции почему-то прозвали этнических русских, проживающих за пределами РФ в СНГ и Балтии, – на думских выборах блок «Родина» сделал одной из ключевых, и это во многом определило его успех.

Не у одних русских разваливаются империи. Французы более полувека назад пережили нечто похожее. Сначала они воевали за империю в Индокитае и Алжире. А параллельно придумывали для неё новые вывески – то «Французский союз», то «Французское Сообщество». Ничего не помогало. Но пришёл генерал де Голль...

Поначалу он тоже сочинил нечто вроде «французского СНГ». Но племенные вожди французской Западной и Экваториальной Африки вкупе с полевыми командирами Африки Северной сразу завопили о «самостийности», «негритюде» – чисто «чёрной», в отличие от белой, культуре... И де Голль решился в 1960 году на крутой поворот. Хотите суверенитета, сколько проглотите? Нате вам. Но потом на себя и на меня не пеняйте.

Подлинной экономической независимости ни одна из колоний за полвека так и не достигла, и все довольно скоро снова направились во «французский мир». А у французов ещё с конца XIX века был заранее припасён мощный инструмент новой интеграции – франкофония – та самая «сеть социальных, экономических, культурных, информационных и иных связей», о которой только в 2001 году заговорил российский президент.

Франкофония конца XIX века начиналась так же, как и наша нынешняя русофония, – с языка и культуры, с олимпиад и форумов, благо в XIX – начале XX века более половины дворянства и интеллигенции Европы говорили и писали по-французски.

После Первой мировой войны ситуация стала меняться – американцы обрушили на Европу не только чарльстон с виски и короткие женские причёски, юбки, но и английский язык.

Положение ещё более ухудшилось после Второй мировой войны. Для защиты французского языка и культуры одних олимпиад и форумов было уже недостаточно. Тогда-то и наступило время серьёзной организации франкофонии. То есть создания той самой международной сети, о которой сегодня говорит наш президент.

Ныне сеть франкофонии выглядит следующим образом.

Высший Совет. Глава – президент Французской республики (по должности).

Генеральный секретариат Совета.

Постоянные представительства в ООН, Женеве, Брюсселе – при Евросоюзе, в Аддис-Абебе – при Организации африканского единства.

Высшие форумы. Саммиты глав государств и правительств франкофонных стран с 1986 г. (последний в октябре 2002 г. в Ливане).

Штаб-квартира – Париж.

Действует Хартия Франкофонии, есть гимн, герб, орден «За заслуги». 18 марта – международный день Франкофонии. Раз в четыре года проводятся Олимпийские игры Франкофонии.

Охват – более 500 млн. человек, 10 процентов населения и 11 процентов богатств планеты.

Бюджет – 200 млн. евро. 75 процентов выделяет Франция.

Инструменты государственные и общественные:

– Межправительственное агентство Франкофонии (годовой бюджет 30 млн. евро);

– Международная ассоциация мэров франкофонных городов;

– Представительства Агентства (бюро) в Африке и в Азии;

– Университетское агентство Франкофонии;

– Министр Франции по делам Франкофонии;

– «Альянс франсез» – Международная организация по обучению французскому языку (с отделениями по всему миру);

– Телевизионный спутниковый канал Франкофонии (ТВ-5);

– Группа франкофонных послов;

– Франкофонный бизнес-форум;

– Спортивно-оздоровительные летние лагеря-школы;

– 31 неправительственное представительство по всему миру.

Велосипед нам изобретать не надо – проверенная десятилетиями, успешно функционирующая технологическая сеть уже создана. Причём с тем же делением: ближнее зарубежье – бывшие французские колонии в Африке и Азии, и дальнее – Румыния, Египет, Польша, Литва, Македония, Болгария, Словения.

Показательно и другое: те же крики справа и слева о «культурном империализме», о «культурной реколонизации» и т. п. Но даже заграничные русоведы и франковеды понимают глубинные причины таких явлений, как франкофония и руссофония.

Патриарх советологии, директор Национальной библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон в своём огромном труде о русской культуре «Икона и топор» писал, что за поисками самоидентификации в «постсоветской России стоит психологически-культурный кризис людей, внезапно потерявших значительную часть территории и сколько-нибудь ясное представление о своём прошлом и своих общих целях».

Нечто подобное было и во Франции в момент распада французской колониальной империи. Но в создании франкофонии голлистская и постголлистская элита нашла цивилизованный выход, а вот Россия всё ещё его ищет.

Россияне по-прежнему мало способны даже к бытовому самоконтролю, они и далее будут по-прежнему идти на красный свет светофора и перебегать улицу в неположенном месте – вещь, совершенно невозможная в Германии при любом режиме.

Создать сеть русофонии – вещь вполне реальная. И прежде всего на уровне общественных организаций. Президент еще в 2001 году заявил: «Я абсолютно уверен в том, что какие бы проблемы перед нами не стояли – ничто не помешает нам чувствовать и стать по-настоящему единым народом».

После сокрушительного поражения на думских выборах 2003 г. российских псевдозападников, определявших долгие годы российскую политику, этот вопрос снова встал на повестку дня.

Русофония – тот архимедов рычаг, который позволит сделать это эффективно и цивилизованно.

Владлен СИРОТКИН, *профессор*
Степан СЕМЁНОВ, *аспирант*
Дипломатической академии МИД России

Лживая правда журналистики

«ЛГ» (№ 1) затеяла дискуссию, действительно актуальную в свете всемогущества современной системы СМИ: *что такое честная журналистика*? Однако, прежде чем отвечать на этот вопрос, стоит объективно зафиксировать, является ли использование лжи в современной журналистике аномалией или закономерностью. Можно ли жить не по лжи, я не знаю (сомневаюсь, что можно). Но то, что писать и говорить в современных СМИ только не по лжи нереально, утверждаю. Это всё равно что воевать и не убивать.

РАНЬШЕ БЫЛО ЛЕГЧЕ

Теории журналистики любой направленности так или иначе, но признают фундаментальную важность категорий «правда» и «ложь», однако теории и практика, естественно, сильно расходятся.

Советская (коммунистическая) теория журналистики, исторически и содержательно построенная на фундаменте критики соответствующих «буржуазных» теорий, категориями «правда» и «объективность» отнюдь не пренебрегала. Однако в догматику этой (советской) теории сразу же закладывались корректирующие понятия. Например, *классовость* – признание приоритета классового интереса по отношению ко всем остальным, в том числе и по отношению к «объективности». Отсюда очень популярная в своё время в нашей стране формула «классовая правда», то есть та правда, которая у каждого класса своя, а следовательно, что в общем-то верно, неизбежно несовпадение «правды пролетарской» и «правды буржуазной». Кстати, в этом смысле коммунистическая теория (по крайней мере, в начале XX века) была честнее «буржуазных», ибо прямо признавала, что абсолютной объективности не могут добиться, если даже хотят, ни буржуазные журналисты (но они в этом не признаются), ни коммунистические, но последние не скрывают своей ангажированности. Конечно, необходимо отметить, что коммунистическая теория всё-таки считала свою «классовую правду» ближе к общечеловеческой. На то же претендовали и «буржуазные» теории.

Я бы, кстати, сказал так: советская (ленинская) теория журналистики была честнее (объективнее, научнее) западных, а практика, конечно же, наоборот. Честность советской теории нивелировалась монополизмом и тотальностью её практического применения.

Большинство некоммунистических теорий колеблются между двумя полюсами. Первый: у каждого своя правда, а потому максимальное приближение к ней – плюрализм мнений, то есть *плюрализм правд*. Это, впрочем, не снимает проблему доминирования *одной из правд* в каждый конкретный момент в сознании аудитории, да и в СМИ, которые это сознание и формируют. Второй полюс – правда факта. Задача журналистики – просто сообщить о всём случившемся, ничего не добавляя от себя, кроме как в выделенных в отдельные тексты комментариях. Отсюда родился знаменитый девиз всей англосаксонской журналистики: *«Факты священны, комментарии свободны»*.

Можно ли свести коммунистическую и либеральную теории правд воедино? На мой взгляд, можно. Просто соединив коммунистическую теорию с некоммунистической практикой, что в реальной жизни и происходит.

ПРАВДА, НО НЕ ТОЛЬКО

Лично я не считаю, что единственной и главной функцией журналистики является информирование общества, граждан, населения. При этом, разумеется, имеется в виду, что информирование это объективное – на основе лозунга *«Все факты, достойные внимания»* (англосаксонская максима, афористично выражающая императив беспристрастности и объективности свободных СМИ).

Если исходить из единственности этой функции журналистики, то, естественно, ложь, обман и даже умолчание, если они встречаются в СМИ (а они встречаются, причём перманентно и регулярно), то всё это – нарушение нормы. Почему, однако, эти нарушения так многочисленны?

Выйти из порочного круга этой якобы загадки можно только в том случае, если признать, что у журналистики есть и иные, кроме информирования общества, функции. Это ещё как минимум функции: интегрирования (объединения) общества, донесение до власти мнения общества по тем или иным вопросам, а также управление обществом со стороны власти, социализация подрастающих поколений и даже функция развлечения.

Управление обществом, конечно же, требует и лжи, и обмана. Об умолчании и говорить нечего. Социализация и интеграция тоже не обходятся без некоторых из этих *информационных приёмов*. А уж развлечения вообще чаще всего построены на обмане.

В связи со сказанным совершенно отпадает необходимость теоретизировать о причинах появления лживых сообщений в бульварных СМИ. Мы же не удивляемся тому, что публику обманывают (называя это фокусами) в цирке.

Поэтому есть смысл разбирать функционирование *правды, лжи* и присных в качественных и маскирующихся под них СМИ.

ЗАЧЕМ ПУБЛИКУЮТ ПРАВДУ?

Не все ответы на этот вопрос, а их несколько, очевидны.

Первый. СМИ публикуют *правду*, то есть правдивую информацию о случившемся, чтобы быть средствами массовой информации. Это понятно.

Второй. СМИ публикуют *правду* для того, чтобы демонстрировать качество своей работы, ибо генеральное отношение к СМИ у аудитории складывается всё-таки на основе критерия информированности данного издания или телеканала. Если журналисты газеты, которую я читаю, или передачи, которую я смотрю, знают многое, значит, они передадут эти знания мне и я буду более информирован, чем те, кто смотрит другие передачи и читает другие газеты. Много информации, но всякий раз неточной или ложной, лишают СМИ привлекательности на рынке.

Третий. Все сегодня сходятся в том, что обладание информацией есть одно из наиболее мощных ныне проявлений власти. В более широком смысле – *влияния*. Тот, кто информирован, тот влиятелен. СМИ отдаёт – через свою информацию – часть своего влияния каждому члену своей аудитории.

Но поставляя влияние (через обладание информацией) своей аудитории, СМИ, разумеется, не лишают этого влияния и самих себя. Более того, они укрепляют свою влиятельность – им верят: сначала в информации, потом в комментариях, наконец, в рекомендациях. Как и что делать, как себя вести и как, например, голосовать.

Четвёртый. СМИ публикуют *правду*, чтобы однажды, когда они её не опубликуют или даже опубликуют *ложь*, аудитория этого не заметила, а когда им понадобится опубликовать *обман*, аудитория приняла бы его за *правду*.

Есть и **пятый ответ:** *правду*, например, не отвечающую принципу «все факты, достойные освещения», публикуют, чтобы воздействовать (повлиять) на ход каких-то событий. Самое распространённое употребление *правды* в этом плане – с целью борьбы с общественными пороками или публичными фигурами, представляющими, по мнению журналиста, или редакции, или – внимание! – владельца данного СМИ, угрозу для общества. Или части общества. Или – опять внимание! – угрозы для владельца данного СМИ.

В знаменитых информационных войнах в России в 1997–2000 годах использовалось очень много *правды*, не только *правды*, но и *правды* тоже. И, между прочим, благодаря этим войнам общество действительно узнало много «фактов, достойных освещения». Но почему-то почти все комментаторы сошлись во мнении, что эти войны велись не ради общественного блага, а СМИ в тех войнах не исполняли роль беспристрастных информаторов общества.

О ЧЁМ НЕ ГОВОРЯТ ПРАВДУ НИКОГДА?

Однажды своим студентам я дал задание написать сочинение на тему, где всего лучше скрыться от внимания или воздействия средств массовой информации, если это возможно в принципе. Абсолютное большинство сочинений, естественно, сводилось к тому, что от воздействия СМИ нельзя скрыться нигде и никогда. Редкие открытия содержались всего в двух-трёх сочинениях. Во-первых, конечно, нашёлся студент, который сообщил, что существование СМИ можно просто игнорировать: не читать газет, не слушать радио, не смотреть телевидение. В общем это верно, но такая жизнь анахорета в принципе вообще выводит тебя из существования внутри общества. Более интересным был ответ одной студентки: она предположила, что в отношениях матери с маленьким ребёнком отсутствует фактор влияния СМИ. Если отбросить медицинско-гигиенические советы (в том числе и по каналам рекламы, распространяемой в СМИ), то это верно. Обобщая, можно сказать, что **любое сильное чувство, прежде всего любовь, выводит людей из-под влияния СМИ – по крайней мере, из-под влияния по поводу отношений с объектом любви.**

Но самый интересный ответ содержался ещё в одном сочинении. Его автор справедливо предположил, что надёжнее всего от влияния и воздействия СМИ можно спрятаться внутри самих СМИ. Автор данного сочинения проявил отнюдь не студенческую прозорливость. Действительно, **менее всего СМИ и работающие в них журналисты расположены рассказывать правду о собственных тайнах, если даже эта правда крайне значима для общества.**

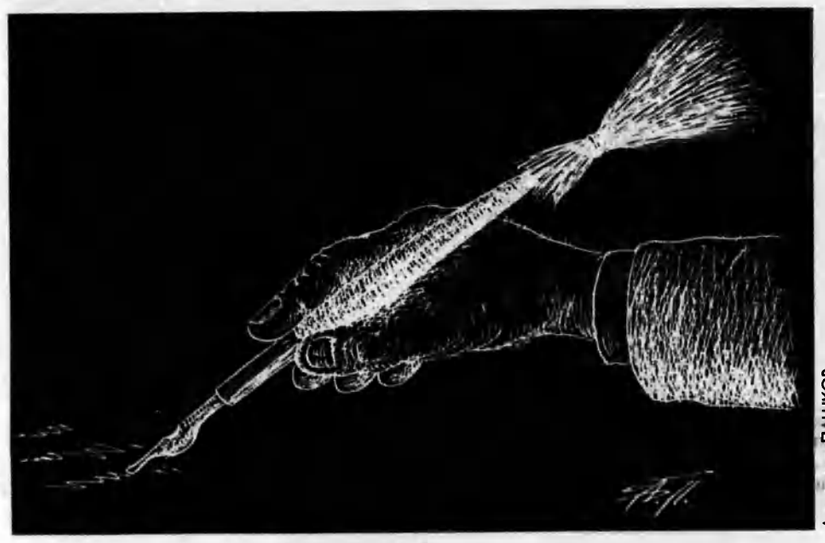
Об этом стоит задуматься любителям публично рассуждать об особой моральности или особом правдолюбии журналистов, СМИ вообще.

УМОЛЧАНИЕ – УЛОВКА ДЛЯ ОЧИСТКИ СОВЕСТИ

Когда и зачем СМИ используют *умолчание*? Тут всего один и вполне очевидный вариант ответа: когда не хочется что-то публиковать. Это может быть плохая информация о себе, своих друзьях, своей корпорации, своей стране – список бесконечен, либо, напротив – хорошая информация (хорошая *правда*) о твоих врагах, оппонентах и т.д.

Практика умолчания не предполагает, что те, кто этим приёмом пользуется, просто игнорируют какие-либо факты, из-за чего общество всего лишь не подозревает об их существовании. Умолчание может быть весьма активным и даже агрессивным приёмом.

Дело в том, что, хотя нынешние СМИ в России и тотальны, они не монопольны, во всяком случае, по отношению к некоторым не полностью их контролирующим политическим или иным центрам власти. То, о чём умалчивают одни СМИ, может появляться либо непосредственно в сфере общественного внимания (*молва*), либо в других СМИ – пусть в виде *слухов*, или *предположений*, или даже точной информации, но со ссылкой на источник, *«который пожелал остаться неизвестным»*. Кроме того, не станем забывать, что в системе современных СМИ работают миллионы людей. Информация, которая внутри этой системы стала кому-то известна, но по каким-то соображениям (внешняя или внутренняя цензура) не появилась на экранах телевизоров или на страницах газет, вполне может очень широко разойтись по неформальным каналам и в условиях конкуренции вырваться наружу в том или ином маргинальном или бульварном издании. Иногда это специально делают лица, заинтересованные в распространении этой информации (так называемая *утечка* или грубее – *слив информации*). А далее путём ссылок на уже состоявшуюся публикацию, хоть и в не вполне заслуживающем доверия издании, данную информацию можно вывести на уровень серьёзных СМИ. Целенаправленно и регулярно такой работой занимаются спецслужбы и пиарагентства.



Александр ПАШКОВ

В случае легализации таким образом скрываемой информации люди или силы, которые не заинтересованы в разглашении данных фактов, вынуждены выбирать одну из двух тактик: либо продолжать не реагировать на нежеланную информацию, либо, когда это невозможно (например, вопрос об этом задаётся публично или в прямом эфире, который сейчас активно используется во всех электронных СМИ), отреагировать, но так, чтобы и не подтверждать информацию, и не опровергать её впрямую (чтобы в дальнейшем не попасться на лжи).

И вот в этом случае действия того, кто стремится что-то замолчать, становятся агрессивными либо по отношению к источнику информации (если он даже анонимен), либо, что чаще, по отношению к тому, кто просто, не имея никакого специального эгоистического интереса, хочет узнать правду.

Если утаиваемая (замалчиваемая) информация касается государства, то, как правило, объяснение того, что она не разглашается, сводится к защите высших интересов государства. Соответственно, замалчиваемое объявляется тайной (военной, государственной, коммерческой), а те, кто требует или даже просто просит точной информации, людьми, стремящимися эту тайну нарушить.

Если же утаиваемая информация относится к отдельному человеку, то попытка что-либо прояснить объявляется нарушением права на частную жизнь.

Примеры агрессивности власти при использовании метода умалчивания хорошо известны каждому. Стоит вспомнить, например, аварию подлодки «Курск» или захват и освобождение заложников на представлении мюзикла «Норд-Ост».

ВЫСШАЯ МОРАЛЬ АМОРАЛЬНОЙ ПРЕССЫ

В этом месте логично рассмотреть и классический пример коллизии вокруг *права на частную жизнь* из новейшей политической истории России и российской журналистики. Речь, разумеется, о знаменитой видеоплёнке, на которой запечатлены интимные отношения «человека, похожего на Генпрокурора» и двух проституток.

С точки зрения гражданского права, конечно же, этот эпизод не более чем частное дело «Генпрокурора», а показ этой плёнки по телевидению – вмешательство в его личную жизнь. И, следовательно, журналисты поступили и аморально, и противоправно, прокрутив эту плёнку в эфире.

Однако не менее очевидны и те обстоятельства, которые позволяли журналистам давать эту плёнку в эфир с чистой совестью и пренебрегая возможными гражданско-правовыми последствиями для себя.

Во-первых, должностное и публичное лицо такого уровня, как Генеральный прокурор, не имеет право на участие в подобных историях, ибо это очевидно наносит ущерб авторитету должности, которую это лицо занимает, и государству как институту.

Во-вторых, ясно, что данная плёнка может использоваться не только прессой, но и преступниками, причём уже не для публичного, а для тайного давления на служебные действия «Генпрокурора».

В-третьих, выяснилось, что интимные услуги оплачивались не самим героем плёнки, а кем-то другим, что ещё больше усугубило зависимость «Генпрокурора» от посторонних лиц, а он, как известно, должен зависеть только от закона.

Конечно, правда о «Генпрокуроре» использовалась в конкретных политических целях, а не для того, чтобы просто обеспечить невозможность шантажа этого должностного лица кем-либо. Но строго говоря, это уже другой вопрос.

Мотивы поступка тех, кто принимал решение об обнародовании видеоплёнки, в данной ситуации могли быть и абсолютно благородными и бескорыстными, и совершенно корыстными. Ясно, однако, что если бы даже никакой корысти не присутствовало, то, во-первых, журналист должен был в интересах общества опубликовать полученные сведения; во-вторых, он должен был склониться к этому решению даже в том случае, если бы знал, что те, кто передал ему такую плёнку, ведут собственную политическую игру против данного должностного лица.

Последнее, разумеется, должно быть результатом взвешивания плюсов и минусов того или иного решения, но неизменным остаётся одно – приоритетной проблемой здесь являются не мотивы действий журналиста, а *общественное зло*, созданное должностным лицом, и профессиональная обязанность журналиста это зло разоблачить.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОРАЛЬ ВСЕГДА АМОРАЛЬНА

Моральные проблемы в журналистике, как и во всякой иной публичной профессии, возникают постоянно. Более того, фактически моральные проблемы журналистики совпадают с профессиональными. И в этом главная коллизия. Ибо моральные проблемы имеют (в идеале, конечно) императивно определяемые решения (согласно библейским заповедям и основанным на них моральным нормам). А профессиональные решения куда более гибки, инструментальны, прагматичны. Именно здесь объективно и возникает вечно существующая (с момента возникновения журналистики) аморальная составляющая качественно исполняемых журналистом его профессиональных обязанностей.

Всякая профессиональная мораль, в том числе и журналистская, есть отступление от идеальной морали ровно на ту дистанцию, которая требуется для профессионального выполнения своей работы. Именно это создаёт реальную, а не мифическую аморальность многих профессий, например, политиков, разведчиков, актёров, врачей и т.д. вплоть до палачей. Журналистика в целом аморальна ровно в той мере, в какой она профессиональна.

Вот почему журналист, крадущий деньги, аморален. А журналист, крадущий важную для общества информацию, если иначе её получить нельзя, может быть, и не морален, но и не аморален.

ЛОЖЬ И ОБМАН КАК РЕАЛЬНОСТЬ ЖУРНАЛИСТИКИ

Вообще-то это довольно близкие понятия, а в определённом контексте прямо синонимичные, но я предлагаю не вдаваться в лингвистические тонкости. Будем считать (для удобства), что *ложь* – это просто неправда, о чём может и не знать или не подозревать тот, кто эту ложь оглашает. А вот *обман* – это сообщение, информация, не только осознаваемая тем, кто их сочиняет или распространяет как ложь, но и *целенаправленно* в этом качестве используемая.

Если таким образом отделить ложь от обмана, то можно утверждать, что ложью СМИ просто переполнены, а обман встречается гораздо реже, что несколько облагораживает работу журналистов.

Начну со лжи.

Прежде всего отделим ложь, сочинённую самим журналистом, от лжи, которую он может использовать в своих текстах не по своей вине.

Источник информации, кажущийся надёжным и авторитетным, может оснастить журналиста лживой информацией. Конечно, есть известные правила верификации такой информации, однако в реальной жизни, в условиях жёсткой конкуренции и цейтнота, в котором необходимо принять решение, особенно если полученная информация очень важна, но не взрывоопасна для общества, а её гипотетическая лживость не грозит слишком серьёзными в случае публикации последствиями для репутации СМИ (правда, репутация бульварных СМИ состоит как раз в их скандальности) или правовыми последствиями, большая часть этих правил или все они не соблюдаются.

Журналист, если даже он сам абсолютно объективен и честен, в лучшем случае полагается на свой опыт, на свою интуицию, на *правдоподобность* полученной информации. Короче, он действует по известному правилу: *если это выглядит, как рыба, пахнет, как рыба, да ещё получено от продавца рыбы, то, конечно же, это рыба*.

Разумеется, всегда в случае необходимости найдутся специалисты, которые сумеют, зная эту формулу, всучить журналисту под видом рыбы дохлую кошку, но прямой вины журналиста здесь усмотреть нельзя.

Но вернёмся к нормальному, то есть нормально объективному, нормально честному и нормально не заинтересованному в каких-либо искажениях истины журналисту. И перечислим случаи, когда он может поместить в свой текст ложь (неправду, неполную правду и т.п.) незлонамеренно.

– Журналиста ввёл в заблуждение авторитетный источник информации.

– Ошибка или добросовестное заблуждение самого журналиста.

– Досочинение недостающих для полноты картины фактов на основе предшествующего опыта, здравого смысла, разного рода аналогий.

– Игра слов, особенно в заголовках, которая, если взять заголовок отдельно от текста, либо искажает картину произошедшего, либо вообще создаёт впечатление о том, что произошло совсем иное событие.

– Использование архивных фотографий или видеокадров без указания их происхождения, как иллюстраций к свежим событиям. Это уже можно было бы отнести к сознательному обману, но в данном случае я имею в виду такое иллюстрирование, которое в принципе стыкуется с сутью и формой произошедшего, то есть в общем-то не наносит ущерба пониманию того, что произошло.

– Выдача некомпетентных или случайных мнений и свидетельств за компетентные и закономерные путём завышения статуса «эксперта» или «свидетеля», а чаще путём неупоминания этого статуса.

– Дезавуирование истинности сообщения путём справедливой, но негативной характеристики его источника. То же, но в обратную сторону: нивелировка сомнительности информации ссылкой на справедливо позитивную характеристику источника.

– *Добросовестная пропаганда*, то есть исключительно идейное, но тенденциозное преподнесение фактов или оценок, вызванное нежеланием исказить правду, а субъективной верой в истинность собственной интерпретации фактов.

– Преднамеренная фальсификация фактической или содержательной стороны события, раскрываемая самим автором текста в конце его, чаще всего используется как литературный, публицистический или пропагандистский приём.

– Умолчание о каких-либо важных элементах события, связанное либо с цензурными ограничениями, либо с нежеланием конкретного журналиста или СМИ упоминать факты, как правило, позитивно или негативно характеризующие какое-либо лицо или структуру.

В общем-то, последнее по списку – это тоже обман, но я отношу его к более «мягкой» категории «ложь» по той причине, что инициатор такого умолчания в принципе не стремится обмануть аудиторию. Он лишь выбрасывает «неудобный» факт как якобы несущественный.

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ ОБМАН

Теперь посмотрим, когда и зачем журналисты или СМИ в целом публикуют ложь целенаправленно, пытаются намеренно обмануть аудиторию.

Первые два пункта не относятся к сущностным проблемам собственно журналистики, но такая ложь столь распространена сегодня в СМИ, что, во-первых, её нельзя не отметить, а во-вторых, в силу своей всеохватности и абсолютной очевидности для самих сотрудников СМИ этот обман определённым образом деформирует внутренние представления о моральном и аморальном в журналистской среде.

Фальсификация показателей тиражей печатных изданий – для привлечения рекламодателей и повышения авторитета издания в глазах аудитории и лиц, принимающих решения.

Публикация за плату под видом журналистских произведений видеосюжетов или текстов, составленных пиарагентствами или иными аналогичными структурами, в пользу тех, кто оплачивает размещение этих текстов или видеосюжетов.

Недобросовестная пропаганда, то есть целенаправленное и осознанное искажение фактов и составление тенденциозных комментариев, – комплексная форма обмана, используемая сегодня государством (по крайней мере, в России) гораздо реже, чем иными субъектами политической, экономической и медийной деятельности. Цель – исключительно защита собственных эгоистических корпоративных интересов в ущерб общественным или любым иным.

«Добродетельный» обман – комплексные обманные действия, основанные на формуле *«цель оправдывает средства»*, то есть готовность ради достижения общего или общественного блага в будущем вводить в заблуждение аудиторию сегодня.

Наиболее яркий пример такого «добродетельного» обмана – антикоммунистическая кампания в российских СМИ во время подготовки и проведения выборов президента в 1996 году. Правда, далеко не всегда есть основания верить в искренность тех, кто идёт на «добродетельный» обман в СМИ. Хотя бы потому, что, как правило, он сочетается с получением вполне конкретных выгод, в том числе и собственно финансовых.

Далее я перехожу к некоторым более конкретным (некомплексным) формам и методам обмана, разновидностей которого вообще-то очень много, о чём каждый может легко судить по собственной житейской практике.

Безобидный обман – как правило, используется для повышения в глазах аудитории статуса своего СМИ или самого журналиста.

Казалось бы, то же самое, что завышение реального тиража. Однако махинации с тиражом – вещь, имеющая серьёзные последствия разного рода: перераспределение рекламных потоков, долговременное введение аудитории в заблуждение, между прочим, это ещё и правонарушение. Безобидный же обман – это некая разновидность фанаберии, хвастовства. Типичный, очень часто встречающийся пример – использование одного из самых любимых журналистских словечек «эксклюзив», то есть уникальная информация (текст, чаще всего интервью, имеющийся в данный момент только у данного СМИ или журналиста). Бывает, что в один и тот же день выходят две, а то и три газеты, в которых интервью одного и того же лица промаркировано рубрикой «эксклюзив». Никакого вреда никому такой обман не приносит.

Все остальные виды обмана в СМИ можно обозначить разными словами, конкретное содержание которых не меняет сути дела: *дезинформация, клевета, диффамация* и т.п.

ЛОЖЬ В СМИ – ЭТО НЕ ДОБЛЕСТЬ

Журналистика не лучшая блюстительница общественной морали, особенно сегодня. Но морализаторством она занимается охотно. Сам я этого не терплю. Может быть, потому, что лично знал и знаю кое-кого из самых больших моралистов в СМИ. Как вы понимаете, многие из них в жизни не демонстрируют и десятой доли того, что постоянно со страниц газет и с экранов телевизоров требуют от других.

Справедливости ради надо сказать, что 90-е годы были не лучшими для расцвета морали как в России вообще, так и в российской журналистике в частности. Заработки большинства журналистов даже в Москве были более чем скромными, и многие – по одной этой причине – вынуждены были пускаться во все тяжкие. Самым безобидным при этом была работа под двумя крышами: в каком-нибудь известном русском СМИ (ради интереса, престижа и более свободного доступа к российским политикам) и одновременно подработка в западных изданиях и информационных агентствах (их московских бюро) – это ради денег. Причём информация для западников доставалась под прикрытием удостоверения СМИ отечественного. Конечно, никакой моральной кодекс, ни общечеловеческий, ни профессиональный, этого не допускает – ведь от своих русских главных редакторов всё это держалось в секрете. Разгадать который, впрочем, по некоторым признакам и особенностям поведения журналистов, этим грешащих, было нетрудно.

Только-только эта система стала разрушаться, как появилась новая напасть. В России народился пиар и как грибы после дождя стали возникать соответствующие агентства. Тут уже не было никаких приличий – западники хоть не заставляли нелегально пропихивать нужные им тексты в те СМИ, где официально числились их наёмные журналисты.

Словом, всерьёз говорить о морали в нашей журналистике – для этого время ещё не пришло.

Виталий ТРЕТЬЯКОВ

■ ПОЛИТПРОСВЕТ ■

Стрельба огурцами

Говорят, что передача Валерия Комиссарова «Моя семья» имела такие же сногсшибательные рейтинги, как вездесущий «Аншлаг». И что на вопрос «Ну кто там ещё хочет комиссарского теле?» восторженным хором отвечали измученные безденежьем домохозяйки от Мезеня до Крыжополя, вырвавшиеся из интернетовских порносайтов юнцы от Вырицы до Находки и убегающие от домашнего очага либо, наоборот, рвущиеся к нему мужики от Майкопа до Воркуты.

Но вот полгода назад шоумен и депутат Валерий Комиссаров, начав очередную предвыборную гонку, по законам жанра политтеатра исчез из эфира. Осиротела Россеюшка. Стало чахнуть Эсэнговье. Легко представить, как седовласые ветераны, накатив всклянь одинокую рюмку, тянулись к пустому телеэкрану, и чокались, и разговаривали с ним. Мужчины – опора и надёжа страны – разучились обращаться с дамами, и, лишённые квалифицированного совета «Моей семьи», просто убоялись приближаться. А женщины, распустив волосы, били себя в белые груди и стенали перед телевизионными приёмниками. Стон пошёл по окрестностям. Если верить рейтингам. Стон и горе!..

Только вот стона никакого никто не услышал, а горя никто не заметил. Может быть потому, что для всех нормальных людей комиссаровская «Моя семья» всегда была символом пошлости, безнравственности. Простенькая на первый взгляд, она насаждала на телевидении разнузданную псевдооткровенность и рекламировала всевозможные извращения. Как говорил герой одного из советских романов, «пей, гуляй – однова живём!». С таким вот подходом и делалась передача, рассчитанная, извините, на дураков.

А политик Валерий Комиссаров, кумир коммунальных домохозяек и бывший символ безнравственности, «с помощью Господа пришедший на телевидение с улицы» (по его словам), назначен на должность председателя думского комитета по информационной политике. То есть отныне продолжит трудиться на благо не одного Останкино и представлять не отдельно взятую республику Марий Эл. Но примется покровительствовать всем средствам массовой информации.

А и правда, кому ж, как не ему! Сколь много натерпелись наши СМИ в последние годы! Сколько упрёков в непрофессионализме, бескультурье, непотребстве наслушались они! (И ох как справедливо по отношению к одним!) По скольким судам пришлось пройти другим! Трудные времена переживают средства массовой информации. Каждый, считающий себя пострадавшим, норовит уесть их по-своему.

Но теперь у названных средств есть новый уполномоченный (так с латинского переводится «комиссар»). Уж кто-кто, а Валерий-то Комиссаров знает, как нужно делать пошло и плохо. Выходит теперь, озаботясь высокими требованиями к руководителю комитета Государственной Думы, фактически к министру по печати и информатике, станет действовать от обратного и употребит весь свой опыт на то, чтобы СМИ научились работать нравственно, честно и хорошо. Пойдёт дело. Эх, пойдёт!

У него и в судебных делах опыт огромный, есть что перенять. Немало тяжб, как считает сам политик и телеведущий, выиграл он. Взять хотя бы иск двухгодичной давности к «Литературной газете». Сыр-бор разгорелся из-за публикации «А в комнатах наших сидит Комиссаров…». Автор, в частности, писал: «Истории летят в эфир одна неприличнее другой. Тут и инцест, и предательство друзей, и бисексуализм, и педофилия, и эдипов комплекс, и нимфомания, и промискуитет, и всё это без нотки осуждения, по-доброму, по-семейному. Тому, кто и впрямь столкнулся с серьёзными сексуально-психологическими проблемами, подобная дилетантская трепотня не поможет».

Телекомпания «Моя семья» оскорбилась. И подала в суд своё очередное исковое заявление о защите деловой репутации. В нём оспаривались слова автора статьи о том, что программа Комиссарова отучает зрителей думать, насаждает бескультурье. И так далее, в соответствии с вышеизложенным. Суд состоялся. Но признал неправомочным в публикации «ЛГ» лишь одно утверждение. По мнению автора, большинство героев Валерия Комиссарова – подсадные утки, нанятые малоизвестные актёры, нёсшие в эфир написанные для них выдуманные истории. Нам не удалось подтвердить это очевидное после просмотра ток-шоу мнение документально (ещё бы, откуда же возьмутся такие документы!). И, разумеется, газета согласилась с решением суда.

Как с лёгким сердцем приняла и тот факт, что, отметая остальные претензии и согласившись с «Литгазетой», суд своим решением фактически признал творчество будущего наставника СМИ бескультурным, пошлым, пропагандирующим извращения и легкомысленное отношение к жизни.

И что же обласканный рейтингами телеведущий? Он, получив сатисфакцию лишь по одному пункту, объявил: «Виктория! Победа!»

Что-то знакомое… А-а, вот что! Не так ли действовал герой Георгия Вицина в комедии «Кавказская пленница», натянувший между пальцами резинку и стрелявший в преследователей толстым, как боров, огурцом? Овощ остался в руке, но стрелок, убедившись, что сообщники не заметили оплошности, выказал бурную радость по поводу сокрушительной победы и продемонстрировал, как же здорово лапоть-огурец шандарахнул по голове неприятеля.

Теперь и новому председателю думского комитета по информационной политике предстоит начать борьбу с проявлениями пошлости, бескультурья, порнографии в средствах массовой информации.

В добрый час! Только, по сути, не превратилось бы это в виртуальную стрельбу перезревшими огурцами. Предпосылки-то, к сожалению, имеются.

Евгений ОБУХОВ

Литературная газета

ЛАД

Совместный проект «Литературной газеты» и Постоянного Комитета Союзного государства

Выпуск 17

Хотя враждебною судьбиной
И были мы разлучены,
Но всё же мы народ единый,
Единой матери сыны.

Федор ТЮТЧЕВ

Франциск СКОРИНА

В ВЫПУСКЕ:

- Задачка для ректора
- Беларусь будет космической державой
- Пророчество Серафима Саровского
- Капитал зарыт в огороде

Павел БОРОДИН:

2004 год станет решающим в союзном строительстве

Накануне Нового года Государственный секретарь Союзного государства Павел Бородин встретился с журналистами союзных СМИ. Госсекретарь был энергичен, бодр, настроен оптимистично. Сразу взяв, как говорится, «быка за рога», он заявил, что 2004 год станет решающим в союзном строительстве.

Фактически, сказал П. Бородин, Союзное государство уже существует и действует в экономической сфере, а белорусы и россияне живут в едином экономическом пространстве. Ведь топливно-энергетический комплекс Беларуси и России интегрирован на 95 процентов, машиностроительный – на 85, сельскохозяйственный – на 65, строительная индустрия – на 80 процентов. У нас общая государственная граница, самый большой взаимный товарооборот на всем постсоветском пространстве.

В союзном строительстве, отметил Госсекретарь, решён ряд очень серьёзных задач. Во-первых, подготовлен проект (в различных вариантах) Конституционного Акта Союзного государства. Этот проект будет обсуждаться на заседании Совета Министров и Высшего Государственного Совета Союзного государства в феврале 2004 года. Главная задача Конституционного Акта – определить государственное устройство и правовую систему Союзного государства. Принятие Конституционного Акта, подчеркнул П. Бородин, имеет основополагающее значение и для полноценного правового формирования всех необходимых структур Союзного государства, и для нового мощного рывка в экономической интеграции.

Во-вторых, в сфере экономического сотрудничества действуют и разрабатываются на перспективу около пятидесяти совместных российско-белорусских производственных программ. Причём приоритет отдан, подчеркнул Госсекретарь, развитию современных наукоёмких технологий. Так, совместными усилиями российских и белорусских специалистов создается элементная база для электроники, суперкомпьютеров, разрабатывается оборудование для производства сверхбольших интегральных схем, закладывается фундамент современного дизельного автомобилестроения, обработки и отображения космической информации, защиты информационных ресурсов, развиваются лазерные технологии в медицине и других сферах. В аграрно-промышленном комплексе решаются задачи создания машин для возделывания и переработки льна, картофеля, выпуска качественных молочных продуктов. Акцент на развитие наукоёмких технологий – это ответ Союзного государства на острую потребность России и Беларуси избавиться от импортной зависимости в высокотехнологичных отраслях.

Ярким успехом российско-белорусского партнерства в области высоких технологий П. Бородин назвал создание мощного суперкомпьютера «СКИФ К-500», который уже включен в мировой рейтинг самых высокопроизводительных компьютерных систем. До настоящего времени лишь немногие страны мира обладали собственными суперкомпьютерными технологиями, которые являются важным стратегическим ресурсом, сравнимым по значимости с ракетно-ядерным потенциалом. И вот теперь в их число вошло Союзное государство. Создание «СКИФ К-500» повышает международный престиж России и Беларуси, способствует интенсивному развитию промышленности, науки и обороноспособности за счет удовлетворения потребности в суперкомпьютерных технологиях. В дальнейших планах – привлечь к программе «СКИФ» и другие страны СНГ, интегрировав имеющиеся наработки и опыт.

Ещё одним весьма перспективным союзным проектом, по словам Госсекретаря, является недавно одобренная союзная программа «Космос Союзного государства» (официально она называется «Разработка и использование перспективных космических средств и технологий в интересах экономического и научно-технического развития Союзного государства»).

Госсекретарь особо отметил, что подготовлены и будут вынесены в феврале на заседание союзного Совмина четыре базовые союзные программы: «Дизельное автомобилестроение – 2», «Союзный телевизор – 2», «Союзный комбайн», «Самолётостроение».

Союзные производственные программы, по словам П. Бородина, важны не только в плане развития экономической интеграции и повышения научно-производственного потенциала России и Беларуси, но и в социальном плане. Осуществление союзных программ обеспечивает рабочие места для многих тысяч белорусов и россиян.

В-третьих, подчеркнул Госсекретарь, к 10 февраля 2004 года планируется согласовать весь пакет документов по введению единого платёжного средства Союзного государства. Вопрос этот сложный. Нужно подписать шесть соглашений между центробанками, министерствами финансов и экономики Беларуси и России. По четырём документам позиции уже согласованы, осталось только согласовать налог на добавленную стоимость и компенсации в связи с изъятием белорусских рублей и заменой их на российские. К заседанию союзного Совета Министров, по словам П. Бородина, все будет согласовано. Таким образом, единый рубль в следующем году начнёт хождение по всей территории Союзного государства. По оценке Госсекретаря, с введением единого платёжного средства начнётся мощный приток инвестиций в экономику России и Беларуси, что, в свою очередь, обусловит подъём экономики в Союзном государстве.

– Конечно, – сказал П. Бородин, – у нас ещё, к сожалению, много сложных проблем. Это, в частности, вопрос о союзной собственности, о транспортных тарифах, о цене на газ. Но это всё решаемые вопросы. К тому же мировая практика показывает, что любая интеграция не проходит без проблем. Вот уж сколько лет строят единую Европу, а ведь проблем у Европейского союза и сейчас хватает, взять хотя бы так и не принятую Конституцию Евросоюза. У стран, входящих во Всемирную торговую организацию, тоже не все и всегда гладко. Объединяться всегда непросто. Это только ломать и разваливать – легко.

Отвечая на вопрос о том, проходит ли строительство Союзного государства по плану или все-таки происходят какие-то отступления, Госсекретарь сказал:

– Дело не в каких-то там «отступлениях». Подчас дело в тех сроках, которые мы сами же себе и ставим. Искреннее желание поскорее построить Союзное государство понятно, но в реальной жизни встречаются «буераки и овраги». Да, иногда мы не укладываемся в намеченные сроки. Однако в целом союзное строительство проходит по плану, то есть в соответствии с межгосударственным Договором о создании Союзного государства и Программой действий Российской Федерации и Республики Беларусь по его реализации. В этом направлении много работают наши президенты, председатели правительств, активно действуют Высший Государственный Совет, Совет Министров, Парламентское Собрание. Уверен, что в первой половине 2004 года высшим политическим руководством наших стран будут приняты решения, резко ускоряющие реальный интеграционный процесс.

– А как обстоят дела с союзным бюджетом на 2004 год?

– Вопрос о союзном бюджете – один из важнейших вопросов повестки дня февральского заседания Совета Министров Союзного государства. Союзный бюджет-2004 согласован и составит три миллиарда триста миллионов российских рублей. В основном эти средства пойдут на производственные программы, техническое перевооружение предприятий, развитие таможенной и пограничной инфраструктуры Союзного государства, подготовку военных кадров, социальные и культурные мероприятия и проекты. С моей точки зрения, необходима также разработка в рамках Союзного государства своеобразного бюджета развития, с тем чтобы на производственные программы выделялось еще больше средств. Это позволит не только резко поднять уровень производства и конкурентоспособность выпускаемой продукции, но и решить целый ряд социальных проблем.

– Как вы оцениваете перспективы создания Единого экономического пространства Россией, Беларусью, Казахстаном и Украиной?

– 2003 год войдет в историю как год инициативы Президента России Владимира Путина по созданию Единого экономического пространства. Это действительно знаковое событие. Речь идет о принципиальных вещах. Экономическое объединение постсоветского пространства – лишь вопрос времени. Лично я убеждён, что всё постсоветское пространство будет единым. Но здесь дело даже не в убеждениях, а в том, что движущей силой этого процесса выступают макроэкономические законы. Современные (и прежде всего западные) экономисты утверждают: в наше время внутренний рынок должен состоять примерно из 300 миллионов потребителей. Только тогда рынок эффективно работает, а промышленность, в том числе тяжелая, успешно и эффективно развивается. Вот одна из причин объединения Европы, вот почему между США и Канадой практически нет границ.

Поэтому, как я неоднократно говорил и повторю ещё раз, новые независимые государства постсоветского пространства неизбежно будут, по крайней мере экономически, объединяться. Могут остаться президенты, гербы, флаги, другие атрибуты, но экономическое единство постсоветского пространства будет восстановлено. И здесь 2004-2005 годы, с моей точки зрения, будут решающими. А Союзное государство Беларуси и России – это как раз та самая экономическая модель, по которой могут быть выстроены объединительные процессы между странами, не так давно составлявшими единое целое.

Аркадий МЕДВЕДЕВ

НАШИ ГОСТИ

Александр ШИЛОВ:

«Самый строгий судья – сам художник»

– Недавно за укрепление дружбы и сотрудничества между Беларусью и Россией вам был вручен белорусский орден Франциска Скорины. Каким вы видите сегодняшнее сотрудничество наших стран? В чём состоит ваше участие в укреплении дружеских связей между нашими народами?

– Награда всегда приятна, когда её не ждёшь. Действительно, без всякого лицемерия, хочу сказать, что этот орден явился для меня полной неожиданностью. Позвонили из посольства директору галереи Анатолию Ивановичу Чистякову и сообщили, что Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко наградил меня высшим орденом своей страны – орденом Франциска Скорины. Я был очень польщён не только потому, что это высшая награда, но и потому, что я уважаю Александра Григорьевича не только как Президента, но и как человека. Года три назад Александр Григорьевич оказал мне большую честь, посетив галерею моего имени вместе с послом и своими сотрудниками. После осмотра экспозиции Президент написал в книге отзывов: «Такие потрясающие вещи может создать только по-настоящему знающий жизнь человек... Глаза ваших героев потрясающи... Высочайший реализм! Спасибо». Мы с ним часа три сидели и говорили буквально обо всём. Должен признать, что среди политиков столь высокого уровня я не встречал человека, способного настолько свободно говорить то, что он думает и чувствует. Я был поражён, ведь откровенным быть опасно, а политику тем более. Быть добрым политику вдвойне опасно – это особо наказуемо. Но у этого человека тонкая душа и доброе, ранимое сердце. Часто средства массовой информации искажают сущность А. Лукашенко. Побывав недавно в Минске на вручении высокой награды, я был поражен чистотой и порядком в этом замечательном городе, спокойствием и уверенностью людей в завтрашнем дне. То, что Президента любят в Беларуси, чувствовалось во время встреч на самых разных уровнях. Это особенно приятно осознавать.

Я считаю, что всё в мире делается с позиции силы. Главный вопрос, в чьих руках меч – у созидателя или разрушителя. Александр Григорьевич предложил России созидательную идею объединения. Сейчас в мире многие объединяются, но эти многие и разъединяют нас, чтобы Россия была слабой.

За что меня наградили? Об этом говорится в указе о награждении. Сейчас я буду по предложению Президента делать в Беларуси персональную выставку в Национальном художественном музее. Я там побывал и осмотрел коллекцию, в которой собраны произведения высшего уровня. Там и Поленов, и Брюллов, и Иванов. Сам музей содержится в прекрасном состоянии. Лукашенко ему очень серьёзно помогает. Помощь Президент оказывает не только музею. Раз в полгода он собирает представителей творческих союзов, а в Беларуси сейчас их двенадцать, выслушивает их планы, чаяния и просьбы. А когда даёт слово помочь, как мне говорили люди, участвующие в этих съездах, он это делает и ничего не забывает. Первоочередная задача главы любого просвещённого государства – поднять душу человека в идейном, патриотическом смысле. А это можно сделать при помощи искусства, которое призвано воспитывать, очищать души людей. Поэтому-то монархи во все времена и во всём мире именно такое искусство поддерживали и развивали. Каково искусство, такова и душа народа. За время общения с Александром Григорьевичем я убедился, что он пришёл не царствовать, не обманывать людей популистскими лозунгами, а улучшить жизнь народа и поднять Родину с колен. Это созидатель, за что народ его и любит.

– Вы настолько акцентировали внимание на поддержке культуры и искусства руководством Беларуси, что невольно напрашивается вопрос: неужели в России дело обстоит иначе?

– Я считаю, что у нас отношения власти и культуры гораздо прохладнее. Выдвинув лозунг свободы в искусстве, у нас часто забывают, что настоящее искусство делается руками, владеющими мастерством, и сердцем художника. Если же рука кистью не владеет, то, что бы художник сердцем ни чувствовал, руками это он выразить не сможет. А. Лукашенко на съездах творческих союзов говорил, что готов их поддерживать материально и морально, но искусство должно стоять на большой высоте в исполнительском и духовном плане. И в этом он совершенно прав.

– С момента, когда А. Лукашенко предложил нашим странам объединиться, не стихают споры. Одни считают, что это необходимо, другие видят будущее Беларуси в Евросоюзе. Что вы думаете о создании Союзного государства?

– Я считаю, что объединяться обязательно нужно, а боятся объединения те, кто развалил великую державу. Вы можете себе представить, что Америка развалилась на все свои пятьдесят один штат, а мы приняли в этом процессе деятельное участие? Это трудно вообразить, потому что Россия никогда такими делами не занималась. Запад же стремится ослабить Россию, взять под контроль её природные ресурсы, экономику, чтобы управлять нашей страной как угодно. Считаю великой заслугой А. Лукашенко, что он не позволяет командовать своей страной извне. У Беларуси, как у Китая и ряда других стран, есть чувство собственного достоинства. Посмотрите, как себя ведет Китай. Он развивает частный бизнес, без которого страна существовать не может. Этого не понимали коммунисты, и в этом их величайшая ошибка. Надо дать равные стартовые возможности людям для развития их способностей и талантов. Один хорошо может торговать, другой – шить ботинки... Должен быть естественный отбор, в том числе и в искусстве. У каждого должны быть равные возможности показать себя и расти в меру своего таланта. Необходимо соревнование или, в хорошем смысле слова, соперничество. Человек должен не «звучать гордо», как говорил М. Горький, а жить гордо. Когда сильный сосед тобой помыкает, предварительно сделав тебя нишим, никто тебя уважать не будет. Александр Григорьевич ведёт политику на наращивание мощи, даёт развиваться бизнесу, а я видел, что там происходит, но одновременно он охраняет честь и гордость своего народа. Он как страж стоит.

Великое спасибо надо сказать Александру Григорьевичу за то, что он предлагает объединение. У меня лично нет ощущения, что мы живём в разных странах. Я ехал на поезде, пересёк какую-то границу... Кто её только придумал? На самом деле ясно, кто. Сейчас в каждой деревне кто-то хочет быть президентом, чтобы иметь личный самолёт, охрану, подчинённых, лимузины. И всё это за счёт народа. А страна разлетается на мелкие куски. А он хочет всё это опять собрать и воссоздать великую державу. Мы как были единым народом, так им и остаёмся. Единственное отличие, которое удивляет, это чистота и спокойствие в Минске.

– Как сегодня работает принцип естественного отбора в искусстве?

– Народ должен сам, без давления средств массовой информации, выбрать себе кумира, будь то живописец или скрипач. Я, например, обожаю Когана, снял бы перед ним шляпу, хотя я и не скрипач. Вообще завидую тем, кто умеет играть на скрипке. Это божественный инструмент, голос души. Другой любит ешё кого-то. Это его право, должен быть свободный выбор без всякого давления и преследования. В этом и состоит свобода выбора, я должен сам, без всякого давления выбрать себе то, что мне нужно.

– А как это организовать, когда знаки признания раздаёт власть и уже тем самым оказывает давление на народ?

– Если присуждали, предположим, госпремию, то в уставе было сказано: «За выдающиеся произведения искусства, признанные народом». А про эту приписочку о признании народом сейчас часто забывают. Художник творит не для себя, а для народа. Если только для себя, пусть у себя под кроватью творенья и держит...

– В истории искусства почти не встречаются случаи, когда художники творили только для себя.

– Но иногда художники делают вид, что мнение народа их не интересует. «Не беда, что сейчас мои работы никто не смотрит. Через сто лет поймут!» Но ведь это же обман. Искусство, будь то музыка, живопись, скульптура, народ принимает при жизни автора или нет. Но после смерти его искусство становится бесценным, поскольку люди понимают, что автор уже больше ничего не создаст. Поэтому и материальная, и духовная ценность таких произведений растёт год от года. Но настоящее искусство всегда оценивается при жизни автора. А если оно не признано, то никому и не нужно. Не представляю, как можно работать, если люди в недоумении проскакивают мимо твоих работ. И во все времена для художника главным было признание его работ людьми. Великие художники всегда были связаны с двором. Вспомните Микеланджело, Рафаэля, Леонардо, Перуджино, Давида. Кто был их заказчиком? Папа Римский. Правители выбирали сообразно своим вкусам и знаниям художников, которым давали заказ на росписи капелл, скульптуру для дворцов. Тем самым они формировали вкусы времени. Всё, что собрано в Лувре и Ватикане, Прадо и Дрезденской галерее, заказано и собрано правителями.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и народный художник СССР А.М. Шилов в залах Галереи (февраль 1999 г.)

А теперь «придворный художник» – имя нарицательное. На искусство внимания никто не обращает. Это не свобода, а проявление безразличия со стороны власти. И началась жуткая обратная реакция. Встречаю я своих знакомых художников, среди которых Герои Социалистического Труда, народные и так далее. Оказывается, никто из них не работает, Союз художников бездействует. Никто из них не имеет заказов, а раньше заказывало работы государство. Они готовы вернуться в советский строй, лишь бы иметь деньги. Я считаю, что это очень плохо, так как художник должен иметь средства к существованию, он их должен заработать своим трудом. Если ко мне не идут заказчики, это значит, что я никому не нужен. Если идут – я востребован, я нравлюсь. Самым строгим своим судьей должен быть сам художник. Есть острейшая вешь – повесть Н.В. Гоголя «Портрет». Талантливый художник, закончив Академию художеств, начал работать, но захотел любыми способами разбогатеть, иметь свой выезд, стать знаменитым. И он опустился до того, что начал всем льстить. Вроде бы заказчики довольны. Он делал из дурнушек красавиц, им это нравилось. В конце концов художник понял, что он погиб, и трагически закончил свою жизнь. Художник должен быть честным, не должен подлаживаться под заказчика и льстить ему, лишь бы заработать деньги. Для этого всегда надо иметь перед собой великие произведения искусства и стараться подтягиваться к ним, расти. Должны быть критерии в искусстве, чтобы не зазнаться и не начать падать вниз.

Окончание на стр. 6

НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ НОВОСТИ

Переговоры премьер-министров в Москве

В Москве прошли переговоры премьер-министров России и Беларуси Михаила Касьянова и Сергея Сидорского. В ходе переговоров обсуждались вопросы торгово-экономического взаимодействия, сотрудничества в газовой сфере, а также перспективы развития российско-белорусской экономической интеграции. М. Касьянов сообщил, что правительство России готово предоставить Беларуси кредиты. Касаясь проблемы взимания косвенных налогов, глава российского правительства сообщил, что Россия может пересмотреть свою позицию в этом вопросе. «Я серьёзно задумываюсь над нашей позицией по неприменению принципа взимания косвенных налогов по стране назначения», – заявил он. Россия в настоящее время использует принцип взимания косвенного налога по стране происхождения товара в отношениях со всеми странами СНГ, кроме Беларуси.

Накануне встречи

Президент Беларуси Александр Лукашенко убеждён, что 2003 г. ознаменовался многими важными событиями как в светской, так и духовной жизни. Подводя итоги 2003 г., он подчеркнул, что главным событием в духовной жизни стало 25-летие служения белорусскому народу Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси. А. Лукашенко поблагодарил Патриаршего Экзарха за самоотверженность, любовь и уважение к жителям Беларуси. Митрополит Минский и Слуцкий Филарет передал А. Лукашенко от Патриарха Московского и всея Руси Алексия II поздравления и рождественский подарок в знак глубокого уважения, а также готовность главы Русской Православной Церкви встретиться с белорусским президентом в Москве и обсудить вопросы развития отношений между двумя странами. Президент от имени белорусского народа передал Патриарху Московскому и всея Руси теплые поздравления с Новым годом и Рождеством Христовым и пожелал ему крепкого здоровья. А. Лукашенко не исключил, что в ближайшее время лично встретится с Алексием II, чтобы обсудить «те проблемы, которые существуют и в белорусско-российских отношениях, и то, как складываются дела в нашей церкви».

Вектор особого значения

Директор Центра международных исследований БГУ Владимир Улахович на заседании «круглого стола», посвященного перспективам строительства Союзного государства, заявил, что в становлении российского государства наступил новый этап, предполагающий ряд позитивных тенденций в развитии белорусско-российских отношений. В частности, прагматичные интересы будут определять особое значение белорусского вектора российской внешней политики и могут значительно ускорить процесс принятия Конституционного Акта Союзного государства.

БЕЛТА

НАШИ ГОСТИ

Александр ШИЛОВ:

«Самый строгий судья – сам художник»

Окончание. Начало на стр. 5

– А если к вам приходит заказчик, который вам не интересен, да и просто не нравится как человек, но за большие деньги просит написать его портрет? Вы такой моделью пренебрежёте?

– Вопрос правильный, но это не пренебрежение. Художник должен писать ту модель, которая ему интересна, которую он чувствует. Что такое портрет? Я должен написать ваш внутренний мир при абсолютном внешнем сходстве. Значит, прежде чем приступить к портретированию, я должен прочитать ваше нутро и мастерски исполнить портрет. А если я вас не чувствую, то, как ни старайся, ваш портрет зрителя не остановит. Большинство художников за большие деньги пишут то, что им не нравится. Иногда и мне приходится, потому что нужно на что-то жить. Но постоянно это делать нельзя – пропадёшь. Я зарабатываю ровно столько, сколько нужно, чтобы обеспечить своё существование. Жизнь такая короткая, силы не постоянны. Надо рассчитать свои силы, а не работать только ради денег.

– В своих попытках проникнуть в сущность человеческой натуры вы никогда не приходили к идеализации модели?

– А вы пройдите по моей галерее и посмотрите сами. Ко мне очень часто подходят и спрашивают, не обиделся ли на меня человек за тот или иной портрет. Это значит, что я сумел разглядеть человеческое нутро, вытащить его, будь оно под рясой или медицинским халатом, и очень искренне и правдиво передал его. Что такое краски? Пигмент, то есть цветная глина, да льняное масло. Искусство художника в том, чтобы из всего этого неодушевленного месива при помощи мастерства, ума и сердца на холсте создать иллюзию жизни. Подходим к портретам работы Кипренского или Левицкого – с ними можно говорить, как с живыми. Или «Над вечным покоем» Левитана... В этом пейзаже я чувствую сердце художника, мне передаётся тоска и страдание, душа автора.

– Пройдя по галерее, я обратил внимание на то, что женщины на ваших портретах как-то подчеркнуто красивы. Несколько холодны, но внешне хороши настолько, что хочется понять: это природная или выявленная и подчёркнутая мастером красота?

– Лорд Байрон – один из величайших поэтов, воспевавших женщину. Его дамы часто упрекали: «Как же так, в стихах вы нас превозносите, а в жизни относитесь гораздо прохладнее!» Ответ был такой: «Я, как и живописец, пишу то, что я хотел бы видеть в женщине, но, к сожалению, это почти не встречается в реальной жизни. Но мужчине нужна мечта в жизни. Мужчина, когда мечтает, пусть он обманывается, но пока он обманывается в женщине, он взлетает в своём таланте и способностях. Мужчине нужна сказка о женщине!»

Я не сталкивался с подобным воспеванием мужчины в женском творчестве. Женщины, как правило, более тривиальны.

– Вы, наверное, уже начали готовиться к предстоящей вашей выставке в Минске. Что из работ повезёте?

– Я осмотрел помещение, которое мне предоставили. Недавно там экспонировалась выставка «Шедевры Третьяковской галереи». Хотя очень трудно оголять стены в галерее моего имени в Москве, куда едут люди со всех концов страны, но мы приняли решение повезти двадцать пять лучших моих работ. Они совершенно разные. Это и портрет Филарета, женские портреты, картины, запечатлевшие солдат, изуродованных войной. Будут и хорошо узнаваемые лица, например, портреты Евгения Матвеева и Аркадия Вайнера.

– Ваша выставка в Минске откроется 28 марта, за месяц её работы туда придет очень много людей. Что бы вы хотели сказать своим зрителям накануне встречи?

– Всегда испытываешь волнение, когда выставляешь свои работы на суд зрителей. Глубоко уважая белорусский народ за его душевные качества, доброту и жертвенность, которые он доказал делом, а не на словах, хочу выставиться удачно. Важно, чтобы то, что я делаю, проникло в сердце зрителей, и ответ я бы получил в своём сердце. Это важно любому творческому человеку. Поэтому я еду с большим чувством ответственности и глубочайшей благодарности к Президенту за оказанную мне честь выставить работы на суд белорусского народа в таком роскошном Национальном художественном музее.

Беседовал Андрей АСТАФЬЕВ

Встреча со зрителями на персональной выставке в Манеже (1989 г.)

Открытие нового здания Галереи. Мэр Москвы Ю.М. Лужков и народный художник СССР А.М. Шилов перерезают ленту (30 июня 2003 года).

Эта беседа с народным художником СССР, академиком Российской академии художеств Александром Шиловым в Галерее на Знаменке состоялась за неделю до знаменательного события в культурной и общественной жизни России – за большой вклад в развитие отечественной художественной культуры Указом Президента России В.В. Путина Александр Шилов награждён орденом «За заслуги перед Отечеством III степени». Кроме того, за выдающиеся заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление Государства Российского А. Шилов награждён орденом Петра Великого I степени.

Редакция «Лада» поздравляет Александра Максовича с высокими наградами и желает дальнейших творческих успехов!

ИНТЕГРАЦИЯ

Белорусские студенты в Москве

В разгар этой зимней сессии голова болит не только у студентов, но и у высшего преподавательского состава ведущих вузов России и Беларуси. Они тоже сдают серьезный экзамен, от которого во многом зависит будущее образовательной системы Союзного государства.

В конце 2003 года Министерство образования Республики Беларусь предложило Московскому государственному университету комплексную программу сотрудничества восьми ведущих белорусских вузов с главной российской «альма матер». Пока что это называется меморандумом о сотрудничестве между Минобразования Беларуси и МГУ. Как нам сообщили в Отделе организации международных связей МГУ, документ сейчас рассматривают в ректорате, но утверждение он пройдет уже скоро – буквально в течение месяца. Сроки форсируют, потому что по большому счету речь идет о комплексной программе взаимодействия высших школ двух стран. Теперь дело за российскими чиновниками: из ректората МГУ меморандум поступит прямиком в Министерство образования России.

Ответственные сотрудники министерства вряд ли надолго задержат проект у себя. По мнению ректора Белорусского государственного педагогического университета Петра Кухарчика, «наши системы образования не разбежались до такой степени, что нельзя интегрироваться. Это произошло благодаря тому, что в Беларуси к образованию относились всегда с большим вниманием и уважением. Мы снова можем направлять студентов на включенное обучение в вузы России. Сегодня мы не в состоянии привлекать российских учёных, как это было в 20-е и 50-е годы, из-за плохого экономического положения. Но, подписав меморандум о сотрудничестве, получив согласие ректоров ведущих вузов обоих государств, мы будем направлять своих студентов для последующего обучения в российских научных центрах, ведущих вузах».

Что же предусматривает документ? Обмен студентами, учебной литературой, совместную производственную практику, олимпиады, культурное сотрудничество, разработку перехода на двухступенчатое обучение по системе «бакалавр – магистр». Именно такую форму подготовки предусматривает современная мировая практика, развивающаяся в рамках так называемого Болонского процесса.

Присоединившись к нему, Россия вышла на международный рынок образования. В современных реалиях глобализации и с учетом стремления России быть на равных с европейскими странами такой шаг был необходим. Беларуси влиться в Европу несколько сложнее, поскольку с некоторыми европейскими организациями она не находит общего языка. Договариваясь с крупнейшим российским университетом, белорусская образовательная система тоже присоединяется к Болонскому процессу.

Значение этого договора о сотрудничестве, конечно, не стоит переоценивать. Министр образования Российской Федерации Владимир Филиппов отметил в одном из своих выступлений, что «подобные договора все равно оставляют риск, что наши системы образования слишком далеко разойдутся. Классический пример этого явила Туркмения, которая ввела девятилетнее полное школьное образование. И сотни тысяч российских и белорусских граждан, оказавшихся там по воле судьбы, не знают, как их детям теперь поступать в вузы».

Болонский процесс начался 25 мая 1998 года, когда Великобритания, Германия, Италия и Франция приняли в Болонье совместную декларацию. Сегодня в процессе участвуют уже 40 стран, среди которых и Россия, примкнувшая к нему в сентябре 2003 года. Если коротко, то Болонская декларация сводится к следующему: независимость университетов от государства, взаимное признание иностранных документов об образовании, общие критерии присвоения степеней и квалификаций. Именно эти условия стимулируют вузы лучше преподавать и дают студентам выбор – где учиться, а потом работать.

Однако уровень российско-белорусской образовательной интеграции позволяет надеяться, что ничего подобного не произойдет, причём не пострадают и национальные особенности. По признанию первого проректора Белорусской государственной политехнической академии Игоря Филонова, «белорусская наука поднялась с помощью российских учёных. Но и в Беларуси есть уникальные наработки, которые пока не могут стать достоянием других вузов. Поэтому должны быть созданы действительно элитные группы, внедрено индивидуальное обучение, которое учло бы опыт наших и российских вузов. Для этого надо составить программу, которая объединяла бы достижения всех вузов». Именно такая рабочая программа будет создана после того, как меморандум пройдет все этапы согласования.

Это отнюдь не первый шаг белорусских и российских вузов навстречу друг другу. Обмен опытом педагогов и чиновников образовательной системы двух стран идет уже давно, по большому счету он и не прекращался. Образовательное пространство в Союзном государстве существует, в основном, благодаря многочисленным связям представителей российских и белорусских учебных заведений. Вузы обмениваются студентами, педагоги встречаются, проводят совместные семинары, конференции, стараясь компенсировать разницу систем образования двух государств, обусловленную неодинаковыми учебными планами и стандартами.

В рамках межгосударственных соглашений России и Беларуси единое образовательное пространство тоже поддерживается. В 1995 году было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве в области культуры, образования и науки. В 2000 году создан Координационный совет Министерства образования Российской Федерации и Министерства образования Республики Беларусь. Действуют филиал Московского государственного социального университета в Минске, Российско-белорусский университет в Могилеве. В июне 2003 года в МГУ открылся совместный с БГУ учебно-научный инновационный центр, разрабатывающий единые образовательные стандарты, учебные программы и организующий переподготовку и повышение квалификации специалистов Союзного государства в области зашиты информации.

Однако нехватка денег и организационные сложности, связанные с несогласованностью механизмов создания этих межгосударственных структур, не позволяют им работать на полную мощность. Сейчас, когда у Союзного государства появилась возможность занять достойное место в Болонской «процессии» мировых лидеров образовательной сферы, видимо, движению наших вузов навстречу друг другу будет дан зеленый свет. Инициатива профессионалов в сфере образования существует давно. Более активная министерская поддержка должна гарантировать их жизнеспособность.

Алексей МИХАЙЛОВ

В декабре минувшего года на заседании Совета Министров Союзного государства была одобрена союзная программа «Разработка и использование перспективных космических средств и технологий в интересах экономического и научно-технического развития Союзного государства» («Космос СГ»). Учитывая сообщения о развитии российских космических программ и недавние заявления Президента США об американских планах строительства базы на Луне и высадки на Марсе, хочется понять, насколько далеко простираются планы разработчиков космической техники Союзного государства. Ведь ещё совсем недавно Россия только растрачивала свой космический потенциал, а Беларусь к космическим державам вообще не относилась. Теперь речь зашла о сотрудничестве наших стран в освоении космоса. Космическая тема для белорусов не нова, так как заниматься ей ученые Белоруссии начали ещё в 70-е годы советской эпохи. Системы цифровой картографии и обработки полученных из космоса изображений, топографические и многозональные камеры – все эти разработки союзного значения рождались в институтах АН Белоруссии. Тогда запуски космических аппаратов преследовали прежде всего оборонные цели. Сейчас ставится задача использовать космос в мирных целях и для решения насущных научных и хозяйственных проблем. За годы космического сотрудничества в рамках СНГ в Беларуси оборудовано четыре специальные станции, способные принимать информацию американских и российских спутников. Однако качество получаемой и передаваемой информации пока не на высоте.

Важный аспект программы сотрудничества России и Беларуси в космосе – информационный. Одна из действующих в Беларуси станций приема космической информации ориентирована на российский спутник «Метеор-3М». Академик Ю. Коптев заявил, что в ближайшее время предстоит модернизировать эту станцию, чтобы наладить прием космической информации и с других спутников, в том числе с белорусского, запуск которого с космодрома Байконур намечен на конец 2005 – начало 2006 года. Чтобы уложиться в сроки, отпущенные для создания спутника, белорусским ученым придется перейти на 12-часовой рабочий день. Одновременно с белорусским космическим аппаратом в полёт отправятся пять российских спутников. Благодаря этому «коллективному проекту» процедура запуска обойдётся белорусам дешевле. По сообщениям информационных агентств, белорусские специалисты выполнят третью часть работ, в том числе начинят спутник уникальной космической оптикой, аналоги которой есть только у Соединенных Штатов. Работа с космическими технологиями – это не только престиж государства, признак его высокого развития. Она играет существенную роль для социально-экономического развития любой страны, обеспечения её жизнедеятельности, укрепления обороноспособности и безопасности. Вложение средств в это направление позволит развить целый ряд научных, конструкторских и практических разработок, которые в перспективе принесут политические, экономические и коммерческие результаты. Александр Лукашенко считает, что запуск белорусского спутника принесет немало дивидендов. «Во-первых, это свои немалые деньги. Во-вторых, создав и выпустив на орбиту спутник, мы сразу на ступень поднимаем уровень академической и вузовской науки. Это подтянет и огромный шлейф научных разработок, в эту сферу придут новые люди, что даст отдачу прежде всего в виде «мозгов» и позволит сохранить нашу нацию как высокоинтеллектуальную», – заявил Президент.

Кроме совместной работы над созданием и запуском первого белорусского искусственного спутника Земли ученые наших стран планируют создать элементы единой системы обеспечения космической информацией и наземный сегмент навигационно-информационной системы. Союзное государство получит спутниковую телефонную и телевизионную связь. Будут введены в эксплуатацию две межгосударственные системы дистанционного зондирования Земли и модернизированы наземные средства приема информации, продолжаются разработки в области высокотехнологичных устройств для траекторных измерений, используемых на космодромах, которые могут продаваться в дальнейшем в третьи страны. Предполагается создать систему прогнозирования чрезвычайных происшествий. Разрабатывается прибор изучения свечения атмосферы, которое возникает за несколько часов до начала землетрясения и является его предвестником. Планируется также использование космических технологий для нужд сельского хозяйства. Уже разрабатываются и изготавливаются более 20 самых разных образцов техники космического назначения.

Сегодня, когда на поверхности Марса потерялся европейский спускаемый аппарат, а американский марсоход начал передавать первые порции данных, стоит вспомнить о том, что советская марсианская программа строилась на российско-белорусском сотрудничестве. Более того, наши специалисты вместе работали над первыми луноходами, для которых белорусы делали датчики. Создавали они их и для первого отечественного марсохода. После длительных наземных испытаний станция была успешно запущена и долетела до Марса без особых сбоев. Не всем известно, что в конце пути марсоход и орбитальную станцию постигла печальная участь. Когда ракета должна была перевести аппарат на марсианскую орбиту, из-за сбоя техники возник пожар и станция сгорела. Можно по этому поводу печально развести руками, а можно, засучив рукава, снова взяться за дело. Россия в состоянии возобновить программу по изучению Марса. Причем, как утверждают специалисты, стартовать к Марсу можно уже через десять лет: разработаны и эскизный проект корабля многоразового использования, и концепция медико-биологического обеспечения полета.

Околоземные проблемы также не остаются без внимания учёных и специалистов Союзного государства. Для нового орбитального российского космического аппарата разработана система «Аргус», ориентирующая в пространстве по звёздам. Все микроэлектронные датчики в ней сделаны сотрудниками Минского научно-исследовательского института радиоматериалов. Работа эта выполняется в рамках союзной программы «Разработка и освоение производства изделий функциональной СВЧ-микроэлектроники для анализа и обработки радиосигналов в системах радиолокации, навигации, скрытой передачи информации и радиоразведки». Как бы сложно, на взгляд неспециалиста, программы нашей интеграции в космосе ни назывались, главное, что сотрудничество развивается, и его реальные результаты не за горами.

Максим АЛЁХИН

О российско-белорусском космическом партнёрстве на встрече с журналистами генеральный директор Российского авиационно-космического агентства Юрий КОПТЕВ сказал:

– Реализация таких программ, как та, которую мы строим с Республикой Беларусь, способствует восстановлению наших многосторонних связей. Ещё в эпоху Советского Союза на территории Беларуси находились серьёзные научно-технические центры, которые были задействованы в реализации наших космических программ. Прежде всего решались вопросы картографии, белорусские предприятия были разработчиками и изготовителями бортовой аппаратуры комплексов. Мы сохранили традиционные связи с этими предприятиями. Считаю, что сотрудничество в области космонавтики тянет за собой и остальные отрасли промышленности. Сейчас мы начинаем разворачивать программу «Космос СГ», она разработана совместно Российским авиационно-космическим агентством и Национальной академией наук Беларуси. Программа рассчитана на 4 года и является прямой наследницей сотрудничества двух наших стран в области космических технологий.

НОВОСТИ

Динамика железнодорожных грузоперевозок

Положительная динамика в развитии белорусско-российских железнодорожных грузовых перевозок наблюдается на протяжении двух последних лет. Об этом заявил начальник Белорусской железной дороги Василий Гапеев 9 января 2004 г. в Бресте после рабочей встречи с начальником Московской железной дороги Владимиром Старостенко. В 2003 г., подчеркнул В.Гапеев, объём грузоперевозок со стороны России увеличился на 4 млн. т, а Беларуси – на 3,6 млн. т. В ходе переговоров руководители договорились и дальше укреплять взаимодействие, полнее использовать возможности Брестского отделения железной дороги по перемещению российских грузов на Запад и направляемых российским получателям грузов из стран Западной Европы.

Страхование автомобилей

Белорусское правительство ведет переговоры с Россией об урегулировании вопросов, возникших в связи с введением в соседней стране обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Об этом сообщил вице-премьер Андрей Кобяков в Минске в ходе переговоров с первым заместителем председателя правительства Ханты-Мансийского автономного округа Вячеславом Новицким. Как отметил А. Кобяков, российская сторона готова снизить страховой сбор для белорусских граждан, въезжающих на территорию России, до 10-12 евро. Пока же на въезде владельцу «Жигулей», например, нужно заплатить 29 евро. Такой тариф в 6 раз выше, чем в Беларуси. По словам белорусского вице-премьера, это «мелочный вопрос», но он всё же отражается на нашем сотрудничестве, и его необходимо решить.

Деньги на лечение

Лечение детей из районов Беларуси и России, наиболее пострадавших от катастрофы на Чернобыльской АЭС, из бюджета Союзного государства в 2003 г. профинансировано на 96,4% от утвержденных бюджетных назначений минувшего года. Финансирование мероприятия в 2003 г. составило 4106200 руб. Как сообщили в управлении казначейства департамента финансов Постоянного Комитета Союзного государства, из отчислений Российской Федерации освоено 3010000 руб., из отчислений Республики Беларусь освоен 1096200 руб.

Союзная программа «Карьерный транспорт»

На реализацию научно-технической программы Союзного государства «Карьерный транспорт», проект которой уже подготовлен и проходит необходимые процедуры согласования в государственных органах Беларуси и России, планируется выделить 7 млрд. российских рублей. Программа объединит усилия научных учреждений, а также 8 предприятий двух государств, в числе которых Белорусский автомобильный завод, один из крупнейших мировых производителей карьерных самосвалов. Как отметил гендиректор БелАЗа Павел Мариев, почти 70% своей техники завод поставляет в Российскую Федерацию.

Сотрудничество учёных

Белорусские и российские учёные работают над созданием межакадемической структуры, которая позволит более полно использовать научный потенциал двух стран. Об этом сообщил вице-президент Российской академии наук академик Александр Некипелов, принявший участие во встрече президента Беларуси Александра Лукашенко с руководителями зарубежных научных организаций – участниками торжеств по случаю 75-летия Национальной академии наук. Российский академик высоко оценил роль А. Лукашенко в развитии науки в Беларуси. Он назвал плодотворным нынешнее сотрудничество белорусских и российских учёных. В частности, созданы общие научные школы, идёт процесс совместной разработки ряда проектов. Развитию двусторонних связей во многом содействует подписанное в 2002 г. соглашение о контактах академий наук Беларуси и России.

БЕЛТА

ПАМЯТЬ

К 80-летию со дня рождения Анатолия Велюгина

Жил широко

Узнал я Анатолия Степановича Велюгина в 1975 году. Работая в газете «Голос Родины», я решил сделать репортаж из Дома творчества «Королищевичи».

Был конец золотого сентября. Вокруг писательского дома в два этажа, пожертвованного когда-то Якубом Коласом собратьям по перу, догорали осины и березы, пахнул грибницей сосняк, устремлялись в небо мрачные ели. Земной рай, не иначе. Сиди да пиши...

Писали в эту пору в Королищевичах Сергей Граховский, Антон Белевич, Рыгор Бородулин, Анатолий Велюгин, историк Николай Улащик и несколько молодых прозаиков. С фотографом Евгением Казюлей мы попали к обеду. Нас окружили литераторы, и один из них, крепкий человек в синем спортивном костюме, низким голосом сказал:

– Журналистов надо накормить – они всегда голодные, как волки в феврале.

Это и был знаменитый Анатолий Велюгин.

Он всегда жил в небольшой комнате на втором этаже. В гости к себе он пригласил друга Антона Белевича, молодого прозаика и меня с Казюлей. Белевич вскоре задремал на расшатанном диване, прозаика хозяин отправил дописывать роман, Казюля, пощёлкав фотоаппаратом, уехал домой, и мы с Анатолием Степановичем отправились прогуляться. Попыхивая сигаретой, он говорил о поэзии, читал стихи.

– Пишешь? – как бы между прочим спросил он.

– Грешу немного...

Согласно кивнул головой, мол, кто сегодня не пишет.

Вдруг остановился и показал палкой на придорожную берёзу:

– Видишь чёрную полосу вверху? Когда дочка была маленькая, я срезал кусок бересты и сделал корзинку для ягод. Видишь, куда вознеслась за десять лет? Об этом ещё Богданович в своей «Веронике» писал.

Об этом и я написал в своем репортаже. Жена-биолог, прочитав его, меня высмеяла:

– Деревья растут с вершин. Чёрная полоса всегда останется на той же высоте.

Сейчас я не думаю, что и Богданович, и Велюгин ошиблись. Они подчинялись Закону поэзии: чего не может быть в природе, то вполне осуществимо в поэтической метафоре. Через много лет, гуляя с дочкой по лесу, я обманул и её...

У Анатолия Велюгина есть книга стихов «Настежь». В его доме двери всегда были настежь – правда, не для всех. Мне повезло. Его жена, не всегда приветливая Наталья Константиновна, снисходительно говорила: «Проходи уж...» Ближайшие друзья называли поэта Адмиралом. Он тоже любил приклеить кличку – Боцман, Корнет, Гормон. Его дружеские эпиграммы были жгучие, как горчичники, но необидные.

Всю жизнь Анатолий Степанович любил возиться с молодёжью. Сколько тысяч строк начинающих поэтов он выправил! Принёс и я как-то в журнал «Полымя» стишата. Начал он читать и вдруг скривился:

– «В предрассветной стуже коченеет...» Становится кочаном? По-белорусски лучше – корченеет, превращается на холоде в корч!

Для своего друга-поэта Антона Белевича он был просто спасителем: сократит вдвое, вставит велюгинские слова, смотришь – нормальная поэма получилась.

Как-то вижу в редакции картину. Молодой поэт сидит красный, шмыгает носом, вытирает со лба пот. Адмирал черкает карандашом, ставит вопросы, потом вздыхает:

– Да-а, братец...

– Анатолий Степанович, я отстрогаю... – мямлит поэт.

– Да уж строгай, сынок, – смеётся Велюгин, – отец топором поправит!

Наверное, если бы не это редакторское строгание, написал бы он куда больше. Но и написанного хватало, чтобы Анатолия Велюгина знали во всех республиках бывшего Союза – как поэта, переводчика, друга.

А ещё он любил кино. По его сценариям сняты один художественный и более тридцати документальных фильмов. После премьеры художественного фильма «Эхо в пуще» у него дома был накрыт богатый стол. Говорили всю ночь, и на рассвете режиссёр Диамара Нижниковская попросила хозяина:

– Пойдём на улицу, у меня от сигаретного дыма голова как чугун.

Раннее утро, на улице ни души. Проходя мимо памятника Янке Купале, Нижниковская спрашивает:

– Анатолий, вы, говорят, поэт. Вас знают, как Купалу?

– Ну-у...– надувает щёки Адмирал.

– Давайте спросим первого встречного!

Навстречу откуда ни возьмись подгулявший мужичок.

– Это же забулдыга... – даёт задний ход Адмирал.

– Молодой человек, – не слушает его режиссёрша, – вы знаете поэта Анатолия Велюгина?

– Он возле вас стоит.

– А его стихи знаете?

– Конечно.

Хорошо поставленным голосом забулдыга декламирует одно из стихотворений Велюгина.

Позже режиссёр рассказывала в Москве о минском поэте, стихи которого читает наизусть первый встречный пьяница.

После этого случая актёр Павел Дубашинский ногой открывал дверь адмиральской квартиры.

Поэт Анатолий Велюгин жил и писал широко. В его стихах много гуляет ветров, бурь, ураганов. Свою главную поэму он назвал «Ветер с Волги». Вот и сейчас при мысли о нём мне показалось, что потянул сквозняк.

Не хватает Адмирала.

Не хватает поэта.

Алесь ГАВРОН

Перевод Алеся Кожедуба

Филипповки

Вечер бережно окутал
Покрывалом снежным хутор.
Кто-то воет - стон и плач.
Кто там, ветер иль пугач?

Свечки огонек печальный,
На замерзших окнах пальмы.
Вой протяжный
Всё страшней.
- Кто там?
- Снежный соловей.

Тихий [illegible] поздно
За столом с кутьёю постной.
Кашель [illegible]
Скрип дверей.
- Кто там?
- Зимний соловей.

Хищно смотрят звезды в пуще,
Небо все черней и гуще.
Ночь
Свою добычу ждёт -
Волк ночует
У ворот.

ИНТЕРВЬЮ В НОМЕР

В середине 2003 года на Тверской земле у истоков Волги родилась инициатива, призванная в современных условиях развития православно-славянской (восточнославянской) цивилизации содействовать духовно-нравственному возрождению народов России, дальнейшему укреплению единого историко-культурного и геополитического пространства Беларуси, России и Украины. Инициаторами проекта выступили настоятель Никольского храма у истоков Волги отец Валентин, наместник Нило-Столобенской пустыни архимандрит Вассиан и профессор, доктор исторических наук С.М. Небренчин. Их поддержали главы муниципальных образований «Осташков» и «Пеновский район», руководство Тверской области. Благословил начинание архиепископ Тверской и Кашинский Виктор. Соответствующее обращение с просьбой о благословении было направлено в адрес Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Наш корреспондент встретился с настоятелем Никольского храма у истоков Волги отцом Валентином.

Третья славянская столица

– Отец Валентин, что было побудительным мотивом для подобного проекта?

– Известное пророчество о великом будущем России Серафима Саровского, столетний юбилей прославления которого 1 августа 2003 года отмечали народы Беларуси, России и Украины. В нём говорится: «И сольются земли и народы славянские, как реки, в одно великое море Русско-Славянское, пред которым в трепете будут все народы, и другого царства более могущественного не будет на земле». Пророчество Серафима Саровского также указывает на появление «третьей столицы объединённого Русско-Славянского мира между Санкт-Петербургом и Москвой на святом месте».

– Уже состоялись какие-то конкретные действия в рамках этого грандиозного проекта?

– Летом 1999 года прошел объединительный международный Патриарший Крестный ход по водам Волги, Днепра и Западной Двины в честь 2000-летия Рождества Христова. Его участники, начав движение от истока Волги, прошли в общей сложности около 10000 километров и завершили Крестный ход в Москве у храма Христа Спасителя. Такое религиозное действие стало убедительным примером духовного единения братских православных народов на пути преодоления собственной национальной неполноценности, духовного бессилия и душевной растерянности. Юбилейный Крестный ход поддержали президенты, парламенты и правительства Беларуси, России и Украины.

– Почему именно Тверская земля выбрана местом для строительства «третьей столицы»?

– На Валдайской возвышенности берут начало три великие славянские реки – Волга, Днепр и Западная Двина. Это место сегодня остаётся притягательным не только для сотен тысяч россиян, белорусов и украинцев, но и для многих граждан других народов мира. В настоящее время движение представителей светской и церковной властей Тверской области по укреплению духовного единства народов Беларуси, России и Украины получило название «Объединительной Тверской инициативы». К ней уже проявили интерес в Болгарии, Сербии и Черногории. В России и Беларуси в поддержку «Объединительной Тверской инициативы» выступили ряд депутатов Федерального Собрания РФ и Национального Собрания РБ, Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, руководство Постоянного Комитета Союзного государства, Федерации независимых профсоюзов России, Фонда Св. Апостола Андрея Первозванного и Фонда «Центр национальной Славы России», а также Администрации президента РФ.

По оценкам отечественных и зарубежных экспертов и специалистов, сакрально-метафизическое и геоисторическое значение вершины Валдай («земли истоков») состоит в том, что данная территория является «колыбелью восточнославянского рода», называется «ключом» к «сердцевинной территории» Евразийского континента, который лежит в центре мира («мирового острова»). Через «ключи» (истоки рек на вершине Валдай) проходит «географическая ось истории». В географическом плане русла рек выполняют функции усиления центростремительных процессов в биосфере на современных территориях Беларуси, России и Украины. Эта территория называется «великим водоразделом планеты». По данным ЮНЕСКО, она является наиболее чистой территорией Евразии. Здесь формируются гидрогеологические процессы, активно влияющие на климат и водоснабжение Европейской части континента Евразии, а также присутствует мощная «благотворительная» энергетика космического происхождения. На планете Земля это единственный и главный «географический сакральный плацдарм» для влияния и контроля над развитием мировых процессов.

Мы подготовили «Воззвание к народам, президентам, парламентам, правительствам и высшей церковной власти России, Беларуси и Украины». В нём, в частности, говорится: «Почти тысячу лет государственность России строилась, крепла и процветала на незыблемом религиозно-нравственном основании православной веры, у истока которой стоял Великий князь Владимир – креститель и объединитель Руси. Исторический опыт развития России убеждает, что только в объединении усилий государства, церкви и народа в деле служения Богу и Отечеству мы сможем найти пути к возрождению и обрести спасительное национальное единство. Только воцерквление всей нашей жизни сможет остановить сегодня разрушение души нашего народа. Без этого никакая экономическая мощь государства не способна компенсировать оскудение его духа».

– Что планируется сделать уже в ближайшее время?

– Весной 2004 года мы хотим высадить Славянский сад Владимира Великого у истоков Волги возле стен древнего Ольгина монастыря. Одновременно с этим планируем заложить камни в основание Славянской обители милосердия, Соборного храма Владимира Великого и Славянского посада Владимира Великого, которые будут знаменовать начало формирования духовно-культурного центра возрождения народов Беларуси, России и Украины. Это действие предполагается осуществить «соборно» при участии высшей государственной и церковной властей Беларуси, России и Украины, представителей властных органов всех регионов и епархий Русской Православной Церкви трёх стран.

В дальнейшем мы предполагаем у истоков рек Волги, Днепра и Западной Двины приступить к созданию белорусского, великоросского и украинского (малоросского) народных домов (поселений) в качестве составных частей единого Славянского народного дома. Их возведение и постройку думаем осуществить с учётом национально-культурных и духовных традиций православных народов этих стран.

В строительстве посада Владимира Великого примут участие представители всех народов Беларуси, России и Украины, которые смогут привнести свои культурно-исторические особенности в создаваемый «неповторимый архитектурный лик православно-славянской цивилизации».

Реализация «Объединительной Тверской инициативы» может содействовать духовно-нравственному подъёму народов Беларуси, России и Украины, объединению усилий светской и духовной властей в деле сохранения и упрочения дружбы и братства между народами трёх стран, восстановления традиций милосердия, благотворительности и служения идеалам мира и добра.

Для того чтобы наши надежды на скорейшее слияние родовых истоков в единое Русско-Славянское море сбылись, необходимо приложить немало усилий всем нашим соотечественникам, живущим в России, Беларуси и на Украине. Ведь нет греха, когда ты падешь под ударами судьбы, величайший грех – не подняться и не побороть тьму, овладевшую нашими умами и сердцами.

– Отец Валентин, а что вас связывает с Беларусью?

– Прежде всего, мои корни из Беларуси, мать родилась в городе Лида, что в Гродненской области. В Молодечно с 1975 по 1987 годы я работал главным инженером проекта завода легких металлоконструкций, одного из крупнейших в стране. Завод строил от первого колышка до пуска на полную мощность. До сих пор дружу со Станиславом Ивановичем Самариным, первым директором этого завода. Знал многих руководителей Беларуси, в том числе П.М. Машерова. Моим первым духовным наставником был протодьякон митрополита Филарета Леонид Божко, благодаря ему я и встал на путь священничества. Как вы знаете, я настоятель Никольского храма у истока Волги и храма Святой Троицы на острове Божье дело. Кроме того, недавно архиепископ Тверской и Кашинский Виктор освятил камень в основание храма у истока Западной Двины. Наши главные восточнославянские реки – Волга, Днепр и Западная Двина – должны стать руслами братства, соединяющими нас в один народ.

– Успехов вам в этом великом деле!

Беседовал Алексей КОНСТАНТИНОВ

Москва – Тверь

Фото А. КАРЗАНОВА

ДВА ВЕКА белорусской поэзии

Аделя из Устрони

Белорусская поэтесса середины 19 века. Псевдоним не раскрыт, даты жизни не установлены. Предположительно жила в фольварке Устронь Лидского повета. До наших дней дошло единственное ее произведение на белорусском языке – поэма «Мачеха». Поэма Адели из Устрони – первый женский голос, прозвучавший в зарождающейся белорусской поэзии.

Мачеха

Вихрь, усталости не зная,
Мчался, ветер обгоняя, –
Вслед за тучами летел.
С бурей встретиться хотел.
Буря берегом ходила,
Воду в Немане мутила
И при свете ярких молний
Перекатывала волны.
Дали громом оглашала, –
К себе в гости зазывала.
«Ветры буйные и тучи,
И ты, вольный вихрь летучий,
В гости все ко мне летите,
Будем вместе веселиться!
Скоро будет по реке
Плыть к любимой в челноке
Хлопец, что посмел хвалиться,
Что меня он не боится...»
Буря зло захохотала,
Молниями засверкала,
Стала дуть на воду с кручи,
Чтоб волна была покруче.
Волны тут же новость эту
Сообщили по секрету
Берегу... Их разговор
Услыхал прибрежный бор.
Грозно зашумел: «Доколе?
Не хозяин я здесь, что ли?
Разве я стою для виду –
Земляка не дам в обиду!
Прегражу злой буре путь,
Не позволю ветру дуть!
Не затем растил я сосны,
Чтобы вихрь кружил тут грозный,
Не затем живу на свете,
Чтоб гулял чужой тут ветер!..»
Плеснул Неман в брег отвесный:
«Я ли не литвин? Не местный?
Разойтись не дам волнам,
И губить своих не дам!
Я теку спокойно, смело –
Мне до бури нету дела!
Я с любой волной поспорю,
Я плоты сплавляю к морю.
Не сдержать моё теченье –
Богатырь я от рожденья!
Раньше море обмелеет,
Чем меня кто одолеет.
Мир скорей водой зальёт,
Чем земляк на дно пойдёт.
Не на то дал силу Бог,
Чтоб губить я братьев мог!»
Буря над рекой стояла
И слов этих не слыхала.

***

От тех мест на рык вола
Хатка на горе была.
Под окнами рябиночка,
А в хатке той – литвиночка.
Обещал к ней по реке
Приплыть милый в челноке.
Литвиночка у оконца
Ждала, бледная, как солнце.
Все на небо взгляд бросала,
После мачехе сказала:
«Ты мне, матушка, ответь,
Неман можно одолеть
В бурю, если плыть в челне,
Не окажешься на дне?»
Мачеха, конечно, знала,
Что девицу волновало,
Но чужое ей не мило –
Хлопца б в ложке утопила.
«Уж не твой ли то герой,
Что ходил тут – грудь горой,
Свататься к тебе собрался?
Ты скажи, чтоб отвязался.
Женихов мне тут не надо, –
Это все же моя хата!
Что вами ни намечено –
Ему тут делать нечего!..»
Литвиночка лишь вздохнула,
Молча за порог шагнула, –
Пошла в поле за ворота,
Где гуляла непогода.
Руки белые ломала
И сквозь слезы повторяла:
«Мати моя милая,
Зачем меня покинула?
Отдала меня злой воле,
Нет у меня счастья-доли.
В родной хате сирота я,
Мачеха – не мать родная.
С неродною как мне жить –
Ей никак не угодить.
Твоя душенька все знает,
Как родная дочь страдает.
С милым ты нас обручала,
Жива была бы – повенчала.
Мачеха ж твердит одно:
«Да чтоб он пошел на дно!..»
Когда так она сказала,
Моё сердце болью сжало,
Кровь во мне вся закипела
И душа вдруг обомлела...
О, как гром вдруг загремел!
В челн, наверно, милый сел...»
1850

Перевод Ивана БУРСОВА

НОВОСТИ

Выставка в Третьяковской галерее

Выставка из фондов Национального художественного музея Беларуси впервые состоится в Москве в залах Третьяковской галереи. Она откроется 25 мая 2004 года. Москвичам будет представлено около 100 произведений искусства из собраний Национального художественного музея Беларуси: иконы, коллекция русской классики, работы самых известных современных белорусских художников. Директор Национального художественного музея Беларуси В. Прокопцов охарактеризовал предстоящую выставку не только как знаменательное культурное событие, но и как «политическую акцию». Во-первых, она пройдёт накануне 60-летия освобождения Беларуси от гитлеровцев. Во-вторых, выставка станет одним из центральных событий Года белорусской культуры в России, которым объявлен 2004 г. И, наконец, организаторы выставки рассматривают её как юбилейный отчёт перед москвичами: Национальному художественному музею Беларуси в будущем году исполняется 65 лет.

Олимпиада школьников

Белорусские ученики – победители республиканских олимпиад – приняли участие в заключительном туре Международной олимпиады школьников стран СНГ и Балтии по русскому языку и литературе, открывшемся 11 января с.г. в подмосковном Зеленограде. Как сообщили устроители этого творческого состязания, кроме белорусских школьников в нем приняли участие около 200 учеников 9-11-х классов из Армении, Азербайджана, Грузии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Инициатором проведения Международной олимпиады школьников стран СНГ и Балтии по русскому языку и литературе выступило Министерство иностранных дел России.

БЕЛТА

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Чарующий голос

Ладыгина А. Лариса Помпеевна Александровская. Минск: Четыре четверти, 2002. 319 с.: ил. 1000 экз.

Лишь кое-кто из старшего поколения, да ещё немногочисленные коллекционеры-филофонисты, помнят и высоко ценят этот удивительный голос. Совершенно незамеченным прошел в 2002 году 100-летний юбилей артистки. Но этому есть объяснение: во всех энциклопедиях годом её рождения значится 1904-й.

Лариса Помпеевна Александровская... В самом этом длинном имени есть что-то чарующе-музыкальное. Фамилия вроде бы указывает на принадлежность к западным областям. Однако, как мы узнаём из книги, дед со стороны отца родился в России, был священником, и фамилия ему была присвоена духовным начальством.

Лариса Помпеевна сделала потрясающую карьеру на музыкальной сцене. Достаточно сказать, что в 25 лет она в составе группы советских артистов, среди которых были её старшие и более опытные коллеги А. Доливо, О. Ковалева, М. Литвиненко-Вольгемут, И. Яунзем, попала на музыкальный фестиваль во Франкфурт-на-Майне, после него гастролировала по Германии и Швеции. Она первой в Белоруссии получила звание народной артистки СССР, не раз украшала своим пением декады белорусского искусства в Москве. С её участием в тридцатые годы зарождалась национальная белорусская опера, а спустя двадцать лет Лариса Помпеевна уже сама осуществила многие постановки.

24 июня 1941 года, под бомбежками, с 12-летним сыном, которому пять дней назад удалили аппендицит, Лариса пешком ушла из Минска. Без вещей, без документов, но с орденом Ленина, случайно оказавшимся на платье. Кое-как добрались до Москвы. Потом – почти год в Алма-Ате, далее – возвращение в Москву, пребывание с белорусской труппой в Горьком, Коврове и, наконец, снова в Минске, разрушенном почти до основания.

В пятидесятые Лариса Помпеевна была главным режиссёром белорусской оперы, потом возглавляла Белорусское театральное общество. Она ответственно относилась к многочисленным общественным должностям. Были успех, любовь слушателей, уважение коллег. Но было и другое. Постоянные проблемы со здоровьем, неустроенность личной жизни. Автор весьма деликатно касается этой темы, обращаясь время от времени к дневниковым записям самой Александровской.

Книга необычна в жанровом отношении. Своей основательностью, глубиной исследования творческой жизни певицы, подкреплёнными многочисленными документами, она похожа на монографию. Но книга увлекательно и живо написана, в ней много лирических откровений. Отсюда подзаголовок: документально-театральный роман в семи действиях с прологом и эпилогом. По-другому и быть не могло, ведь автор Ариадна Ладыгина – музыковед, доктор философских наук, и она же – племянница Александровской.

Рискну кое в чём не согласиться с автором. Ариадна Борисовна сетует, что записи певицы, выполненные в ГДРЗ, несовершенны. Но на такой же технике 50 лет назад записывались и С.Я. Лемешев, и Н.А. Обухова, и другие вокалисты. Но надо не о качестве сожалеть, а о том, что очень мало сохранилось записей. Пять довоенных пластинок, шесть послевоенных, одна долгоиграющая и десятка три фондовых записей – это до обидного мало для артистки такого класса. Но и эти бесценные фонограммы до сих пор не выпущены на современном компакт-диске.

Замысел книги возник сорок лет назад. К теме пришлось долго подступаться, потом собирать материал. Но книга, наконец, увидела свет. Жаль только, что мал тираж, и в Москве её в продаже нет.

Владимир СОЛОНЕНКО

КРАЕВЕДЕНИЕ

Цветочный городок

Удивительно, но факт: сами того не подозревая, о Давид-Городке (это в самой глубинке белорусского Полесья) знают почти все граждане России. Ранней весной на рынках от Калининграда до Владивостока торгуют семенами цветов и овощей именно давидгородчуки. Давид-Городок, который совсем недавно отметил своё 900-летие, – один из самых старых городов Киевской Руси. Он основан князем Давыдом. Город издревле славился своими плотниками и кузнецами, печниками и золотых дел мастерами, но особенно известен был со времен магдебургского права (1796 год) своими сапожниками и цветоводами. И Бог, кажется, любит этот город цветов, посылает сюда больше всего солнечных дней в году во всей Беларуси. Одноэтажные дома с великолепием цветочных палисадников и огородов украшают берега тихой речки Горынь. Одно поколение сменяется другим, но неизменны уклад жизни, православные традиции городчуков, преданность обычаям и ремёслам этого удивительного полесского городка. Четыре языка – русский, белорусский, украинский и польский – составляют основу местного наречия. И это немудрено, ведь его жители добрых пятьсот лет колесят по Европе и Азии. А ещё жительницы Давид-Городка отличаются роскошными головными уборами, выделяющими их народный костюм среди всех прочих.

Предлагаем вниманию читателей «Лада» один из «Канонов» известного белорусского писателя Георгия МАРЧУКА, который родился и вырос в Давид-Городке.

Канон Огороду

Огороди частоколом пространство вокруг дома – вот и будет огород. Работа на нем чёрная, тяжёлая, грязная, но огород городчука кормит. И если бойко идет купля-продажа, меньше обращают внимания на дом, больше на огород: не затапливается ли водой во время наводнений, добротная ли земля. «Капитал зарыт в огороде», – не шутя говорят городчуки. Он не только под их неустанным вниманием, но и под контролем властей. Осмотрительные и осторожные, пережившие на своем веку не одну смену власти, городчуки поучают остальных:

– Не трогай власть, пока власть не тронула тебя.

Чудо из чудес. Серые, неприглядные после зимы грядки вокруг дома, готовые поглотить даже узенькую дорожку от крыльца, весной неузнаваемо меняются под лопатой хозяйки, приобретая причудливые формы миниатюрных пирамид, очертания прямоугольников, треугольников, окружностей. Минет еще две-три недели, и эти геометрические фигуры украсят цветы самых разных сортов. Они так завораживают, что тебя не покидает ощущение присутствия в мини ботаническом саду, в индийском фильме или в сказке детства.

– Пойду накрою грядки целлофаном, передавали по телевизору – морозы будут.

– Пойду поливать огород. Засуха неимоверная. Дождей не будет, говорило радио.

– Что делать, ума не приложу. Роза не принялась. Из Риги везла.

– Ой, Аня, отдохни ты уже. А то, не дай Бог, и окочуришься на грядках, – слышится в очереди у хлебного магазина.

Почему в очереди? Потому что аккуратные городчуки и городчанки приходят в ту самую минуту, когда подъезжает машина со свежим хлебом. Раньше приходить нельзя: надо полоть грядки. Сотни женщин в один и тот же день и час под жарким солнцем – а наш городок одно из самых теплых местечек Полесья – в три погибели согнувшись, творят из огорода совершенные полотна, словно ткут из множества цветов ковры. Здесь боишься похвалить какой-нибудь один цветок: не дай Бог, этим обидишь другой. Цветы редко срезают в вазы. Подарят разве что на дорогу уважаемому гостю или срежут на букет школьнику в первый день сентября. А уж как хвастают друг перед другом новыми сортами, словно энциклопедию читают.

Вечером, когда солнце ещё не закатилось за речку, утомленная женщина сядет на крыльцо. Сил разогнуть спину, кажется, уже нет. Может, впервые за день она обратила внимание на красоту своего огорода. Сама по себе побежала слеза по загорелой щеке... Может, женщина вспомнила, как ее мать, бабушка или прабабушка точно так же гнулись в огороде и сидели после каторжной работы на крыльце. Чудный запах поднимает настроение, кружит голову, будит воспоминания... Почему-то приходит на память всё горькое. Муж неизвестно где задерживается, дети из города давно не звонили. Как много дней в году, а большинство из них живешь в огороде, во имя огорода и для огорода. Ниспослал Господь время, место и судьбу. А если бы воротить всё назад... начать всё сначала... нет... силы уже не те, да и грех... земелька кормит. Семена цветов в пакетики, пакетики – и на рынки страны, и опять живи надеждой на огород.

Старики, умирая, наставляли: «Доглядай человека, детей и хату с огородом».

«Боже мой, праведный, пальцы месяцами не знают городского маникюра и лака». Огород – удел женщин, их крест и радость. Женщины встают чуть свет и ложатся спать последние, прося у Бога тихого дождика, чтобы всем сладко спалось. Зимою все отдыхают от огорода и – удивительно – скучают без цветов. На сиротливых грядках – пепел из печки да рыбьи кости. Не верится: неужели земля вновь родит красоту?

Как трудно себе представить небо без облаков, так невозможно представить городок без огородов. Городчук не танцует гоже, ежели одёжа непригожа. При цветах стыдно быть неопрятным. В центр города, в чайную, в магазин, в библиотеку, за хлебом городчук не пойдет в будничной одежде, хоть ты ему золотой зуб вырви. Вакса и щетка для обуви всегда под рукой, под лавочкой на крылечке.

Любой ребёнок в городке без запинки выпалит названия цветов: астры, гвоздики, лилии, настурция, пионы, ромашки, флоксы, бархатцы, гладиолусы, душистый горошек, цинния, маттиола, бальзамин, левкои, портулак, львиный зев, мальва, георгины, рута-мята, медуница, эшольция, ирис, маргаритки, петуния, бессмертники... Просто не верится, что на каких-то пятнадцати сотках может поместиться весь этот ботанический сад в миниатюре. Уход за огородом надоедает до болезни, а попробуй забери у городчанки гряду, часть гряды – и драться полезет, и в суд потащит. Нельзя её представить без любви к драникам, налистникам, студню, голубцам, пшенной каше, компоту из вишен, пирогам с яблоками, черникой, корицей, маком. Трудно представить городчанку без золотых сережек, цветастых платков, пальто с каракулевым воротником. И совсем невозможно представить её без цветов, без любви к ним. Когда городчанка торгует на рынке семенами цветов, она неприступна, как сирень, растущая под окнами милиции.

Вот почему перед сном после ритуальных слов «Святой Боже, Святой Милосердный, Святой Бессмертный, помилуй нас», она добавляет: «Пошли, Господи, дождик, чтобы в огороде краски не сгорели». Краски по-здешнему – цветы.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Железны волк

В 1323 году Великий князь литовский Гедимин охотился в местах, где река Вильня впадает в Вилию. Неподалеку располагалась гора, на которой литовцы по древнему обычаю сжигали своих умерших предков. На охоте Гедимин убил зубра, то есть из ружья большого тура. Заночевали Гедимин с охотниками на этой самой горе, и ночью ему приснился огромный железный волк, который выл, будто сто волков разом. Утром Гедимин позвал к себе верховного языческого жреца Лордейко и попросил растолковать сон.

– Князь! – сказал жрец. – Волк, скованный из железа, это замок, который ты решишь на Турьей горе. Но этом месте появится большой город, слава о котором разнесется по всему миру, потому и воет же[illegible] железный волк, подобно сотне волков. Это будет твоя столица, князь!

Толкование Гедимину понравилось. Он собрал из разных концов княжества мастеров, и они построили на Турьей горе Верхний замок, а в Кривой долине – Нижний. Город получил название Вильня (по реке, впадающей здесь в Вилию).

К этому времени Великому князю Гедимину принадлежали огромные территории. В 1321 году после затяжной войны с «немцами, прусами и инфлянтами» в битве на реке Земила при помощи руси и татар он разгромил войско Тевтонского ордена. Решающую роль в битве сыграли выступавшие на стороне Ордена жемайты. Несколько тысяч их стояли в середине войска, и в решающий момент они неожиданно повернули и ударили по немцам. Литве, руси и татарам осталось лишь окружить смешавшегося врага и почти полностью уничтожить. Как написано в «Хронике литовской и жмойтской», даже мужики выходили из лесов, с криком «Мушк немца!» стаскивали их с коней и убивали.

После этого Гедимин пошёл на Волынь и захватил Владимир Волынский и Луцк. Перезимовав в Берестье, в 1322 году он двинулся на Киев. Киевский князь Станислав, позвав на помощь переяславльского князя Олега и брянского Романа, встретил его с войском на реке Ирпень. В жестокой битве победил Гедимин, войско которого состояло из литвы, жемайтов, новогородской руси и татар. Взяв приступом Киев, Гедимин вскоре захватил города Белгород, Слеповрон, Канев, Черкасы, Брянск Северский, Переяславль и Путивль. Станислав, последний киевский князь из династии Рюриковичей, бежал в Рязань, где женился на дочери рязанского князя Ольге.

Таким образом, почти вся Киевская «монархия», как написано в летописи, оказалась в руках Гедимина.

Основав город Вильню, Гедимин сделал его столицей Великого княжества Литовского. Он поставил в нём большого «болвана перунова», высеченного из кремня, перед которым день и ночь горел вечный огонь. Сейчас на этом месте находится костёл святого Станислава, заложенный в 1387 году Великим князем Ягайлой.

Свои владения Гедимин разделил между семью сыновьями. Старший сын Монтвил получил прежнюю столицу Кернаву и Слоним с волостями. Наримунт правил в Пинске. Ольгерд сидел в Кревском замке, владея землями до Витебска. Кейстуту досталось Жемайтское княжество с Троками, Ковно, Городенем и Лидой. Кориат владел первой столицей Великого княжества Литовского Новогородком с Волковыском и Мстибогом. Любарт вместе с дочкой владимирского князя, ставшей его женой, получил Волынь. Евнуту, младшему сыну, которого Гедимин любил больше других, он отписал Вильню с Ошмянским, Волкомирским и Браславским поветами. В случае смерти Гедимина Евнут и должен был стать Великим князем. Свою единственную дочь Анну Гедимин выдал замуж за Владислава Локетку, сына польского короля Казимира.

Такова легенда об основании Вильни, изложенная в «Хронике литовской и жмойтской», а также в других белорусско-литовских летописях. Однако археологические исследования говорят, что этот город существовал задолго до 1323 года. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона указывает, что, по сведениям русских летописей, Вильня существовала в конце XII века, а польские источники её основание относят к X и даже IX векам. Некоторые современные исследователи доказывают, что первоначальное название Вильни – Крив-город, город кривичей. Он и располагался в Кривой долине. Вероятно, первые поселения на территории Вильни относятся ко временам балто-славянского языкового единства, когда главный языческий жрец с кривым посохом в руках приносил здесь в жертву птиц и зверей, и назывался он Криво-Кривейто.

В словаре Брокгауза и Ефрона указывается, что при Гедимине в Вильне жили литовцы, русские (белорусы) и поляки. Каждая народность сохраняла свои веру и обычаи. По переписи 1875 года в Вильне жили 82668 человек, из них 37909 евреев, 27781 католик и 13093 православных. На 1889 год было зафиксировано 3 православных монастыря, 2 собора, 11 приходских церквей. Римско-католических – 3 монастыря, 1 собор, 14 церквей. Кроме того, в Вильне было 5 синагог и 72 молитвенных дома.

В силу своего местоположения – на границе славянского и балтского миров – Вильня всегда была многонациональным городом. При Ольгерде, Витовте и Сигизмунде большими привилегиями пользовались православные жители города, при Ягайле и Казимире Ягеллоне – католики. Кстати, замечательный православный собор Пречистой Богородицы основала Иулиана Александровна, тверская княжна, вторая супруга Ольгерда. А красивейший костёл святой Анны был воздвигнут смоленской княжной Анной Святославовной, второй женой Витовта. Одна из наиболее известных чудотворная икона Божьей Матери в часовне над городскими воротами (Матка Боска Остробрамска) почитается и католиками, и православными. Я уже как-то говорил, что написана она с Барбары Радзивилл, рано умершей жены короля Сигизмунда Августа. Познакомились они в Вильне, когда и Сигизмунд, и Барбара овдовели...

Вильня была и остается главным культурным центром литовцев, белорусов и поляков. В 1525 году белорусский первопечатник Франциск Скорина напечатал в ней свою наиболее известную книгу «Апостол». В 1574 году в ней открылась типография братьев Мамоничей, напечатавших много книг на белорусском и польском языках, в том числе Третий Литовский Статут. В Виленском университете, основанном в 1579 году как иезуитская академия, учились поэты Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. В картинной галерее Вильни хранятся работы замечательного белорусского художника Ф. Рушица...

Летописный железный волк, воющий на сто голосов, – это общий дом литовцев, поляков и белорусов.

А Гедимин погиб в 1328 году. Он был убит «из ручницы» немцами в Пруссии. Сыновья привезли его в Вильню, сложили ему большой сруб из сосны, убрали его в роскошные одежды, положили при нём саблю, рогатину, сагайдак, пару соколов, пару борзых собак, коня с седлом, любимого слугу, а также трёх пленных немцев, и сожгли.

Памятником ему до сих пор возвышается в центре города величественное строение из камня – башня Гедимина.

Алесь КОЖЕДУБ

ПАМЯТИ МАСТЕРА

ПЕСНЯРАМИ БЫТЬ...

Начало года, январь, Рождество, а для Беларуси ещё и дни памяти поистине народного артиста Владимира Георгиевича МУЛЯВИНА. Он родился 12 января, и ушёл из жизни 26 января. Невозможно переоценить значение имени этого русского человека для белорусской земли, чьё творчество вот уже несколько десятков лет не только визитная карточка музыкальной культуры страны, но и, бесспорно, национальное достояние. В чём же феномен Мулявина, случайно ли его голос стал знаком, традицией, и может ли быть продолжение – без него?

Я попыталась найти ответы в стенах любимого детиша Владимира Георгиевича – студии Белорусского государственного ансамбля «Песняры».Студия поразила меня удивительно тёплой, почти домашней атмосферой.

Марина Владимировна МУЛЯВИНА, дочь певца – заместитель директора ансамбля «Песняры». Я, конечно, не могла её не спросить каким отец был в обычной жизни. Как правило, великие люди себя великими не считают, они просты и неприхотливы. В работе – да, требовательны, подчас авторитарны, но это необходимая, даже вынужденная линия поведения для лидера, мастера. Владимир Георгиевич, например, использовал любую возможность, чтобы уехать из города на природу (возможно, отсюда близость к корням, народной песне?), был счастлив, когда удавалось порыбачить, но главное, что влекло, – отсутствие стен, простор, безграничность. Он любил уединение, особенно в утренние часы. И, что кажется мне редкостью для музыканта, трепетно, уважительно относился к слову. Он мог изменить одну букву в слове, и песня приобретала другой смысл. К примеру, в строке «распетою буду молиться душой» сделал – «распятою». Владимир Георгиевич был истинно верующим человеком. А в творчестве ставил перед собой, говорит Марина Владимировна, самые обыкновенные задачи – сохранить народную песню и донести её до своих детей, внуков.

– А как вы относитесь к сегодняшней «канонизации» Мулявина, почему это не произошло раньше?

– Могло произойти, отец не позволял.

– Что необходимо сделать, чтобы живой образ не превратился в памятник?

– Только продолжение дела, жизнь ансамбля, в том числе развитие. Сегодня это делают Слава Шарапов как художественный руководитель, Валерий Скорожонок, директор, ребята, которые и раньше работали в ансамбле, и молодые, отобранные.

– Владимир Георгиевич одобрил бы этот состав?

– Думаю, да.

Композитор, поэт-песенник, аранжировщик, вокалист и музыкант Вячеслав ШАРАПОВ дает мне послушать последние записи песен. Меня удивило их абсолютно мулявинское звучание. Слава объяснил, что они специально подбирали голоса, чтобы в многоголосии звучала интонация именно Мулявина, только ему свойственная тембровая окраска. И это уже не просто стиль, а традиция.

– Говорят, в работе он был тяжёлым человеком?

– Не простым. Но таким его сделала жизнь, слишком часто приходилось защищаться. Вот сколько было к нему любви народа, публики, столько же недоброжелательности среди коллег. Это продолжается и сейчас. Исчезни «Песняры», и будет совершенно иная расстановка сил.

– Сейчас вы в творческом поиске?

– Нет, мы развиваемся. «Песняры» должны быть мощным коллективом, работающим на «песняровской» традиции, но звучащим несколько по-новому. Мы будем не следовать за модой, а создавать её, экспериментировать, например, с использованием народных инструментов.

– Музыкальные группы, ансамбли, как правило, держатся на творческом лидере.

– Мы пока держимся на идее. А удастся ли мне стать творческим лидером, насколько я буду состоятелен, покажет время.

– Какие новые песни появились в вашем репертуаре?

– Ещё Владимир Георгиевич взял мою «Княжну», «Ля замкавай гары», сейчас мы записали «Ганну», «Хмель молодой», «Литвинку». Но на концертах и в альбомах их место и количество строго дозировано. Мы понимаем, что люди приходят слушать прежние песни, и за 35 лет список востребованных вещей обозначился.

Валерий СКОРОЖОНОК, директор ансамбля, с особым пиететом относится к слову «Песняры». Мы вместе пришли к выводу, что «Песняры» – это особая философия. Песнярами были Янка Купала, Якуб Колас. И – Владимир Мулявин.

Кстати, Мулявин стал первым народным артистом Советского Союза среди музыкантов вокально-инструментальных ансамблей.

– Какие вы ставите перед собой задачи на ближайшее время, на перспективу? – спрашиваю я Скорожонка.

– Работать в этом русле, не отступать от традиции, но и не стоять на месте, искать, записывать новые песни. Необходимо достроить и оборудовать студию, за это взялся старый друг Мулявина Олег Пронин. Здесь мы получаем конкретную государственную поддержку, двери кабинета министра культуры Леонида Павловича Гуляко для нас всегда открыты. Ну, и гастроли, концерты. Сейчас мы готовимся к благотворительному концерту в Жировичском монастыре, где состоятся панихида и принятие благословения «Песняров». Впереди – празднование юбилея, в сентябре 35 лет ансамблю, надеемся спеть на сцене концертного зала «Россия». Предстоит сольный концерт на «Славянском базаре» и многие другие концерты по городам и весям.

– Как вас принимает публика?

– Первые десять минут настороженно, затем – шквал аплодисментов, скандирование. Наши молодые ребята не сразу поняли всю ответственность, ведь «Песняры» – это частичка белорусского флага, а сейчас, когда зал встает, у них такой мандраж...

– А у вас?

– Мне каждый раз кажется, что сейчас выйдет Дед, встанет на свое место и запоёт...

Да, пожалуй, есть основания предполагать, что все будет хорошо. Это я поняла из общения с музыкантами ансамбля, и с теми, кто работал в «Песнярах» раньше, например, Ивановским Аркадием (вокал, гитара), и совсем молодыми ребятами Петром Емфиловым (вокал) и Сергеем Шевцовым (вокал, ударные инструменты).

Пытаясь разгадать феномен Мулявина, размышляя об успехе ансамбля «Песняры» в Беларуси и далеко за ее пределами, приходишь к пониманию, что дело не только в исключительном таланте артиста, но и в его стремлении не потерять связи с землей, историей, отцами. Ведь достаточно одному поколению оказаться выпавшим звеном, и прервётся нить... Эти песни любили и продолжают любить все, от семи до семидесяти лет, простые люди и элита, други и недруги, эти песни поёт народ, они не устаревают.

Елена БАБАК

ПОЭЗИЯ

Бочка мёда

Не так давно в Беларуси появилась новая литературная премия – «Бочка мёда». Учредил ее брестский пчеловод, художник и литератор Микола ПАПЕКА. Живет он в деревне Линово, что стоит на пороге Беловежской пущи. Там он собственными руками построил дом, разбил пасеку, взял в аренду землю, купил коня и трактор... Микола Папека – крепкий хозяин, «гаспадар», на которых стояла и стоит белорусская земля. Стены его дома увешаны картинами, на письменном столе лежит книга стихов «Черновики», в клети стоит бочка мёда – премия лучшему брестскому литератору.

Первая медовая премия была вручена в 2001 году поэту Алесю Каско. В 2002 году ее лауреатом стал известный поэт и прозаик, легенда новейшей белорусской литературы Микола Купреев.

«Не так будет, как ты скажешь, а так будет, как мы сделаем», – говорят в Беларуси. Эти слова подходят Миколе Папеке как никому другому.

Воспоминания в белой рубашке

Мой прадед
Имел привычку говорить:
Добрый день, поле,
Добрый день, стадо,
Добрый день...
Слушай, поле, песню,
Слушай и лес,
Как песня-хорал
Над вами
Летит до небес...
Вот и я иду
По колхозному полю,
Не слышу песни,
Мовы родной не слышу...
Доброй ночи, поле,
Доброй ночи, овечки,
Доброй ночи, детки,
Имел привычку говорить
Мой прадед.

***

Чёрный бусел,
Чёрный бусел-белогруд,
Помоги ты Беларуси,
Будь же тут,
Где давно калужница
Не цветёт,
Белый бусел
Не клекочет в небосвод.

Чёрный бусел,
Чёрный бусел-белогруд,
Облететь тебе болото
Не дадут.
Тут речушки все и реки
В кандалах,
И земля песком змеится
На ветрах.

Чёрный бусел,
Чёрный бусел-белогруд...

Пять граций из одного ручья

Девушки привлекательный лик
В тесном платьице,
Черные лакированные туфельки
На тончайших шпильках, –
Элегантный, красивый бокал
С тонкою талией.
Я из него и сейчас пил бы
Игристое шампанское...

Барышни солидный профиль
В роскошной одежде –
Кровь с молоком.
Хрустальный фужер
предо мною,
Душистый елей.
Я бы вставил в него
Пышный букет
Из роз и шиповника.

Бабы рыхлое тело
Распирает одежды...
Как лето,
Пышный каравай хлеба,
Жбан с лягушкой в молоке...
Бутыль с вишнёвой настойкой
В окне.

Бабушки потрескавшаяся кожа, –
Как земля...
Из корочки хлеба сухарь.
Коробка старая, она
Видела – перевидела,
Слышала – переслышала...
Я в неё сложил бы
Серебро, золото, медь,
Чтобы понять
Тщетность пустой красоты.

Девочка – чистая беспечность,
Лёгкая, как мотылёк.
Бегает, что-то лепечет,
Как свежий ручей весной
Среди холодного снега.
И формы у неё нет,
Она – ещё живой звук,
Цветок жизни,
Спрятанный в бутоне роста.

Перевод Валерия Гришковца

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор Андрей Астафьев
Зам. главного редактора Алесь Кожедуб
Ответственный секретарь Ольга Кузнецова
Дизайн, верстка Наталья Никифорова
Корректура Вера Ушакова
Специальные корреспонденты Алесь Бадак, Наталья Кудрявцева
Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов
E-mail: lad@lgz.ru
Номер подписан к печати: 26.01.2004

Закрыть кингстоны!

Адмирал Игорь КАСАТОНОВ в 1991–1992 гг. командовал Черноморским флотом, всячески препятствуя его развалу и разграблению, был первым заместителем Главнокомандующего ВМФ России. В 1999-м вышел в запас, но проблемы флота до сих пор в центре его интересов. Адмирал Касатонов – президент фонда «Москва – Севастополь», автор многих книг, ведёт очень активную общественную работу.

– Игорь Владимирович, что собой представляет ныне флот государства Российского?

– Наш Военно-морской флот, как и все Вооруженные Силы России, переживает длительную и тяжёлую стадию реформирования. Все последние годы реформы шли в первую очередь за счёт убыли корабельного состава. Они были обусловлены, как нам говорили, экономической целесообразностью, хотя вряд ли столь масштабное сокращение кадров флота пошло ему на пользу. Но это дело поправимое. Самый серьёзный недостаток реформ – существенное сокращение «оперативно-стратегического звена», уход с флота многих сильных командиров.

С 1991 года ни один вид вооруженных сил не подвергался таким «чисткам», какие пережил ВМФ. Только с 1993-го по 97-й сменилось пять командующих Тихоокеанским флотом (ТОФом) – каждый год по командующему! Их или просто снимали, или куда-то отсылали, или необдуманно продвигали. Прокурорские преследования организовывали, «показательные процессы»…

Незаслуженно, на мой взгляд, пострадали адмирал И. Хмельнов и вице-адмирал В. Харников. Хмельнов был начальником Главного штаба ВМФ России, а Харникова друзья и коллеги знают как потенциального командующего с очень хорошими задатками. Была создана ситуация, когда Тихоокеанский флот стал этаким звеном в цепи «экономических» интересов разного рода структур, наживавшихся на реализации списанных кораблей, дележе флотского имущества. Убрали с ТОФа адмирала Г. Гуринова. И повод нашёлся – взрыв авиационного боезапаса в Новонежине, хотя ни до того, ни после за подобные и ставшие теперь уже почти обычными происшествия никого из адмиралов от должностей не отстраняли. Просто Гуринов стоял на пути у неких «коммерческих предприятий», которые желали завладеть тогда ещё богатейшим флотским имуществом, заниматься списанием кораблей.

Сейчас в Североморске идёт суд над командующим Северным флотом адмиралом Сучковым, которого обвиняют в гибели моряков со старой подлодки (К-159. – **Ред.**). Это невероятное событие, которое, наверное, могло произойти лишь в 37-м или в 48-м году. Странное совпадение: суд над адмиралом Кузнецовым по «делу четырёх адмиралов» был начат тоже 12 января 1948 года.

Да, командующий флотом отвечает абсолютно за всё. Он лицо оперативно-стратегического управления, управляет теми структурами, которые ему непосредственно подчинены. Но есть ещё тактическое звено – люди, которые находятся в море и решают задачи исходя из анализа конкретной обстановки.

В тот трагический день ухудшилась погода, усилился ветер, лодка постепенно заполнялась водой. (Правильнее сказать «буксируемый объект заполнялся водой» – как лодка она перестала быть таковой, когда был спущен с неё военно-морской флаг.) Кто в подробностях знал о ситуации на борту «объекта»? Полный контроль за ней должен был установить командир корабля – и в соответствии с уставными обязанностями, и согласно элементарной человеческой логике. Командующий флотом не может знать, сколько воды «приняла на борт» каждая лодка. Но это обязаны знать люди, находящиеся на буксируемом объекте. Если есть угроза жизни, они должны покинуть объект, и это решение принимается экстренно, на месте.

С другой стороны, опять же видны недостатки системы управления на флоте, претерпевшей изменения за последние годы. Командиры, которые могли принять единственно правильное решение для спасения моряков, находились рядом с лодкой, командир дивизиона был на борту спасателя неподалёку…

– А была ли необходимость в присутствии команды на К-159?

– Люди должны были находиться на судне, потому что там реактор и связанные с этим особенности. Но какова в этой истории вина командующего флотом?!

Вся многолетняя служба Геннадия Александровича Сучкова – образец, пример того, о чём мечтает каждый истинный моряк. И кто бы что сейчас ни говорил, все должны знать, что Сучков – самый подготовленный, перспективный командующий, честный, порядочный человек, один из лучших моряков России.

– Вы совсем недолго командовали Черноморским флотом. У властей были веские причины перевести вас оттуда?

– Почему так быстро ушёл с Черноморского флота? Да потому что тоже мешал разделу имущества. В Крыму кому что принадлежит, сам чёрт не разберёт – где владения украинских руководителей, где российских, где американцев… Меня «переназначили», поскольку тогдашним политическим руководителям и России, и Украины было что от меня скрывать…

Вот такие «экономические» мотивы доминировали в назначениях на высшие командные посты. Флоту был нанесён очень серьёзный ущерб, который напоминает, пожалуй, то, что было сделано перед Великой Отечественной войной во время известных чисток.

– Сокращение ударило я в целом по флоту, и по его отдельным частям…

– Реформа привела и по сей день приводит к качественному и количественному уменьшению структурных единиц флота. Необдуманно сокращают подразделения, соединения, объединения, а это чревато понижением уровня всех категорий частей ВМФ. Например, был командующий авиацией флотов ВМФ, сейчас – начальник авиации: снижение категории уж совсем «ниже предельного». И, естественно, у многих моряков уже нет понимания, что авиация на флотах является очень важным оперативным объединением. Вся система обучения корабельного состава из-за таких нововведений деформируется, и уровень подготовки снижается. Ещё пример: упразднены флотилии – основа флота, на их месте теперь эскадры, а то и менее значимые структуры…

Прежде в нашем Военно-морском флоте было около 30 дивизий, чьи командиры формировали командование эскадр и флотилий. Эскадр и флотилий было 20, их руководители назначались впоследствии на должности начальников штабов, первых заместителей командующих флотов, а из тех уже вырастали командующие флотами. Сейчас этой стройной системы нет, а на флотах служат последние командующие, которые, что называется, по-настоящему были в море.

– Каков сейчас уровень обучения в высших военных мореходках?

– Постепенно снижался уровень квалификации научно-преподавательского состава высших военно-морских училищ. И тоже вследствие небрежения по отношению к кадрам. Становится в 50 лет моряк-преподаватель доктором наук, и его увольняют, потому что он капитан первого ранга и своё будто бы выслужил. Это урон, быстро невосполнимый. Падает уровень научного потенциала. Снижается качество воспитания офицеров и матросов. Печально, что начало XXI века ознаменовано в России падением уровня подготовки флотских специалистов.

– Военно-морских вузов много потеряли – училище имени Кирова в Баку, в Севастополе мореходки…

– Уменьшение числа военно-морских училищ мы своевременно постарались компенсировать. То есть территориально и организационно потеряли, конечно, – в Киеве, на Каспийском море, в Севастополе два училища. Из 11 институтов у нас осталось 7. Особенно тяжёлой была для нас потеря военно-морских училищ в Севастополе, где готовились ракетчики на весь Военно-морской флот и управленцы на атомные реакторы. Компенсировали тем, что ракетный факультет открыли в Калининграде, хотя «определённые структуры» хотели закрыть и это училище. В Пушкине и в Санкт-Петербурге готовят управленцев-атомщиков. Научная школа не потеряна окончательно, и это главное.

– Насколько востребованы государством и обществом наши ветераны – флотские командиры и командующие?

– У нас много ветеранов ВМФ с бесценным опытом, талантливых, преданных флоту: Георгий Михайлович Егоров, Владимир Николаевич Чернавин, Иван Матвеевич Капитанец, Валентин Константинович Макаров и другие. Есть те, кто недавно оставил службу, кто вследствие «кампаний» вынужден был уйти. Среди них – потенциально сильные командующие, те, которые могли бы стать кадровой опорой реформируемого флота, но не стали по вышеуказанным причинам. Ещё раз вспомню Харникова, есть адмирал И. Налётов, вице-адмиралы А. Бражник, В. Доброскоченко, Е. Орлов и другие.

У нас немало адмиралов и генералов в возрасте около 60 лет и чуть выше, которые не задействованы никак. Это в первую очередь незаконно снятый и уволенный вице-адмирал Г. Гуринов, адмирал О. Ерофеев, бывший командующий морской пехотой генерал-полковник И. Скуратов, бывший командующий морской авиацией генерал-полковник В. Дейнека… Их с таким опытом, с таким потенциалом совершенно не использовать – недопустимое расточительство для государства. Эти люди должны быть в резерве президента, а их качества использованы в полной мере.

В Америке, богатой людьми и деньгами, к ветеранам так не относятся, там каждый отставной адмирал – это президент либо вице-президент какой-то огромной фирмы. Мне много приходилось работать с южнокорейцами, и могу свидетельствовать: едва ли не всю внешнеторговую деятельность, международное техническое сотрудничество ведут отставные генералы и адмиралы южнокорейского флота. И, естественно, есть результаты!..

– Вы возглавляли Государственный морской историко-культурный центр, участвовали в подготовке и проведении празднования 300-летия Российского флота. А сейчас какие-то мероприятия, связанные с историей флота, готовите?

– И с этим, как ни странно, у нас возникли проблемы. Власти, по-видимому, не больно-то интересуются историей. Ну, отпраздновали 300-летие флота Российского, юбилейные медали вручили, которые я сейчас вижу у всех, включая речную милицию и тех людей, которые не имеют никакого отношения ни к флоту, ни к космосу, ни вообще к Вооруженным Силам. А вот все остальные юбилейные даты почти лишены внимания властей. Доходит до конфузов. Где-то годовщину со дня рождения адмирала Нахимова перепутали. Где-то 100-летие адмирала флота Советского Союза Кузнецова отметили на два года раньше положенного – сто лет прославленному адмиралу только в этом году исполняется…

Меня беспокоит позиция Министерства обороны, ну и командования флота, конечно, – их отношение к подвигу русских моряков в Русско-японскую войну. Более 2 лет назад я разрабатывал концепцию юбилейных мероприятий, посвящённых столетию той войны, меня Движение поддержки флота попросило курировать подготовку к юбилею. Я взялся с удовольствием за это дело. Обратились мы к депутатам Госдумы за помощью. Откликнулся было депутат из Тулы Яшин, и тульская общественность его поддержала, но у тамошнего губернатора Стародубцева мы поддержку не получили. В конце концов и Яшин это дело бросил. Работала в этом направлении некая госструктура по линии «Фонда Победы», чтобы хотя бы минимальное финансирование обеспечить, но опять ничего не получилось. Ну и остаются лишь мероприятия, которые будет проводить флот. Самое значимое – визит крейсера «Варяг» в Чемульпо (ныне Инчхон – южнокорейский порт). По инициативе американцев что-то будет проводиться в Филадельфии. Там стоит церковь, построенная на деньги моряков «Варяга».

– Неужели центральные власти России никак не отреагируют на юбилей легендарной битвы при Чемульпо?

– Что готовится в Москве к 100-летию подвига «Варяга», обороны Порт-Артура и других событий Русско-японской войны, пока не известно. Сейчас нет внимания к этим датам, с горечью констатирую. Самое печальное – и дальнейшие мероприятия не продуманы и не будут проводиться. «Варяг» совершил подвиг в 1904 году, но многие важные события происходили в 1905 и 1906 годах.

Опыт ведь колоссальный приобрели в той войне, подняли общественность, создали морской генеральный штаб, много блестящих молодых офицеров воспитали в короткие сроки, флот создали – тот, который успешно воевал в Первую (и даже Вторую!) мировую войну. Были построены 8 современнейших линкоров, эсминцы, около 50 подводных лодок. Были заложены корабли нового класса – линейные крейсеры. А какие выдающиеся личности проявились, взять хотя бы адмирала Ивана Григоровича!..

То есть было найдено всё необходимое для флота. И он готов был сделать великие геополитические свершения, но помешала революция. А как наши доблестные моряки воевали на Чёрном и Балтийском морях в Первую мировую! Конечно, мы обязаны это вспомнить.

К сожалению, нет у нас единого исторического центра Российского флота, нет целостной системы, которая обеспечивала бы преемственность, хранила традиции. Поэтому хоть и приняты «на вооружение» «Основы политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2010 года», но они реализуются весьма слабо.

– Есть ли у Российского флота большое будущее?

– Будущее будет зависеть от того, насколько успешно мы преодолеем недостатки настоящего.

Прежде всего должна быть организована регулярная учёба всех категорий кораблей и частей ВМФ в море. Командующий флотом должен лично выходить в море, проводить показные выходы (слово «показной» имеет на флоте не то значение, что на берегу), боевые упражнения со всеми командирами соединений, с различными ракетными, торпедными стрельбами. Нужна полноценная, всесторонняя морская практика. Не мешало бы большую часть походов проводить за границей – и не только на военных, но и на гражданских и гидрографических судах.

Разумеется, надо поднимать уровень подготовки наших молодых моряков, курсантов, выпускников военно-морских институтов – и тоже с максимальным использованием военных кораблей. Штурманов это касается в первую очередь. Хотя сейчас есть штурманско-навигационные комплексы, позволяющие проводить дифференцированную подготовку, и тем не менее морская практика у курсантов должна быть, в том числе за границей.

Необходимо к системе обучения привлечь и тех, кто находится сейчас в запасе – адмиралов, офицеров, которые недавно ушли с флота, у которых ещё одежда пахнет морем, а «краб на фуражке зелёный». Государство обязано найти им применение и использовать их бесценные качества в полной мере.

Надо поднимать пласты истории, учредить при ВМФ исторический центр под руководством высокого начальника (пусть и в отставке), куда включить все музеи, архивы, военно-морские библиотеки, создать службу историческую… И, конечно, пропагандировать через средства массовой информации славное прошлое Русского флота и то хорошее, что у него есть сейчас. Потому как реалии нашего Военно-морского флота всё больше известны или по передаче Караулова, или по чудовищному судилищу в Североморске, или по страшным происшествиям, которых выпало за последние годы на долю нашего флота много, чересчур много (и за которые, кстати, никого не судили)…

Важно, чтобы страна помнила, знала: есть у нас флот или нет у нас флота…

Подготовил
Сергей ГРОМОВ

Авианесущий крейсер «Адмирал Горшков» на днях продан Индии

■ ЗАПАД И РОССИЯ ■

Кто нынче в вашингтонском доме хозяин

ИТАР-ТАСС

Госсекретарь США Колин Пауэлл на переговорах с президентом России Владимиром Путиным. 26 января, Москва

Сложилось весьма устойчивое убеждение в том, что современным Вашингтоном правят «новые консерваторы» или, как их привычно называют на Западе, «неоконы». Те в обиде: ах, если бы так. На самом деле самой влиятельной столицей мира владеет весьма сложная амальгама политических сил, и «настоящие неоконы» только часть этих сил. И, как жалуются «неоконы», главенствующая лишь периодически.

«Настоящих буйных мало», – говорил поэт. Назовём сразу признанных: первый замминистра обороны Пол Вулфовиц; замминистра обороны по выработке политики Дуглас Фейт; начальник штаба вице-президента Льюис «Скутер» Либби; ведущий в Совете национальной безопасности Ближний Восток, Юго-Западную Азию и Северную Африку Элиот Эбрамс; член Совета по выработке оборонной политики Ричард Перл.

Остальные «неоконы» судят и рядят о политике, но не формируют её, они её «философы» – Макс Бут в «Уолл-стрит джорнэл», Уильям Кристол в «Уикли стандарт», Чарльз Краутхаммер в «Паблик интерест» и «Комментари». Философ Сидни Хук, Ирвинг Кристол и Роберт Каган пишут книги. Джин Киркпатрик преподаёт. Экс-директор ЦРУ Джеймс Вулси размышляет о мемуарах, Майкл Новак ударился в теологию. «Неоконы» сильны в таких аналитических центрах, как Американский предпринимательский институт, Проект Нового Американского Века, в таких фондах, как Бредли, Джон Олин, Смит Ричардсон.

А политику делают президент Джордж Буш-мл., вице-президент Ричард Чейни, министр обороны Дональд Рамсфелд, госсекретарь Колин Пауэлл, советник по национальной безопасности Кондолиза Райс. Не все они (и не всегда) благоволят к «неоконам». Пауэлла можно просто определить как либерального интернационалиста. Многие из «грандов» осуждали яростную активность «неоконов» на Балканах, опускали международные разделы в речах Буша-мл., когда тот лишь претендовал на Белый дом. (И либеральные фонды – Форд, Рокфеллер и Макартур будут помощнее: 833 млн. долларов в 2003 году против 68 млн. долларов неоконсервативных фондов). Неоконсервативные журналы имеют меньший тираж, чем откровенно либеральные «Нэшнл ревью», «Нэйшн», «Нью рипаблик», «Нью-йоркер» (не говоря уже о «Тайм» и «Ньюсуик»).

Итак, кредо неоконсерватизма: открытое провозглашение первенства США в международных делах, снижение роли международных организаций, предваряющие удары по потенциальным противникам, любые действия, предотвращающие распространение оружия массового поражения, подозрение в отношении даже старых союзников (не говоря уже о таких новых доброхотах, как РФ), сокрушение «оси зла» (Иран, Сирия, Северная Корея), активное использование уникального факта американского всемогущества («история не простит бездействия»). Мантра «неоконов»: величайшей опасностью для Америки сегодня является возможность создания одним из «rogue states» («агрессивных государств») ядерного оружия, которым оно может снабдить диверсионные группы, стремящиеся проникнуть в Соединённые Штаты.

«Звёздный час» политического всемогущества настал для «неоконов» в трагический для Америки час. Когда потрясённая страна в сентябре 2001 года озиралась в поисках утраченного равновесия, «неоконы» молниеносно вышли на национальную арену и предложили президенту и администрации в целом серию активных действий, отвечавших тогдашнему паническому сознанию страны, полтораста лет не знающей войны на своей территории. Войны в Афганистане и Ираке вывели «неоконов» из идеологических пещер в самые главные кабинеты. Как пишет едва ли не самый активный «неокон» Макс Бут, «после самой крупной в истории США террористической атаки президент Буш-мл. пришёл к выводу, что администрация не может более позволить себе «скромной» внешней политики». Особое ликование «неоконов» вызвала принятая администрацией Буша в 2002 году амбициозная «Стратегия национальной безопасности», главной мыслью которой было продекларированное право федерального правительства США наносить «предваряющие удары» в случае, если государственные органы страны посчитают политику государства X грозящей антиамериканскими действиями. Это наиболее лелеемый американскими неоконсерваторами документ.

Обречена ли Америка жить в тени наиболее параноидальных мнений, грозящих в конечном счёте распылением мощи американского гиганта, потерей им наиболее важных союзов? Безнадёжно пытаясь осуществить полицейские функции «по всем азимутам»? Даже сейчас видно, что внутри Белого дома, Капитолия, Пентагона идёт жёсткая внутриведомственная схватка. Если бы «неоконы» были в ней побеждающей стороной, то мы бы видели силовые действия против Ирака и Афганистана гораздо раньше. Сейчас мы наблюдали бы за ударами по Северной Корее и Ирану. Напротив, мы видим первые попытки контактов республиканской администрации с обеими этими странами.

В Америке достаточно трезвых людей, не опьянённых положением единственной сверхдержавы. Быстро выигранная война обратилась в Ираке (да и в Афганистане) теряемым миром. Уже сегодня ведущий американский социолог Иммануэль Воллерстайн спрашивает, почему «нашим главным военным ответом на акты террора было вторжение в страну, которая не имела ничего общего с атакой 11 сентября?… «Полный вперёд» – это девиз нынешней администрации, поскольку, если они ослабят темп, то будут выглядеть очень глупо, а поражение *позже* кажется менее болезненным, чем крах *сегодня*».

Неоконсерваторы уже сейчас (на всякий случай) жёстко утверждают, что они стояли и стоят за более активное, энергичное и быстрое вмешательство в «национальное строительство» в Ираке и Афганистане. Они *уже* обвиняют деятелей типа и класса Рамсфелда в неповоротливости, в скепсисе по отношению к участию американцев в создании новых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Они выступают за расширение американского военного присутствия здесь. Современный американский неоконсерватизм – мощная и сплочённая сила, искусная в идеологическом споре и в трактовании оптимального американского курса в огромном внешнем мире.

«Неоконы» отметают всякие аналогии с Вьетнамом, они напоминают, что во время покорения иракского восстания в 1920 году англичане потеряли более 500 солдат – гораздо больше, чем (пока) сегодня в Ираке. Но если потери в Ираке не прекратятся, а 87 млрд. долларов, выделенных Ираку, не стабилизируют там обстановку; если ценой борьбы с горцами будет кризис НАТО, если вместо демократии в новом Ираке воцарится режим шиитских аятолл, когда престижу Соединенных Штатов в мире будет нанесён жестокий урон, тогда Америка будет искать «козла отпущения». И она уже знает, как его зовут.

Анатолий УТКИН

■ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР ■

❑ **XII Международные Рождественские образовательные чтения проходят в Москве с 24 по 31 января по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.** Задача чтений – «уяснение важности подвига новомучеников и исповедников Российских для восстановления насильственно прерванных духовных традиций русской жизни, культуры, образования; воспитание подрастающего поколения в духе высоких идеалов служения Богу и Отечеству; православное осмысление важнейших проблем, стоящих перед Церковью и обществом». Гостей и участников чтений приветствовал президент РФ В. В. Путин.

❑ **Авторов произведений научно-просветительского жанра решили поощрить в Екатеринбурге.** Для этого учреждается новая премия, которую планируют вручать уже начиная со следующего года. Дело за малым – найти спонсоров.

❑ **Коми книжное издательство выпустило Академический русско-коми словарь.** Книга содержит более 52 тысяч слов, примеры употребления и фразеологические обороты. Тираж – 2 тысячи экземпляров. Более половины тиража по распоряжению главы республики В. Торлопова бесплатно передадут в библиотеки, школы, научные и государственные учреждения.

❑ **По Вологодской области пройдёт первое литературно-художественное путешествие.** В основе проекта, разработанного в Москве М. Кировой, – реальные и виртуальные путешествия по областям России, которые интересны своей историей и культурой. Вологодское путешествие получило название «Повседневная жизнь русского Севера» по одноимённой книге Василия Белова.

❑ **Выставка «Начало XX века и религиозная философия Мусы Бигиева» открылась в Национальной библиотеке Республики Татарстан.** Муса Бигиев – теолог, публицист, общественный деятель XX века, родной брат известного татарского писателя Загира Бигиева. Организатор выставки – отдел рукописей и редких книг Национальной библиотеки РТ.

❑ **«Книги Урала-2004» – выставка с таким названием пройдёт в Екатеринбурге с 24 по 27 февраля.** Эта третья межрегиональная специализированная выставка представит и экспозицию «Советский стиль». Она вобрала различные знаки и символы советской эпохи, а также курьёзы полиграфии прошлого века.

❑ **Тверская областная библиотека им. Горького провела семинар «Новое в договоре о патентной кооперации (патентование изобретений за рубежом)».** Обсуждалась проблема реализации Закона РФ «О наименовании географических объектов».

❑ **28 января в Малом зале ЦДЛ состоится уже традиционное вручение премий журнала «Кольцо «А» по итогам 2003 года.** В программе вечера выступления поэтов, прозаиков, бардов – лауреатов журнала. Ведущие – главный редактор «Кольца «А»» Татьяна Кузовлева, Алексей Гелейн и Галина Нерпина. Начало в 18.30.

❑ **В Краснодарском крае проходит приватизация издательства «Советская Кубань».** В связи с этим главные редакторы местных ведущих общественно-политических газет обратились к главе администрации края А. Ткачёву. Обеспокоенность обратившихся вызывает тот факт, что после приватизации редакции газет могут лишиться своих помещений.

❑ **В Союзе писателей России состоялось вручение премии имени Эдуарда Володина.** В номинации «Поэзия» лауреатами стали Ольга Фокина (за две книги «Избранное») и Владимир Костров (за новые переводы с французского стихотворений Ф.И. Тютчева). В номинации «Проза» – Валентин Распутин (за повесть «Дочь Ивана, мать Ивана»), Александр Киреев (за повесть «На Балканах дороги узкие») и Виктор Будаков (за книгу «Одинокое сердце поэта»). Также названы лауреаты премии и специальных дипломов в других номинациях.

❑ **Мемориальный дом-музей С.Н. Дурылина в Болшеве совместно с библиотекой-фондом «Русское зарубежье» проводит 28 – 29 января научную конференцию «С.Н. Дурылин и его время».** Приглашаются все, кого заинтересовала или интересует личность Сергея Николаевича и его окружение. Контактный телефон (095) 519-00-80.

❑ **В Малом зале ЦДЛ, в «Литературной гостиной Союза писателей Москвы», состоялся творческий вечер художницы Ирины Телюк и поэта Сергея Телюка, связанный с выходом в свет его новой книги «Предначертание» (М.: РИФ «РОЙ», «ОСТРОВ», 2003).** Поэт читал свои стихи, а также переводы с польского, венгерского, итальянского языков. Выступали критики Лев Аннинский, Лола Звонарёва, Валентин Оскоцкий, поэты Валерий Дударев, Анна Гедымин, Александр Щуплов, Нина Краснова, народные художники России Сергей Алимов и Анатолий Кузнецов, бард Виктор Попов и многие другие. Вёл вечер поэт Кирилл Ковальджи. Всё это происходило на фоне выставки графических работ Ирины Телюк.

❑ **В книжном кафе «О.Г.И.-Пироги» на Никольской прошла презентация книги стихов, мемуаров, эссе и бесед Татьяны Бек «До свидания, алфавит» (М.: Б.С.Г.-Пресс, 2003).** Об этой книге «ЛГ» уже писала. Поэтесса читала стихи, отвечала на записки слушателей, рассказывала о себе, о своих товарищах по перу. На вечере присутствовали и выступали известные поэты Евгений Рейн, Геннадий Русаков, Нина Краснова, Геннадий Калашников, Ольга Иванова и многие другие.

❑ **Учебники истории будут пересмотрены. Об этом заявил на открытии 12 Международных Рождественских чтений министр образования Владимир Филиппов.** В соответствии с новыми стандартами учебники отберут на конкурсной основе. И в них, как заверил министр, «не будет места псевдолиберализму, направленному на искажение истории».

❑ **Лауреатами премии имени Аполлона Григорьева за прошлый год стали** Юрий Арабов (роман «Биг-бит», опубликованный в журнале «Знамя», № 7–8), С. Витицкий (Б. Стругацкий), («Бессильные мира сего». – СПб: Амфора) и Виктор Пелевин («Диалектика переходного периода (из ниоткуда в никуда)», – М.: ЭКСМО). Кто из них получит Большую премию, станет известно по сложившейся традиции на Масленицу.

❑ **В Малом зале ЦДЛ прошло очередное заседание Клуба рассказчика под председательством Виктора Зуева.** Обсуждался цикл рассказов Маргариты Шараповой «Лестница». Среди выступавших были критики Р. Ляшева, С. Соложенкина, ответственный редактор «НГ-Ex libris» Е. Лесин, писатели Р. Сенчин и А. Сельверов.

■ ЭПОХА ■

В городе Голикова

100 лет Аркадию Гайдару

Арзамас многие десятилетия называли «городом Гайдара». Сюда, по этому «адресу», писали даже письма, которые (как ни странно) доходили.

И недаром Аркадий Гайдар называл его своей родиной, потому что здесь прошло детство, здесь была учёба в реальном училище. Многие впечатления от «арзамасской жизни» потом нашли отражение в его произведениях.

Долгие годы в городе существовала своеобразная инфраструктура, которая сделала Арзамас почти всесоюзным центром работы «тимуровцев», педагогов, писательской общественности. Сборы, слёты, семинары, обширная переписка энтузиастов создания здесь Музея А.П. Гайдара и открытие в 1964 году самого музея только закрепили этот образ города, где действительно многочисленные места связаны с жизнью и творчеством одного из самых знаменитых писателей советского времени.

Но вот за советским временем пришло другое. История государства, как история литературы этого времени, как бы переписывается исподтишка. Хотя кто мешает говорить обо всём открыто и честно?

Встал вопрос и с Гайдаром. Сначала в форме публицистических «прозрений», а потом в ход пошла и «тяжёлая артиллерия» в виде солоухинской статьи в «Огоньке» и его «Солёного озера».

Находили иногда «соломоново решение»: да – писатель большой и талантливый, но вот, дескать, чему учил.

Тут незаметно и нагрянуло столетие автора «Школы», «Судьбы барабанщика», «Военной тайны», «Голубой чашки» и «Тимура и его команды». Эх, в советское бы время в каждом, даже небольшом городе, посёлке или деревне каждый бы день, а то и неделю проходили бы конференции, слёты, сборы, встречи...

Нет, нынче всё скромно, и Арзамас – едва ли не основной город из тех немногих «точек», где эта дата будет отмечена, потому что главные гости пожаловали в самый день рождения писателя именно сюда.

Пройдёт ещё, наверное, какое-то время, и более трезвыми и серьёзными, менее идеологизированными и политизированными будут оценки его творчества и самой его удивительно яркой, феноменальной и неповторимой судьбы.

Может быть, тогда станет понятным, чем и сегодня берёт за душу эта талантливая проза, эта образная педагогика и лёгкая взрослость разговора с детьми?

Назовите мне писателя, который бы своими книгами вырастил несколько поколений населения огромного государства. Нет сегодня такого писателя.

И ведь именно эти поколения и выиграли великую и кровопролитную битву за Отечество в 1941 – 1945 годах.

Как писать о его книгах сегодня, как их читать? Каков должен быть подход к ним – пересмотр или смещение акцентов, как известно, указующих на то ценное, главное, что есть в книгах? И хватает ли нам в нашем подрастающем поколении тех черт, которые бы воспитывали (думаю, что при любом политическом раскладе) в своих юных читателях стойкость, мужество, умение постоять за себя, ответственность перед сообществом людей, любовь к Родине? Нет, не хватает.

Столетие со дня рождения писателя могло бы стать и поводом для размышлений о состоянии общества.

На празднование юбилея Гайдара приехали члены ассоциации «Лермонтовское наследие» во главе с его президентом, полным тёзкой поэта, Михаилом Юрьевичем Лермонтовым, одним из потомков автора «Героя нашего времени». Как известно, Аркадий Гайдар был потомком Лермонтова по материнской линии. Его мать Надежда Аркадьевна Салькова была дочерью дворянина.

Естественно, что «главным гостем» праздника стал директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар, внук писателя. Он приехал со своим сыном Петром, аспирантом Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.

Гости возложили цветы к памятнику Гайдара – дедушки и прадедушки, а потом осмотрели мемориальный дом-музей семьи Голиковых и литературный музей писателя.

В экспозиции уже находятся вещи и рукописи, которые были знакомы Егору Тимуровичу с детства. И в частности, книги и вещи журналиста, писателя, контрадмирала Тимура Аркадьевича Гайдара, которые после его смерти тоже были переданы семьёй в этот музей.

В крохотном старом домике постройки 70-х годов XIX века семья Голиковых жила с лета 1912 года. Сегодня здесь воссоздан быт семьи, а значит, и детства писателя.

В литературной экспозиции немало драгоценных раритетов. Я держу в руках рукопись «Военной тайны», на которой посвящение сыну Тимуру. Когда-то в своём доме мне показывал её хранивший всю свою жизнь сын писателя Тимур Аркадьевич. Мой вопросительный взгляд он сразу же понял и прокомментировал: «Есть рукописи отца, с которыми я пока не расстался. Они пойдут в архив, но попозже». «Попозже» (увы!) наступило, и теперь «Военная тайна» здесь, в арзамасском музее, как и книги самого Тимура Аркадьевича Гайдара.

В рамках юбилейных торжеств здесь прошла встреча с писателем, известным гайдароведом Борисом Камовым, который страстно и публицистично выступил в защиту честного имени Аркадия Гайдара, представив свою книгу «Игра в напёрсток. Расследование одного литературного преступления».

Торжественный вечер в местном драматическом театре, открытие выставки «Мир героев гайдаровских книг глазами юных художников», спектакль детского музейного театра «Среди цветов», поставленного в семье Голиковых в Арзамасе в 1917 году, фестиваль читателей «Парад гайдаровских героев» – вот далеко не полный перечень событий, которые прошли в праздничные дни на арзамасской земле.

А осенью здесь откроется Всероссийская научно-практическая конференция «А.П. Гайдар и круг детского и юношеского чтения», на которую съедутся десятки учёных, писателей, библиотекарей, педагогов со всей страны.

Интересные перспективы открываются и у самого музея Гайдара в Арзамасе. Михаил Лермонтов, Аркадий Гайдар, Тимур Гайдар, Павел Бажов (жена Тимура Аркадьевича – дочь П.П. Бажова), Стругацкие (жена Егора Тимуровича – дочь писателя-фантаста А.Н. Стругацкого) – интереснейший круг талантливых людей, в жизни, в творчестве и судьбе которых, как в капле воды, отразилась вся непростая, но яркая история России XX века, да и отечественной литературы в частности.

Такая концепция музея даст ему новое дыхание, поможет взглянуть шире на исторические и культурные процессы.

И это дело не только администрации небольшого (чуть более 100 тысяч населения) города Арзамаса и Министерства культуры Нижегородской области, но и Союза писателей России, членами которого были Аркадий Гайдар, Павел Бажов, Тимур Гайдар, Аркадий Стругацкий.

В эти дни Арзамас опять стал «городом Гайдара». Надолго ли за ним останется это звание?

Сергей ЧУЯНОВ,
АРЗАМАС

■ ГИПОТЕЗА ■

Как стать «Гайдаром»?

Столетие со дня рождения замечательного детского писателя Арк. Гайдара (А.П. Голикова) в очередной раз всколыхнуло общественный интерес к тайне возникновения его знаменитого имени. Впервые оно появилось на страницах пермской газеты «Звезда».

Версии разнообразны. Так, псевдоним возводится к монгольскому слову «гайдар», которое переводится как «всадник, скачущий впереди», или же к тюркскому, переводящемуся как «пастух». Хакасское же слово «хайдар» (а в Хакасии Аркадий Петрович Голиков успел повоевать) обозначает вопрос «куда, в какую сторону?».

Совсем уж фантастично предположение сына писателя Тимура, возводящего псевдоним к аббревиатуре, где «Г» – сокращение фамилии Голиков, «ай» – первая и последняя буквы имени писателя, а «дар» на самом деле означает «д'Ар», то есть «из Арзамаса», на лихой французский манер. Очень уж сложно, на мой взгляд.

И вот что мне подсказывает интуиция, замешенная притом и на размышлении. Большинство русских революционеров брали псевдонимы либо в честь древних героев, например, Киров (Костриков) – Кир; либо в честь литературных героев, например, Молотов (Скрябин).

Юный Голиков наверняка прочитал «Сказки Кота-Мурлыки» Николая Петровича Вагнера (1829 – 1907), «русского Андерсена». Эта книга выдержала девять изданий с 1872 по 1913 год. Кстати, Н.П. Вагнер уроженец Пермской губернии, на Урале прошло его детство. Сказка «Великое» входила в 6-й том, выдержавший три издания. Она имеет ещё и другое название – «Сказка о принце Гайдаре». Её герой однажды пошёл один, без свиты своей, искать по всему свету «великое». Сначала он думал, что «великое» скрыто в истине, и общался с земными мудрецами. Затем общался с дервишем, который заметил, что великое скрыто в малом. Потом искал великое в материнской любви и нашёл его, выслушав исповедь странника Рабеля бен-Ада, который после всех своих бед и злоключений осознал счастье платить добром за зло и возлюбил врага своего. Заканчивается сказка описанием восхождения Гайдара на гору, где героя последовательно охватили все воспоминания его жизни: «Наконец, он вспомнил о Рабеле и Самуиле, и сердце его затрепетало свободно и радостно. Оно расширилось. Оно захватило всё земное, всё сотворённое «Великим» и Его – «Великого». Но сердце человека не может обхватить и заключить в себе этого «Великого», сердце Гайдара разорвалось. Он упал. Он был на вершине горы. Горный воздух был кругом него. Был простор, была свобода, и ясное заходящее солнце освещало своими прощальными лучами лицо его, на котором была тихая, бесстрастная улыбка».

Поразительно, что и героя сказки Гайдара Мальчиша-Кибальчиша похоронили на Зелёном Бугре у Синей Реки, да и самого писателя перезахоронили на Тарасовой горе близ города Канева.

Почему-то мне кажется, что именно сказка Кота-Мурлыки послужила причиной выбора столь загадочного псевдонима Гайдар писателем А.П. Голиковым.

Виктор ШИРОКОВ

Великие без оговорок

Три года назад, в ночь с 24 на 25 января 2001 года, ушёл из жизни один из самых влиятельных писателей России – Вадим Валерианович КОЖИНОВ

В 2000 году на прилавках книжных магазинов, изобилующих изданиями, подводящими как бы литературные итоги двадцатого столетия, появилась книга «Вершины русской поэзии. Век XIX» – антология, претендующая на «новое представление» читателю, казалось бы, всем известных вершин творческого наследия великих русских поэтов – А.С. Пушкина, Е.А. Боратынского, Ф.И. Тютчева, А.В. Кольцова, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Н.А. Некрасова. Книга на удивление быстро разошлась и сейчас, скорее всего, является библиографической редкостью. Вне всякого сомнения, это связано с именем её составителя – русского просветителя, писателя, историка, литературоведа Вадима Валериановича Кожинова, чей взгляд на, казалось бы, общепринятые оценки фактов, событий, явлений бытия, отличающийся основательностью, компетентностью, научной ответственностью, заставляет наше сознание начать движение в обход устоявшихся стереотипов.

Разговор с Вадимом Валериановичем состоялся в конце ноября 2000 года в его кабинете на Б. Молчановке. Через два месяца Вадима Кожинова не стало.

– Вадим Валерианович, как зародилась идея составления такой антологии? Какие критерии легли в основу вашего отбора?

– Знаете, идея эта возникла давно, где-то в начале 60-х, и совершенно органически, поскольку я много занимался поэзией, особенно в начале своего, выражаясь высокопарно, творческого пути. Просто появилась абсолютно естественная потребность собрать (для самого себя!) действительно выдающиеся, а не хрестоматийные стихотворения великих наших поэтов. И вот, почувствовав такую потребность, я начал серьёзно заниматься этим отбором. Выступая перед литераторами, студентами-филологами, я проводил своеобразное тестирование – читал лучшие стихи Пушкина, Тютчева, Фета, предлагая определить, кому они принадлежат. И в редчайших случаях кто-то правильно называл автора. И вот после проведения множества такого рода опросов получил своё печальное подтверждение тот факт, что действительно люди не знакомы с наивысшими творениями русской поэзии XIX века. Это объясняется, в частности, тем, что за исключением, пожалуй, только Лермонтова во всех собраниях сочинений стихи печатаются в хронологическом порядке и читатель, начиная знакомство с поэтом с его юношеских, в сущности, «ученических» стихотворений (которые к тому же занимают обычно большую часть собрания, т.к. в юности, как правило, пишется легче и больше), просто не добирается до вершин творчества поэта или, по крайней мере, добравшись до них, уже как бы «устаёт» и утрачивает к этому моменту остроту и полноценность восприятия. Я думаю, что для многих читателей те или иные стихотворения Тютчева и Боратынского, Некрасова и Фета, собранные в антологии, станут своего рода «открытиями». Я даже с большой степенью вероятности могу предположить, что, обратившись уже к первому разделу книги – к стихам самого Пушкина, – не один читатель с удивлением обнаружит совершенно неизвестные ему пушкинские творения.

И здесь нельзя не коснуться проблемы зрелости поэта. Безусловно, становление поэтического или, вернее, лирического дара может совершиться очень рано – всем известны имена великих и выдающихся поэтов, доживших до тридцати лет, но успевших создать бессмертные художественные ценности. И всё же зрелость не приходит сама и сразу.

Лермонтов не дожил до 27 лет. До нас дошли стихи и даже поэмы, сложенные им в 13–14 лет... Однако те творения, которые сам Лермонтов счёл возможным включить в свою книгу, написаны им не ранее чем в 22–23 года. Таким образом, даже несмотря на предельно короткую жизнь поэта, период «ученичества», по его собственному мнению, продолжался около десяти лет. В ещё большей степени это относится к творческому пути других поэтов, где этот период составил пятнадцать (как у Тютчева) или двадцать (как у Некрасова) лет. В составленной мной антологии собраны за очень немногими исключениями стихи, созданные Пушкиным, Боратынским, Тютчевым, Кольцовым, Лермонтовым, Фетом и Некрасовым в годы их «золотой зрелости». Хотя, вне всякого сомнения, и в ранних стихах названных поэтов есть своего рода «прорывы» к зрелости, но это всё же только отдельные предвестия будущих творческих высот и глубин.

– Вадим Валерианович, возникает естественный вопрос: почему из яркой плеяды творцов отечественной лирической поэзии XIX века вами избраны только семь и почему именно эти семь поэтов? Ведь, я уверен, большинство наших читателей могут назвать ещё десяток поэтов, чьё творчество оставило глубочайший след в русской лирике XIX века, – Жуковский, Батюшков, Фёдор Глинка, Денис Давыдов, Вяземский, Дельвиг, Языков, Хомяков, Полежаев, Бенедиктов, Огарёв, Полонский, Аполлон Григорьев, Майков...

– Вы, безусловно, правы. И всё же я убеждён, что только семь представленных в антологии могут быть без оговорок названы *великими* поэтами, ибо они, и только они, смогли полноценно воплотить громадный *смысл* в *совершенном* поэтическом мире. Конечно, зрелой лирике названных и не меньшему числу не названных вами поэтов, внёсших весомый вклад в русскую лирику XIX века, присущи мощь и ёмкость смысла, но для их поэтических миров характерна определённая художественная *недовоплощённость*, которая не позволяет смыслу обрести полноценную жизнь. Правда, и у поэтов, принадлежащих, так сказать, ко «второму» или даже «третьему» ряду отечественной поэзии, есть отдельные стихотворения очень высокого уровня, но всё же ими не был создан тот прекрасный лирический мир, без которого поистине, если воспользоваться словами Толстого о Тютчеве, «нельзя жить».

– Известно, что путь составленной вами антологии к читателю был весьма долгим...

– Это, знаете, почти детективная история. К началу 80-х я завершил работу над составлением книги (непосредственно эта работа заняла 2–3 года). Принёс рукопись в издательство «Современник», где тогда был директором Геннадий Михайлович Гусев. А незадолго до этого у меня вышла антология «Поэты тютчевской плеяды» (которую я принёс с собой и которая по большой просьбе Гусева перешла с моим автографом в его собственность). Геннадий Михайлович с восторгом принял моё предложение и, соответственно, рукопись... А через какую-нибудь неделю мне звонят из редакции и говорят, что книгу решили не издавать. Я стал наводить справки и выяснил, что главный редактор издательства Леонид Фролов, даже не читая книги, сказал Гусеву, что книга, составленная Кожиновым, антисоветская, так как он уверен, что в книге нет, например, стихотворения Пушкина «Деревня». А я действительно его не дал – это юношеское стихотворение, написанное в двадцатилетнем возрасте, стихотворение очень затянутое, к тому же чего там такого особенного? «И рабство, падшее по манию царя...». Это ещё не Пушкин. В общем, Фролов выразил твёрдое мнение, что за книгу, составленную Кожиновым, могут только осудить. Гусеву ничего не оставалось делать... Прошло, наверно, лет шесть или чуть больше, уже вовсю шла «перестройка», вдруг мне звонят из этого издательства (в это время Фролов был уже его директором) и, поскольку погода переменилась, просят вернуть рукопись. Я возвращаю, книгу набирают, доводят до плёнок... и в этот момент издательство разоряется.

Проходит ещё несколько лет, и один мой знакомый, сотрудничающий с издательством Московского государственного университета, узнав о существовании такой книги, предлагает издать её там. И в самом деле, книгу с восторгом берут, доводят до плёнок... И тут МГУ перестаёт финансировать своё издательство. Прошло ещё какое-то время, и случилось так, что в издательство МГУ зашёл сотрудник издательства со странным названием «ЭКСМО-ПРЕСС», который, как выяснилось, оказался тонким ценителем поэзии. Он «пробивает» издание книги в своём издательстве... и буквально за несколько дней до её выхода умирает. Вот такая, представьте себе, история.

Вот недавно под моей редакцией вышел учебник, точнее, учебное пособие «Русская литература XX века», кстати, очень хорошее, в нём представлено много статей разных авторов, в том числе и 2–3 моих. Это первая книга, в которой преодолевается совершенно дурацкое противостояние, когда литература толкуется либо по-советски, либо по-антисоветски. Это абсолютно поверхностно, литература залегает глубже политических противоречий. И поэтому, несмотря на то, что Шолохов, допустим, был, так сказать, коммунистом, а Булгаков антикоммунистом, рассматривать их надо в одном ряду. Ведь если взять традиционные обозначения – и у Шолохова, и у Булгакова речь идёт не о борьбе белых и красных, а о борьбе Бога и Дьявола. Это я к вопросу о советскости и антисоветскости книг, подготовленных мной к печати.

– Вадим Валерианович, сейчас, на переломе веков и тысячелетий, наметилась явная тенденция, я бы даже сказал, увлечение составлением поэтических антологий, подводящих как бы литературные итоги двадцатого столетия. В них представлены сотни имён. Например, в недавно вышедшей антологии «Русская поэзия. XX век», одним из авторов которой являюсь и я, собраны стихи более 750 поэтов. Насколько это оправдано? И второе. Представьте себе, что через сто лет, в начале XXII века появится мыслитель, историк, исследователь литературы ваших масштаба и глубины, который выполнит ту же работу, что и вы сейчас, – составит антологию «Вершины русской поэзии. Век XX», в которой будут представлены имена, допустим, только 10 поэтов. Вы могли бы предположительно назвать поэтов этой «золотой десятки»?

– Если говорить серьёзно, то вышедшие антологии на самом деле антологиями не являются, это скорее энциклопедические словари. Кстати, писатель Юрий Поляков, инициатор этого издания, приезжал (как мне помнится, вместе с вами) ко мне в гости с предложением принять участие в составлении упомянутого издания, а чуть позже по просьбе составителя поэта Владимира Кострова я представил подборки стихотворений Николая Рубцова, Анатолия Передреева, Николая Тряпкина, Юрия Кузнецова...

Что касается второй части вопроса. Я считаю, что время для окончательного выстраивания каких-либо иерархий ещё не пришло. Вы учтите, только в последней трети XX века наметились определённые контуры, т.е. выстроились некие весьма условные иерархические пирамиды, определяющие «первый», «второй» и «третий» ряды величин в русской поэзии XIX века, а ведь XX век в этом отношении значительно сложнее. Конечно, я мог бы сейчас назвать имена нескольких поэтов, по моему мнению, безусловно, входящих в «золотой фонд» русской поэзии XX века, и всё же я бы предложил обратиться ко мне с этим вопросом лет эдак через 50–70.

Беседу вёл
Александр ДОРИН

■ КРИТИКА: САМОУБИЙСТВО ЖАНРА? ■

Е.Б.Ж.

Опыт суицидной дискуссии

Русскую критику съел Чубайс...
П. Басинский, 2003 г.

Разговор у литературного разъезда

– Говорят, в минувшем году наша благоразумная старушка Критика, подобно Катерине Островского, взяла да и махнула с обрыва...

– А, казалось бы, какая была идиллия... Ну и что с того, что к ней – покудова Басинский отлучался по неотложным делам – в незапертую калитку наведывался розовощёкий Быков!

– Известное дело, запирать надо было калиточку-то от проныр.

– Да вот беда – Чубайс-Кабаниха!.. Со свету сживала. Бывало, скажет: «Не бывать лучу света в тёмном царстве!» – и усядется своим бессовестным гарвардским афедроном прямо на рубильник.

– Ну такой наглости, конечно, никакая Критика не выдержит.

– Вынула тогда она, бедная, из матушкиной шкатулочки свой заветный ваучер и написала на нём: «В моей смерти прошу винить Анатолия Борисовича... А ты, – говорит, – Паша, не убивайся, ты ещё не такой старый, найдёшь себе другую». А ещё просила написать в Баден-Баден Курицыну. «Скажи, – говорит, – ты этому Курицыну слово прощальное и передай ему кольцо обручальное»...

– Тут уж, видно, на старушку то ли затмение какое нашло перед суицидом, то ли она по возрасту запамятовала, кому навеки «отдана»...

Эффект зеркала

Кем же была *ушедшая* от нас? Лев Толстой сказал, что «критика – это когда глупые пишут об умных». Если верить классику, то, пожалуй, и слёзы лить не о чем, как говорится, – невелика потеря, «умерла так умерла!» К тому же Лев Николаевич отнюдь не оговорился. Он, например, после выхода «Войны и мира» имел удовольствие прочитать у П. Ткачёва о своём великом творении, что «в этом романе бездарно всё, начиная с названия».

Изобильным урожаем подобной образцовой критики недавно пополнились закрома нашей периодики в связи с выходом исторического труда Александра Солженицына «Двести лет вместе». Об этом эффекте зеркала в критике известно с незапамятных времён, ибо замечено, что глядящийся в зеркало осёл или дьявол не может увидеть в нём отражение ангела.

Увы, история литературы знает примеры, когда несправедливости и даже глупости «умные пишут об умных». Так, Достоевский, по своим резонам, сгоряча называет Белинского «самым тупым и смрадным явлением русской жизни». Белинский, в свою очередь, не принял повестей Пушкина. Розанов почём зря крыл Гоголя. Адамович разражается неприличной тирадой про то, что у Мандельштама «в одном пальце было больше мастерства, ума, чутья, чем во всём, что Есенин когда-либо написал и способен был написать». Солженицын раздражённо неправ в отношении к Шолохову... Спрашивается, отчего же «своя своих не познаша»? Да просто в зеркало никто из них не заглядывал, его просто замазывали, заляпывали краской различных цветов – от чёрного до красно-коричневого.

Другой вариант критики, когда «глупые пишут о глупых». Самый популярный. Главный ареал распространения этой глупости – массовая культура, модернистско-авангардистская тусовка. Тут с зеркалом поступают, как крыловская мартышка, которая приставляла очки к известному месту, и, естественно, получают соответствующее отражение.

В том же ряду статьи о друзьях, о пишущих издателях и литературных чиновниках, об идейных единомышленниках, пусть они ни уха ни рыла не смыслят в литературе, лишь бы рубаху умели рвать на груди да чтобы партийное знамя высоко держали. Сущее королевство кривых зеркал, для читателя – «комната смеха», для критика – «комната плача».

Самый занудный и самый нерусский тип критики – который, извиняюсь, «фундирует» «Новое литературное обозрение» вместе с его авторами. Игорь П. Смирнов – Надежда Я. Григорьева (спасибо И. Ростовцевой за содержательную цитату!) утверждают: «Критик теперь судит текст, не раскрывая критериев той оценки, которую он выносит». Сюда, разумеется, приплетают идеологию, дескать, подобного рода буквоедство есть величайшее достижение «неавторитарной культуры». Зеркало используется исключительно для того, чтобы констатировать отсутствие дыхания у покойного.

В общем, с какой стороны ни взгляни на почившую, всё как-то оказывается: Чубайс-Кабаниха права...

«Хорошо тебе, Катя!»

Оно, конечно, «беда приключилася страшная», а всё ж таки не миновать и неприятных последствий, о которых предупреждал ещё Некрасов: «Суд приехал... допросы... – тошнёхонько!» Надо же выяснить, в конце концов, что её «доконало», горемычную?

Для какой надобности, к примеру, в дискуссии называют критику жанром? Из теории литературы известно, что критика является «*областью* литературного творчества», «особым *видом*» или, по Розанову, «*ветвью* литературы». Странно, что профессиональные критики (даже и всезнающий В. Топоров!) принялись обсуждать то, чего не существует в природе. После этого непонятно, к кому обращён вопрос о критике: «Где её былой авторитет»?

Но самые серьёзные сомнения закрадываются после широкого запева: «То, к чему стремились честные русские критики двух веков, было разрушено в одночасье, и вот мы до сих пор, приплясывая и похохатывая, как деревенские дурачки, смотрим на руины собственного дома. Ну не самоубийство ли это?» Небезызвестный Порфирий Петрович, слушая показания Раскольникова, в очередной раз навострил бы ухо.

Сдаётся, тут что-то не так, тут какая-то игра либо ложная тревога. Тихон в «Грозе», помнится, бросаясь на труп утопшей жены, кричит: «Хорошо тебе, Катя!» И далее – прямо-таки в духе текущей дискуссии: «А я-то остался жить на свете да мучиться!» Так вот оно что! Разговор-то, оказывается, ничуть не о жертве, а о себе, любимых. Почему это-де нас не читают, почему мы, такие хорошие да умные (даже С. Чупринина проняло, даже Л. Пирогов вдруг заговорил как государственник и почвенник!), не властители умов, не «начальники», как в былые времена...

Без читателя

Воспользуемся этой горькой формулой Георгия Иванова из его работы «Без читателя». Вспомним, сколь трагичен был насильственный физический отрыв от России драгоценной плеяды писателей русского зарубежья, остававшихся при этом духовно неразрывно связанными со своей родиной, со своим народом. И подивимся, с какой лёгкостью и с каким чижико-пыжиковским легкомыслием оказались добровольными духовными и нравственными эмигрантами в своей собственной стране, среди своего народа сегодняшние наши «властители дум». Подивимся и скажем, что абсолютно ни при чём здесь критика, назови её хоть горшком, хоть жанром. И нечего, господа хорошие, приписывать ей свои грехи и комплексы, суицидные в том числе.

Конечно, у каждого совершенно разная рефлексия по поводу оплакиваемой утраты. Одна рефлексия у В. Курицына, М. Золотоносова, А. Архангельского, А. Немзера, С. Чупринина, Л. Пирогова, Игоря П. Смирнова – Надежды Я. Григорьевой, И. Прохоровой и совершенно другая у И. Ростовцевой, В. Топорова, В. Куприянова; третья – у В. Бондаренко...

И. Ростовцева, к примеру, так же как и В. Топоров, уж точно не относится к тому неназываемому вслух фантому, который «в одночасье» разрушил «то, к чему стремились честные русские критики двух веков», ибо не они определяли литературный процесс в критике последних полутора десятков лет. У себя в журналах, в газетах, на территории идейных союзников усыновлённая дикой демократией группа новых «властителей дум» занималась, так сказать, накоплением первоначального либерально-интеллектуального капитала, всяк на свой салтык творила новую литературную ситуацию, похожую на шабаш на Лысой горе. Посреди разграбленной и униженной страны представители этой группы на глазах у миллионов телезрителей смачно уничтожали халявные закуски на бесконечных фуршетах то в честь рождения модернизма, то на поминках по реализму, то встречая рассвет постмодернизма, то смакуя сумерки русской литературы... Натурально «совесть нации» была в такой ажитации, что впору было называть её «непристойностью». Самозабвение дошло до такого нарциссианства, что наши самодостаточные критики стали ставить себя выше писателей. Они вдруг ринулись в сочинение автобиографической прозы, решив, что их «жизнь в искусстве» безумно интересна миру.

Апофеозом этой элитарной замкнутости на мнимой собственной высоколобости, на новых мёртворождённых литературных мифах, на пренебрежительной к реальной жизни кастовой лексике («всем скопом косить под Ролана Барта» /В. Топоров/) стал тот самый подход соросовского «Нового литературного обозрения» к творчеству. Теперь критик по образцу западной космополитичной «политкорректности» судит, а по сути, формализует текст, убивая в нём душу, выводя его за рамки нравственности, лишая его исторического, национального контекста, окончательно маргинализируя критику как таковую и навсегда уводя её от читателя...

Так что «приплясывание» на священных камнях отечественной культуры началось не «в одночасье» и не от потери рассудка с горя.

Общее положение усугублялось тем, что невозможно было читать и советскую критику. Весь этот период в критике, за исключением немногих имён, представлял собой сплошное кладбище идеологических штампов, пошлой материалистической одномерности, казённого языка при невыносимом убожестве мыслей. Фактически предстоит перечитывать, переосмысливать, а во многом и заново открывать богатейшую и не столь однозначную литературу канувшей в Лету эпохи.

Единственный безусловный профессионал обозреваемых лет – Владимир Бондаренко. Он, реально находясь на передовой линии общественных и эстетических браней, все эти годы выполняет функцию критика, как её понимали и В. Белинский, и Н. Добролюбов, и А. Григорьев. Его несбыточный замысел о литературоцентричности – объединении вокруг русской литературы писателей разных направлений, школ, взглядов – последняя романтическая идея, которая ещё могла появиться в нашем прагматичном атомизированном мире. Меня не устраивают «эстетические достоинства» Лимонова, Витухновской, Сорокина, которые зачастую находят в них Бондаренко, но он всегда в работе, он помнит и понимает, какой была и какой должна быть отечественная литература.

Что делать?

Единственное, с чем, пожалуй, можно согласиться в ходе дискуссии, – так это с утверждением о том, что теперь уже бесполезны любые «героические усилия» для возрождения критики. «Хохотунам и плясунам», которые хотели бы списать на собственную невменяемость под видом «деревенских дурачков» разрушение того, «к чему стремились честные русские критики двух веков», теперь уж точно не бывать властителями умов. Ибо повторять то, чем они занимались в литературе, было бы непростительным рецидивом. Ведь именно им, что ни говори, был дан уникальный шанс, быть может, один из тысячи, которым они не воспользовались, когда открывалась возможность впервые после семидесятилетнего пребывания во лжи помочь соединить распавшуюся связь времён, осмыслить раскол России и русскую трагедию XX века, вернуть человеку его духовную родину, небо, чувство раскаяния, греха, муки совести... Какие там «героические усилия»! Никто из них не был готов умереть за русскую литературу, ни на ком не оказалось тернового венца, никто не написал своей «Легенды о Великом инквизиторе» или хотя бы свой «Бесконечный тупик», своих «Пламенных реакционеров»! Когда вышел «полный» В. Розанов (никем не замеченный подвиг А. Николюкина!), «полный» Г. Иванов, Б. Зайцев, И. Шмелёв, Н. Гумилёв, И. Ильин, они отмахнулись от них жалкими отписками. А ведь какой был повод для крупного взгляда на мир, на историю, на судьбу отечественной литературы! Нет, они довершили то, чего не успели сделать «комиссары в пыльных шлемах»: убили дух, который животворит, оставили букву, текст, в котором, словно «пчёлы в улье опустелом, дурно пахнут мёртвые слова». Ибо не для них – «в Евангелии от Иоанна Сказано, что Слово – это Бог» (Н. Гумилёв).

Г. Адамович отмечал, что «эмигрантская литература сделала своё дело потому, что осталась литературой христианской». В сущности, вся тысячелетняя русская литература от митрополита Илариона до Ломоносова, Державина и далее от Пушкина к Достоевскому, Шмелёву... была литературой христианской, то есть литературой совестливой, исповедальной, литературой любви, глубокого отношения к тайне человеческого бытия. Таковой она, подчёркивает Адамович, и «осталась» в эмиграции, оттого и «сделала своё дело». Инструментарий познания, которым пользуется критик, – он сам, его личность. Оценка, выносимая литературному произведению критиком, в том духовном, эстетическом, этическом идеале, который сложился в этой личности. Оттого и остаются вне времени для читателя «Письма о русской поэзии» Н. Гумилёва, «Книга отражений» И. Анненского, «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальда, «Одиночество и свобода» Г. Адамовича, критика В. Розанова, К. Леонтьева, М. Гершензона, В. Зеньковского, К. Мочульского, В. Вейдле, А. Белого, А. Блока, Г. Иванова, А. Ахматовой, В. Ходасевича, О. Мандельштама, М. Цветаевой... – и никакого тебе самоубийства «жанра», никакого тебе разрушенного Карфагена...

Можно было бы, конечно, сказать: «У нас нет критиков». Но это прозвучало бы безответственно. Достойная критика есть и в периодике – взять хотя бы критико-библиографический раздел «Нового журнала», выходящего в Нью-Йорке и продолжающего традиции Г. Адамовича, лучших критиков первой волны эмиграции.

Каждая публикация Н. Скатова, В. Непомнящего становится событием, потому что за их словом стоит многовековая русская культура, боль совестливой души, «государственный взгляд на жизнь».

Нет читателя, нет авторитета у критики? А вы заказывайте критические статьи В. Микушевичу, Н. Матвеевой, С. Аверинцеву, Р. Гальцевой, С. Небольсину, В. Распутину, В. Топорову, М. Гаспарову, Н. Нарочницкой, В. Бондаренко, Д. Галковскому... – сделайте их постоянными авторами у себя, без ревности, из любви к литературе, из любви к читателю, из любви к истине. И тогда критические разделы в ваших изданиях станут самыми читаемыми. Но это «Е. Б. Ж.», – «если будем живы», по любимому выражению Л. Толстого.

В ином случае нарисованная в дискуссии страшная антиутопия воплотится и скажет-таки, скажет Критика словами Катерины из «Грозы»: «А об жизни и думать не хочется... Опять жить?.. Нет, нет, не надо... Нет, нет, не пойду... Придёшь к ним – они ходят, говорят, – а на что мне это?»

Геннадий КРАСНИКОВ

Статьёй Геннадия Красникова «ЛГ» продолжает дискуссию, в которой уже приняли участие Павел Басинский, Лев Пирогов, Инна Ростовцева, Алексей Шорохов, Андрей Столяров, Алексей Балакин, Вячеслав Куприянов, Павел Ульяшов, Сергей Кладо, Виктор Топоров, Николай Переяслов, Владимир Яранцев, Александр Люсый, Капитолина Кокшенёва, Сергей Казначеев, Владимир Бондаренко, Елена Мурашова в № 28–30 в июле, № 32–38 в августе-сентябре, в № 41, 43 в октябре и в № 48–52 в ноябре-декабре с.г., полтора десятка гостей и участников Ярмарки интеллектуальной литературы № 5 в ЦДХ в № 51, Виктор Куллэ в № 52 в декабре 2003 года и Ольга Рычкова в № 1 этого года.

■ СОБЫТИЕ ■

Вечное открытие

На вопросы «ЛГ» отвечает Георгий ПРЯХИН, писатель, академик российской словесности, генеральный директор газетно-журнального объединения «Воскресенье».

– Георгий Владимирович, о трудностях в издательском деле как-то и неприлично говорить. Они налицо даже у такого преуспевающего издательства, как ваше. А всё-таки?

– Кроме типичных, у нас есть свои, схожие с «Литературной газетой» проблемы. Книжный рынок по-прежнему жаждет «остренького». Помните, когда-то говорили, что надо формировать вкус, облагораживать личность?.. Теперь очевидна общая тенденция: погоня за вкусом сомнительного свойства.

– Скорее всего, погоня за отсутствием его...

– Вот именно. Мы в этой погоне не участвуем. И в этом наша принципиальная позиция. Да, у нас немало трудностей, мы испытываем нехватку оборотных средств, финансирования. Особенно если учитывать, что растёт цена на бумагу, растёт и цена на полиграфию. Все эти проблемы идут ещё с той поры, когда мы издавали Пушкина в 23 томах. Но сейчас это издание стало раритетным, и нет ни одного полного комплекта даже у нас в издательстве. Ситуация возникла скачкообразная – вверх-вниз и наоборот: сколько было денег, столько и издавали.

– Название «Воскресенье» на слух воспринимается почти как «воскресение». Видимо, для вас, издателя, оно имело более глубокий смысл...

– В определённой степени имело. В пору организации издательства я, конечно же, подразумевал слово «воскресение». Ведь и роман Толстого «Воскресение» – знаковый, и менталитет нашего издательства – в православной, русской жизни. Но мы были бы чрезмерно амбициозны, если бы писали в толстовской транскрипции. Впрочем, здесь тоже своя история. Начинали мы (скоро будем отмечать пятнадцатилетие) очень прагматично. Одна из первых изданных книг «Русский огород, питомник и плодовый сад» написана обрусевшим датчанином Р. Шредером. В своё время она получила золотую медаль за лучшее произведение на садоводческую тему на русском языке. Написана не только высокотехнологично, но и поэтично. Мы издавали и «Скорняжное дело». Словом, книги для воскресного дня.

– Теперь в большинстве своём вы издаёте на коммерческой основе.

– Конечно. Даже Достоевского. Сейчас мы выпустили три тома, а планируем 22 книги! «Братья Карамазовы» будут в двух книгах. Это огромное издание. Я скажу, что нам крепко помог губернатор Омской области Леонид Константинович Полежаев. Кстати, он в отдалённом родстве с поэтом Полежаевым. Как-то Селезнёв сказал мне: «Ты позвони губернатору или сам слетай к нему. У него родилась идея издать Достоевского». Как видите, наши стремления совпали.

– История Сибири тесно связана с именем русского писателя.

– Особенно Омск. Там всё дышит Достоевским. В Омске есть Музей Достоевского и любопытный памятник. Мне кажется, губернатор решил «реабилитировать» свой город, поскольку оба города (Семипалатинск тоже) литературные. Он считает, что именно Омск должен выйти на большую федеральную «достоевскую» орбиту. Мы заключили договор, и Леонид Константинович нам помог с изданием собрания сочинений. Видимо, администрация Омской области понимает, что если Достоевский выйдет в «Воскресенье», то с учётом наших наработок, наших информационных возможностей это станет широко известным проектом. О нём знают и за рубежом, поступают интересные предложения, письма. В издательстве выработана своя методология в работе над собранием сочинений, скажем, десятитомного Лермонтова и, хочу подчеркнуть, отдельного тома писем. Суть в том, что какие-то письма были переведены заново. Мы впервые напечатали письма современников Лермонтова, не адресованных непосредственно поэту, лишь с упоминанием его, словно перекрёстный допрос над временем. Или отдельный том живописных произведений Лермонтова. Если продолжить художническую тему, то Достоевский у нас представлен как прекрасный рисовальщик. Так что мы имели опыт в нестандартных подходах. Но всё-таки связались с профессиональными литературоведами, достоевсковедами. В частности, с группой профессора доктора наук Владимира Николаевича Захарова. Это серьёзная научная группа. Своеобразным её «коньком» стало то, что впервые сочинения печатаем в интонации Достоевского: знаки препинания сугубо авторские, слова, словечки писателя, против которых боролись все его редакторы. Впервые воспроизведён его синтаксис. Должен заметить, что подобные процедуры для нас были очень трудны: наши компьютерщики, рядовые редакторы, старшие редакторы, да и сам директор поначалу не понимали, с какой целью это делается, и не соглашались. Но теперь, с подачи учёных, до них дошло, что это именно тот Достоевский, который должен прозвучать. Я считаю, что Достоевский стал впервые Достоевским, когда писал ответ на вопросы следователя по делу Петрашевского. Это удивительный документ. Он состоит из вопросов и ответов. Следователь попросил писателя дать ответ в письменном виде. И это было цельное, самостоятельное произведение. Оно полно достоинства, таланта и самопожертвования. В первом томе перевод Достоевского, сделанный вместе с Григоровичем, «Евгении Гранде» Бальзака. В третьем томе напечатаны стихи Достоевского. Я беру на себя смелость сказать, что это первое по-настоящему бесцензурное собрание. В том числе «Дневник писателя».

– Георгий Владимирович, вот я держу перед собой трёхтомник. Листаю его, и первое, что бросается в глаза, – много гравюр, офортов старых мастеров книжного дела. Иллюстрации создают атмосферу, в которой жил писатель, так сказать, ауру того времени.

– Писатель Дмитрий Жуков рассказывал, что, когда в Старой Руссе Достоевский подыскивал себе квартиру, он брал с видом на церковь. Я побывал недавно в этом тихом провинциальном городе, видел дом, в котором жил писатель, двор, канал, купы деревьев, священный старый дуб – всё это произвело на меня такое неизгладимое впечатление, как будто Достоевский был рядом со мной. И этот живописный, чувственный конгломерат наш главный художник Максим Георгиев в определённой степени сумел воплотить в оформлении.

– Каков дальнейший ритм выпуска?

– Первые семь томов у нас пойдут довольно быстро. Научная бригада, которая с нами сотрудничает, вполне справляется. Дальше, конечно, дело пойдёт труднее, но мы не отступим и доведём его до конца. Есть тут и прагматическая цель. Чем быстрее выходит собрание сочинений, тем оно дешевле – книга-то дорожает! Четвёртый том выйдет в конце января – в начале февраля, за ним – пятый. Нам важно показать, что мы не просто вытаскиваем деньги от спонсоров, мы их отрабатываем, чтобы к нам было доверие. Издание должно быть доступным, демократичным. На хорошей бумаге и в суперобложке.

– Вас не привлекает старая форма подписных изданий?

– Она попросту устарела. Но, с другой стороны, это не от хорошей жизни. Кажется, Цветаева сказала, что она любит свои книги «на вес». Лучше понянчить, дождаться книги, она должна созреть.

– Несмотря на прессинг литературы, мягко говоря, развлекательной, всё отчётливее в последнее время интерес к той литературе, которая восполняет духовный вакуум, образовавшийся в прошедшее десятилетие. Читатель хочет чистого воздуха, того, что можно назвать «экологией нравственности», так страстно выраженной в романах Достоевского. Поэтому ваше издание попадает в русло «работы души».

– Работы нелёгкой, но прекрасной. Классика – это тот самый хлеб, который сам себя несёт.

– Спасибо, Георгий Владимирович.

■ ГУБЕРНСКИЕ СТРАНИЦЫ ■

■ **«Дон»**, российский литературно-художественный ежемесячный журнал, № 11–12. – Ростов-на-Дону, 2003.

Выпуск целиком отдан казакам и казачеству – их прошлому и настоящему. Из прошлого, с «Других берегов», звучат голоса поэтов-эмигрантов М. Волковой, П. Полякова, П. Крюкова, Н. Туроверова, П. Туроверова, М. Надеждина, М. Карпова и В. Утренева. Жизнеописание «Атаман Краснов» представлено А. Смирновым. Им же в соавторстве с В. Богучарсковым подготовлено генеалогическое исследование «Род донских казаков» о фамилии Красновых. Настоящее перекликается с прошлым в повествовании Г. Колесова «Белый снег». Казачьи легенды «Лук атамана Платова» записал Б. Лащилин.

Независимо от тематической наполненности журнала «Дон» продолжает выходить под чрезвычайно симпатичным лозунгом «Литература ценнее ценного!».

■ Виталий Пуханов. **Плоды смоковницы.** – Екатеринбург: У-Фактория, 2003.

С каждым годом всё интереснее работает издательство, известность которого уже никак не умещается в границах области. И уже не редкость, что издаться в «У-Факториии» считают за честь и столичные авторы. Так, недавно вышла книга прозы «Собачья власть» Бориса Евсеева. И вот сборник стихов талантливого московского поэта Виталия Пуханова, заявившего о себе ещё первой своей книгой «Деревянный сад», вышедшей в 1995 году. Критики сразу заметили абсолютную серьёзность поэтической системы поэта, его уникальное умение возвратить поэзии стремление к прямой речи. А Кирилл Кобрин отмечает в послесловии к «Плодам», что «холодное мужество, с которым Пуханов не откликается на заманчивые предложения поиграть в поэзию, делает его истинно современным поэтом»:

Священна эта мгла.
Покойся в ней, поэзии игла.

Новая книга Виталия Пуханова – новый шаг в творчестве поэта.

■ **«Складчина»**, литературная газета, № 6. – Омск, 2003.

Омичи декабрьский выпуск открывают материалом «Рубеж Солженицына», поддерживая писателя (а значит, и «ЛГ») в борьбе с «потёмщиками». Александр Исаевич, направив приветствие участникам Третьего форума молодых писателей России в Липках, тем самым приветствовал и побывавших там омичей – работающих в соавторстве прозаиков Н. и С. Пономарёвых. Страницы повести В. Зуева «Средство против рака», в начале 80-х не дошедшей до читателей «благодаря» бдительности цензоров, увидели свет в нынешней «Складчине». Проза представлена и главой «Смерть Милорадовича» из романа В. Инка «Тайна императорского талисмана». Творением «сибирского Дюма» уже заинтересовались литературоведы Бостонского университета и кинематографисты Франции.

■ Виталий Канашкин. **Вещее поле России: Русская литература и народная судьба.** В 2-х тт. – Краснодар: «Советская Кубань», 2003.

«В нынешних разговорах о литературно-творческом кризисе многие игнорируют саму суть дела: с распадом единого писательского пространства... завершился не советский, а русский период русской литературы. Более того, завершилась и отодвинулась за дальнюю черту сама Русская литература как форма Общенародного Сознания». Таков приговор, вынесенный современной литературной ситуации известным краснодарским литературоведом, критиком и публицистом Виталием Алексеевичем Канашкиным. Анализу распада, а также состоянию народного духа в современной литературе посвящён его объёмный труд. Каков же вывод? «И теперь, по-видимому, чтобы возвратить Слово к прежнему жизнедействию, надо пробудить в творческом потенциале всех причастных к перу органический импульс – Восходящего Единения. Иначе говоря, проникнуться мыслью: общенациональное единство и литературное единство – категории взаимообусловленные и взаимоодухотворяющие».

■ **«Русское эхо»**, литературно-художественный журнал. № 15. – Самара, 2003.

Выпуск, богато представляющий прозу, поэзию и критику самарцев и их гостей, интересен прежде всего статьёй Валентина Распутина «Мой манифест». Пара цитат. «И когда принимаются уверять с наслаждением, что русская литература приказала долго жить, – не там высматривают нашу литературу, не то принимают за неё». «Не она умерла, а мёртво то, что выдаёт себя за литературу: приторная слащавость, вычурная измышленность, пошлость, жестокость, рядящаяся под мужество, физиологическое вылизывание мест, которые положено прятать, – всё, чем промышляет чужая мораль и что является объедками с чужого стола». Под чем солидарно и подписуюсь.

Александр ЯКОВЛЕВ

ЛЕГКОЕ ДЫХАНИЕ

Задумывающиеся

Интернет располагает к жанру дневника. Собственно, любая «гостевая книга» содержит в себе элементы дневниковых записей её посетителей.

Самый обширный дневниковый ресурс – «Живой Журнал», о котором мы уже писали (2003, № 30, «Карнавал в Интернете»). Журналист Евгений Майзель вычленил в нём составляющую «дневников писателей» и периодически знакомит публику с их авторами в своём проекте «ЖЖ словами писателей» в «Русском Журнале».

Однако я хочу остановиться на другом интересном, хотя и микроскопическом по сравнению с «ЖЖ» сайте, на котором тоже публикуются дневниковые записи литераторов. Это «Сакансайт» с его рубрикой «Дневник писателя». Идея восходит к Фёдору Достоевскому, ниспускается к создателю сайта писателю Сергею Саканскому. Здесь ведут дневники только те, кто счёл себя писателем и смог доказать своё писательское достоинство администрации сайта. Никнеймов нет – только настоящие (или литературные) имена. Единственное требование к пишущим – «не уходить слишком далеко от литературы и искусства в своих рассуждениях». Всё строго, аскетично – комментарии читателей и кудрявый дизайн не предусмотрены. Около двадцати человек «чистят себя» под Достоевским, и складывается из их записей яркая картина быта, мыслей, чувствований, наблюдений русскоязычных литераторов средней руки, живущих в Сибири и в Москве, в отечественных и зарубежных столицах и провинциях. Серьёзный и небезынтересный получается разговор.

Размышляют об отличии сетевой поэзии от «бумажной», о том, «что нет никакого различия между книгой коммерческой или некоммерческой. Есть книги талантливые или неталантливые». О будущем женской литературы. О критиках, которые «делятся на две категории: те, кто любят то, что критикуют, и те, кто любят то, как они это делают (критикуют)». Рассказывают о жизни. Дневники «Сакансайта» отличает безыскусная, не напускная серьёзность авторов.

Чтобы принять участие в этом проекте, надо не столько заявить о себе как о писателе, сколько объявить себя писателем, а потом доказывать, что это не самозванство, своей жизнью, отчитываясь в ней в дневнике. И такой отчёт тоже важен, как важны, собственно, и плоды этой самой жизни писателя – рукописи-книги. Плоды – главное, это бесспорно, но, помимо плодоношения, кто-то должен и исполнять в обществе роль писателя, фигуры, авторитетной не только в литературе, и уважения добившейся не только скандалами и собственным коммерческим успехом. В Интернете же плоды сыплются из невидимого рога изобилия, авторы витийствуют с виртуальных трибун, а если приоткрывают тайны своей повседневной жизни, то оказываются, скорее всего, богемой, стряхивающей звёздную пыль с башмаков в московских «Дмитрогах». Одно дело – витийствовать «как частное лицо», другое – в рясе священника, судейской мантии или в «дневнике писателя», то есть выступать в рамках жанра, ограниченного критериями нравственными. Впрочем, уже довольно давно – и ничего страшного в этом нет – ни писатели сами на себя, ни общество на них моральной ответственности не возлагают. Священника можно лишить сана за венчание гомосексуалистов, судью посадить за взятки. Писателя же преследовать за безнравственность писаний – только популярность его умножать. И это, повторюсь, скорее радует, чем огорчает, уж слишком легко в данном случае перегнуть палку. Но место писателя в обществе (где-то недалеко от духовного лидера) остаётся торичеллиевой пустотой. Особенно в сети. «Сакансайт» – едва ли ни единственное здесь место обитания авторов, взявших на себя ответственность писателя в повседневной жизни: не только выдавать тексты, но быть если не совестью, то мозгом культуры; счётчиком, что поддерживать авторитет писательского статуса нужно не только для заработка или славы. То есть не то чтобы «нужно», конечно, «слова поэта суть его дела», но всегда находились писатели, которые для себя лично видели в этом необходимость. «...никто не хочет задумываться. Правда и то: если никто не хочет задумываться, то, казалось бы, тем легче русскому литератору. Да, легче действительно; и горе тому литератору и издателю, который в наше время задумывается», – размышлял Фёдор Михайлович во вступлении к своему «Дневнику писателя», перед тем, как «задуматься» на несколько томов. Так вот на «Сакансайте» собрались авторы, которые «задумываются», как некогда Достоевский на страницах «Гражданина». Они претендуют не на писательскую известность, а на писательскую ответственность, даже ценой некоторого самопожертвования, поскольку ведь очень легко сказать: «Ха, пис-сатели выискались», обращаясь к тем, кто «короновал» себя сам. И смысл в этом только один, поскольку никаких дивидендов этот маленький кусочек сети не приносит: высказаться, дать «отчёт о действительно выжитых в каждый месяц впечатлениях» – так же мотивировал свой дневник и Достоевский. По воспоминаниям очевидцев, читатели «на него смотрели одни как на духовного наставника, другие как на оракула и просили его разрешить их сомнения насчёт некоторых жгучих вопросов времени». Такого резонанса у проекта на «Сакансайте» нет и навряд ли будет – сейчас каждый сам себе оракул, но достоинства идеи это не умаляет. Идей такого рода в Интернете дефицит, вакуум здесь принимает очертания фигуры – общественной фигуры писателя – и едва ли где-то ещё.

Надежда ГОРЛОВА

ЮБИЛЕЙ

Будем жить с верой

Олегу Шестинскому – 75 лет

– Олег Николаевич, вот один из известных прозаиков в своём эссе «Как я был поэтом» написал: «Пушкин даёт нам, собратьям своим меньшим, наиболее разумный пример перехода к иным жанрам, когда поэтическая энергия истаивает. Проза, критика, драматургия, журналистика, исторические разыскания...» И вот несколько лет назад вы приятно удивили поклонников вашей поэзии, начав писать блестящую прозу и политическую сатиру. Как произошёл в вас переход от поэзии к прозе?

– Ни один писатель не повторяет судьбу другого. Я не думаю, что с годами «поэтическая энергия истаивает». Возраст художника – это не паспортные данные, а его сопричастность окружающей жизни, душевно-физическая напряжённость его бытия. Если эти качества почему-либо снижаются, то и в 25 лет поэт уже старик. Если же эти качества развиваются, нарастают, то и преклонный паспортный возраст не помеха в выплеске творческого потенциала.

Что же касается моей прозы, то я в неё ниоткуда «не переходил». Книги моей прозы о блокаде Ленинграда выходили с начала 60-х годов. Другое дело, что последние годы я жадно, с огромным внутренним переживанием работаю в жанре рассказа. И не побоюсь сказать, что эта работа зачастую дарит мне минуты глубочайшего счастья.

– Вы как-то сказали, что сегодня сняли со своего глагола все ограничители и теперь абсолютно свободны в своём творческом самовыражении. Что мешало сделать это раньше?

– Да, я «абсолютно свободен» в творческом самовыражении. Моя творческая активность во многом объясняется этим. А «что мешало сделать это раньше»? Идеологическая зашоренность иссушала творческий поиск; «внутренний редактор» неукоснительно следил за тем, что я пишу, хватая меня порой за руку. Мои попытки вникнуть в проблемы евразийства, православия, русского национального мира вызывали брюзжание у тех, кто не просто «руководил» литературой, а беспокоился, как бы не потерять своё хлебное место. Разве не за отстаивание христианско-русских постулатов оказались в политической ссылке прозаик Л.И. Бородин, поэт из Ленинграда Н.Н. Браун?..

– Сегодня вы православный верующий человек. Вы такой с детства или пришли к вере в более позднем возрасте? От кого досталась вам фамильная икона Иверской Божией Матери?

– В приобщении к православию на меня основополагающее влияние оказала бабушка Анастасия Никитична. Она была мудрая женщина, прожила более ста лет. Я ещё не умел ни читать, ни писать, но с её слов уже знал молитвы: «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся», «Господи, Иисусе Христе» и другие. Позже бабушка усаживала меня за Библию, Евангелие – я читал ей.

После введения буржуазного строя в России, который я не принял, православие тем сильнее укоренилось во мне, что я ощутил его как средство сбережения самобытности России, понимая, что, лишь оставаясь неколебимо православной страной, Россия сможет одолеть сегодняшние ложь и мерзости, унижения простого человека.

Икона Иверской Божией Матери – наша родовая икона со стороны бабушки. В блокаду Ленинграда, когда нас почти каждый день бомбили и обстреливали, мы, чтобы не пораниться влетавшими в квартиру осколками, спали вповалку в коридоре под защитой стены. Бабушка окрещивала иконой коридор, и мы верили, что проснёмся поутру живыми. Так оно и происходило.

От своего товарища узнал, что в переделкинском храме Преображения Господня хранится чудотворная икона Иверской Божией Матери. Какая радость для души, что я в загородном доме, выйдя на балкон, могу мистически впитывать дыхание Богородицы, чисто возносящееся вблизи меня за полем, за редколесьем!

– Вы жили в социалистическом отечестве и новой демократической России. Как вы относитесь к понятию интернационализма сегодня?

– Все народы, живущие на просторах России, должны обогащать друг друга своей творчески-культурной аурой. Я – русский и ценю в своём народе его православно-мессианскую самобытность, его независимость от Запада при плодотворном усвоении западного гуманистического гения, а не низкопробной, оглушающей «развлекаловки», которую подсовывают нам растлители.

Мы провидением Достоевского ввели в нашу жизнь понятие всеотзывчивости русского народа. Вот и надо на этом стоять и с этих человеколюбивых позиций действовать разумно и не в ущерб своим интересам.

– Вы по образованию филолог-болгарист. Учились славистике в Ленинградском и Софийском университетах. Всю жизнь переводили современную и классическую поэзию Болгарии. Удостоены ряда высших правительственных наград этой страны. Как вы расцениваете наши нынешние отношения с Болгарией, с её культурой и литературой?

– Политические отношения между Болгарией и Россией нынче сложны. Известно, что власть Болгарии, стремясь безудержно в НАТО и ЕЭС, всецело идёт в фарватере американских требований. Долго и не однажды раздумывал я над мыслью русского писателя XIX века графа В.А. Соллогуба: «Народы, как люди, не прощают оказанных им благодеяний, и рано или поздно мы встретим в болгарах, спасённых нами, чёрную неблагодарность». И всё-таки я не согласен с В.А. Соллогубом.

– Всю жизнь вы прожили с одной женой Ниной Николаевной, а ведь поэты так влюбчивы и впечатлительны...

– Мне как-то позвонил Олег Дмитриев, хороший товарищ и поэт (к сожалению, ныне покойный): «Знаешь, – сказал он, – хочу собрать поэтов, которые единожды женились. Войдёшь в наш круг?» – «Конечно!». Вскоре он снова позвонил: «Знаешь, так их мало, что и на круг-то не наберётся...»

Оценить полностью свою жену я смог, только прожив с нею почти сорок пять лет, – её самоотверженность, сильный характер, её помощь в моей жизни...

А в молодости ослепительные любовные страсти вздымали меня, бывало, своим девятым валом. Но потом я всегда находил твёрдую почву берега – ту, где царствовала жена. Она и в молодости слыла умной и рассудительной и потому многое прощала мне, ощущая мою эмоциональную мятежность.

– Сергей Михалков на юбилейном вечере удивился, что дожил до девяноста лет, и продолжает хорошо себя чувствовать, работать, творить. Как вы ощущаете себя в своём возрасте?

– Что такое 75 лет? Как-то я спросил Г.М. Маркова после его юбилея: «Георгий Мокеевич, а что такое 70 лет?» Он ответил: «То же, что и 60, только не знаешь, что будет завтра...» Я же, слава Богу, свой возраст особо не чувствую, хотя и гнездятся во мне разные болезни. А не чувствую я его потому, что как никогда поглощён работой в прозе, поэзии и публицистике. И удачи, когда я сам их чувствую, молодят меня, радуют.

Юбилей С.В. Михалкова тоже о многом поведал внимательному наблюдателю. С.В. Михалков чётко сказал на вечере в Кремлёвском дворце: «Чтобы долго прожить, – надо всё время работать, и тогда никакие дурацкие мысли не коснутся тебя...»

– Что вы пожелаете «Литературной газете» накануне своего 75-летия?

– «Литературная газета» – я это говорю не из вежливости – очень дорога для меня. Почему? Потому что однажды вспыхнула она для меня счастьем, когда в середине 50-х Александр Прокофьев пожелал мне на её страницах доброго пути, отметив стихи, некоторые из которых дороги мне и ныне. Потому что в 1956 году я прочёл в ней статью Константина Ваншенкина «Обнадёживающее начало» о первой книге моих стихов «Друзья навеки».

Я много сотрудничал с «Литературной газетой» как поэт, публицист, прозаик и даже был награждён медалью «За освоение целины», когда с её бригадой, включавшей Г. Радова, Л. Аннинского, Б. Галина, Б. Лихарева и других писателей, работал в выездной редакции на Алтае.

А пожелать я ей хочу одно. Да будет она эстетически взыскательной и сплачивающей писателей. Мы, литераторы, нынче страшно разобщены, не по свойству характеров, а по общественно-политическим взглядам. Порою так разобщены, что и не здороваемся друг с другом. Но «Литературная газета» должна быть над нами и смыкать на своих страницах всех, вплоть до самых непримиримых – печатать по талантам, а не по групповому принципу.

Беседовала
Марина ПЕРЕЯСЛОВА

Шестинский Олег Николаевич, родился 28 января 1929 г. в Баку. В младенчестве вместе с родителями переехал в Ленинград и считает себя ленинградцем. 900 дней блокады провёл в осаждённом городе. Имеет медаль «Житель блокадного Ленинграда».

Окончил Ленинградский университет по специальности филолог-болгарист, учился в Софийском университете. В течение 15 лет был первым секретарём Ленинградской писательской организации; позже, переехав в Москву, являлся секретарём Союза писателей СССР.

Лауреат Международных премий им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия; им. Николы Вапцарова (Болгария); им. Андрея Платонова.

Лауреат премий им И.И. Дмитриева и им. Ленинского комсомола.

Кавалер ордена Кирилла и Мефодия I степени (Болгария) и ряда высших отечественных орденов за литературно-общественную деятельность.

Начиная с 1955 г. выпустил более 50 книг поэзии, прозы и переводов. Его собственные книги – поэзия и проза – также переведены на многие языки.

Член Совета старейшин СП России.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

* * *

...И пошёл я по новому веку,
как по позднеосеннему снегу,
всё гляжу да гляжу...
Нет ни бабочки, ни стрекозки,
до коры обносились берёзки,
в гуще туч не воспенить стрижу.
Не судачит никто у колодца,
потому что застыла вода...
И из этого века – сдаётся –
мне не выбраться уж никогда.
Ну а вдруг, одержимый любовью
к тем газетам, что Бог нам изрек,
возвращусь на родное гнездовье,
в мой проклятый, израненный век?

Так и жена на закате моём
ласточкой кружится...
Грустно, что вместе уже не взовьём.
Сердце недужится.

Но, в первый раз покаянно скорбя
за прегрешения,
ласточкой я окликаю тебя –
птицей спасения.

* * *

Я прощаю обиды и обидчиков тоже.
Дай им, Боже, здоровья и разума, Боже!

Ну а тех, что до нынешних дней
опочили,
отсуди, чтоб в их душах
грехи не горчили.

Я от сладко-улыбчатых козней
томился.
Перебрался в столицу,
на Неву не вестился.

И обиды на тех – я горяч был и молод –
перенёс я, глупя, на гранитный мой город.

Я прощаю обиды и обидчиков тоже.
Дай им, Боже, здоровья и разума, Боже!

И дивлюсь, что вослед
мной прощённым обидам
заискрился мой город
простым и открытым,

не замызганным ложью,
спасительно-близким...
Ангел дни мне продлил
с выси Александрийской.

А за что?
А за жизнь мою, ставшей порукой,
что не быть ни холопкой,
ни чернушей-прислугой
Мать-России моей.

Сентябрь 2002 г.

Раздумья на могиле Михаила Дудина

Ноябрь. Погост. Снега. Затишье.
Но всё-таки есть благодать,
что выпало у церкви Мише
бок о бок с матерью лежать.

И сквозь крупу зимы метельной
доплещут тихо до него
напевы песни колыбельной
из уст, сомкнувшихся мёртво.

А из-за снежного покрова
сын молвит матери во тьму
одно пророческое слово,
неведомое никому.

Не в пантеоне и не в склепе,
а в родовом своём сельце
их домовины в вечном скрепе
и сетт нетленный на лице.

А мне, ограбленному властью,
на бедном кладбище Москвы
грунт экскаватор ухватит пастью,
лягух шугнув из-под листвы.

Товарняки с углём и лесом
на Питер жмут издалека,
не проникаясь интересом
к подсадке гроба земляка.

И вздрогнет в горе безотрадном
мой дух, живущий сам собой,
что мать – на кладбище блокадном,
а я, изгой, в земле сырой.

Но за мытарства и страданья,
отыскивая сироту,
вдруг мать моя из Мирозданья
прильнёт к сыновьему кресту.

27 ноября 2001 г.

Матери

По тропке да по мостику,
под молодой дубок,
к тебе я этим летом
никак прийти не мог,

взяв по блокадной скидке
до Питера билет...
Изношенное сердце
почти сошло на нет.

Но после твоей смерти, мечтая и скорбя,
ведь никогда я не был
так близко от тебя.

Всего-то, может статься, –
какой-нибудь шажок...
Не поле между нами,
а лишь с ладонь лужок.

И я размыто вижу уже твои черты
сквозь розовый малинник и палые кусты.

Я нынче не приеду – не огорчайся, маты
нам вскоре общей жизнью
с тобою жить опять.

* * *

Нине

Красный закат. По его полотну
росчерк стремительный
ласточек... Я выделяю одну –
абрис пленительный.

ШТУДИИ

Феноменология литературного письма

Известный литературовед доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ Алла БОЛЬШАКОВА задумала серию книг о современной российской прозе. Своими планами она поделилась с «ЛГ».

– Недавно по литературным газетам прошла информация о вашей авторской серии о современной русской прозе «Феноменология литературного письма», первая книга которой уже вышла в свет. Расскажите о своём проекте поподробнее – в чём его суть, как родилась идея?

– В последние годы я много писала о русской классике XIX в., подготовила к печати избранное и сейчас завершаю итоговую книгу о «деревенской прозе» 1960–1990-х (до того вышло уже четыре мои монографии на эту тему). Но вот всё чаще стала чувствовать какую-то пустоту, горечь невосполненного, особенно когда один за другим начали уходить наши ведущие «деревенщики» (В. Астафьев, Б. Можаев, Е. Носов...). Что за ними? Да не упускаем ли мы, литературоведы и критики, профессиональные читатели, нечто важное, обращаясь больше к итоговым фигурам и явлениям, нежели к текущему, открытому в настоящее и будущее процессу? Всё чётче и требовательнее зазвучала во мне мысль о том, что мы почти не знаем наших писателей-современников – ещё не канонизированных, не ушедших в золотое национальное прошлое; словно по Высоцкому: «Не скажу о живых, а покойников мы бережём»... Точное попадание: при жизни поэта статью о его творчестве сочли бы неуместной шуткой; теперь же защищают диссертации, создан целый музей, выпускается научная серия «Мир Высоцкого». Можно по-разному относиться к этой фигуре, принимать её или нет, но факт резкой смены координат остаётся фактом.

Мне бы очень не хотелось, чтобы в такой ситуации оказались ныне здравствующие писатели, о которых не создаются книги (нет такой практики), да и полноценных аналитических статей тоже практически не пишут. Обычная (если не расхожая) практика писательской «востребованности» – проведение творческих вечеров для узкого круга. Как правило, уровень их невысок, выступающие спешат отделаться общими комплиментарными фразами, да и говорят всё больше о чём-то своём, «наболевшем», так сказать.

Вот всё это и побудило меня несколько волевым усилием начать рисковое соло одиночки, идущего в некотором смысле против привычного течения. Изумление по поводу моей первой книги «Феноменологии» – о десятилетиями писавшем «в стол» прозаике Борисе Евсееве – выплеснулось на страницы прессы. А Николай Переяслов иронично «опустил»... бахтинский хронотоп (пространство-время) в моём разборе евсеевского романа, укоряя в излишней усложнённости (хоть и оправдывая «излишества» усложнённостью стиля самого писателя).

Но для кого же создаются книги, подобные той, которой я и открыла свою серию? Прежде всего для читателя профессионально подкованного, которому не надо объяснять, что такое «хронотоп» или «феноменология». Да и, вправду сказать, уже как-то неинтересно читать просто эмоциональные отклики того или иного литературного рекламщика или его гневные суждения обо всём – и ни о чём. Необходим анализ, проникновение в особенности творческого письма, а через него – в суть вещей. Дерзну сказать, что цель начатой мною серии, в основе которой философский, феноменологический принцип, – восполнить непонимание, а значит, непрочтение современной прозы, по-настоящему интересной, по-настоящему значительной.

– Скажите, а по каким критериям происходит отбор имён и о ком вы собираетесь писать дальше? К примеру, такой писатель, как Владимир Крупин, «Сталинскую дачу» которого вы разобрали в «Литучёбе» в столь неожиданном для всех ракурсе, – войдёт ли он в вашу «Феноменологию»?

– Честно говоря, ещё не знаю. Принцип выбора заявлен самим названием серии. Я исхожу из того, что в современной литературе рубежа XX–XXI веков возникло принципиально новое качество художественного мышления. Когда-то молодой Достоевский писал: «Я действую Анализом... Гоголь же берёт прямо целое». Нечто подобное мы наблюдаем и сегодня: не анализ, не синтез, а стремление схватить Бытие (отдельной личности, народа, страны в целом) в единстве авторской – неизбежно субъективной – интерпретации мира и самого мира; попытку выразить в самом «веществе литературы», её онтологических и иных пластах феноменальность народной судьбы, осознание нацией своей русскости... Мой предел здесь – выделение отдельного, и обращаться я буду к творчеству писателей прежде всего талантливых, ярких. Среди возможных кандидатур на включение в серию Л. Бородин, А. Варламов, С. Василенко, В. Дёгтев, Т. Зульфикаров, А. Карин, Ю. Козлов, П. Крусанов, Ю. Поляков, А. Проханов, С. Сибирцев, Н. Шмелёв и др. Но я ещё в процессе обдумывания. И моя цель – вовсе не создать собственную книжную полку «избранных», а «сфокусировать» и раскрыть ту или иную яркую фигуру, выявить её в максимальной «очищенности» от житейской накипи и будничной суеты, увидеть ту или иную мету времени и бытия, ещё, может, не познанную, не разгаданную нами, современниками.

– И кто же ваш следующий избранник?

– Скорей всего, в следующем году выйдут сразу две книги.

Одна уже наполовину сделана, к другой только подступаюсь. О первой фигуре я уже могу сказать – это один из наиболее самобытных и непрочитанных нынешних прозаиков, Владимир Личутин; а вторая – пока секрет.

– Почему же именно Личутин?

– О Личутине мне хотелось написать давно, и самого Владимира я знаю много лет. Конечно, ещё в советские времена имя его было на слуху, его много хвалили, но, на мой взгляд, эти похвалы оказали ему дурную услугу. А вот ещё один парадокс: после опубликования его исторического романа «Раскол» о России XVII века в критике утвердилось мнение о Личутине как о трудночитаемом прозаике с... прекрасным даром слова. Получается, если язык прекрасный, идущий из глубин национальной жизни, он уже маловнятен и малопонятен?

Но есть в моём выборе следующей «темы для сочинения» и, верно, главный, сверхлитературный позыв – к национальному самопознанию, жизненно необходимому в нашу нелёгкую пору. Таким образом, моя следующая книга – дерзкий эксперимент, и ему соответствует дерзость избранного автора. Ведь Личутин замахнулся на художественное исследование русского характера на протяжении четырех (!) веков русской цивилизации (XVII–XX). Вот те же американцы вывели уже иерархическую структуру ценностей своего национального характера, возведя его к архетипу нового Крузо. Понимаю, такое замечание может в нынешнем контексте звучать несколько вызывающе, но ведь мы-то почти ничего не сделали в том плане (если не считать подступов к проблеме в книгах В. Кожинова, К. Касьяновой, Е. Троицкого, С. Хоружего): в основном пользуемся плодами Н. Лосского, И. Ильина, Н. Бердяева. А чего стоит нынешний, весьма судорожный (спохватились!) поиск национальной идеи? Художник божественной интуицией точно нащупывает пульс, биение национального бытия, для простых смертных невыразимого, потаённого.

Когда Личутин в публицистическом выступлении в «ЛГ» говорит об идее спасения России, он опирается на свой собственный опыт художественного письма. Ведь именно эту идею он последовательно проводит и отстаивает во всех своих последних романах – «Расколе», расширенном (после цензурной «правки» былых лет) варианте «Скитальцев», «Миледи Ротман». И, наконец, в книге размышлений о русском народе «Душа неизъяснимая», где он не колеблется вытащить на свет божий давно осмеянную и поруганную русскую мечту, извечное российское моление о Чуде – чуде преображения души и земли, самой судьбы нашей. Издавна именно литература для русского человека – с его склонностью к образному, а не понятийному мышлению – ближайший путь к себе, путь самопознания.

– В чём же, по-вашему, новаторство Личутина, если рассматривать его творчество в общем контексте современной русской литературы?

– Сразу напрашивается парадокс. Обычно новизну Личутина усматривают в его близости... классической линии отечественной словесности. Отчасти это верно. Но я о другом. Ведь подлинное новаторство писателя – всегда в открытии (причём выстраданном, прочувственном только им!) своего героя. Вот у, казалось бы, ярого традиционалиста Личутина неожиданно возникает эдакий фантом в разломах нынешнего межстолетья. Я имею в виду героя «Миледи Ротман». Задуманный изначально природой как сильная волевая личность, личутинский герой не обретает искомого им благоденствия, обнажая общенациональный синдром неприкаянности, бездомности, вытеснивший лермонтовское «духовное странничество». На точно вылепленный автором образ-пастиш «героя нашего времени» падает отсвет России... после России... Неожиданна и главная героиня романа, Россия, обратившаяся в... «миледи Ротман», современную «уездную барышню», что бесстрашно отдаёт свою красу (а вместе с ней и собственную судьбу) заезжему молодцу. Можно сказать, перед нами совершенно новый абрис женской души России.

– Имеет ли ваша серия сугубо внутреннее, российское значение, или же она предназначена и для зарубежного читателя?

– Задача серии – представить нашу современную литературу в её подлинных, не замутнённых модными постнаслоениями, ликах. Надеюсь, это важно не только для нас. По крайней мере, уже сейчас серией заинтересовалось болгарское издательство «Аксиос», выразив готовность к переизданию каждой её книжки. Потому и в своей «Феноменологии литературного письма» мне хотелось бы выстроить – через разные лики русского мира, увиденные самыми разными писателями, – прерывистую, противоречивую, но все равно единую линию. Линию жизни и судеб роковых. Возможно, так и получится. Ведь каждая писательская Вселенная в глубинах своих сопряжена со всей историей русской нации, начиная со времён раскольничьей и прочей старины и завершая (точнее, продолжая) нынешним межстолетьем.

Беседовал
Геннадий ИВАНОВ

АРТ-ХРОНИКА

Дорога из храма ведёт в Манеж

На прошедшей неделе в Большом московском Манеже открылась персональная выставка художника Василия Нестеренко. Событие нерядовое за всю историю существования главного выставочного зала страны, чести устройства в его стенах персональной выставки были удостоены лишь четверо живописцев. А если принять во внимание ещё и относительную молодость Нестеренко (ему 36 лет), и реалии его впечатляющего для таких лет послужного списка – заслуженный художник Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств, то можно вполне говорить об уникальности творческого и карьерного взлёта, заставляющего вспоминать разве что о блистательных началах биографий его предшественников из XIX столетия.

Нужно сказать, что и сам метод, и манера письма Нестеренко уходят своими корнями именно в позапрошлый век с его идеализацией России, русской природы, русской истории, русской духовности. С большими парадными портретами деятелей культуры и картинами на библейские, церковные темы, занимающими в творчестве художника едва ли не центральное место. Ярко сверкающие православная, державная и народная составляющие палитры живописца, безусловно, сыграли свою роль в том, что именно ему было предложено расписать своды новоотстроенного храма Христа Спасителя. Реконструкция фресок кисти Генриха Семирадского и Евграфа Сорокина, делавшаяся на основе плохо сохранившихся старых фотографий и потому во многом переосмысленных современным художником, стала на сегодня главной и наиболее масштабной его работой. А выполненные в натуральную величину (12 на 17 метров) репродукции храмовых росписей логично заняли в манежной экспозиции, состоящей из нескольких сотен полотен разных стилей и жанров, центральное место.

Между тем недавно стало известно о предстоящем открытии в Москве нового художественного музея – Московской городской галереи Василия Нестеренко на Арбате. Эта информация вкупе с пышной выставкой недвусмысленно свидетельствует: в полку официальных столичных живописцев прибыло.

С. Ю.

«Чудесный улов». Патриаршая трапезная Храма Христа Спасителя. 2001

РАМПА

Бунтовщик? Герой? Мученик?

В Башкирском государственном академическом театре драмы имени Мажита Гафури прошла премьера спектакля, вызвавшая большой интерес даже у публики, традиционно далёкой от сценических страстей. Выпуск поэтической трагедии «Салават» приурочен к двум знаменательным для республики датам: 250-летию героя – Салавата Юлаева и 85-летию автора – живого классика башкирской литературы Мустая Карима.

Противоречивая фигура одного из вождей пугачёвского восстания и одновременно выдающегося поэта-импровизатора всегда вызывала самые разные, вплоть до диаметрально противоположных, оценки его личности и деяний, и это несмотря на официальный статус национального героя, самую крупную конную статую на территории страны и название знаменитого хоккейного клуба. В своей новой постановке театр вслед за драматургом пытается разобраться в трагических хитросплетениях судьбы Салавата, дать нравственную оценку отдельным его поступкам и решениям. По словам режиссёра спектакля, москвича Ильдара Гилязева, осуществившего на сцене Театра им. Гафури уже несколько заметных постановок, главную свою задачу, помимо адекватной передачи духа поэтического первоисточника, он видел в необходимости показать сегодняшнему зрителю не монументального «бронзового» всадника, а реального живого человека, обуреваемого и страстями и сомнениями.

В ближайшем будущем «ЛГ» планирует более подробный рассказ как об этом, безусловно, знаковом для нынешней башкирской сцены спектакле, так и о том, чем вообще живёт сегодня одна из старейших и прославленнейших национальных театральных «Академий» России.

А. В.

НАСЛЕДИЕ

Народные промыслы: здесь и сейчас

В Московском доме национальностей открылась и будет работать по 31 января выставка «Народные промыслы: традиции и современность», в которой принимают участие ОАО «Павлопосадская платочная мануфактура», Государственный гжельский художественно-промышленный институт, Московская школа художественных ремёсел (Санкт-Петербургская высшая школа народных искусств) и Федоскинское художественно-промышленное училище миниатюрной живописи.

Работы павловопосадских художников начинают свой отсчёт с 1795 года и отмечены многими высокими отечественными и зарубежными наградами, сейчас выпускается более 200 видов шалей, платков, шарфов и скатертей. Изделия, выполненные студентами МШХР (открытой в 1938 г.), постоянно экспонируются в нашей стране и за рубежом; платья, костюмы, платки, шали, женские украшения, подносы-панно, шкатулки, предметы интерьера отличаются тонким художественным вкусом и высоким уровнем профессионального мастерства. Федоскинское училище существует с 1931 года и готовит художников не только миниатюрной лаковой живописи, но и специалистов живописи по эмали (ростовская финифть) и жостовской декоративной росписи подносов.

Виктор ШИРОКОВ

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

На балах удачи и мечты

Судьба театрального критика недавно занесла меня в Ханты-мансийский автономный округ. Я долго ехала из Перми (которая для москвичей уже почти край земли) совсем уже на Север. Поезд мчался мимо тощих кривых сосен, которые росли как-то вбок, как будто не могли решить: падать им или продолжать жить. Попутчики объяснили: «Болота. Неоткуда им расти – едва за землю цепляются».

Болота вплотную прилегали к рельсам и казались выморочным Кощеевым царством. Бесконечность пространства угнетала. Даже дрожащие огни печальных деревень не просматривались на горизонте. Вспомнилось горестное чаадаевское наблюдение: «Мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас какая-то неведомая сила…» Неприятно было чувствовать себя продуктом. И вдруг к ночи засияли огни приближающегося города Нижневартовска. А утром оказалось, что из промозглой уральской осени я приехала в яркую белоснежную зиму.

В красивом здании драматического театра я каждый вечер смотрела спектакли молодой интересной труппы. Настолько молодой, что самый старший актёр едва дотягивал до возраста Христа.

В один из вечеров в малом зале собралась нарядная публика. Не та, которая нынче называется элитой в российских городах. В зале сидели те, кто работает в вузах, больницах и школах и в богатом городе нефтяников живёт на бюджетные зарплаты. Лица были хорошие. Как выяснилось по ходу спектакля, это была настоящая театральная публика, сохранившая культурную память.

Молодая актриса Анна Наумова играла Эдит Пиаф в моноспектакле «Нет, я не жалею ни о чём». Автор инсценировки и режиссёр-постановщик – Маргарита Зайчикова, главный режиссёр театра. Художник, стильно оформивший спектакль, – Вячеслав Зайчиков. К этому времени я уже знала, что Анна по настоянию мамы-папы успешно закончила юридический факультет Петербургского университета и, положив диплом к ногам родителей, заочно выучилась на актёрском факультете Екатеринбургского театрального института. К таким поступкам я отношусь с уважением, но и с некоторой опаской. Русские девушки страстны в своей любви к театру. Но не всегда любовь бывает взаимной. Это мне и предстояло выяснить. И ещё было интересно понять: почему Пиаф?

Любовь русских к Парижу и Франции загадочна и почти трагична. «Увидеть Париж и умереть» – каждый русский понимал это почти буквально. Тем более что в советские времена умереть было легче, чем увидеть Париж. У каждого были свои парижские мифы – у кого-то импрессионисты, у кого-то праздник, который всегда с тобой, а кто-то твёрдо верил, что французские женщины – это тоже «увидеть и умереть». Эйфелева башня не казалась нам символом пошлости, и мы чувствовали тайную вину за несогласие с Мопассаном.

И была у нас общая любовь на всю огромную советскую страну – маленькая уличная певица, французский воробышек. Её хрипловатый голос притягивал и манил, говоря о нашей жизни на красивом чужом языке без привычно рычащего звука «р», с которого начинались многие страшные слова (тоже, правда, заимствованные у Франции).

В Америке есть свой миф – Мэрилин Монро. Тоже бывшая когда-то знаком чужой загадочной жизни и образом нашей авангардной поэзии. «Я Мерлин, Мерлин, Я героиня самоубийства и героина…» Про героин было не очень понятно, но всё равно нравилось. Сексуальной блондинке больше симпатизировали мужчины, что вполне понятно. А женская половина советской интеллигенции обожала Пиаф – такой вот русский вариант европейского мифа. Её тоже не преминул воспеть честный летописец эпохи Евтушенко. Но, потрясённый её песнями, он всё же по-мужски подметил: «Кургузая накрашенная кроха… держась на ножках тоненьких едва…» Самим видеть её не удалось, приходилось верить поэту, бывавшему «там».

Голос Пиаф пел о какой-то другой любви. Это не было похоже на двух девчонок, которые всё танцуют, танцуют на палубе, и не пугало странными обещаниями типа: «Я тобой переболею, ненаглядный мой…»

Эдит Пиаф: русский миф

В роли Пиаф – Анна Наумова

Времена изменились. Париж многих побывавших в нём разочаровал, и умирать расхотелось. Французские женщины, если не упорствовать в своих заблуждениях, тоже оказались не совсем такими, какими представлялись в мечтах русским мужчинам.

Но любовь к Эдит Пиаф осталась в памяти, не желающей расставаться с любимыми. Осталась на старых затёртых пластинках, которые уже и проигрывать-то не на чем. Осталась в генах или, может быть, была унаследована с молоком матерей, кормивших своих дочек под чудные звуки нездешних песен.

Иначе откуда в нынешних русских актрисах такая жажда – примерить судьбу и песни Пиаф к своей судьбе и своему голосу? Девять раз проходил в Перми Всероссийский фестиваль моноспектаклей. И почти на каждом фестивале актрисы читали Цветаеву, играли «Человеческий голос» Кокто или спектакль «На балу удачи» по книге Эдит Пиаф. При всей несхожести спектаклей о Пиаф их объединяло одно: неистовость воплощения.

Потом мода вроде бы прошла. Но на одном из последних фестивалей актриса из Челябинска Людмила Глушкова показала спектакль «Около Пиаф», в котором вообще-то материалом послужил роман В. Пьецуха «Государственное дитя», точнее, линия женских писем из него. А вот поди ж ты, распахивалась в финале сумка на колёсиках, в которых дачницы возят в город свои плоды, и оказывалась там внутри Эйфелева башня, и звучал знакомый, чуть хрипловатый голос, сметавший на своём пути все приметы русской тоски и даривший крупные сладкие слёзы всем, кто слышал его. Русские актрисы всегда «около Пиаф», всегда рядом с её судьбой.

Анна Наумова оказалась действительно талантливой актрисой. И сыграла хороший спектакль, а не книгу воспоминаний и не жизнь замечательных людей. Дерзкая, маленькая, похожая на воробушка, она любила, металась, капризничала, билась в истерике, так легко влезши в кожу Эдит Пиаф, что страшно было: что будет потом?

Она замечательно пела, и строгий молодой пианист деликатно аккомпанировал ей. Её голос и точно был как будто голосом Пиаф, и так же клокотала в нём страсть и нежность, беспомощность и отчаяние. Песни возникали не часто, в какие-то поворотные моменты судьбы, и каждая была подготовлена режиссёрским сюжетом, который разворачивался внутри спектакля, параллельно сюжету о судьбе певицы. Каждая песня была шагом навстречу трагической судьбе. Каждая была прощанием с очередной иллюзией.

Молодая русская актриса, которая и родилась-то уже тогда, когда пластинки Пиаф облысели от частого пользования, и проиграть их можно было только, поставив на головку проигрывателя коробок спичек, откуда-то всё знала не только про Эдит, но и про нашу тоску о ней. Рядом со мной сидела женщина и под звуки «Милорда» плакала, не опуская головы и неотрывно глядя на актрису. Она плакала о чём-то своём. О своём, конечно.

Это был очень женский и очень русский спектакль. Мужчины в жизни Пиаф были обозначены элегантным манекеном мужского пола, который катала на колёсиках, тормошила, поворачивала лицом к стене, переодевала актриса. Возлюбленные уходили из её жизни, и она снова оставалась одна. И становилось ясно: неважно, кто был в каждый момент её избранником. Вообще, всё было неважно в её жизни, кроме любви, от которой рождались не дети, а песни.

А я сидела и вспоминала, как в прошлом году, в Челябинске, на фестивале «Камерата», вечером после спектакля, в актёрском клубе ужинали все участники фестиваля. Кто-то пел, кто-то показывал капустники. И вдруг вышла маленькая женщина в скромной юбке и кружевной блузке и запела… голосом Эдит. Душой Эдит. Это была народная артистка России Ольга Тслякова. Забыв обо всём, ни на кого не глядя, она пела песню за песней, и перед глазами её был Париж, а не заснеженный Челябинск. И она тоже примеряла на себя голос Пиаф и её жизнь. Как мне сказали, у неё тоже был моноспектакль «На балу удачи».

А из угла на неё удивлённо смотрела такая же маленькая птаха, Лия Ахеджакова. И, кажется, всё понимала и про эту актрису, и про такие странные, как будто всплывшие из другой жизни песни. Судьба актрисы, в сущности, везде одинакова. И зависит от случайных и загадочных причин: удачи, чьей-то похвалы, чьего-то лёгкого толчка в спину и шёпота: «Вот он, твой шанс! Иди, да не прозевай!»

Только не каждому воробышку судьба даёт такой шанс. Да и труднее выжить в русскую зиму. Особенно певчим птицам.

Татьяна ТИХОНОВЕЦ,
ПЕРМЬ

КИНО

Саспенс «Sapiens»

Между эпосом и лирикой, между западом и востоком

Рогожкин опять удивил. Взял и снял короткометражку. У нас мастера всё больше любят крупные формы, масштабные полотна. А Рогожкин после всенародного успеха «Особенностей национальной охоты…» (и рыбалки тоже), после фестивального успеха «Кукушки» (и прокатного, что уж вовсе неожиданно было) сделал вдруг коротенький фильм на 10 минут с хвостиком.

Сделал как бы из ничего. Словно реализовав ахматовскую метафору «когда бы вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», он создал фильм из того, что вообще наш взгляд не замечает. Из придорожного ветра. Из жестяной банки, выброшенной из окна джипа. Из окурка, втоптанного в грязь. Из пота и топота солдатских сапог. Из скрипа тормозов. Из серого холодного рассвета. Из профессиональной сноровки санитаров, укладывающих на носилки тех, кому сильно не повезло на трассе.

Собственно, не удивительно, что нам не до этих подробностей. Тем, кому не повезло, уже вообще не до подробностей. Тех, кто укладывает тех, кому не повезло, на носилки, вообще ничем не удивить. Они люди бывалые. Те, кто проезжают мимо тех, кому не повезло, невольно жмут на газ. Мимо, быстрее прочь! От неприятности чужой трагедии к неотложным делам, обеспечивающим светлое будущее отдельно взятого человека…

Этот придорожный мир, обочина скоростной трассы – ничейная и одновременно всехняя полоса. Ее пересекают бомжи и легконогие одичавшие собаки, шмели и души погибших. Но ничейная полоса – знак границы. И впрямь, на этом клочке под проводами ЛЭПа встречается мир города, мир ревущих машин, в которых сидят люди, и мир шмелей, ворон, деревьев, собак. Природы, одним словом.

Рогожкина и интересует граница. Точнее, её прозрачность. Может быть, всё, что он хотел сказать в «Кукушке», – это как раз то, что границы прозрачны. Разные границы – культурные, языковые, государственные. Они прозрачны для человека, который хочет понять другого человека. Неважно, говорит он на финском, на русском или на языке саами. В коротком метре, похоже, Александр Владимирович идет еще дальше. Он заставляет почувствовать если и не прозрачность, но проницаемость границы между природой и человеком. Человек гордо назвал себя homo sapiens. Но, в сущности, это такое же самоназвание, как слово «элита» в применении к денежным мешкам в первом поколении. Из отсутствия скромности у человеческого вида вовсе не следует, что все остальные живые существа на этой планете неразумны.

Кадр из фильма «Sapiens»

Поэтому пограничная ничейная полоса для Рогожкина – повод для того, чтобы сменить оптику. Точнее, направление взгляда. Не следовать за взглядом человека, который если и видит ничейное придорожное пространство, то только боковым зрением. А увидеть этот окраинный мир как единственный. Словно в первый раз. Сместить точку зрения от человека, ощущающего себя пупом земли, к существу, для которого эта забытая, скинутая со счетов земля – единственное место жизни. Тогда человек окажется не пупом земли, а прохожим на ней, таким же случайным, как шмель или собака. И таким же важным, как они. Он не мир, но лишь часть мира.

В 20-е годы «киноглаз» воспринимался как глаз машины, открывающий человеческому зрению новые ракурсы, новую динамику и глубину. Рогожкин движется прямо в противоположном направлении. «Киноглаз» его камеры не мчится на четырех колесах. Он статичен – все происходящее на придорожной полосе увидено фактически с одной точки зрения. Изменения ракурса определяется не движением «киноглаза» (разве что в самые первые секунды фильма), а бегом, полётом, остановкой, приближением и удалением существ из окружающего мира. Более того, «киноглаз» в «Sapiens» не безличен. В отличие от анонимного «глаза» машины, он обладает даром притягивать взгляды людей: мимолетные и равнодушные, любопытные или удивлённые, и даже восхищённые…

Собственно, эти встречные взгляды людей в упор, в объектив, и создают почти детективную интригу 10-минутного фильма. Вопрос, согласитесь, интересный: кто же живёт здесь, в двух шагах от трассы, которая грозит ежеминутной гибелью? Кто привлекает взгляд и упавшего солдата, и водителя, остановившегося проверить колесо, и погибшего ребенка, и девушки из джипа? Кто с доверчивым вниманием и бесстрашным любопытством следит за этим шумным, страшным и прекрасным миром? Иначе говоря, чьими глазами мы видим мир homo sapiens?

Это умение создать интригу чисто визуальными средствами на клочке земли в границах 10 минут показывает виртуозное мастерство режиссёра. Нетрудно догадаться, что из всех возможных точек зрения Рогожкин выбирает отнюдь не точку зрения инопланетянина или автоматического «Вояджера» марсиан, высадившегося на Землю для изучения атмосферы, а также возможной флоры и фауны. Рогожкин выбирает взгляд не механизма, а живого существа. Такого же обитателя планеты Земля, как мы с вами. Такого же любопытного, нежного, как мы. И такого же смертного, как люди. А если сегодня взгляд этого существа так же удивителен, как взгляд инопланетянина, то это не вина режиссера. Так уж получается, что в суровом мире машин & людей старинные обитатели Земли выглядят все более странными маргиналами на обочине скоростных трасс. Хотя они, возможно, ничуть не менее sapiens, чем те, кто считает себя таковыми.

Это предложение зрителю идентифицироваться с природой в нынешнем веке выглядит не только радикальным, но и на редкость актуальным. Не случайно, короткометражка «Sapiens» едет на Берлинский фестиваль, кажется, пока единственная из российских фильмов. Впрочем, когда-то такая самоидентификация человека была вполне традиционной. Стихи Басё, звучащие в конце фильма, подтверждают ещё раз, что все границы прозрачны. В том числе между западом и востоком. В том числе между эпосом и лирикой.

Жанна ВАСИЛЬЕВА

ПЕРСОНА

Татьяна Петрова: «Я люблю петь для всех и со всеми»

Она сидела на диване, уютно, по-домашнему свесив ноги. Я почему-то представил её не в просторной московской квартире, а в деревне на лавочке. Позади забора домик с окнами, сонливо провожающих закат. Светел лик её, не замутнённый городской суетой. Трудно сопоставить тихий говор с голосом, упруго и звонко летящим со сцены, от которого подкатывает комок к горлу…

– Татьяна Юрьевна, вы недавно вернулись из Иркутска, и, я заметил, часто бываете там. Что на этот раз?

– Это был фестиваль русской культуры и духовности, 10-й по счёту. Силами одного Валентина Григорьевича Распутина было трудно его организовать. На свои средства пригласил тех, кто ему нравится. Помню, местное руководство города не смогло слово «духовность» поставить вначале названия. Оно отредактировало и звучало так: «Фестиваль культуры и духовности». А ведь за эти десять лет произошли огромные изменения. Фестиваль действительно стал частью духовной жизни Иркутска, Сибири. Все ждут его, полные залы.

– Сложилось мнение, что вы предпочитаете выступать в провинции, нежели в столичных городах…

– Я бы так не сказала. Мне на Руси везде хорошо. На это требуется немало средств, надо бесконечно просить… А у меня такое кредо: «Дай Господь подать, дай Господь просить». Пусть небольшие концерты, но всегда проходят в Москве – в Политехническом, в Доме журналиста, в Славянском Центре, словом, на тех проторённых дорожках, где люди интересуются поэзией, народной мелодией. А в провинции чаще выступаю, потому что там сохранилось много местных праздников, связанных с фольклором, поэзией или с историческими датами.

– Что для вас понятие «народность»?

– Это родное, родня… всё то, что помогает жить, быть самим собой, что нам близко, что делает нашу жизнь счастливой и радостной. Русский народ – он особенный. Он любит не только своё, но и чужое, он пропускает через себя другую культуру и выдаёт совершенно новое. В этом его уникальность.

– В песенном творчестве – в чём проявляется эта уникальность?

– Зритель, встречаясь со словом и музыкой, бывает в трёх временах: в прошлом, настоящем и в будущем. В прошлом – это обязательно. Самый древний лад, непонятный, зашифрованный, веками передающий песни, просто необходим душе. Он открывает генетический кодовый замок. Люди иногда, может быть, и не понимают слов, но они завораживают. Потом идёт пласт поэтический, за ним – романсовый.

– Вы певица лирико-драматического склада. И песни у вас грустные, с долей печали. Не приходилось слышать, чтобы в вашем репертуаре были озорные…

– Да что вы! Обязательно их пою! А вы сходите на мой концерт и убедитесь в этом. Я ведь начинала как частушечница. На 2-м Всероссийском конкурсе в Ленинграде стала лауреатом именно за «Страдания» и «Частушки». Их до сих пор, как учебные, используют в институтах, в профессиональных коллективах. Я считаю, что, когда ты выходишь на сцену, должна нести в себе разные характеры народной жизни, создавать собирательный образ. И петь разным голосом: открыто, как поют за столом, молитвенно, и – как у рояля: полное, самоотверженное звучание.

– Вам, очевидно, претит зрелищность народной песни, когда из неё делают шоу, как, например, Бабкина, Рюмина и другие…

– Точнее сказать, «не претит», а спокойно отношусь. Я считаю, народная песня должна утешать, а не тешить. Мне ближе всего классическая форма исполнения. Она в певческой культуре Плевицкой, Руслановой, Шульженко, в игре артистов МХАТа и Малого театра. Станиславский, кажется, так говорил: «Нужно говорить о большом малым»… У наших московских актёров была блестяще поставлена речь, они не прыгали по сцене, не привлекали внимание суетой, телодвижением, могли не шелохнуться во время спектакля… Но какой заряд давали зрителю! Современный музыкант знает, как организовать музыкальное действо и заманить публику. Особых талантов для этого не надо. Но сделать так, чтобы зритель слушал, а не аплодировал во время пения – удел подлинных мастеров.

– Однако в шоу свои критерии мастерства, свой зритель…

– И очень молодой… Да, судя по концертам, по тому, что показывает телевидение на музыкальных каналах, потребность в этом ширпотребе была, есть и будет. Беда в том, что средства выражения других каналов мало отличаются от музыкальных. Слишком много развлекательного и агрессивного. Идёт планомерное навязывание сомнительного свойства эстетики, далёкой от природы и характера народа…

– Который «любит своё и чужое».

– Но не до такой же степени, как «Ивнушки-Интернейшнл»! Я убеждена: на нашем телевидении должна проводиться державно-национальная политика. Без неё невозможно духовное обустройство России.

– Неужели нет хотя бы одного канала, который близок вашему эстетическому кредо?

– «Культура»… В последнее время даёт немало хороших передач.

– Но почему-то вас на 5-м канале не видать …

– Я очень инертна. Надо ходить, предлагать себя. Не думаю, что были бы большие проблемы.

– Вы, кажется, вели курс в Гнесинском?

– Девять лет. Теперь вернулась в Ипполитово-Ивановское училище, где сама училась. Нина Константиновна Мешко – до сих пор мой педагог. Она возглавляла кафедру – дирижёрско-хоровой и народный. Северный народный хор – это её дитя. Состояние «Ипполитовки» плачевное, зарплата мизерная и практически не существует. Опекаю студентов так, как меня опекали в своё время. Есть разница, и существенная: у нас была уверенность в будущем, сегодняшние студенты его лишены. Зато, как ни странно, у них ответственности больше и очень самоотверженны. Приятно с ними заниматься.

– Откуда они?

– Из Ярославля у меня девочка, из Петропавловска, из Павлодара. Раньше были из Белоруссии, из Алма-Аты. А сейчас это всё отрезалось.

– Вы росли в уральской деревне. Помните, как приобщились к пению?

– Конечно, помню. Прилюдно как-то стеснялась петь. Но могла выйти в поле и дать волю своему голосу. Восславить простор.

– Обычно в деревнях к пению относились с уважением…

– В нашей деревне очень много пели. Я их постоянно слушала. Мама на балалайке играла. У папы был хороший голос. И бабушка Анна Николаевна всегда пела. Помню вечерние посиделки, мне лет пять-шесть: бабушка играет на опрокинутом медном тазу, отбивает ритмы, а молодёжь танцует и поёт. И при этом все излучают радость. И качели были, и игры… Что типично для русского народа? Даже если песня грустная, страдательная, она выражает страдание сильной души. Сейчас эти грани нарушены… «Этот стон у нас песней зовётся» – нытьё какое-то. Можно спеть о трагедии, но петь достойно. А тут депрессия тяжёлого характера. Очень влияют на эстетику эстрады, так сказать, нетрадиционные отношения полов. Это ненормально. Мужчина должен всё-таки по-мужски петь, а не по-женски. Душа одна – что в женщине, что в мужчине, так как не имеет пола. Духовно мы одни! А в остальном-то мы разные.

– Как вы относитесь к Смольяниновой?

– Хорошо отношусь. В прошлом году прошёл фестиваль «Витязь», его постоянно возглавляет Николай Бурляев. Я была на спектакле своего друга Зорана Костича – сербского поэта, он привёз в Москву свою пьесу. И в этой пьесе звучит романс Смольяниновой. Было такое ощущение, будто ты к чему-то небесному прикоснулся. Очень тонкие нюансы голоса.

– По тембру вы близки друг другу.

– Может быть. Но мы с ней совершенно не похожи. У неё очень камерное пение. Я же по-разному могу петь. Я люблю петь для всех и со всеми. Вообще, меня смущает (кстати, это можно наблюдать не только в песенном жанре, но и в литературе, и в поэзии), что многие певцы храм выносят на сцену. Нельзя молитву выносить на публику. В этом есть что-то святотатственное. Молитва, как сокровенное состояние души, должна звучать только в церкви.

– Вы посещаете Аносинский женский монастырь, говорят, вы помогаете ему…

– Наоборот – он помогает мне. Его основала княгиня Мещерская, тётушка нашего поэта Тютчева. Окормлял его митрополит Филарет Московский. В прошлом он назывался: Женская Оптина Пустынь. Был разрушен до основания. Десять лет назад там находился машинно-тракторный парк. По чертежам восстановили собор, освоили монастырское хозяйство. Матушки выращивают сады, у них свои огороды, своя живность. Помогают детским домам вокруг.

– Судя по вашему характеру, да и творческому пути, вы не унываете. А всё-таки, вас гложут сомнения? Допустим, вы что-то упустили в жизни, слабо защищены от напастей, которых в вашей профессии хоть отбавляй…

– Кого господь любит, того он и бережёт. Против совести я никогда не шла. Меня всегда мучает то, что я делаю мало записей своего исполнения. Лет десять – пятнадцать собираюсь отработать программу для детей, а всё никак не получается. Долги надо возвращать. Вот сейчас заканчиваю писать кассету советских песен. Как же они радовали послевоенное поколение! Послушаешь – точно побываешь в консерватории на хорошем концерте. Кассету посвящу моим родителям. Уже десять лет, как их нет. И когда я стала петь эти песни, будто всю жизнь заново прожила.

Я был на концерте в Доме журналиста. И вот тогда мне пришли на память слова Валентина Распутина, сказанные в адрес певицы: «Чтобы стать Татьяной Петровой, которой мы восхищаемся на сцене, нужна была огромная работа. Но благодаря ей произошло полное и счастливое слияние в одно целое таланта, внешности и духовности»…

Сцена маленькая, я певице высокая. И голос её, упругий и звонкий, норовил выпорхнуть из тесного зала. И не было разницы – весёлые песни или грустные – они всегда были во мне.

Сергей МИХАЙЛОВ

Вернём Россию на телеэкран!

Достаточно ли полно и объективно отражает сегодня наше телевидение реалии современной российской жизни? Что необходимо сделать для того, чтобы доля «российского» (и в первую очередь связанного с российской провинцией) в эфире существенно увеличилась?

Вот уже почти полгода, практически с первого своего выпуска, полоса «ТелевЕдение» так или иначе затрагивала эти актуальнейшие, на наш взгляд, вопросы в различных статьях и материалах. В 2004 году мы, как и обещали, попытаемся сделать тему возвращения России на телевизионный экран одним из главных и постоянных проектов нашей полосы.

Приглашаем к разговору всех, кому небезразлична проблема «информационного обеспечения» каждодневного бытия государства, а значит, – хотим мы того или нет – развития и успехов происходящих в нём преобразований. Особо ждём размышлений и посланий на эту тему (в том числе и электронных) от многотысячного коллектива читателей «ЛГ».

Виктор ФЁДОРОВ,

директор Российской государственной библиотеки

– Не открою Америки, если скажу, что Москва и российская провинция представлены на телеэкране в диаметрально противоположных пропорциях. Для меня, родившегося в маленьком районном центре Псковской области, это особенно печально. Сейчас очень много говорят о подъёме в экономике. Так вот хорошо бы от абстрактных утверждений перейти к конкретным фактам: там-то заработал новый завод, там-то возродилась к жизни фабрика. Если говорить об экономическом аспекте, то хотя бы это желательно показывать, если мы хотим, с одной стороны, демонстрировать объективную картину, а с другой – вносить в нашу жизнь хоть какие-то нотки оптимизма.

А пока что совершенно ясно, что если какой-то инопланетянин прилетит сейчас к нам и у него не будет времени ездить по России и знакомство со страной ограничится телевизионной реальностью, то он увидит совершенно искажённую картину: все только и делают, что веселятся и играют в различные игры. А на самом деле это далеко не так.

Виталий ГИНЗБУРГ,

академик РАН, лауреат Нобелевской премии

– К счастью, многое из современной российской жизни на телевидении представлено, но я всё же думаю, что это представление неполно. Вот конкретные примеры: атеистическое мировоззрение должным образом не отражено. Возражения против всякого рода лженауки, в частности астрологии, тоже не отражены в достаточной мере. Критика рекламы всяческого мракобесия, шаманов и колдунов, которым ТВ уделяет немало места, практически отсутствует на экране.

Так что ситуация не может быть признана нормальной. Налицо явная тенденциозность.

■ ТЕЛЕПРЕМЬЕРА ■

Время собирать камни

От воскресенья к воскресенью в дневные часы телевизионный канал «Россия» показывал документальный фильм из российской истории. Затея в принципе рискованная: в разгаре Новый год, Рождество, старый Новый год... какие уж тут исторические хроники! В жизни нынешней за один лишь декабрь ужас сколько произошло трагедий. Но именно в эти дни Российский фонд культуры, автор проекта Елена Чавчавадзе и ведущий Никита Михалков представили телезрителю своё, созданное по заказу РТР, документальное повествование «Русский выбор».

Хотя и состоящий из семи серий, он воспринимается как единое целое, как один фильм, с подобающим цельному и законченному произведению развитием сюжета. Исход Белой армии из Крыма, рассеивание по белу свету русских, ставших поневоле эмигрантами, судьба ныне, слава Богу, живущих их потомков и, наконец, размышления ведущего Никиты Михалкова – все эти линии сплетены по классическому закону жанра игрового кино. Нет, в фильме нет игровых вставок, здесь никто не играет – умышленно, по крайней мере. Но вот обратите внимание: чёрно-белые кадры времён Гражданской войны, повитые крошевом «возрастных» пятен, перемежаются с лощёной цветной картинкой, которая демонстрирует нам и глубоких стариков, и людей среднего возраста, так или иначе сопричастных узам Белой Армии. И мы, зрители, невольно погружаемся в пространство поистине вселенской «игры». И разве сравнима она по масштабам с чьей-либо частной историей? С библейской, разве что – как Исход народа, обречённого скитаться. И не сорок лет, а до конца жизни своей! Скитание накладывает особый отпечаток на русского человека, попавшего в другие страны, пусть и приютившие его (за это им низкий поклон), но, словно «тучки небесные, вечные странники», не успокоилась душа, и пылкие соки её продолжаются в детях и внуках... Лермонтов, Лермонтов, как ты всё это предчувствовал!.. Исход ведь не кончился «манной небесной», да и не ждали её эмигранты. Они просто верили (эти наивные души), что всё образуется, как верили заключённые ГУЛАГа: сидим-то по недоразумению, ан, выпустят на волю!.. Вспомним слова ведущего в начале каждой серии, ставшие своего рода рефреном фильма: «Никогда в русских семьях не было сомнения, что они вернутся. Печально только, что это возвращение разлилось на 80 лет».

Семьи... ячейки русского бытия, сброшенные на окраинный берег России и охапками затиснутые в трюмы кораблей, они стали жертвой жестокой, расчётливой политики. Михалков заметил очень существенный для понимания той ситуации момент: дескать, «эвакуация» была спланирована заранее. Но в это тем не менее как-то с трудом веришь: кинохроника зловеще и хладно отображает несметную массу людей на Графской пристани Севастополя. И это бегство, тревожный ритм которого нарастает из кадра в кадр, поистине завораживает. Завораживает своей, если так можно сказать, художественной правдой. Старики и молодые, красавицы и уроды, беременные дамы и жаждущие первого поцелуя девицы, гувернантки и графини, кучера и генералы, юнкера, курсистки, казаки, кадеты – полками, дивизиями, флотом – все устремились на Юг, к берегу дальнему. В затылок дышала Красная Армия. Генерал Деникин, адмирал Колчак, генерал Врангель... Три серии фильма им посвящены. Нельзя спокойно смотреть на их благородные лица, думая о тех страданиях, которые каждый из них испытывал, принимая роковые решения: будь то сдача городов Сибири или отступление в «боевом порядке» по донских степях, где порублены и расстреляны лихой конницей красных сотни тысяч казаков. Чувства смешаны: и этих жалко, и тех. Как тут не сжаться сердцу, слушая рассказ ведущего о Колчаке и видя письма Верховного правителя к своей возлюбленной! Да, цвет русской армии, интеллигенты, «порода» – воины, коим равно кадриль станцевать на светском балу и голову сложить на поле брани. И вдруг такое крушение! Покинутые казаками лошади метались по берегу, плыли, раздувая ноздри, вослед уходящему в море хозяину и тонули в клокочущем водовороте. Метафора – прекрасная и трагичная. Так ведь и сами люди были словно те лошади – умные, но страшно доверчивые. И то уже не метафора, а жизнь. Кого винить, кто в ответе? Но им, возможно жаждавшим мести, теперь уже ничего не нужно: «Иных уж нет, а те далече».

За отцов и дедов с экрана телевизора говорят поразительные по красоте (прежде всего внутренней) дети и внуки – личности, которых готов слушать и слушать, внимать каждому жесту, наблюдать за грустной улыбкой, восхищаться неподражаемым акцентом, что свойственен только русским по корням. А какие имена, фамилии! Мария Апраксина, Владимир Ренн, Марина Деникина, Наталья Врангель, Александр Колчак, Николай Туроверов, Андрей Шмеман, Александр Скрябин... И Ленин. Да, Ленин. Но совсем другой – Анатолий Васильевич, морской офицер, чья фамилия была позаимствована «для того, чтобы под этим именем сотворить всё то, что произошло в России», – говорит с экрана Никита Михалков.

В прологе меня поразил Николай Васильевич Фёдоров, 102-летний участник Белого движения, не доживший до показа фильмов двух месяцев, его взволнованный рассказ о том, как Белая армия покидала Крым. Он придерживает сухой рукой дрожащий рот, и в туманных глазах его мерцает свет грусти и растерянности: «Простите мне, – говорит, – слабость человеческую. Нужно быть вторым Достоевским, чтобы описать картину переживаний человеческих чувств... слёзы текут, больше ничего». Но при этом самая удивительная и, извините, кажущаяся едва ли не нелепой деталь: титр гласит, что Фёдоров – профессор Колумбийского университета.

Таких людей, как Николай Васильевич, в итоге устроивших свой быт, применив в чужой стране талант в науке, технике, искусстве, конечно же, было немало. Но какой ценой! Ценой сердечной боли, ценой душевных терзаний, которыми и с близкими-то не поделишься. Внешний лоск и респектабельность в мгновение ока рухнули, когда перед ним поставили камеру российского телевидения. И американец Fyodorov раскрыл душу перед русскими, разными по характеру, перед хорошими и плохими. И перед теми, кто увяз в тине междоусобных интриг, склок, амбиций, коррупции, маниакального синдрома «борьбы за права человека»... Помилуйте, господа! Не стыдно ли перед соотечественником? Не вздрогнут ли веки при одном сознании, что все наши «страсти» не стоят и слезинки старого человека, они – ничто по сравнению с кровавыми слезами Ивана Шмелёва, умолявшего в 20-м году новоявленных Кремля и Лубянки спасти его сына от неминуемой гибели? Не всколыхнёт ли наши замшелые души апокалипсическая судьба русского флота при виде кадров гибели в тунисском порту Бизерта русской эскадры, ожидавшей участи быть проданной с потрохами, отправленной в металлолом?

Что удивительно: эмигранты первой волны, а за ней второй не только тешили себя ностальгией, но верили в неотвратимость быть услышанными (Иван Бунин точно сформулировал: «Мы не в изгнании, мы в послании»). Они создавали союзы, братства, музеи, учебное заведение кадетов, о котором с гордостью говорят с экрана его выпускники. Вдовы, сыновья, внуки, племянники, испытав на себе все перипетии жизнеустройства на чужбине, а затем... Одни благополучно продолжили свой род, другие так и сгинули в нищете. Теперь за них в ответе ныне живущие. С пылающим в глазах вдохновением хозяева холёных домов показывают нам родовые реликвии, делятся семейными воспоминаниями. Может быть, оценки их субъективны. Но уста, как заклинание, невесомо шепчут: «Господи, благослови Россию!»

Растекались, разливались года на восемьдесят порогов. Как вздох, произносит Никита Михалков: «У Родины рождались новые сыновья». И тут же: «Неразделённая любовь». С чьей стороны? Конечно, «с ихней». С какой стати любить то, что стало причиной и следствием катастрофы нации! Ведущий словно гвозди вбивает: красный террор, коварный обман – рядовых, санитаров, интендантов, которым Ленин, Свердлов, Брусилов, в скреплённом высокими подписями Договоре, обещали помилование, если к новой власти отнесутся с сочувствием. А на деле вот она – зловещая анкета, регистрирующая участников Белого движения, и краткий росчерк: «Расстрелять!» Крепко всажен гвоздь! А нашего «пенсионного» Свердлова – не легче ли приказ? «Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно». Наотмашь!

Но был же и «Белый террор». Никуда от этого факта не денешься. Гражданская война на то и гражданская, что приносит на заклание всех – и правых, и левых, своих по крови и по духу. Отсвет Гражданской озарил разные берега одним светом, но слепил пейзажи, не похожие друг на друга. А всё потому, что их творец один – политика. Именно она поставила крест на чаемое возвращение на Родину сотен тысяч русских из Франции, правительство которой признало в 1924 году советскую Россию. И то верно: «там, за туманами» рождались новые сыновья. Это мы с вами теперь их дети, внуки, правнуки. И в генах наших заложено то, что вы, Никита Сергеевич, назвали «корневой системой». Она отчётливо проявляется в отдельных эпизодах фильма: вот солдаты спасают офицеров от спланированной комиссарами чистки. Однако не та ли самая корневая система срабатывала в годы Великой Отечественной, когда воин прикрывал своим телом амбразуру вражеского дота, когда у простой крестьянки, опалённой жаром войны, исторгалась жалость к пленному немцу, когда у поэта, вернувшегося с фронта, рождались строки: «В этом зареве ветровом выбор был небольшой, но лучше прийти с пустым рукавом, чем с пустой душой»? Да, именно та самая «система координат», по которой жили и Александр Невский, и Дмитрий Донской, кого-то она не устраивала в ту пору, кого-то не устраивает и сегодня. Всё ли надо вписывать в прокрустово ложе идеологии? Нет, конечно.

Никита Михалков приводит факт из биографии генерала Краснова, надевшего шинель немецкой армии, оправдывая его поступок желанием генерала увидеть Родину. Деталь красивая, но почему-то не нравится мне она. Вот вам и «односторонняя любовь». Впрочем, я тут же вспомнил восторженный блеск в глазах Михалкова, когда читал он стихи блаженной памяти казака Николая Туроверова:

Ты обрекла меня на муку,
Но буду славить вновь и вновь
Я нашу страшную разлуку,
Неразделённую любовь...

Сериал, созданный большим творческим коллективом, приоткрыл в истории Исхода русской аристократии и офицерства немало новых страниц. А если кто-либо и знал о них, то увидел в новом свете, в новых оттенках, которые неминуемо порождают и новые мысли. Тем более что неординарность Никиты Михалкова, взявшегося за документальный материал и раскрывшего его нам, зрителям, в своей «михалковской» стилистике, в любом случае много выигрывает перед «зубрами» тележурналистики, авторами фильмов про историю России (а таких охотников нынче много!). Я не берусь сейчас обсуждать качество их работ. Одно могу сказать: в их глазах о чём угодно можно прочитать. Но нет главного – любви к тому, о чём говоришь, чему сострадаешь. А значит, нет и того самого чувства корневой системы.

Понимаю, коммерческая сторона для телевидения – святое дело. Но было бы чрезвычайно несправедливо по отношению к главным героям фильма, а уж тем более по отношению к российским зрителям, которые упустили просмотр сериала в праздничной суете, если дирекция РТР не найдёт возможности повторить его.

Намедни в Интернете я наткнулся на одну статейку о «Русском выборе», в которой автор явно передёргивает всё, что ни попадя, нимало не смущаясь тем, что, по крайней мере, ко дню её публикации он мог успеть увидеть лишь первую серию фильма – «Пролог». Да и зачем дальше-то смотреть? У нас, милостивые государи, готов наборчик: «харизматический блокбастер» (о «Сибирском цирюльнике»), «известная русская тема», «очередная попытка напомнить о себе как персоне, склонной к общественно-политическому перформансу»... а дальше пошёл язык чесать на уровне «уркаганной» лексики.

Думаю, не дай Бог, попадётся нечто подобное на подслеповатые глаза Анастасии Манштейн-Ширинской, проживающей в далёком Тунисе и получившей недавно паспорт Российской Федерации. Затмится мир!

И ещё один, последний штрих. Дочь русского генерала Наталья Петровна Врангель рассказывает, как строили в Галлиполи, в Турции, памятник солдатам и офицерам, умершим на чужбине, и с каким неимоверным трудом приходилось собирать средства. Они настолько были скудны у нищей флотской братии, что (вчитайтесь внимательно!) «каждый, несмотря на чин, принёс по камню»...

Фильм назван «Русский выбор». Теперь мы знаем, о чём, о ком в нём идёт речь и кому теперь следует искать выбор.

Только бы не разбросать нам эти камни...

Сергей ЛУКОНИН

■ ТЕЛЕБРЮЗГА ■

Валенки

Как-то в пору информационного затишья по «Культуре» показали «Школу злословия» с Геннадием Хазановым. Хазанов – фигура по-своему легендарная, отчасти мифическая, шут застойного времени, не столько обаятельный, сколько нелепый, но очевидно смешной и талантливый. И тем сильно отличающийся от множества подвизавшихся на сцене профессиональных юмористов. Личность. Как заметила одна из ведущих «Школы злословия»: «Я мерю пошлость в Петросянах. Один Петросян пошлости, два Петросяна».

Немножко жёстко, но заслуженно. Про Хазанова такого не скажешь. Это человек серьёзный и умный, интересный собеседник со здравым взглядом на жизнь и независимыми суждениями. Чего стоят его нелапидарные размышления о Жванецком, не писателе, каковым тот себя называет, а удачливом исполнителе эстрадных миниатюр, обязанном успеху советской конъюнктуре.

У Хазанова есть чувство меры и чувство дистанции, вообще драгоценное в современном мире, где размыты многие границы и утрачено понятие иерархии. В нём нет самодовольства. Скорее наоборот. Хазанов, этот, казалось бы, счастливчик, баловень, любимец публики, одно лицо которого вызывало восторг и разгоняло скуку поздних советских времён, неожиданно предстал в образе человека ущемлённого, по-своему трагического, страдающего от того, что в сознании большинства сценическая маска заслонила хозяина, что всерьёз его не воспринимают, и вот он пытается такое положение дел переменить.

Главная его идея о самом себе вот какая. Тридцать лет и три года человек веселил эстрадную публику. Не просто веселил, а время от времени показывал властям фигу, порой в кармане, а порой руку из кармана вытаскивая. И никто не смел его тронуть, хоть и пытались, потому что был он популярен и любим в народе. А теперь шут устал. Устал забавлять, устал играть в студента кулинарного техникума и исполнять прочие потешные роли. Слава ему больше не нужна, он её познал и ею пресытился, и люди, которые за славой гонятся, ему смешны. Он хочет сменить амплуа и заняться серьёзным делом, открыть свой театр для избранных, для тех, кто – по его словам – композитору Добрынину предпочитает композитора Шнитке.

Пусть не будет переполненных залов и многотысячного демоса и плебса, зато будут свои, избранные. Элита.

Человек, не равный своему эстрадному образу, человек, пытающийся преодолеть свою репутацию – случай не новый, но есть одно обстоятельство. Были у нас великие актеры, которые также имея преимущественно амплуа комическое, блестяще исполняли трагические роли: Никулин, Папанов, Миронов. Однако невозможно предположить, чтобы они противопоставляли одно другому, презирали тех, кто смотрит «Бриллиантовую руку» и «Берегись автомобиля!», и уважали лишь поклонников «Андрея Рублева», «Моего друга Ивана Лапшина» или «Холодного лета пятьдесят третьего года». Для них и то, и другое было естественно, представало гранью их таланта, и оттого было всегда органичным.

Хазанов не то чтобы стыдится своего юмористического прошлого, но торопится его стряхнуть, перейти из разряда в разряд, а то, прежнее, объявить исчерпанным, отрезать его от себя.

Он теперь нарочито другой, он в поиске, в том числе и в поиске своего зрителя, он обижен, задет за живое, откровенен и между прочим рассказывает, как читал недавно на концерте юмореску о Солженицыне. Про то, как Солженицын сидит на даче у Ростроповича в Жуковке, пишет «Архипелаг ГУЛАГ» и просит хозяина, чтобы ему создали антураж. Вышки, собаки, охранники. На концерте половина зала протестует.

– Мне не дали выступить, – говорит Хазанов с горечью.

Что тут скажешь? Интеллигентно или неинтеллигентно перебивать выступающего на сцене человека? Да, конечно, неинтеллигентно. Уместны или нет шутки над Солженицыным? Почему бы и нет? У нас после восемьдесят пятого года нет зон вне критики. Но всё дело в том, что Солженицын писал «Архипелаг ГУЛАГ» не на даче у Ростроповича, а на глухом эстонском хуторе и никакой антураж ему не был нужен.

Исполнитель эстрадных миниатюр, работающий для тех, кто любит – условно говоря – композитора Добрынина, студент кулинарного техникума это знать не обязан. Но тот, кто хочет заслужить любовь поклонников Шнитке... Да и тётки – как очень весело и точно назвал когда-то Татьяну Толстую и Дуню Смирнову умница Гришковец – могли бы прореагировать. Позлословить. Не в кадре, так за кадром. Не стали.

Их право, и дело, конечно, не в них. Они и так хорошую сделали передачу, где б ещё Хазанов так раскрылся? Тут другой возникает вопрос: если умный, глубокий человек, всё понимая, тридцать лет валял на сцене дурака, порой говорил пошлости, вызывая хохот и аплодисменты в зале, а в душе презирал публику за то, что она над этими пошлостями смеётся, неужели это проходит для души бесследно?

В фильме Андрея Тарковского «Сталкер» есть такой внесценический персонаж – Дикообраз. Человек, который ходил в таинственную опасную зону вместе со своим братом и, чтобы добраться до исполняющей желания комнаты, братом пожертвовал. Потом на коленях просил, умолял, чтобы комната ему брата вернула, а она всё деньги давала. Потому что комната выполняет не всякое желание, а лишь сокровенное. То, что внутри и чего человек сам о себе может и не знать. И даже не желание, а отражает человеческую суть.

Похоже, так и у Хазанова с его эстрадной славой. Не отпустит она своего милого. Приревнует как старая жена и не даст уйти к молодой любовнице, потому что стала его сутью, а то, что она ему опостылила, лишь разжигает её злость.

Есть такое понятие в искусстве – «творческое поведение». Вот оно-то и не прощает высокомерия и не даёт начинать жизнь с чистого листа. Искусство при свете совести.

А если уж говорить совсем жёстко, был анекдот в советские времена. Про колхозника Петрова, который каждый раз заказывал на радио одну и ту же песню «Валенки». Но однажды заказал «Первый концерт» Петра Ильича Чайковского. А ему и говорят:

«Не выпендривайтесь, дорогой товарищ, слушайте песню «Валенки».

Алексей ВАРЛАМОВ

■ ТЕЛЕПЕНЬ ■

Райское наслаждение

Некоторые почему-то жалуются на низкий уровень телерекламы. Мол, и сценарии, как правило, слабые. И с логикой не всё в порядке. И русский язык хромает. Тут, я думаю, всё дело в недопонимании. То есть телезрители просто не хотят правильно понять авторов рекламных роликов.

Я сделал попытку пояснить некоторые слоганы, появляющиеся в телерекламе.

Критические дни. – Дни, когда дела у производителей прокладок идут как нельзя лучше.

Труднодоступные места. – Вообще-то таких мест у человека не так и много. Одни не могут самостоятельно почесать себе спину. Другим не удаётся укусить себя за локоть. Отсюда русская народная мудрость: «Близко локоть, а не укусишь». Для женщин самым труднодоступным местом на теле мужчины является его кошелёк.

Правильное пиво. – Под правильным рекламодатели имеют в виду то пиво, которое они рекламируют. А телезрители то, которое они пьют и после этого остаются здоровы.

Ответить за качество. – Специфическое рекламное понятие. В быту существует эквививалент «Да чтоб мне провалиться на этом месте». Политики в подобных ситуациях обещают «лечь на рельсы».

Сырный сыр. – Словосочетание, стоящее в одном ряду с такими, как «масло масляное», «мороженое мороженое», «человечный человек», «дурацкая реклама».

Это фантастика! – Удивление тем обстоятельством, что ещё кто-то способен есть рекламируемый сыр.

Впитывает сильнее, даже когда ты сидишь. – Каждый понимает в меру своего воспитания.

«Тефаль», ты всегда думаешь о нас. – Намёк на то, что мы будем так жить до тех пор, пока думать за нас будет «Тефаль».

Объёмные ресницы без комочков. – Это фантастика!

Нежнее нежного. – Аналоги: «честнее честного», «глупее глупого» и пр.

Два в одном. – Попытка сыграть на человеческой жадности. Результат, как правило, превосходит ожидания. В одном кармане (не вашем) получается даже не два, а гораздо больше.

Мыло для интимных мест. – Подразумевает, что существуют специальные сорта мыла отдельно для каждой части тела.

Живой йогурт. – Йогурт, который, в отличие от мёртвого, лежащего неподвижно в упаковке, ведёт активный полноценный образ жизни. Уничтожение такого йогурта преследуется по закону.

Игорь СМИРНОВ

Традиции, которые нас объединяют. – Не ясно, какие традиции имели в виду авторы этого слогана, в народе известна только одна традиция, объединяющая людей. От трёх и больше.

Атаковать морщины. – Покрыть лицо толстым слоем косметики.

Вкус на грани возможного. – Вкус, присущий создателям рекламы.

Сделано с умом. – Менее всего относится к телерекламе.

«Омса» знает всё о твоих желаниях. – Всё не всё, но о твоём желании при виде этой рекламы выбросить к чёрту все колготки могла бы догадаться.

Кристальная свежесть дыхания. – Возникает при попытке перебить запах перегара таблеткой «Минтона».

Узнай свой максимум! – Лучше и не пытаться. Попытки узнать тот максимум рекламы, который в состоянии выдержать человеческая психика, заканчивались для неё крайне плачевно.

А всё-таки не зря мы ждали, мужики! – Желательно этот слоган запускать в конце каждого блока рекламы.

Гармония жизни. – Возникает, когда при виде рекламы человек удерживается от желания запустить в телевизор чем-нибудь тяжёлым.

Александр ЖИЛИН

■ ТЕЛЕМОСТ ■

Открытое письмо

руководителям телевизионных каналов и владельцам СМИ России

Господа!

Обратиться с этим открытым письмом нас подвигло «Открытое письмо» российских писателей, опубликованное в «Литературной газете», 2003, № 47.

Мы, читатели, члены Рубцовского центра Санкт-Петербурга, единодушно присоединяем свои голоса к авторам «Открытого письма», адресованного вам, господа. Ещё раз повторяем: «Сегодняшнее ТВ, по нашему мнению, не консолидирует людей, не помогает стране выйти из глубочайшего кризиса, а напротив, работает зачастую на углубление кризиса и обострение противоречий в обществе».

К сожалению, мы должны повторить ещё раз, «что идёт целенаправленное, агрессивное засорение русского языка! Разного рода реклама, объявления и просто сообщения с помощью радио, телевидения и прессы просто издеваются над языком, невольно заставляя повторять и детей все эти «шоу», «синглы», «эксклюзивы», «саунды» и прочие «бомонды». Не от этого ли и появляются сегодня преподобные иваны, не помнящие родства» (см. «Литературную Россию» от 20 мая 1996 г.).

Вам, господа, хорошо известно, что совокупные затраты государственных средств на обеспечение работы СМИ, по некоторым оценкам, превосходят расходы на армию, правоохранительные контролирующие органы, вместе взятые.

Может, оно бы и ничего, будь от этого понятный и ощутимый обществом прок. На деле, как и повсеместно, пользу из этого извлекают лишь незначительные фрагменты социума. И вы, господа хорошие, это доподлинно знаете.

С громадной выгодой для себя вы постоянно рекламируете товары и услуги, благодаря чему общество беспрерывно участвует в строительстве то одной, то другой мошеннической финансовой пирамиды. <...>

Нам бы очень хотелось, чтобы в наших российских СМИ, на отечественном телевидении со всей обстоятельностью, внятно прозвучало искреннее слово о поэте Николае Рубцове, ярчайшем явлении русской литературы XX века. Стыдно, когда в своём Отечестве не находится ни времени, ни места своему пророку, творчество которого является одной из бесспорных общепризнанных вершин отечественной поэтической культуры.

Вместе со всеми почитателями современной русской литературы мы сегодня с болью в сердце говорим: «Задумайтесь, господа руководители, пока есть время!» «Заговор невежества» не должен пройти! <...>

Руководитель Рубцовского центра, главный редактор литературно-художественного альманаха «Остров» **С. СОРОКИН, Г. АНТОНОВИЧ,**
композитор **А. ГУСЕВ, Д. КИМ, Т. ДАНИЛОВА, Б. РОДИЧЕВ,**
преподаватель русского языка и литературы **Л. ФЕДУНОВА, В. ШАЙТАНОВ**

■ ВЛАСТЬ И ПРАВО ■

Крутой терминал

У любой авантюрной истории есть своя предыстория...

Мне с детства прививали ненависть к немцам с помощью кино, учебников по истории, бытовухи, коей богата была расцвечена колымская действительность. Но я все одно в тринадцать лет влюбился в большеглазую красавицу Марту. «Втюрился», как говорили приятели. Они же и разрисовали нашу дверь и калитку у дома Марты фашистской символикой и похабщиной.

Два года назад этот унылый пейзаж неожиданно расцвёл от множества блескучих машин, нарядов чиновных дам, белоснежных рубашек полуроты администраторов во главе с губернатором. Что же погнало чиновников за сотни вёрст по пыльной дороге на берег Эльтона? Ну, конечно же, деньги. Большие деньги. Немецкая инвестиционная компания предлагала построить современный курорт с четырёхзвёздным отелем и грязелечебницей.

Переговоры шли несколько дней. Выпито и съедено было немало. Подписали протокол о намерениях. Гут, гут! Ударили по рукам и снова выпили.

ЛОМАТЬ – НЕ СТРОИТЬ

Позже, работая в районной газете с потрясающим названием «Путь к коммунизму», я скорбел над таблицами надоев и докладами партсекретарей. Из месяца в месяц: вороватые управленцы, коровы, утопающие по вымя в навозе, пьяные животноводы, разбитая техника... И вдруг чистейшая ферма, трезвые улыбчивые скотники, а животинка стоит – любо-дорого посмотреть. Председатель колхоза неторопливо перечисляет фамилии передовиков: Шлехт, Гренц, Кац...

Так уж совпало, что даже дачу мне обустраивал немец из Паласовки. Стоит и поныне, крыша не течёт, лестница на мезонин не покосилась. Я бы рад поблагодарить этого славного плотника Сергея, да нет ведь его уже в России. Как и других трудолюбивых и честных знакомцев моих – поволжских немцев.

Уехали-с! Борис Ельцин и тут успел наследить. А ведь просили и его лично, и премьеров новоявленных. Бонн под это огромные деньги обещал. Всех-то делов – восстановить былую автономию. Ан, нет! Как-то в Саратове прилюдно перед телекамерой задали президенту вопрос о немецкой автономии. А он в ответ – нет, и не мечтайте! И жест правой ручкой сделал этакий устрашающий. Экономика, потерявшая миллиарды, генофонд страны, лишившаяся значительной части трудовой интеллигенции, особенно на селе – всё это к чертям собачьим!

Почему?

Вот уже век гуляет по России геростратовщина, круша всё на своём пути. Нам что Крым запродать, что пять областей Казахстану подарить, что немцев из страны выжать – всё едино. Антагонизм исторический. Геростратовщина.

В Волгоградской области имеется уникальное озеро Эльтон. Рапа (грязь) в нём по лечебным свойствам превосходит известнейшие грязелечебницы мира. Но уныл и неприютен берег этого усыхающего миллионы лет озера. Голая жаркая степь. Пыльные посёлки. Маленькая лечебница барачного типа, палатки дикарей, приезжающих лечиться...

Немецкую сторону представлял Андрей Буц, бывший управляющий строительного треста, а ныне подданный Германии. Он искренне радовался, что втягивается в большое полезное дело для страны, которую считал родной даже после отъезда. Но ломать не строить. Лишь только встал вопрос о продаже нескольких гектаров земли под лечебный комплекс, сразу вскинулись думцы-коммунисты: дерьмо будем жрать, а и полметра земли не продадим поганым капиталистам.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ТЕАТР АБСУРДА

Однако Буцу не жилось спокойно в ухоженной Германии. Имея два высших образования, он ещё Академию бизнеса в Магдебурге окончил. Планировать и анализировать умеет. Зная о низкой технической вооружённости российских сельчан, подсчитал, что высокопроизводительные надёжные немецкие комбайны с наработкой до двух тысяч моточасов могут окупаться за один год при урожайности 20 центнеров с гектара. Разослал аналитику и расчёты руководителям хозяйств, фермерам. Вскоре получил обнадёживающие ответы. Особенно порадовал Виктор Иванович Штепо. Герой Социалистичёского Труда, опытнейший хозяйственник, человек известный в области и, надо заметить, уникальный по жизни и по делам своим. Штепо решил отправить в Германию сына, чтобы на месте определиться с закупкой зерноуборочных комбайнов, бывших в употреблении.

Если старшего Штепо восхитила производительность комбайнов до ста гектаров при двухсменной работе, то сына Андрея потрясла кабина, лёгкость в управлении, штатный кондиционер, так необходимый при сорокаградусной жаре. В итоге ЗАО «Фройндшафт» в лице Буца заключило с немецкой фирмой GLAAS контракт на поставку комбайнов Дойтц Фаар. Дело закрутилось. В строго установленные сроки пошла проплата, авансовые платежи в Федеральное казначейство для налоговой Советского района города Волгограда, где зарегистрирована фирма «Фройндшафт», в размере полумиллиона рублей. Нелепо авансом оплачивать НДС за ввозимую из-за границы технику, но коль так определено законом, то ordnung ist ordnung. Пятого июня 2002 года комбайны, изрядно пограбленные на российской железной дороге, прибыли в Волгоград.

С этого дня здравый смысл отступает, начинается театр абсурда «Welcome инвестор!»

Борис ЗАДВИЛЬ

Раньше российский обыватель был знаком с таможней только по фильмам и звонким фразам: «Таможня даёт добро!» За последние десять лет через её жернова прокрутились миллионы россиян, а кто-то крутится и поныне, таская сумки из-за границы. Я сам стоял не раз в километровых искусственно сотворенных очередях на пропускных пунктах, записывался в пять утра у терминала, чтобы получить всего лишь нужный бланк.

Крутее и хамее конторы, чем таможня, в России пока ещё не создали. Историй про гуманитарную помощь, за которую нужно было заплатить тысячи долларов, не счесть... Так что Буцу пришлось хлебать со своими комбайнами по полной программе – то нужно нанять таможенного брокера и заплатить ему шесть тысяч рублей всего лишь за бланк декларации, то натолкнуться на откровенную фразу: а мы ведь можем и повысить таможенную пошлину. А сами эти конторы с большими таможенными начальниками разбросаны по всему городу. И всюду недовольные возгласы: «Вы что, не видите, мы заняты!»

Психологически он был готов к трудностям, бюрократизму...

Но не до такой же степени!

КОМБАЙН ПОД АРЕСТОМ!

Комбайны продолжали стоять на платформах, накручивая штрафы за простой. Но совсем худо стало, когда налоговая инспекция отказалась возвратить авансовые платежи, заведомо нарушая статью 176 Налогового кодекса РФ.

– А хоть в суд на нас подавайте! – со смехом сказала Буцу симпатичная женщина в ранге заместителя начальника налоговой инспекции.

Заказчик, естественно, требует комбайны. Буцу деваться некуда, взял в банке кредит, чтобы оплатить пошлину и оформить хотя бы один комбайн. На второй Волгоградская таможня накладывает арест и возбуждает против ЗАО «Фройндшафт» дело об административном нарушении, грозит подвергнуть штрафу в размере 50% от таможенной стоимости товара, а это почти восемьсот тысяч рублей.

Можно было свалить всё на тяжкие обстоятельства, махнуть рукой и... Но Буц подал исковое заявление в суд, где педантично перечислил все понесённые убытки. Приложил около полусотни документов, подтверждающих собственную правоту.

Налоговая инспекция Советского района города Волгограда в лице Белоусова С.А. тут же делает ответный ход – назначает ЗАО «Фройндшафт» жёсткую проверку. В цивилизованной стране такое расценили бы как использование служебного положения в корыстных целях, у нас же это обычное дело. Как не выполнить распоряжение вышестоящего начальства в лице заместителя начальника областной налоговой инспекции, которое предписывает произвести зачёт переплаты по налогу на добавленную стоимость и перечислить их для Волгоградской таможни. Ну ничего не боится чиновный начальник!

Как не боится ничего судья Перепелицына. Она отклоняет иск ЗАО «Фройндшафт». Через несколько месяцев она же отменяет собственное судебное решение. Это похлеще той классической ситуации, когда жена городничего сама себя розгами высекла. Тут и неискушённому в судебных тяжбах человеку понятно, что такое просто так не делают.

Губернатор Максюта был обескуражен, когда к нему на приём попал Герой Социалистического Труда Штепо и рассказал, что второй год стоит под арестом комбайн на штрафстоянке, хотя все платежи, предписанные законом, сделаны. Губернатор, конечно же, в гневе на совещании «силовикам» выговорил, попросил разобраться и доложить.

Ответ пришёл только из управления юстиции. Налоговики полностью проигнорировали просьбу губернатора. Ну не боятся они ничего! Им хоть сам Путин позвонит, они упрутся и будут стоять на своем.

Неподвластны!

Немецкий подданный Буц уверен в своей правоте и готов дойти до Страсбурга, если понадобится. Жаль, что коммерция в убытке. Все силы уходят на хождения по судебным и административным инстанциям. Да и обидно ему за себя, за российского потребителя, которого и без того загнали в угол. Он еще в Магдебурге начал сопоставлять цены на основные продукты питания в Германии и России.

– Ведь это парадокс! – с негодованием выговаривает Буц, словно я виноват и в этом. – Средняя зарплата в переводе на рубли по Европе 45 – 50 тысяч рублей, а тот же сахар 0,5 евро – это семнадцать рублей. А в России сахар уже за двадцать рублей перевалил. Мясо, рыба, фрукты и даже пиво почти один в один. В России только хлеб и картошка вполовину дешевле.

Мне нечего ответить немецкому подданному. Сам бывал за границей, знаю.

А могли бы кормить полмира

Знаю, что наше молоко, томаты, перцы, дыни гораздо вкуснее тех, что производят в Испании или Португалии, а затем продают в Германии или Финляндии. Знаю, что Россия при своем земледельческом и природном потенциале могла бы кормить полмира.

Но для этого нужно покупать самую передовую сельскохозяйственную технику, не теша себя и других иллюзией создания российского мерседеса.

У нас свои приоритеты...

Некто власть имущий, в телерепортаже попивая чаек с щедро умасленной булкой, в очередной раз нам рассказывает, что давно пора повернуться лицом к сельхозпроизводителю. Но если этот Некто вчитается в печальную статистику продолжительности жизни сельских механизаторов, узнает о их поголовной инвалидности в возрасте от 45 лет – он не поверит или не захочет верить. Но это самый подлинный факт нашей действительности.

Все мы желаем булок с маслом, а вот помогать конкретному трудяге Иванову ну никак не получается. Пусть он рвёт жилы и дальше под ревущий грохот перепонки в ДТ-75, глотает кубометры пыли в бесконечно ломающихся «Нивах»... Да и чего его жалеть, бабы наши новых мужиков нарожают.

Но наш сельский Иванов давно уже не дурак, знает о высокопроизводительных, надёжных комбайнах, тракторах, сеялках. Одна беда – беден он. Да и как устоять, если насильно в лизинг или под топливо всучивают допотопный ДТ-75 или непомерно дорогой «Дон», который с новья нужно перебирать и отлаживать.

Русский мужик умеет топориком подпоясаться и побриться, и щи из него сварить. Только вот дельного чиновника изготовить никак не получается. Остаётся одно – закупить на развод сотню-другую таких, которые взяток не берут, закон соблюдают, а обещанное исполняют. «Пока же быть законопослушным в России тяжело!» – утверждает немецкий подданный Андрей Буц.

Александр ЦУКАНОВ,
ВОЛГОГРАД

■ ВОСПИТАНИЕ: ОПЫТ СОСЕДЕЙ ■

Чем поможет Бальзак безработному

Катрин Анри ведёт уроки французской словесности в обычном парижском лицее. Ученикам – от 15 до 19 лет, многие дети мусульман-иммигрантов. Новые «отверженные» французского общества.

В спальных арабских пригородах полыхают автомобили, там боятся появляться полицейские... В Париже тихо. Пока...

– Вы преподаете в школе уже двадцать лет. Что изменилось за это время?

– Раньше многие покидали школу в четырнадцать лет – уходили в подмастерья, в техникум, теперь учатся до восемнадцати. Знают, что хорошее образование будет гарантией от безработицы.

Это уже другие ученики. С одной стороны, они гораздо взрослее, много знают благодаря телевидению, а с другой – инфантильны, так как живут в закрытом мире компьютерных игр... Они совершенно непохожи на подростков семидесятых. Преподаватели вынуждены приспосабливаться...

– Уровень обучения упал?

– Сложный вопрос... Многие считают это очевидным, особенно преподаватели старшего поколения. Но не существует ни одного серьёзного научного исследования на эту тему! Уровень снизился в некоторых областях – дети хуже знают грамматику, хуже считают... Это объясняется тем, что некоторым дисциплинам уделяется меньше времени. Например, тридцать лет назад в начальной школе изучали правописание каждый день, теперь – два-три раза в месяц. Но в то же время ученики сегодня знают то, чего не знали их предшественники, особенно в области науки и технологий.

– По программе они должны прочитать за год шесть литературных произведений.

– Помимо тематических отрывков. Разумеется, это очень много.

– Шесть книг за год – много?!

– Речь идёт не о комиксах или детективах, а о сложных литературных произведениях XVII – XX веков. Преподаватели вынуждены считаться с уровнем учеников. Если те не привыкли читать или читают медленно, им предлагают пьесы или рассказы.

Я тоже нередко подбираю короткие тексты – не только потому, что ученики ленятся читать, а и потому, что им это быстро надоедает. Стараюсь давать им умные, хорошо написанные произведения. Хочу, чтобы они поняли, что усилие над собой, познание нового приносит большую радость и удовлетворение.

– Ваш лицей находится в неблагополучном районе?

– Нет, я преподаю в достаточно благополучном пятнадцатом округе Парижа. Как происходит отбор учеников? В начальных и средних классах всё просто – дети поступают в ближайшую школу.

С лицеями дело обстоит иначе. Престижные отличаются от других не качеством преподавания – учителя везде одинаковые, а успеваемостью желающих в них учиться. Директор отбирает лучших, а оставшиеся подают заявление в другой лицей. Снова отбор. И так далее... В слабый лицей попадают те, кого никуда больше не приняли. Вот в таком я и преподаю. Тем не менее, программа та же, что и везде.

– Ваших учеников зовут Рашид, Айша... В классе много мусульман...

– В моём лицее представлены 52 национальности, целый мир. В этом году у меня был русский ученик, который живёт во Франции уже три года. Много детей иммигрантов – так называемые иммигранты во втором поколении. Дома они по-французски не говорят.

– Фактически вы преподаёте французскую литературу как зарубежную?

– Когда меня направили сюда, я вначале огорчилась и завидовала моим более удачливым коллегам. Но чувства неудовлетворённости у меня нет. Во-первых, я несколько часов преподаю в университете и общаюсь с качественно другой аудиторией. Во-вторых, в лицее тоже бывает интересно.

Моих учеников нельзя презирать только потому, что они испытывают трудности. Приятно видеть, как они преображаются. В июне я заметила в коридоре мальчика, погружённого в «Войну и мир», – а до этого он читал только комиксы! Я всегда пытаюсь перекинуть мостик от книги к ученику. Хочу, чтобы дети поняли, что литература рассказывает им о них самих.

– Вы не считаете, что французская литература – и культура в целом – оказалась заложницей проводимой правительством иммиграционной политики?

–Нет, потому что интеграция происходит именно через освоение культуры принимающей страны.

– Ваш ученик Амир находился на нелегальном положении.

– Он чудом получил вид на жительство, сдаёт экзамены на аттестат зрелости и хочет учиться на врача.

– Ему повезло. А другие иностранцы и даже дети иммигрантов знают, что у них мало шансов стать полноценными членами французского общества... Не испытывают ли они чувства горечи, изучая прекрасные произведения французской литературы?

– Они горят желанием «интегрироваться» и знают, что для этого нужно хорошо учиться. У девочек это получается лучше (сестра Амира – кандидат юридических наук), они знают, что диплом – залог их материальной независимости. С мальчиками сложнее – наверное, потому, что у них ностальгия по обществу типа магрибского, где доминирующее положение занимает мужчина. Они прекрасно видят, что во Франции не так. Изучая основополагающие произведения, особенно эпохи Просвещения, они поражаются тому, что еще триста лет назад речь шла о свободе мысли, борьбе с предрассудками и неравенством...

Нет, они не испытывают горечи, они скорее потрясены тем, насколько эти произведения сохранили свою актуальность.

– Обучение подвержено влиянию моды?

– Да, хотя я могу говорить только о преподавании литературы. Раньше изучали литературный текст с учётом его субъективности, интуиции... Затем появились новые методы, такие как стилистика или анализ аргументации...

–Такой упрощенный подход низводит понимание литературного текста на достаточно примитивный уровень.

– Абсолютно с вами согласна. Мне кажется ещё, что существует своего рода инструментализация знаний. Например, сегодня геометрия считается менее полезной, больше изучают статистику, которая находит применение во многих областях.

– Ощущается ли «политическая корректность» в министерских циркулярах?

– Прежде всего, в желании приуменьшить или замаскировать существующие проблемы.

– Какие именно?

– Например, вопрос неуспеваемости. Больше не говорят «неуспевающий ученик», а – ученик с «запаздывающей успеваемостью». То есть стараются заменить слова с отрицательным значением на положительные. Вместо «болтливый» говорят «ученик с большой потребностью общения с ровесниками». А недавно одна практикантка просто ошеломила, спросив после урока, в чём заключался его гражданственный смысл...

– С каких пор литература несёт прикладную социальную функцию?

– Это появилось недавно. Если раньше были уроки морали, то теперь их нет, но мораль присутствует на всех занятиях. Например, на уроках биологии объясняют, что такое СПИД и как от него защититься...

– Ученики нередко спрашивают, зачем нужна литература, книги Бальзака или Достоевского не могут помочь найти работу. У вас нет ощущения, что вы – «последняя из могикан»?

– Бывает... В нашем обществе знание потеряло свою ценность, что нерадостно. Для того, чтобы пробиться, знания не нужны (достаточно сравнить зарплату научных работников и звёзд футбола). Но культура всё же остаётся своего рода знаком социального отличия... Хотя бы это...

– Сколько времени, на ваш взгляд, продержится литература в школе?

– Надеюсь, что долго. Любовь к литературе заложена в сознание французов, как и любовь к искусству – в сознание итальянцев.

Лариса ОБАНИЧЕВА
ПАРИЖ

■ ПОЧТА ЛГ ■

Что сказало «зеркало»?

Зашла я как-то к бывшим сокурсникам Толе и Вере поделиться своими восторгами. Тогда – свыше сорока лет назад – в большом фаворе был Эрих Мария Ремарк. «Хотите почитать?» – спросила я. «Нет, – ответил Толик. – Зачем я буду читать, как буржуи едят, пьют и всяко развлекаются?» «Помилуй, – опешила я. – А как же «Война и мир»? Там тоже описано, как дворяне ели, пили и развлекались». «Это другое дело, – возразил он. – Толстой – это зеркало русской революции».

Прошу вас, не подумайте о Толике плохо. Это только я могла по старой дружбе называть его уменьшительным именем. На самом деле это был очень толковый инженер и вполне разумный человек. Чтобы стать инженером, он приложил очень много усилий, потому что был родом из глухой деревни, сначала учился в горном техникуме, работал в шахте. Но не об этом, впрочем, речь. Мне кажется, что очень скоро люди с такими же знаниями литературы, как и у Толика, будут казаться профессорами на фоне общей серости. В Министерстве образования возобладало мнение, что учёба в бараний рог свернёт бедных детей и их надо срочно разгрузить. Ну я понимаю, в химии, физике можно что-то убрать, в математике – тоже можно. Хотя жалко. Но что касается литературы... Неужели такой тяжёлый труд – прочитать хотя бы то, что было положено по прежним программам? Почему их обкорнали до безобразия?

Говорят, дети по своим психологическим данным не готовы воспринять Толстого и Достоевского. Но когда же они прочтут их книги, если не в школе? Большинство – никогда. Литературу тоже преподавать будет некому. Ведь кто придёт учиться в вуз? Вчерашние ученики, которые с грехом пополам усвоили тургеневское «Муму», да и то в сокращении. Вот они, вернувшись после педвузов в школы, и будут рассказывать, что Толстой – зеркало русской революции, и ученики забудут, а вернее, никогда и не узнают, что же это «зеркало» сказало.

Евгения БОРИСКИНА,
ТУЛА

Бездушно-толстокожим. Лично

После Великой Отечественной войны пенсионный стаж для участников боёв исчислялся один к трём. Но с 1997 года правительство отменило такой расчёт, оставив его воевавшим в Чечне и охранявшим границу в Таджикистане. До обидного несправедливо. Разве война с фашистской Германией была менее кровавой и тяжёлой? Или по чиновничьей логике это было давно и не правда? Нельзя же быть такими бездушно-толстокожими! Для 45-летнего трудового стажа, позволяющего получать более высокую пенсию, многим из нас не хватает 1-2 года, но ведь «доработать» мы уже не можем. Самым молодым участникам войны ныне под восемьдесят.

И ещё. Инвалидам Великой Отечественной войны ещё совсем недавно врачи выписывали рецепты на бесплатные лекарства. Теперь нас только хоронят бесплатно. Министерство здравоохранения превратилось в министерство здравозахоронения.

Или пенсию платите такую же достойную, как себе («Пенсия для слона», «ЛГ», № 52), или лечебные, чтобы инвалиды могли покупать нужные им лекарства сами, не ожидая, когда их «осчастливят» местные чиновники.

Василий ПЕРЕПЁЛКИН,
инвалид ВОВ,
Санкт-Петербург.

■ ЖИТИЕ-БЫТИЕ ■

Аллергия на честность

Наиболее известным у нас борцом с коррупцией был Павел Трофимович Морозов, в анналах Советской энциклопедии – Павлик Морозов. Его папа, председатель сельсовета, уже тогда был коррупционером – за взятки способствовал у себя в деревне местным олигархам. Пионер не стал мириться с коррупцией и сообщил о ней в НКВД...

Так что полно уж умиляться – в СССР, мол, коррупции не было! Помнится, одной состоятельной гражданке, директору продмага, пришлось объяснить мне в следственном изоляторе, сколько она заплатила за то, чтобы её сынка назначили прокурором района. Тогда с коррупцией действительно боролись.

Откуда я знаю про коррупцию в СССР? Да из собственных фельетонов.

Коррупция – дело давно налаженное, глубоко в себя корнями уходит. Но нынче, скрывать от вас не стану, всё обернулось уж совсем повальным кошмаром. В международных рейтингах коррупции Россия занимает 76-е место, сразу после Зимбабве и Гондураса. И как быть?

Вообще-то, за последние 6 лет проблема борьбы с коррупцией 12 раз «озвучивалась» в указах, посланиях президента, постановлениях правительства. То есть систематически, в среднем два раза в год, боролись. Но у нас ведь есть уж совсем проторённый путь – учредить учреждение. И образовали нынче Совет по борьбе с коррупцией. А знаете зачем? Чтобы он заседал и «разрабатывал механизм борьбы», даже «вносил предложения». Внесу-ка и я!

«Механизм» предлагаю вот какой. Компетентные специалисты совсем не выборочно, то есть прямо подряд, идут по шикарным коттеджам с подземными гаражами и теннисными кортами. Арестовывать, конечно, пока не надо, с чего вдруг, но спросить-то можно: «Откуда деньжишки?» Выясняется, что особняк тёщин. Логично идём к тёще-пенсионерке. А ей, знаете ли, подарили средства родной племянник. Пошли к родному племяннику. А племянник, оказывается, вдруг получил наследство из какой-то Аргентины. Всё может быть! Но Аргентина-то одна, а особняков неслыханных, скажем, в Подмосковье тысячи.

Можно подумать, что я этот «механизм» предлагаю в порядке сюжета для кинокомедии. Отнюдь! В новом Уголовном кодексе более тридцати антикоррупционных статей. Так неужто там ничего нет насчёт спросить у чиновника, да хоть у министра, откуда при рублёвой зарплате особнячок на миллион долларов? Вопрос, согласитесь, естественный и вполне простодушный.

А знаете, почему этот «механизм» никак не приведут в действие? А потому что особняков таких несметно и стоят они дружными рядами, плечом к плечу. И живут в них не только пресыщенные чиновники, но и те, кому с ними вменено бороться. Так станут они сами с собой бороться? А зачем?

Обратите внимание: в новеньком Совете по борьбе с коррупцией не наблюдается ни одного (!) представителя силовых структур. Может, в этом что-то есть?

Вообще-то, придуман и ещё один подходящий «механизм». Полагаю, его ехидно предложил некий штатский. «Милиционеры ходят по трое: один умеет читать, другой – писать, а третий следит, чтобы эти интеллигенты чего-нибудь не натворили». Думается, этот «третий» в системе МВД очень даже необходим.

На днях арестована большая преступная группа подозреваемых в угоне за рубежами и оформлении уже в России 6 тысяч автомобилей. Не знаю, сколько именно арестовано (обысков проведено более двадцати), но среди них работники прокуратуры, офицеры МВД и даже высокопоставленный сотрудник УФСБ по Москве и Московской области. То есть как раз те, кто должен бороться с коррупционерами. Мне это видится противоестественным.

Предлагается и вот ещё какой весьма трогательный «механизм» борьбы с коррупцией: увеличить зарплаты и тогда, дескать, перестанут преступничать. Вы представляете, во сколько раз надо увеличить зарплату зажравшемуся чиновнику мэрии или шустрому капитану ГИБДД, чтобы он построил на неё трёхэтажный особняк с подземным гаражом? Да и не только в размерах зарплаты дело, в коррупционерах уже выработалась аллергия на честность. Их только приговор суда остановит.

Правда, есть и хорошая новость. В позапрошлом году в Москве было задержано 604 мздоимца, между тем как в прошлом году нашлось только 574. Приятно слышать. Но, несмотря на этот успех, ежегодный объём взяток по стране достигает, не осмеливаюсь поверить, 170 432 миллиона рублей. Видимо, с учётом того, что даже водопроводчику, чтобы он починил кран, суют взятку. А то не починит. Не знаю, как насчёт водопроводчиков, но крупных коррупционеров, например, в Китае обрекают на пожизненное заключение, а то и казнят. Однако!

Я, конечно, прекрасен в своей непримиримости. Но знаете ли...

Помнится, примчался в Пятигорск. Там старенькую старушку паскудный сынок с паскудной невесткой (из Екатеринбурга приехали) из её же, бабушкиной, избы выгнали, чтобы им просторнее стало. По людям бродила, где постирает бельё для прибытка, где переночует. Вот я и примчался.

А у бабушки-то значительное событие: большой начальник прямо из Москвы лично к ней приехали. А старушка, видать, наслышалась, каково обхождение с начальством надобно. «Я ведь отблагодарить могу», – робко шепнула она. Заинтересовался: «А сколько, бабушка?» Бабуля призадумалась, что-то в уме подсчитывая, и степенно сообщила в разумении тогдашних денег размер взятки: «Да рубликов сто!» Я засмеялся: «Ну, бабушка, вы тоже скажете, мне не сто, мне тысячу рублей нужно». Старенькая вздохнула и в безнадёжности примолкла.

Вскорости суд избу старушке вернул. После чего я уехал.

Вот только интересно: а если бы бабушка предложила 1000 рублей? Всё-таки четыре моих тогдашних зарплаты... Как знать, как знать! Велик сие соблазн есть, дорогие мои читатели.

Вы, конечно, понимаете, что я шучу. Или не шучу?

Эдуард ГРАФОВ

БУЛЬВАРНЫЕ ИСТОРИИ

В ясные зимние дни, к сожалению, редкие, на Чистопрудном бульваре бывает очень много пожилых людей. Они чинно прохаживаются по широким аллеям, с удовольствием присаживаются на редкие свободные лавочки. Несмотря на хронические болезни, возраст, плохое зрение, на их лицах видна безмятежность.

Ухо эпохи

Спеша по бульвару по своим делам, я совершенно случайно обратил внимание на одиноко сидящего старика. У него в руках не было ни газеты, ни приличествующей выходу в город сумочки. Он сидел, закрыв глаза и положив большие ладони на колени. Старичок был весь какой-то невесомый. Я присел рядом, предварительно испросив разрешения. Мы сидели молча минут пятнадцать, потом старик неожиданно спросил меня:

– Вам тоже нравится приходить сюда, когда по-настоящему тепло?

Я ответил односложным «да». Старичок медленно повернул голову в мою сторону, открыл глаза. Острый любопытный взгляд из-под седых кустистых бровей выдавал в нём человека мыслящего, интересующегося жизнью.

– Раз уж мы сидим с вами на одной лавочке, в одном месте, которое нам обоим нравится, то давайте знакомиться, – церемонно произнёс он.

Так судьба свела меня с Петром Павловичем, человеком крайне необычной и редкой профессии, жизнь которого можно афористично уложить во фразу «Ухо советской эпохи».

Петру Павловичу идёт восьмидесятый год. В двадцать лет он закончил в Москве строительный техникум.

– Тогда нас учили очень хорошо, не так, как сейчас – всё на словах да на придумках. То тебе варианты дают, из которых надо что-то выбрать. То заставляют бездумно что-то заучивать, не объясняя, зачем это нужно. В наше время я и чертежи читать мог, и два дня в неделю на практике работали, да и жизнь не баловала.

Действительно, Петра Павловича жизнь не баловала. Он жил в районе Сущевского Вала вместе с родителями в трёх маленьких комнатах двухэтажного каркасно-засыпного дома барачного типа – с коридором во весь этаж, а по бокам – комнаты-квартиры. Зимой там было холодно, а летом нестерпимо жарко. Помимо самого Петра Павловича, у родителей было ещё шестеро детей. Отец работал путевым обходчиком, и дома его видели редко. Мать при ЖАКТе (прообраз современных ДЭЗов. – **И.Н.**) была линовальщицей: вычерчивала какие-то планы. Семья хоть и не голодала, но и из постоянной нужды выбиться не могла. Техникумовская жизнь Петра Павловича давала возможность питаться два раза в день, носить форменную одежду, которую выдавали бесплатно, а также приносить в дом пусть хоть и небольшие, но деньги за работу на практике.

Весной 1943 года он наконец-то получил диплом строителя и уже ожидал повестки на фронт. Это было великое счастье в его судьбе и в судьбе его однокурсников, что государство давало возможность закончить учебное заведение и не мобилизовывало сразу достигших призывного возраста юношей в ряды действующей армии.

– И, наконец, мне в мае 43-го года прислали повестку, – вспоминает мой собеседник. – Правда, была она не в военкомат, а почему-то в местное отделение НКВД. Я пришёл за пятнадцать минут до условленного времени, отметил повестку у часового, подошёл к кабинету, аккуратно причесался. Как сейчас помню, сел на деревянный стул в коридоре, совершенно ни о чём не думая. Вдруг из соседней двери вышел высокий, худой, как жердь, мужчина средних лет в военном френче и внимательно посмотрел на меня. Сам не знаю почему, но я встал, представился. Почему-то почувствовал, что это будет мой непосредственный начальник и старший друг на долгие годы. Он похвалил меня за добросовестность, затем меня пригласили в кабинет.

Обстановка там была самая простая: два больших, высоких, обитых железом несгораемых шкафа, несколько столов и стульев. Мне сразу же объяснили, что работать я буду в специальном подразделении НКВД. Когда я удивлённо переспросил, почему акцент сделан на слове «работа», то мне пояснили, что формально это будет служба, а на самом деле эта работа станет моей профессией на всю жизнь и я должен обязательно её полюбить. Когда я услышал, чем я буду заниматься, то сильно растерялся. А предпочли меня прочим другим кандидатам по следующим причинам: прежде всего весу во мне было всего 44 килограмма. Во-вторых, ростом я был всего 158 сантиметров: к тому же я был худой и узкокостный. А ещё они уже прознали про меня, что я с отличием окончил строительный техникум и прекрасно читаю чертежи любых зданий. А также меня отличали дисциплина и уважительное отношение к старшим. В годы войны это человеческое качество в молодых людях очень ценили, потому что нравы в обществе были самые простые, разного жулья было предостаточно. Но отец держал меня всегда в строгости, а в техникуме дисциплина была как на фронте: если получал три замечания за месяц, то лишали формы, а с двухразового питания на последующие три месяца переводили на одноразовое. Так через желудок и нутро в нас воспитывали уважение к людям.

Учился я четыре месяца в специальной школе, расположенной в районе Ростокино. И стал... *(тут Пётр Павлович делает долгую эффектную паузу)* подслушником.

– Кем?! – удивлённо переспросил я, потому что ни разу о такой профессии не слышал.

Старичок довольно рассмеялся:

– Вот-вот, мастерство наше штучное и в народе почти неизвестное.

И Пётр Павлович рассказал такое, о чём я действительно раньше никогда не слышал.

В. КОРЕЦКИЙ. 1954 год

В ненастную погоду или под покровом ночи его привозили к нужному дому, где необходимо было узнать, о чём говорят в той или иной квартире. Предварительно Пётр Павлович исследовал чертежи здания. Через воздуховоды или иные пустоты он прокладывал сверхтонкий гибкий алюминиевый кабель, закреплял на нужной высоте, а сам, согнувшись в три погибели, сидел в темноте, в пыли, в голоде и в холоде и записывал то, о чём говорят тремя, пятью или шестью этажами выше.

Когда я в этом усомнился, то Пётр Павлович снисходительно посмотрел на меня и предложил:

– Скажите мне любую фразу, и я вам её тут же продемонстрирую в записанном виде.

Он засунул руку в карман куртки и приготовился писать. Я включился в эту игру и начал диктовать: «Как хороши, как свежи были розы в нашем саду!» Краем глаза я видел, как в кармане что-то топорщится и двигается. Секунд через пятнадцать Пётр Павлович вытащил из кармана старомодный блокнот и продемонстрировал запись: всё сошлось тютелька в тютельку! Увидев моё недоумение, Пётр Павлович расхохотался, довольный произведённым эффектом.

– Я, бывало, по четыре, по пять часов беспрерывно записывал. Но, конечно, не так подробно. Но и скоровки тогда у меня в молодые годы побольше было, пальцы не болели.

Несмотря на худобу и тщедушность, у Петра Павловича было отменное здоровье и железный желудок. Уходя на задание, он ничего не ел, обязательно делал клизму, чему его выучили в спецшколе, научился не сморкаться и не кашлять по десять–двенадцать часов подряд, мог не чихать при запахе любого табачного дыма, только слёзы выступали на глазах и беззвучно стекали по щекам подслушника, постепенно высыхая.

После спёртого воздуха, сырости полагалось усиленное питание, которое заключалось в двух стаканах сметаны – на завтрак и на ужин. Сметану Пётр Павлович приносил домой, а добрая матушка отпаивала его отварами из самолично собранных только ей ведомых трав. Прохаркавшись и продышавшись, мой собеседник был готов к следующему заданию.

Кого только не записывал и не слушал мой собеседник! Он вспоминает, как то ли в сорок девятом, то ли в пятидесятом году его на три дня забросили (так и сказал – забросили. – **И.Н.**) *в одно из помещений гостиницы «Метрополь»: там Сталин беседовал с Мао Цзэдуном. Беседу он записал и передал куда надо. За это его наградили отрезом на костюм. Слушал он и многих иностранных лидеров, и тогдашних руководителей страны: Маленкова, Ворошилова, Шелепина. Иностранных языков Пётр Павлович не знал, но на таких встречах всегда присутствовал переводчик, который говорил чётко и ясно. Вот его-то слова Пётр Павлович и записывал. А однажды он слушал даже самого Лаврентия Павловича Берию.*

В общей сложности сорок два года проработал-прослужил Пётр Павлович. Затем его редкая профессия, видимо, оказалась невостребованной. Новое поколение сотрудников МВД и КГБ начиная с середины восьмидесятых годов переориентировалось на электронные подслушивающие устройства.

Старик с неодобрением воспринимает это нововведение. И доводы его разумны и конкретны.

– Любое электронное устройство можно обнаружить при помощи других устройств, потому что оно «фонит». А меня обнаружить нельзя. Я бесплотен и нахожусь не рядом с объектом, и кабели-шнуры мои распознать невозможно, и никак они себя не выдают, хоть распроверяйся! И помех не бывает. Правда...

Тут Пётр Павлович делает долгую паузу и тяжко вздыхает. И я узнаю, что, увы, эта профессия не такая уж и безобидная. Один из его коллег в 1946 году умер прямо на рабочем месте, когда четвёртый день сидел в одном из закутков подвала, не выдержало сердце. Ещё один коллега сошёл с ума, был комиссован и почти одиннадцать лет провёл в психиатрической больнице.

– Пётр Павлович, второе тысячелетие ушло в историю, мы в двадцать первом веке сами не знаем, что истинное, а что ложное. Но ведь ваш опыт, получается, постепенно из-за невостребованности рассыплется в прах, когда вас призовет Бог? Не жалко?!

– Весной этого года зашёл ко мне наш участковый и попросил в определённое время, в определённый день стоять на Покровке около одного здания. Мимо будет проезжать машина, которая на несколько секунд притормозит, в неё я должен буду сесть.

Петра Павловича привезли к очень высокому руководителю, который широко и хлебосольно принимал его в своём кабинете. Растроганному ветерану вручили премию в пятьдесят тысяч рублей и попросили возродить уже изрядно подзабытое ремесло. Раз в неделю в определённом месте Пётр Павлович садится в машину, и его везут «на работу», как он гордо сообщил мне. Правда, ни что это за учреждение, ни кто руководитель, ни для каких целей его используют, он не знает.

Хотя нет, здесь мой собеседник немного лукавит. Для какой цели его используют – он знает прекрасно. Он готовит кадры, которые будут заниматься тем, чем занимался он сорок два года. Не знает только – для кого.

– Я за свою службу тысяча девятьсот восемнадцать раз «выбрасывался», – заявил он мне гордо.

Каждый «выброс» – это доставка на точку, рекогносцировка на местности, незаметное проникновение на объект, установка-проброска подслушивающих шнуров, оборудование места для нахождения во время прослушивания, затем незаметный уход вместе со своим снаряжением с объекта работы. Если сидеть приходилось длительное время, то потом, отоспавшись после специфического дежурства, он должен был сразу же расшифровать запись и сдать подробный отчёт. Затем ему давались несколько дней отдыха.

Сейчас, с учётом возраста, у Петра Павловича режим работы более чем щадящий, да и на «выбросы» он теперь не ходит, ограничиваясь лишь передачей опыта.

– Хорошо бы всё снова наладить. Я знаю, как это надо делать, из чего и какое оборудование необходимо.

Пётр Павлович верит, что в небольшом городке Владимирской области ещё живут ветераны-металлурги, которые помнят то, что они когда-то производили.

– Ведь восстанавливают уже исчезнувшие промыслы?! – полуспросил–полуподтвердил Пётр Павлович.

Устав от разговора, он вновь закрывает глаза, перестает жестикулировать, опять кладёт руки себе на колени и застывает в смиренной позе. Нескладный плоский старичок, которого издалека можно принять за подростка. А сколько в нём бушует страстей! А сколько он слышал! А сколько он пережил!

Игорь НЕХАМЕС

ЗАБАВЫ

Столпотворение по заказу

В начале каждого нового года обычно подводят итоги минувшего. Так вот итогом минувшего года, прорывом в молодёжной культуре, новомодным веянием в обществе можно считать появление игры flash-mob.

«Массовое умопомешательство» происходило в самом центре столицы, вблизи Красной площади. По меньшей мере пятнадцать человек на второй линии ГУМа, у фонтана вытворяли нечто странное, шокируя тем самым простых посетителей магазина...

Напуганные необычным поведением московской молодёжи, москвичи и не подозревали, что они являлись первыми созерцателями первой акции подобного рода в России под странным названием flash-mob (с английского что-то вроде *«мгновенного столпотворения»*).

Эффект воздействия flash-mob на окружающих заключается в неожиданности и непредсказуемости поступков. Сие действо очень напоминает некий ритуал и носит достаточно секретный характер. Подобные сцены уже наблюдались в Нью-Йорке, Париже и Лондоне – в крупнейших магазинах и супермаркетах.

Российский flash-mob начался в 19.25, когда со всех линий ГУМа к фонтану стала подтягиваться молодёжь. Я тоже оказалась там, но в качестве наблюдателя, а не участника. Именно молодые ребята и девушки в возрасте от 18 до 25 и были действующими лицами.

Они ничем не выделялись из толпы простых прохожих и гуляющих, которых на Красной площади предостаточно. Ребята с огромными рюкзаками за спиной потягивают пиво. Одна девушка жуёт жвачку. Единственное, что их объединяло, – это назначенное время, в которое они должны прибыть к фонтану и исполнить *«свой долг»*.

...Именно в 19.30 возле фонтана вдруг возникли молодые люди и стали ходить вокруг него против часовой стрелки. При этом они достаточно шумно разговаривали, шутили, смеялись (что, впрочем, совершенно недопустимо при flash-mob, дабы акция не стала похожа на митинг). Уже после первого круга это было бы похоже на обычных заблудившихся иностранных туристов, если б они не совершали второй, затем третий и четвёртый круги и если б один молодой человек в футболке цвета хаки, потёртых джинсах и с огромным рюкзаком не сказал своему другу, нервно сдерживая хохот: «Мы похожи, наверно, на не очень здоровых людей!»

Всё это напоминало какую-то забаву, обычное дурачество. Сначала невольные зрители первые несколько минут не обращали на них никакого внимания, но потом на это просто невозможно было НЕ СМОТРЕТЬ. Двое иностранных туристов, снимавших друг друга у фонтана, по всей видимости, из Японии, стали невольными заложниками замкнутого круга флэшмоберов, нервно оглядывались и столь же нервно улыбались.

Игорь ГОННАРУК

Им уже было не до фотографирования – они ничего не могли понять, на их лицах же было написано: «Что происходит?!» Люди на верхних линиях ГУМа остановились, с любопытством стали перевешиваться через перила балконов.

Сами флэшмоберы были одеты как обычно, никакой специальной формы одежды, никаких опознавательных знаков, никакой атрибутики в руках, за исключением каких-нибудь шариков или сладкой ваты, приобретённой во время прогулки по столице.

Среди наблюдателей повисло какое-то молчаливое напряжение, все как будто замерли в ожидании чего-то. И это что-то случается.

Ровно в 19.33 по заранее намеченному плану почти у всех «ходоков» срабатывают будильники на мобильных телефонах, после чего девушки и ребята начинают активно аплодировать и свистеть, некоторые даже пытаются что-то выкрикивать. Затем многие достают монетки и бросают в фонтан. И говорят друг другу что-то вроде «До встречи». И тут же уходят, так же внезапно, как и появились минут 5 назад.

Все строго придерживаются инструкции, которая предварительно была получена будущими участниками через Интернет.

С просьбой прокомментировать это новое социальное явление «ЛГ» обратилась к доктору психологических наук, ведущему научному сотруднику факультета психологии МГУ им. Ломоносова Лидии Владимировне Матвеевой.

– С точки зрения психолога, что это: модное сумасшествие? Пустая забава? И почему, как я поняла, опрашивая своих сверстников-студентов, одни могут пойти и участвовать во flash-mob, а другие нет?

– Потому что у кого-то существует зажатость в общении, а у кого-то нет. Одни легко могут вступить в контакт с людьми, другие либо с трудом, либо вовсе этого боятся. Как раз flash-mob является новым типом связи между людьми. *Появилась новая социальная игра большого города.*

– Как вы считаете, почему flash-mob появился именно в больших городах?

– Я думаю, что всё это провокация нового типа молодёжи, живущей в городе. Это некая форма интеллигентной агрессии против родителей. Город в силу своей специфики не позволяет молодёжи в полной мере самоидентифицироваться (определить: что Я есть на самом деле? на что Я способен? что Я для других?). Каждый живёт в своей ячейке – в маленькой крепости-квартире. Есть жёсткие правила: как себя можно вести, как нельзя. Мне кажется, что flash-mob – это своего рода бунт с элементами неоязычества. То есть своими действиями молодые люди совершают своеобразный ритуал. Они себя отделяют – это «мы», а это «все остальные». И «мы» не делаем ничего плохого ни для себя, ни для окружающих. Демонстрируем, что «мы есть»! Мы от «НИХ» отделились! «Мы» можем делать что-то согласованно! Я считаю, это некая попытка молодых людей создать своеобразную «околицу за селом», куда они вышли и хотят себя показать.

– С чем это связано?

– Я считаю, что это просто способ массового самовыражения. Ведь у городской молодёжи очень запрограммированная жизнь, и когда она ощущает свою фактическую свободу, то начинают отделяться. Но с другой стороны, молодёжь жалко: она не может найти себе занятия. Выдумала вот этот некий социальный «интернетный костыль». А так хочется всё-таки, чтобы у молодых людей было что-то серьёзное.

– То есть надо понимать, что социальной опасности в этой забаве нет?

– Пока нет. Но это может стать опасным, если кто-то это явление станет использовать в своих личных целях. Начнёт манипулировать молодёжью. Тогда появятся оплаченные цели и проплаченные программы. И тот, кто участвует, не будет знать, что он участвует в чьей-то грязной, провокационной, преступной игре...

Надежда АБРАМОВИЧ

ЖИТЕЙСКИЙ ВОПРОС

Почём «быстрая карьера»?

Как всегда бывает, после каникул денег совсем не осталось. Что-то надо было делать, и я решила устроиться на работу. Стала разыскивать в Интернете объявления. Причём запросы у меня были не самые удобные: нужен свободный график, так как я студентка, конечно, приемлемая зарплата, ну и трудиться мне хотелось в области, хоть немного меня интересующей. Так что, сами понимаете, найти что-то подходящее не просто.

Ах, обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад!
А.С. ПУШКИН

Вдруг на одном из сайтов мне попалось объявление о работе в компании Maxico-IDC. Оно гласило: *«Профессионализм, умение чётко и ясно ставить задачи и с блеском решать их – вот основные отличительные качества персонала Maxico-IDC. Многие, придя в компанию ещё студентами, за годы работы доросли до ведущих специалистов в своей области благодаря современной системе подготовки».*

«Ну просто сказка», – подумала я. Ещё больше меня порадовало небольшое добавление: *«Компания Maxico-IDC всегда готова рассмотреть новую кандидатуру, для этого была создана специальная система отбора кандидатов. Первым шагом к трудоустройству в компанию является запись на собеседование...»*

И я записалась...

В назначенный день прихожу в офис на станции «Электрозаводская». Длинный коридор, десятки комнат. Полно народу – снуют во все стороны. Прохожу в небольшой зал. Ряды стульев и стол при входе. Спрашивают паспорт. Заносят данные в компьютер и предлагают подождать начала вводной лекции. Претенденты на должности всё прибывают – набралось человек семьдесят. Публика разношёрстная – от школьников до пенсионеров. Наконец всех приглашают перейти в другой зал. И опять – ряды стульев, на стене – доска, как в школе.

Появляется лектор – энергичная особа средних лет. Невысокая, миловидная. Она просто излучала энтузиазм. Почти мгновенно аудитория попала во власть её обаяния. Она же немедленно в бешеном темпе начала рисовать на доске схемы. Итак: пришли мы в компанию, которая занимается дисконтом, а попростому – скидками. Система не столь сложна. Вы клиент, покупаете дисконтную карточку у компании IDC. С этой карточкой можете получать скидки в тех магазинах, салонах, гостиницах и т.д., которые заключили контракт и вошли в эту дисконтную систему.

Какая же работа нам здесь светит? Да просто потрясающая! Компания расширяется, отделов около десяти. Каждому найдётся занятие по интересам. Есть информационный отдел и финансовый, отдел связей с юридическими лицами и с физическими и ещё многие другие. И вроде никаких подвохов. Вы работаете – вам деньги. Обещают вначале четыреста долларов, в дальнейшем же возможен рост зарплаты. Про себя думаю: мне и четырехсот хватит. Только бы платили регулярно.

Вводная лекция заканчивается. Всем предлагают пойти поговорить с менеджерами, к которым записаны на личное собеседование. Народ разбредается в поисках нужных кабинетов. Я тоже нахожу свой. Появляется мой менеджер – обаятельный юноша лет двадцати. Приятная внешность, спокойный голос, уверенный взгляд. Как и все, кого я успела увидеть в этой компании, он производил впечатление человека преуспевающего. Садимся. Разговариваем. Рассказываю о себе. Он задаёт вопросы. Наконец, выносит вердикт: «Вы нам подходите. Сегодня вечером я буду представлять вашу кандидатуру руководству. Сделаю всё возможное, чтоб вас приняли».

Ура! Ну наконец-то мне повезло. Какая удача – найти такую выгодную работу! Только бы меня одобрило руководство. Не могу себе найти места от счастья – вот-вот мои мечты сбудутся. До вечера трясусь от страха. В назначенный час звоню. Приторный женский голос в телефонной трубке: «Ваша фамилия? Так... Ах, поздравляю вас, вы приняты. Теперь вам необходимо пройти недельные курсы подготовки, и сможете приступать к практике. И, кстати, захватите шестьдесят долларов – это плата за то, чтобы вам заказали дисконтную карточку IDC. Карточка – ваш рабочий инструмент. Без неё вы не сможете у нас работать».

И в этот момент меня наконец-то посетили первые сомнения. Я-то, наивная душа, думала, что сотрудникам карточки будут выдаваться бесплатно. Ошибалась, оказывается. Видимо, не в первый раз столкнувшись с удивлением собеседника, приторный голос высокомерно поинтересовался: «У вас какие-то затруднения с этими деньгами?» Почти обидевшись, я сказала, что проблем у меня нет. Шестьдесят так шестьдесят. Ну не исповедоваться же в своём безденежье незнакомой тётке по телефону. Решив, что такой суммой я могу рискнуть, стала обзванивать друзей и знакомых. Одолжила.

Игорь СМИРНОВ

На следующий день я снова в офисе. Снова мой менеджер сидит передо мной и расписывает, какие же блага ждут меня в этой компании. Ну и под конец выдаёт протокольную фразу: «У вас есть какие-нибудь вопросы?» Есть, говорю. Скажите честно: шестьдесят долларов – это единственная сумма, которую мне придётся вам заплатить? На симпатичном лице менеджера промелькнула снисходительная улыбка: «Ну конечно!»

Что-то неприятно кольнуло, какое-то предчувствие. Что-то в словах моего менеджера мне не понравилось. Однако я решилась. Немедленно было заключено два договора. Первый – заказ для меня дисконтной карточки. Второй – разрешение на работу в компании сроком на один год. Оформив все бумажки, менеджер сообщил, когда нужно приходить на подготовительные курсы.

Первые три лекции были посвящены краткому ознакомлению с курсом экономики и с работой компании. На четвёртый же день речь зашла об оплате нашего труда. К тому моменту до меня стало доходить, что же происходит. Дело было вот в чём: получив оплаченную мною дисконтную карточку, я приобретаю статус *агента*. Это самый низший уровень. Как бы хорошо я ни работала, в этом статусе *денег я практически получать не буду*. А если я захочу действительно зарабатывать, то мне стоит выбрать путь, *названный лектором «быстрая карьера»* – заплатить четыреста долларов и получить менеджерскую карточку. Из этих сумм, как я поняла, и складывается «доход» компании.

А уж с этой карточкой появляется масса возможностей, т.к. *менеджер* – это самая высокая ступень, доступная на начальном этапе. И зарабатывать они могут вовсе не плохо. Всё зависит от того, сколько договоров о заказе скидочных карточек заключат – ведь зарплата менеджера складывается из процентов с заключённых контрактов, подобных тому, какой заключила я.

За то, что я заказала карточку, он получил с заплаченной мной суммы соответствующий процент. Проще говоря, сколько «лохов разведут на бабки» милые сотрудники компании IDC, столько денег и получат. Возможно, есть люди, добровольно желающие пользоваться скидочной системой Maxico, те, кого не заманивали перспективой сказочной для безработного зарплаты. Таким клиентам не в чем упрекнуть ни компанию, ни менеджеров. А мне есть. Не подлость ли – лишать последних средств малообеспеченных соискателей? Ведь задачу менеджера можно сформулировать как умение убедительно обмануть – **вместо обещанной зарплаты убедить купить дисконтную карту компании за шестьдесят, а если получится, то и за четыреста долларов.**

А вот что же бывает с теми, кто купил менеджерскую карту и не смог работать, нам не сообщили. Что случается с теми, у кого не вышло задушить совесть? Кто не смог работать, постоянно обманывая, глядя людям прямо в глаза? Ведь такие наверняка есть. И их немало.

Эти вопросы я постаралась задать на небольшом дополнительном семинаре после занятия...

Все слушатели лекций поделены по группам. Менеджеры и их начальник рассаживаются в кружок, вокруг – студенты. Постепенно догадываясь, что их провели, люди начинают задавать вопросы о том, что же им делать дальше. Расстроенные, потерянные лица. Старшие начальники горячо и убедительно успокаивают, убеждают. Неплохие психологи, они искренне обращаются к каждому в отдельности. На многочисленных примерах доказывают, что деньги вернутся вскоре и с солидной прибылью. Основной темой беседы была покупка четырёхсотдолларовой карты. Постепенно многие слушатели загораются энтузиазмом. Слышатся реплики: «Да я бы хоть сейчас вам заплатила, но у меня нет таких денег!», «Дайте мне кредит, а я вам его отработаю!» и т.д. Все мои попытки выяснить, что же бывает с теми, кто не вписывается по каким-либо причинам в *систему*, оказались безуспешными. Мне говорили: «Это не важно. Я же вижу, вы очень способная девушка. У вас всё получится».

После лекции мы все вместе шли к метро. Стали знакомиться и, конечно же, обсуждать услышанное. Безработные учителя и матери-одиночки, студенты и пенсионеры – такова была наша группа. Уже всем стало ясно, что нас в очередной раз провели...

Но постепенно настроение у всех стало улучшаться. Лишь досадуя на свою легковерность, пострадавшие со смехом начали рассказывать, кто и сколько раз уже накалывался на подобных пирамидах. Вспомнили всё. От МММ до современного сетевого маркетинга. Дивились прогрессу – как, мол, теперь тонко стали работать. И какие милые менеджеры-обманщики, и как замечательно фирма организована – вроде всё по закону, не придерёшься.

Как же так? Неужели, столько раз делая одни и те же ошибки, мы не можем научиться распознавать обман?

Марциал, классик древнеримской эпиграммы, сказал: «Порядочный человек всегда простак». Может, и приятно утешать себя, думая, что корень всех наших проблем в порядочности, но мне кажется, что это оправдание ничуть не облегчает нашу жизнь.

Но как случилось, что общество оказалось поделённым на две части – на тех, кто обманывает, и тех, кого обманывают? И почему в этом перестали видеть зло? Почему обман стал способом существования для многих людей? И ещё: я не понимаю, как могут люди оставаться такими наивными? Ведь где-то же должен быть лимит, норма обмана, после которой вырабатывается рефлекс – не верить в возможность получения многих благ без многого труда. Неужели быть обманутыми – это наша судьба?

Вера МИХАЙЛОВА,
студентка Московского госуниверситета культуры и искусств

ОТ «ЛГ». Автор этой статьи стала дипломантом I Всероссийского конкурса молодёжной публицистики «Социальный медиавызов – XXI век». С чем мы поздравляем её и кафедру журналистики Университета культуры и искусств.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

FESTINA LENTE

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Выпуск 4 – 2004 г.

- Всё зыбко в рыночном мире
- Лоббист в законе
- Это магическое слово — цензура
- Чиновник как звено эволюции

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Лики свободы

Зададимся крамольным вопросом: может ли человек жить по-человечески без страха? Ах, скажут, как это тоталитарно – навязывать человеку подчинение страху! Но, увы, неумолимая практика жизни показывает: одна половина человечества может, а другая без оного обнаруживает такой звериный оскал, что мало не покажется. Анархия, беспредел, вседозволенность – именно это увидели мы под знамёнами вожделенной свободы. Свобода породила все вышеназванные перевёртыши. Но покажись страх – и перед вами вчерашние бандюки – обычные труженики, почти миляги. И не только у нас. Вот хрестоматийный пример: в Нью-Йорке ночью вырубилось электричество, создалась атмосфера безнаказанности – и все роскошные магазины были разграблены. Оказывается, свобода нуждается в ограничительных знаках, в защите от множества лжесвобод, которые без этих знаков порождают бандитов, рэкетиров, киллеров, взяточников и пр.

Свобода нуждается в точных законах, где чёрным по белому было бы прописано: вот права, вот обязанности, а уж жить в подлости – ни-ни, за это в обязательном порядке будешь наказан.

Но и здесь есть свои закавыки. Достаточно вспомнить демократические Афины и Сократа. Сократ в своём упорстве за право говорить всё, что он думает о мире, об Афинах и нравах своих соплеменников, был казнён. И приговорён за своё стремление к гласности не тираном, но народным собранием. Интересы Сократа вошли в противоречие с интересами среднеафинского мещанства. Сократ уверял, что он, как овод, жалит мещанина в самые уязвимые места, чтобы тот не забывал о нравственном долге и государственных интересах. А мещанам «оводы» не нужны.

Богатые – средние – бедные – таков фундамент современной демократии. В этом триединстве и вращается свобода – абсолютная для богатых, приемлемая для средних и лишняя для бедных, потому что по существу ничего им не даёт, кроме морального права заявлять: и у нас есть права.

Но остаётся ещё одна категория граждан – криминал, зловещая тень свободы. Ромен Роллан писал: «Свободны, свободны – на этом слове сходятся и грабители, и ограбленные». Первые считают главным своим правилом грабить и вымогать, а вторые – право уповать на защиту государства. У каждого та свобода, которая ему по карману.

Не потому ли и проиграли на выборах наши правые, что слишком уверовали в самоцельную силу свободы? Но свобода не привносится извне, она, оказывается, живёт в недрах общества. Народ поступается свободой, если видит государственную в том нужду, но если его терпение истончается, он выдвигает Пугачёва и большевиков. Народ вольнолюбив и в то же время осмотрителен. Он помнит революцию, когда головы летели, как кочаны капусты; Беломорканал и Магадан, но и в нынешних ревнителях свободы, желающих натянуть узковатый западный сюртук на могучие плечи русского мужика, проку не видит, потому как сюртук явно трещит по швам.

Существует заблуждение, что свобода – это конец пути, а на самом деле – только начало. В этом парадокс её сути: достигая свободы, человек опять становится несвободным. И так без конца. Свободой надо распорядиться по-хозяйски. Она любит всё человечество, но, попадая в крепкие руки, поддаётся искушению быть такой, какой её представляют. Свобода не абсолют, она инструмент, применяемый в разных условиях по-своему. Фейербах дал, пожалуй, самую идеальную формулировку свободы: «Только свобода, основанная на стремлении к счастью, является демократической, а потому и непреодолимой политической силой».

И сразу же встают вопросы: а может ли быть свобода одна на всех? Кто свободен – живущий внутренне свободным или приспосабливающий свободу к тем или иным житейским обстоятельствам? Возможно, у свободы одна совесть, но много истин? Об одной, но, может быть, самой основополагающей истине свободы писал тот же Фейербах: «...свобода от голода хотя и является самой низменной, но вместе с тем и самой первой и самой необходимой свободой». Но почему-то именно эта истина, этот лозунг наименее часто звучит из уст наших политиков. Больше предпочитают порассуждать о свободе слова и печати. Но может ли голодный человек думать о чём-то другом, кроме хлеба? Даже в Древнем Риме хлеб стоял на первом месте. Помните: «Хлеба и зрелищ!»? Зрелищ-то у нас как раз предостаточно. А вот хлеба явно не хватает. Так что понимание свободы у всех разное.

Авторы и герои очередного нашего выпуска тоже пытаются прямо или косвенно ответить для себя на этот вопрос.

Елена ЛИПАТОВА,
шеф-редактор проекта «Действующие лица»

С пристрастием и верой

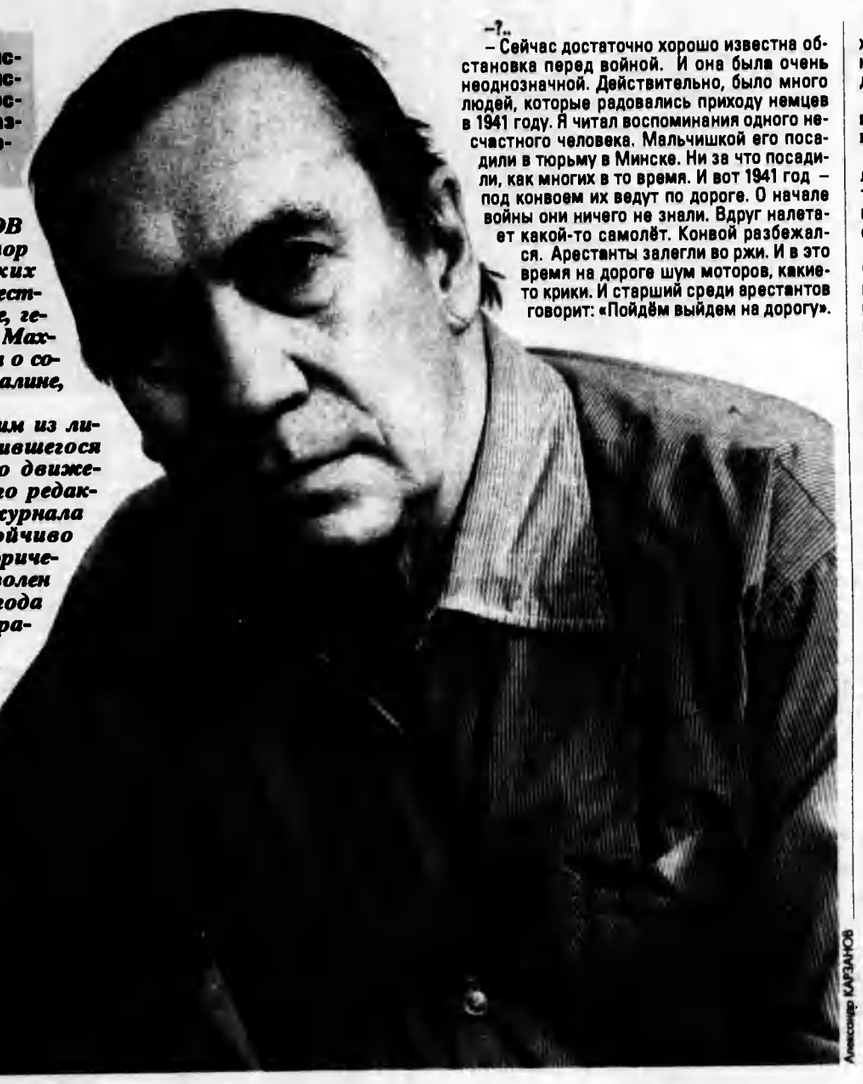
Чем отличаются книги историков от книг беллетристов, пишущих об истории? Тем, что беллетрист ищет сенсации, и они его завораживают, историк, как ото ни банально звучит, пытается найти истину. Ему интересно понять, почему вышло так, а не по-другому. Его книги наводят на размышления. Его глаз выделяет такие детали прошлого, за которые невольно цепляется и глаз современного читателя.

Сергей Николаевич СЕМАНОВ – историк и писатель, автор множества биографических книг. В их числе широко известные – об адмирале Макарове, генерале Брусилове, Несторе Махно, Александре II. Писал он и о современных политиках – Сталине, Андропове, Брежневе.

В 70-х Семанов был одним из лидеров только что народившегося русского патриотического движения. Занимая пост главного редактора популярного тогда журнала «Человек и закон», настойчиво отстаивал интересы исторической России, за что был уволен со своего поста и на три года лишён работы в СМИ и права печататься.

Сергей Николаевич не просто историк и сторонний наблюдатель, он сам активный участник политических событий.

Он пристрастен и этим интересен.



Александр КАРЗАНОВ

– Недавно прошли выборы. Промелькнули парад нами самые разные персонажи. Невольно возникает вопрос: насколько хорошо политик должен знать Россию, чтобы быть в ней успешным ?

– В своей книге «Александр II» я не случайно подробно останавливаюсь на том, в каких условиях воспитывался будущий царь, в каком окружении формировался его характер. Когда Николай I спросил, как бы его сын наказал декабристов, то, по воспоминаниям очевидцев, «мальчик потупил глаза, мгновение подумал и спокойно ответил: « Я бы их простил». Николай Павлович был смущён неожиданным ответом, тяжко вздохнул и, не промолвив ни слова, вышел из комнаты».

В будущем Александру пришлось подписать не один смертный приговор. Но по характеру он был, безусловно, менее жёстким человеком, чем его отец. Болев того, Александр II, как и Александр III и Николай II, не очень рвался царствовать. Чувство долга в этих людях настолько было развито, что царствование ими воспринималось, как тяжкая ноша. Но тем не менее Александр прошёл очень хорошую «школу царствования». Его умело готовили к этому, и прежде всего отец проявил себя замечательным воспитателем. Александр оказался очень неплохим политиком и администратором. Император прекрасно освоил науку управлять.

– Книга об Александре II начинается с анализа Кавказской войны. И мы сразу же встречаемся с пресловутыми чеченцами и с теми ужасами войны на Кавказе, о которых сегодня знаем но понаслышке.

Но есть существенная особенность у той войны девятнадцатого столетия. В своей книге вы как раз приоткрываете ей тайну: хорошев отношение в русском обществе к руководителю горского сопротивления Шамилю...

– В числе прочих его достоинств было то, что имам не позволял издеваться над пленными и мучить их. Было это продиктовано личными качествами этого человека или прагматичными соображениями (ответные действия русских войск могли бы быть ужасными; генерал Ермолов, например, отвечал жестокостью на жестокость; русских пленных женщин продавали в рабство, он делал то же самое с горцами), но в итоге имам смог спокойно сдаться русским и в конце концов был отпущен на свободу.

Не изменилось и сегодня отношение к этому конфликту в мире. Тогда горцев деньгами и оружием снабжали турки, в некоторые периоды их поддерживали лидеры демократических стран вроде Англии и сейчас их поддерживают чуть ли не те же силы. Но пятой-то колонны тогда в России не было.

– Однако вернёмся к главной теме нашего разговора – роли личности политика в истории. В данном случае к личности Александре II. Вокруг его фигуры никогда особенно не бушевали страсти. Но, читая книгу, понимаешь, что царь-освободитель сделал для России всё, что мог. Вряд ли в России найдётся историк, философ или просто гражданин, который бы утверждал, что зря отменили крепостное право. Александр II это осуществил, более того, провёл крупнейшие реформы, которые привели к либерализации жизни всей страны. Его заслуги отмечают и патриоты, и либералы. Но именно те же проблемы, которые явственно обозначились в ходе реформ, и привели страну к катастрофе 1917 года. Но связано ето ужа с именам другого императора – Николая II. А он знал Россию?

– Политику важно не только знать свою страну, но и понимать её, тем более такую мистическую, как Россия. Николай II её понимал. Но у него не хватило сил, чтобы воплотить своё понимание в действие. Он любил всё русское, его привлекала допетровская Россия. Это шло от его русскости, от попыток приблизиться к русскому народу. Об этом много пишут в последнее время. Но ему удивительно не повезло. Помните: «Он создан был для жизни мирной, для деревенской тишины». А его волею рока возвело на престол огромной империи в больную для неё эпоху.

Отсюда все его несчастья и такой трагический конец. Получилось так, что этот трагический конец дал отсвет на всю его предшествующую жизнь.

Конечно, применять к нему характеристики учебников советского периода неприлично. Но это не снимает с него исторической ответственности за то, что он оказался государем слабым. Он не просто отрёкся от престола, а сделел это во время войны, будучи Верховным главнокомандующим. Его личная судьба оказалась связанной с судьбой России. Как человек к 1917 году он безмерно устал, но как монарх и главнокомандующий не имел права отрекаться от престола. Это можно рассматривать как дезертирство, как ни входи в его положение, а это именно дезертирство.

– Сейчас много споров вокруг фигуры Столыпина. Одни считают, что он был великим реформатором, другие заявляют, что никакой великой России ому создать всё равно не удалось бы.

– Столыпин – замечательный человек, превосходный подвижник, образцовый семьянин, между прочим, прямой потомок Лермонтова. Но я бы не сказал, что он хорошо знал Россию.

Столыпин вырос в западных губерниях и видел польское и немецкое земледелие. Поэтому главным в его деяниях была крестьянская реформа. А это тупиковый путь развития России, что и способствовало в конце концов краху империи. Когда началась революция, крестьяне жгли дворянские имения, но особенно ненавистны были им хуторяне-кулаки, которым порой доставалось от них крепче, чем помещикам. Хуторяне были чужды народу, в котором очень силён общинный дух.

В то же время Столыпин сделал очень много полезного для страны. Превосходна его переселенческая политика. Сибирь была заселена именно при нём, а с тех пор туда люд наведывался только наездами да на великие стройки коммунизма. По сей день живы там деревни, которые возникли при Столыпине, и переживут они даже современные реформы.

Столыпин был глубочайшим патриотом, его усилиями после страшных поражений Русско-японской войны возродился русский флот. Ему принадлежит замечательный афоризм: «Флот есть атрибут великой державы». И сегодня, когда мы видим, как сходят со стапелей боевые корабли и поднимаются в воздух новые воздушные корабли, мы можем делать вывод, что всё идёт к лучшему.

– До сих пор мы говорили с вами о политиках традиционных, а вот насколько революционерам и реформаторам нужно знать страну, чтобы добиться успеха? Их действия для государства всегда как холодный душ.

– Ленин знал Россию очень плохо. Но, несмотря на это, он понимал, гениально чувствовал настроения и желания масс. Помните: мир – народам, землю – крестьянам, фабрики – рабочим? Какие были образованные и умные люди во Временном правительстве, тот же Милюков. Героические, преданные России люди были и в партии эсеров, но Ленин понимал происходившее в России лучше, чем кто-либо. И речь идёт не только о революции. Он понял, что нужно любой ценой заключить мир с Германией. После Гражданской войны он понял, что по книжкам Маркса новое общество не построишь, и повернул политику на 180 градусов. Тем самым он сохранил своей партии власть ещё на много десятков лет.

Сталин, в отличие от Ленина, Россию знал очень хорошо. Я изучал его ссыльные маршруты: он изъездил всю Россию до Енисея. Он был на Русском Севере, на Украине – везде был. Он общался с русскими людьми и прекрасно понимал их, и русские люди его понимали. В двадцатом столетии русский народ дважды стоял перед страшным выбором.

В первый раз между Троцким и Сталиным. Народ в подавляющем большинстве был за Сталина, потому что нутром тогда почувствовал, где фальшь, а где истина. В другой раз вопрос стоял так – Сталин или Гитлер?

–?..

– Сейчас достаточно хорошо известна обстановка перед войной. И она была очень неоднозначной. Действительно, было много людей, которые радовались приходу немцев в 1941 году. Я читал воспоминания одного несчастного человека. Мальчишкой его посадили в тюрьму в Минске. Ни за что посадили, как многих в то время. И вот 1941 год – под конвоем их ведут по дороге. О начале войны они ничего не знали. Вдруг налетает какой-то самолёт. Конвой разбежался. Арестанты залегли во ржи. И в это время на дороге шум моторов, какие-то крики. И старший среди арестантов говорит: «Пойдём выйдем на дорогу». Ему в ответ: «Куда? Там какие-то неизвестные люди». А старший отвечает: «Кто бы они ни были, они нам принесли свободу». Трагические обстоятельства. Сочувствия к тем, кто перешёл на сторону врага, у меня нет. Но время было, повторяю, очень сложное. Сколько было людей репрессированных, сколько так называемых кулаков и священников расстреляно? И был выбор – Сталин или Гитлер. Народ встал на сторону Сталина.

Дважды было подлинное голосование, которое уж никак не исказишь. А противники у Сталина были очень серьёзные – и Троцкий, и Гитлер. И за ними стояли огромные силы.

– Выходцы из народа Хрущёв и Брежнев, как я понимаю, Россию не могли не знать.

– Хрущёв действительно хорошо знал Россию. Но он был политиком, который никогда не имел стратегии. Ни тогда, когда был в сталинском Политбюро, ни после, когда стал генсеком. Вся его политика строилась на том, что он делал всё вопреки Сталину. Он принёс огромный вред. Брежнев был человеком из народа, этакий добрый и хороший парень. В начале своей карьеры он не мог мечтать стать даже секретарём обкома, а стал генсеком. И эта роль была ему не по силам сначала в духовном плане, а затем и в физическом. Что произошло, помнят все люди старше тридцати. Трагедия Хрущёва и Брежнева в том, что они хотя и были патриотами, но советскими патриотами. Они думали о СССР, но не о России.

– А чего ждали от России Горбачёв и Ельцин?

– Я не хотел бы говорить об этих персонажах.

– Но вы не будете отрицать, что с их именами связана великая эпоха перемен, которая изменила весь ход мировой истории.

– Я не думаю, что это была великая эпоха. Вы помните в истории хотя бы одну великую эпоху, которая не дала бы великих людей?

– Такого не может быть по определению. Великая эпоха всегда рождает великих политиков...

– Совершенно верно. Великие люди появляются при великих обстоятельствах. Двятели Великой французской революции, как к ним ни относись, Наполеон, как к нему ни относись, были великими людьми.

Вокруг Наполеона было созвездие величайших людей. Прошло двести лет, а про его маршалов Нвя, и Мюрата, и других пишут и пишут и будут писать. Про Талвйрана и Фуше пишут. Возьмите нашу революцию: кек ни относись к Ленину, Троцкому, Сталину и прочим персоналиям, это были яркие личности. О них тоже пишут книги, нвд их судьбами размышляют. И этому конца не предвидится. Поэтому сегодня, на их фоне, мы и поражаемся ничтожеству современных политиков. Деятели горбачёвской и ельцинской эпохи кому-нибудь интересны? Шехрай написал Конституцию, по которой живёт страна. Но кому он интересен? Он был лаборантом до 1991 года и, по сути, им и остался, только должность другая и денег у него теперь больше. Кто такой Бурбулис? Кто такой полководец Грвчёв? О них забыли уже сейчас при их жизни. Вывод простой – наша эпоха не великая, поскольку великих людей она не дала. И я думаю, что историки будущего выскажутся о ничтожестве политиков последнего десятилетия ещё определённей, чем нынешние.

– Сегодня всё чаще слышишь разговоры, в том числе и в патриотических кругах, о том, что у России нет будущего. Для вас они имеют под собой основания?

– Многие современные русские мыслители при всём трагизме ушедшего XX века доказывают, и достаточно убедительно, обратнов. Я бы выделил в этой связи книги покойного А. Панарина, очень крупной фигуры на ниве русской мысли; книги Сергея Кара-Мурзы, работы выдающегося русского мыслителя Игоря Шафаревича и Наталии Нарочницкой. Я не во всём согласен с этими авторами, многие их посылы и заключения квжутся мне неверными, но я всегде буду приветствовать их чрезвычайно смелую и самостоятельную мысль.

В течение последнего десятилетия в России всё шло очень плохо, но сегодня, кажется, появился какой-то проблеск. Я не хочу связывать это с конкретными политиками. А происходит вот что. Хотя история не повторяется, но в ней есть всё-таки закономерности, как и в природе: на смену зиме всегда приходит весне, а потом лето. Лето не обязательно жаркое, но лето. Где бы ни происходили революции, смены государственных устове, через некоторое время зв этими событиями всегда следует реакция, иногда в виде контрреволюции. И сейчас в России можно уловить некий подземный гул – предвестник землетрясения. Но землетрясение ведь кто первым чувствует? Не люди, не тигры и благородные олени, а всякие низшие твари – пауки, змеи. И в древности мудрые люди судили по поведению этих тварей о приближающихся катаклизмах, докладывали вождям племён и ханам. Нечто подобное происходит и сейчас. И «пауки», и «пресмыкающиеся» ведут себя беспокойно. А это о многом говорит.

Беседовал
Александр АЛЕКСЕЕВ

ПАМФЛЕТ

Хвост виляет ишаком

Записки осла Насреддина

Игорь ГОНЧАРУК

Мой господин, учёный муж, занимается исследованиями в облвсти управляемой демократии. Надо сказать, что идея эта не его, а подсмотрена нами в одном из персидских гаремов, хозяин которого имел проблемы с вертикалью власти и поэтому проявлял удивительную изобретательность при составлении графика очерёдности того, чего он уже не хотел. Но по обычаю той страны каждый халиф обязан иметь желание ну или демонстрировать его, дабы подданные не подумели, что ими правит нетвёрдая рука.

Именно этот халиф персидский и изобрёл управляемость свободы при равноудалении сил, способных обнаружить его бессилие. Это у нас, ишаков, всё примитивно и глупо – либо ты свободен, либо на тебе кто-то сидит со своей управляемой нагайкой. А люди всё-таки поумнее.

Так вот хозяин мой и привёз эту идею в одну большую страну и подарил её местному халифу, а тот приказал назвать всё это управляемой демократией и вынести её за рамки гарема. И сидит мой хозяин ночами за книгами и сочиняет дальнейшее развитие. Или завершает его.

– Хозяин, – как-то спросил я его, – а как люди чувствуют разницу между режимами? Для вас очень важно, какой нынче халиф на дворе? Я как глупый ишак разницы никак не вижу. Что было раньше в кормушке, то там и сейчас. А чего не было, того и ныне не вижу. Как сидел ты на моей шее, так и сидишь...

– Ты глупый осёл, – пожал плечами хозяин, – ты зажат догмами материальной жизни, у тебя не хватает шеи, чтобы поднять голову и увидеть плоды демократии, которой вдумчиво управляют.

– А как управляют теми, кто вдумчиво управляет? Ведь они могут и не вдумчиво. Если муха, да покарает её Аллах, сядет на круп, что тут можно вдумчиво сделать?

– Хороший вопрос, – обрадовался хозяин и поспешил в Совет Федерации, который потом вежливо разогнали. Наверно, из-за мух.

Иногда ночами хозяин, измученный составлением национальной идеи, снисходит до разговоров со мной. Иногда мне кажется, что именно моя глупость помогает ему строить разговор уже со своим хозяином. Ведь все подчинения равносильны, что между человеком и ослом, что между людьми.

– Хозяин, – говорю я ему, – вот при коммунистах говорить правду было страшно. А при демократах – бесполезно. Отличие режимов именно в разной степени ненужности правды? Разве слово, получившее свободу, но утратившее уши, лучше немоты?

– Ты дитё тоталитарного режима, – вздыхает хозяин. – Поэтому те преимущества, которые ты получил в результате реформ, тебе надо постоянно объяснять. Уже то, что мы сегодня гласно говорим об этом, не свидетельствует об уровне демократии?

Два дня думал я над словами хозяина и понял – свидетельствует. Приятно издавать звуки, где бы ты ни находился, что и говорить. А когда ходишь и носишь всё в себе – тяжело. И тебя ещё буквально раздувает от страха.

Потом я опять пошёл к хозяину. Уточнять управляемость.

– Послушай, – говорю ему. – А почему все людские режимы ставят перед собой нереальные цели. Коммунисты хотели построить светлое будущее – коммунизм. А демократы вот мечтают провести честные и чистые выборы.

– Ну и дурак ты, длинноухий, – махнул рукой Насреддин. – Неужели ты думаешь, что демократия – это институты власти? Нет, дурачок, настоящая демократия – это **способ передачи власти**. Поэтому мы и работаем над управляемостью этого процесса. Ты представляешь, что будет со страной, если пустить всё на самотёк?

Представляю. Я разок пустил этот самый самотёк в самый неподходящий момент. Оказия вышла. Насреддин так на меня цыкнул...

Может, для этого и придумали люди этот ЦИК?

Авторизированный перевод
Акрама МУРТАЗАЕВА

И повторится всё как встарь

Эпиграммы поэтов-сатириков 60-х годов XX века

Василий КУРОЧКИН

Эпоха гласности настала,
Во всём прогресс, но между тем
Блажен, кто рассуждает мало
И кто не думает совсем.

Иван ПАЛЬМИН

Небо серо – люди серы.
Грязь на улицах и в жизни,
Полузнанье, полумеры,
Полуумники в отчизне.
Жмутся здания друг к другу
Всех родов архитектуры;
Бродят спившиеся с кругу
Даровитые натуры...
Роскошь храмов, лоск гранитов,
Брань с циническим проклятьем,
Стаи новых паразитов
С каждым новым предприятьем.
Все широкие натуры –
Доморощенных дантистов.
А взамен литературы –
Перебранка журналистов.

Гейдар Джемаль:

Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя

– Гейдар Джахидович, в настоящее время в мире предпринимаются отдельные попытки создать универсальную концепцию подхода к новой реальности. Вырежаясь модным сейчас языком, нам брошены вызовы, на которые пока нет ответа. К каким выводам вы приходите, находясь на пути поиска этих ответов? Сегодня, как известно, рухнула такая универсальная система описания реальности, как марксизм.

– При всём, что можно сказать о марксизме самого плохого, он обладал одним положительным свойством: он унаследовал от религии методологию и язык, благодаря которому оппозиционер, к примеру, с Новой Земли мог объясниться с оппозиционером из Норвегии. Теперь этот язык исчез. Точнее, он скомпрометирован как политически достоверный и выживает «на задворках» социально-политической, философской и интеллектуальной жизни как некий обломок ушедшей эпохи. Говорить им больше нельзя, потому что в него «встроены» такие реалии, которым ничего не соответствует. Сегодня нет больше ни буржуазии, ни пролетариата. Крайние полюсы социальной пирамиды – суперэлита, стоящая над человечеством, и мировой гарлем с его неизбывной нищетой. Всё остальное представляет собой броуновское движение деклассированного элемента. В условиях глобальной люмпенизации Березовский и Ходорковский – явные люмпены. Они прорвались к деньгам, но буржуазией ни в коей мере не являются. Буржуазия – это устойчивое сословие со своим кодексом поведения. И ещё. Если сегодня человек в России богат, то вчера он был технократом, позавчера – комсомольским секретарём, а завтра он станет диссидентом, который будет жить на пособие спецслужб где-нибудь в Лондоне…

Итак, универсальный язык марксизма дискредитирован и неприменим в сегодняшней ситуации. Вместо него явился другой язык или, точнее, модный подход – как раньше было принято говорить, буржуазная лженаука. Я имею в виду методологию Шпенглера, Тойнби, их пресловутый «диалог цивилизаций». К сожалению, многие мусульманские интеллектуалы, клерикалы, которые курируют публичный интеллектуальный процесс со стороны мировой мусульманской общины, попались на удочку этого подхода. Они очень любят говорить о конфликте цивилизаций, необходимости диалога, понимая ислам соответствующим образом. Это радикально неправильно. Ислам, конечно же, имеет цивилизационное измерение. Ислам есть универсальная доктрина, универсальный язык и проект, обращённый ко всем людям без различия их цвета кожи, расы, географического места жительства. Факт существования исламской цивилизации означает, что умма (община мусульман) не состоялась как политический субъект.

– Если доктрина Маркса и Энгельса соответствует уже исчезнувшей эпохе, а модель столкновения и диалога цивилизаций можно считать маргинальной, то тогда на что можно опереться, создавая новый универсальный язык?

– Серьёзная методология заключается в том, что мы должны установить: есть субъект тирании и субъект подавления. Ничего не изменилось оттого, что в современном мире нет фараона, который выезжает на колеснице… и давит коленопреклонённых рабов. Вместо фараона Ветхого Завета есть коллективный фараон, властвующий над Системой. Нужно только определить, кто в этой Системе является субъектом тирании, а кто, наоборот, берёт на себя волю и право защищать угнетённых и оскорблённых. Это та политическая субъектность, которая носит партийный характер. Я настаиваю на том, что после конца марксизма это измерение снова становится теологическим, каким оно и должно быть. Ещё Маркс говорил, что все революционные перевороты в истории носили религиозную окраску.

Каждому отводится некая роль, и за каждым закреплена своя историческая энергетика, которую попросту называют «своей правдой».

– Как правило, употребляя термин «глобализм», мы автоматически подразумеваем его связь с экспансией западных ценностей. А можно ли говорить о тенденции исламского глобализма?

– Марксизм претендовал на глобализм, имея в виду мировую победу коммунизма. Уверяю вас: люди, которые управляют миром, мыслят оккультно. Шаман, Папа Римский, принц Чарльз – представители одного и того же варианта самодовлеющего человечества, которое построено на принципе угнетения. Для них человек и есть цель. Это обязательно пирамида, на верху которой стоят «истинные» люди – реальные власть имущие, которые, естественно, не являются ни банкирами, ни соросами. Последние – просто служебно-функционерная мелкота, пыль, поднимаемая ветром. Но есть мощная верхушка пирамиды, которая не меняется при любой «погоде», что бы ни грянуло – мировая война, революция. Всё делается по сценарию интеллектуальных клубов, которые работают под председательством «истинных» людей, под их попечительством.

Сегодня создана очень мощная глобалистская инфраструктура, которая представляет собой систему транснациональных корпораций. ТНК не экономическая, а управленческая модель, которая курирует гигантские финансовые потоки, освобождённые от любой социальной, институциональной, территориальной ответственности, брошенные на освоение политического и человеческого пространства. Реальные хозяева – те, кто сидит в попечительских советах ТНК; прежде всего представители традиционной знати – династий, аристократических домов, старая европейская знать. В это сообщество включены также представители традиционной знати «третьего мира» и международные финансовые дома в качестве «приправы».

Реальные хозяева мира – ядро элиты и сверхэлиты, которое начало формироваться приблизительно 400 лет назад в период крушения традиционных феодальных каст. Существовала система сословной иерархии: был Папа Римский, ему подчинялись императоры, на следующей ступеньке стояли рыцари, ещё ниже – скромные купцы и т. д. Когда система стала крушиться и на её место пришёл абсолютизм, началась Реформация, а потом Контрреформация, и в этот момент произошла очень мощная реорганизация мира. Всемирная Церковь вынуждена была перейти к стратегии непрямых действий, на смену открытой иерократии пришла криптоиерократия, действующая через закрытый клуб «светской» знати. Это прежде всего Система правящих кланов, которые характеризует наследственность и преемственность. В основном формирование клановой корпорации завершилось к 1860 году. На последнем этапе в неё вошли верхушки российской и азиатских элит, чему способствовали упразднение крепостничества в России, революция Мэйдзи в Японии и восстание сипаев в Индии. Тогда же началась финансовая экспансия мировой элиты на российское пространство. Уже к 1900 году 80 процентов российской экономики было в руках международных финансовых ростовщических групп.

Осознаём мы это или нет, но после развала социалистического лагеря мы живем в другом мире. Он стал более неустойчивым. Появился в этом изменившемся картине реальности и ещё один существенный и постоянно развивающийся фактор – исламский. Это уже не только религиозный феномен: ислам позиционирует себя как великий Проект противостояния Системе, он становится идеологической опорой тех, кто не забыл о бедных, угнетённых, обездоленных. Одна из самых значительных и известных фигур политического ислама – Гейдар Джемаль, председатель Исламского комитета, теолог, создающий методологию современной мысли.

– Вы ничего не сказали о сверхэлите Соединённых Штатов…

– Дело в том, что США имеют свою контрэлиту, которая не является частью элиты Старого Света. С этим обстоятельством вначале не очень считались, поскольку до 1914 года США были маргинальной страной-должником. К 1914 году США должны были Европе 5 миллиардов долларов, по тем временам огромные деньги. А к 1919 году Америка стала вырастать в серьёзный фактор на мировой арене, но появилась и Советская Россия, которая отвлекла внимание элит Старого Света на себя. Возник тандем США и Советской России, и оказалось, что он не по зубам европейской Антанте. Она боролась с большевиками, а тех подпитывала Америка. Вся советская индустриализация поднялась на американской технологии, с американскими кадрами, на американские деньги. И тем временем США тоже набирали силу. А потом разразилась Вторая мировая война, в ходе которой Европа была разгромлена и превратилась просто в экономическое пространство. Сегодня, после падения коммунистического партийного режима, основанного на шестой статье бывшей советской Конституции, возникла ситуация конфликта между элитой Старого Света, которая ещё в организационно-военном отношении слишком слаба для противостояния, и соответствующей сверхэлитой американской, то есть протестантской. Он основан на том, что американская элита ни в каком случае не может быть частью элиты Старого Света, её невозможно интегрировать.

– Как вам видятся роль и место России с точки зрения сверхзадачи всемирного протестного движения?

– Главная политическая характеристика России в глазах мировых протестных сил – непредсказуемость её нынешней исторической ситуации. После того как ушла в прошлое «партийная» эра, политическое пространство оказалось расчищенным для новой инициативы всемирного протеста, который будет свободен от лояльности какому бы то ни было номенклатурно-державному центру, объявляющему себя «отечеством пролетариата всех стран». Не секрет, что сталинско-брежневский бюрократический СССР предавал дело революции, обрекал на поражение и распыление силы мирового левого движения. Чего стоит только запрет коммунистам Германии противостоять Гитлеру в союзе с социал-демократами, блокирование с де Голлем и НАТО против студенчества в 1968 году или «связывание рук» Фиделю Кастро! С падением КПСС ушёл главный тормоз, сдерживавший мировой социальный протест. Сегодняшний олигархический режим, по сути, эрзац политического класса, невлиятельного и ограниченного по своим возможностям на международной арене. Отсюда и непредсказуемость. Она позволяет рассматривать Россию – подобно тому, как это уже было в 1917 году, – как слабейшее звено в системе глобального угнетения, которое может быть разбито усилиями революционного интернационала. Именно это является политическим наследием Октябрьской революции, дошедшим до нас через все перипетии и поражения левой идеи в нашей стране.

– В одном из своих интервью вы сказали, что исламский мир сегодня ещё не вырос до той степени интеграции, когда о нём можно говорить как о взрослом субъекте, который имеет единую политическую волю…

– Но ведь есть 64 государства, главы которых заседают на Исламском саммите.

Сразу скажу: эти страны являются незаконными, их правление нелегитимно. Бюрократы и короли, которые там правят, – ставленники мирового правительства. Это не ислам, это антиисламский фактор. Исламский же фактор существует как движение и дыхание самой истории, как божественное провидение.

Когда сегодня говорят об исламском мире, то часто подразумевают президента Пакистана Первеза Мушаррафа, президента Египта Хосни Мубарака, президента Ирана Хатами и т.д. То есть отождествляют цивилизационный фактор с бюрократическим истеблишментом. Те же чеченцы возмущаются тем, что исламский мир им не помогает. Спрашивается: какой исламский мир? Выясняется, что это король Саудовской Аравии Фахд или вышеупомянутые президенты. Говоришь им: но ведь мусульмане в мечетях собирают помощь для беженцев, различные общественные организации помогают им… Да, это так, отвечают мне, но этого мало, и намекают на помощь в противостоянии Путину. Это мышление – советское.

– Сейчас страны Западной Европы сталкиваются с ситуацией, когда значительная часть их населения становится арабской. Так обстоит дело во Франции, в Германии. Что означает эта тенденция для будущего данных стран в демографическом, культурном, политическом аспектах?

– Диаспора есть будущее мусульманской общины. Диаспора – это люди, освобождённые от «туземности», то есть с нарушенными почвенными, этническими, клановыми и даже семейными связями. Корневая система человека, его зависимость от клана, рода, традиции часто воспринимается как сакральная. Но на самом деле именно с «почвы» начинается профанность. Землячество – это арьергард и застой, замыкающий людей в «гетто». Диаспора, наоборот, – это авангард.

Сегодня идёт борьба у мусульман в Европе между землячествами и диаспорами. Я лично во Франции общался с носителями второго подхода. Об этих людях можно сказать следующее. Во-первых, как правило, они имеют высшее образование; во-вторых, блестяще владеют своей профессией. В их лице я увидел арабов нового поколения, которые не отказались от ислама. Для них быть мусульманином значит быть участником провинциального деления. Для них политический ислам – это самоидентификация себя как избранного народа не в противостоянии, а наоборот, в служении человечеству. Это люди с совершенно открытым сознанием, искренне преданным исламской идее. Они, конечно, читают Коран и чувствуют себя людьми, которым дана эта священная книга. В ней сказано: «Мы ниспослали вам Коран на чистом арабском языке». Вам, то есть людям. А в мусульманском мире часто можно услышать: а ты кто такой, чтобы высказываться по поводу Корана, откуда у тебя авторитет? Ты какие комментарии читал? Ты где учился?..

Я вижу свою аудиторию среди мусульман Франции, Германии, Англии, с которыми общаюсь на едином языке и в едином понятийном поле. Когда же приезжаешь в арабскую страну, приходится преодолевать методологические проблемы. Либо твой собеседник находится под интеллектуальным контролем у профессионального класса толкователей, и в этом случае ты «бьёшься головой» о некую жёсткую догматику. Либо он стоит в формальной оппозиции к этой догматике, то есть находится в плену столь же спорных контрдогматов. А если он либеральный антиклерикал, то, как правило, утрачивает связь с исламом, он просто хочет нормально жить и зарабатывать деньги. Что же касается европейской диаспоры, она практически вся – зёрна без плевел. Это поколение, которое там родилось. Конечно, есть люди, которые пытаются «раствориться», превратиться в обычных немцев или французов. Но Всевышний так сделал, что у них это не выходит, потому что их прессуют, так или иначе они противопоставлены среде и, чтобы выжить, должны стать лучшими. «Так тяжкий млат, дробя стекло, куёт булат».

…Мы боремся не для того, чтобы жить, а для того, чтобы кончить Историю, подготовить приход ожидаемого Махди и Иисуса Христа.

Пришествие Махди и Иисуса Христа – венец истории. А всеобщая исламизация – бредовые домыслы, изобретённые в каких-то политических лабораториях Запада.

Но Махди и Иисус Христос не придут к рабам – к тому, кто их не ждёт, кто их недостоин.

– У вас репутация тонкого знатока Корана. Чем дабтся такое знание? Упорным трудом?

– Нет. Любовью. Для меня ислам – горение сердца.

Ольга ВЕЛЬДИНА

На днях в издательстве «Ультра. Культура» вышла книга Гейдара Джемаля «Революция пророков».

От редакции «ЛГ». *Фигура Г. Джемаля вызывает весьма разноречивое отношение в политическом мире. Думаем, читателям тем более будут интересны его взгляды.*

ЭКОНОМПРОСВЕТ

Вперёд, к виртуальному рынку?

Эффективность государства при рыночной экономике прямо пропорциональна порядочности элиты. Если есть у элиты ответственность перед народом, если есть совесть, то вмешательство государства в дела экономики пойдёт ей только на пользу.

Государство не должно вмешиваться в экономику – только и слышишь от господ-либералов. Их стараниями государство в экономику и действительно давно уже не вмешивается. В неё вмешиваются исключительно чиновники. «Уймите чиновников», – призывают теперь те же правые, забывая, что они порождение их же реформ. Такой вот парадокс. Главные чиновники страны – верные ученики своих предшественников.

Самое же забавное заключается в том, что в любом нормальном современном учебнике по экономике вы прочтёте об исключительно высокой роли государства в экономиках развитых стран, таких, как Германия, Швеция, Япония, Южная Корея… Может быть, в США дела обстоят по-иному? Но на следующий год там запланировано израсходовать 400 миллиардов долларов только на оборону. Наука и военно-промышленный сектор США будут профинансированы на сумму, которая в 5 раз больше, чем весь наш годовой бюджет. Это ли не вмешательство государства в экономику? А тот же Гайдар на телевидении ужасно возмущался не фактом, а самой возможностью вложения денег из средств Центробанка в наш ВПК.

А мы, наивные, полагали, что наши младореформаторы взяли и содрали свои реформы у Запада!

Правда, что же собой представляет западная экономическая модель? Задайся мы таким вопросом в своё время – и тут для нас выяснились бы удивительные вещи. Например, что люди, занятые в реальном производстве США, составляют всего 10% от общего числа работающих.

Где трудятся все остальные? В сфере услуг. 90% населения ничего не производит, а живёт (и неплохо живёт) за счёт того, что оказывает услуги друг другу. Это принципиальное, колоссальное отличие от экономики СССР. Это виртуальная экономика. Ничего не производится, а денег навалом. Старички из Политбюро жили по Сталину. Тот создал для своего времени эффективнейшую экономику, но ничего не менять в ней на протяжении сорока лет после смерти вождя всех народов – это слишком!

Чем хороша сфера услуг? Тем, что затраты невелики, а доходы могут быть огромными. Не так давно мне в руки попали два бизнес-плана. Один бизнес-план развития агропромышленного холдинга под Саратовом, а другой бизнес-план развития сети киосков по продаже газет и журналов.

В агрохолдинг входят: два мясоперерабатывающих завода, завод по производству масла и два огромных хозяйства (бывшие колхозы) с десятками тракторов, грузовых машин, с большим поголовьем скота. Причём продукция агрохолдинга востребована на рынке. И его прибыль составляет $60 000 в месяц. Как вы думаете, какое количество киосков в центре Москвы дают такую же прибыль? Около 15 киосков! Затраты несопоставимы – прибыль одна и та же!

В сферу услуг на Западе входят такие прибыльные области, как здравоохранение и юриспруденция. Если для клиник необходимо оборудование, то юристам кроме кабинетов и бумажек ничего не надо. А они богатейшие люди, и в их бизнесе крутятся огромные деньги.

Стоит ли говорить о торговле, о том количестве людей, которые заняты в этой сфере, об оборотах?

А вот теперь подумайте, какие деньги завертелись бы в бюджете СССР, если бы чудаки из Политбюро стали развивать сферу услуг по западному образцу. Ничего не ломая, не руша, нужно было дать возможность людям создать полноценную сферу услуг, и деньги потекли бы в бюджет рекой. Они и от горбачёвских кооперативов текли, только недолго. Потом эти ручьи и потоки переправили конкретные люди в свои карманы.

Но это всё прелюдия. Самое интересное начинается дальше. О чём молчат наши великие гуру от рыночной экономики, которым только одним известны сии тайны? Молчат они о том, что главными в западной модели являются рядовые граждане, такие же, как мы с вами. Главное – это люди.

Кто будет покупать товары, кто будет пользоваться чудовищно разнообразным рынком услуг, если у обычного человека не будет в кармане денег? Если рядовому американцу платить двести баксов вместо двух тысяч, вся великая экономика США вылетит в трубу.

Когда наши гайдары затевали реформы, они об этом не думали. Интересно почему? Не знали, что не может быть процветающей экономики там, где людям мало платят? Но ведь об этом не думают и сейчас. Если бы я не слышал сообщения самых разных СМИ о потрясающем выступлении господина Касьянова в Думе по поводу повышения зарплат бюджетникам, то не поверил бы в то, что сказал этот «рыночник». А он сказал: если мы повысим зарплаты бюджетникам, то все товары сметут с прилавков. Поразительно! Человек не знает, в какой стране живет. Он же не на Западе живёт, а в России.

У нас не успеют поднять зарплаты, как соберутся какие-нибудь азербайджанские бароны и установят новые, более высокие цены на рынках на картошку, морковку и т.д. А за ними потянутся и прочие хозяйствующие субъекты. Однако дело даже не в этом. Если у людей появляются деньги, то при нашей нынешней открытости товары для прилавков привезут за неделю откуда угодно. От Австралии и ЮАР до Исландии – все готовы торговать. Вопрос не в товарах. Их-то произведут сколько угодно. Вопрос в том, есть ли деньги у населения.

Чем мы потенциально интересны Западу? Тем, что у нас проживает 145 миллионов человек. Это, согласитесь, не маленький потребительский рынок. Уже сейчас в наших магазинах вы гвоздя нашего не найдёте, а что будет дальше? Мы ещё не вступили в ВТО, а завалены иностранными товарами. А в той же Германии, Франции и т.д. в основном торгуют своими товарами. Такие вот чудеса.

Откуда такое высокомерное отношение к бюджетникам и пенсионерам как к балласту? Чем больше они денег получают, тем меньше денег вывезут за рубеж и разворуют. А главное, эти деньги вкладываются в нашу экономику. Покупаются товары, а значит, инвестируются деньги в торговлю и сельское хозяйство. И не на пустом же месте довольно энергично развивается сейчас пищевая промышленность? А на деньги наших рядовых граждан. Хотя значительная часть торговли принадлежит вовсе не русским, а часть продуктов сельского хозяйства привозные, но бюджетники в этом не виноваты.

Неужели так трудно понять, что каждый гражданин России, тратящий деньги в магазинах своей страны, – это инвестор. И этот инвестор никуда не убежит. И он чрезвычайно ценен для нашей экономики. Но не делается ничего для того, чтобы создавать новые рабочие места и платить достойные деньги.

Наше сельское хозяйство неинтересно для бизнеса? Но ведь на сельских территориях проживает 30% населения. Почти 50 миллионов потенциальных покупателей. Целая Франция.

Теперь что касается западной модели экономики. Она проста. В центре её интересов стоит обычный человек. Возьмём среднего американца. Он получает зарплату $2000. Не велики деньги. Из них он платит значительную часть в пенсионный и страховой фонды, платит налоги. В итоге у него остаётся на еду и на всякие мелочи. Крупные покупки американец может сделать только, взяв кредит.

Но в результате рядовые американцы, вместе взятые, платят столько денег в пенсионные и страховые фонды, что те аккумулировали фантастическую сумму в 20 триллионов долларов! И эти деньги вкладываются в экономику США. В пенсионных и страховых фондах работают профессионалы, которые прекрасно знают, в какие ценные бумаги вкладывать деньги, чтобы получить еще больше денег. Так и инвестируются наиболее перспективные отрасли хозяйства.

Олег Тульцев

Создан уникальный механизм. Какие бы деньги ни платили американцу и европейцу, часть из них он вынужден отдавать в пенсионный и страховой фонд. Те же вкладывают деньги в экономику. Было это известно нашим реформаторам? Конечно. Но ведь никто не ставил такой задачи – создать у нас подобный механизм. Пенсионную реформу пролоббировали только недавно некоторые компании, под управлением которых находятся паевые инвестиционные фонды, и неизвестно, чем всё это закончится. Страховые компании, собственники которых просто чуют от перспектив ввести обязательное страхование жилья, для начала пробили обязательное страхование автотранспорта.

Ну, допустим, деньги они соберут. А вкладывать-то они их куда будут?

Наш фондовый рынок спекулятивный. С целью привлечь капиталы за последнее время на нашем фондовом рынке разместила свои ценные бумаги едва ли не одна компания – «Сеть аптек 36,6». Рассуждают по принципу: будут деньги – найдём куда вкладывать. А вот это едва ли. У капитализма есть один положительный момент. Без желания получить прибыль нет капиталиста. Это сильное желание заставляет его шевелиться, нанимать умных людей, искать пути приумножения богатства и т.д. И вся надежда гайдаров именно на эту капиталистическую энергию. Но при этом сам Гайдар не спешит. В одном из своих интервью он сказал, что Россия отстаёт от Запада лет на пятьдесят. И что ни делай – быстро этот разрыв не преодолеешь. То есть ждать надо лет сорок! Другой великий экономист современной России высказывался в том смысле, что мы никогда не догоним Португалию. Третий зачем-то решил собрать либеральную империю. Хотя было бы лучше, если бы они всё-таки создали полноценный фондовый рынок. Решая эту задачу можно и всю экономику вытащить.

Лучше всего суть происходящего объяснила дискуссия между заместителем Грефа и банкиром Геращенко. Речь шла о том, что в Центробанке скопилось больше 65 миллиардов долларов и что неплохо бы часть их направить на развитие экономики. Заместитель Грефа (а стало быть, Греф считает также?), глубокомысленно изрёк: беда в том, что правительство не знает, кому давать деньги, а кому нет. Эти слова господин Геращенко прокомментировал следующим образом: если правительство не знает, кому давать, а кому не давать, то ему надо уходить с панели».

Вот загадка! Промышленный потенциал есть, деньги есть (при определённых условиях их может быть сколько угодно), образованный народ есть, с тем, что нужна рыночная экономика, никто не спорит. Всё есть, а сделать ничего не могут. Опять на первое место выступает умение мыслить.

Что самое парадоксальное в нынешней ситуации? Для создания полноценной современной экономики не нужны какие-то невероятные усилия со стороны народа. Не нужно вручную строить Днепрогэс, не нужно осваивать полярные районы, не нужна коллективизация и даже индустриализация.

Мощь западной экономики во многом странная. Что такое рыночная стоимость того или иного предприятия? Скажем, акции какого-нибудь нашего крупнейшего предприятия сегодня на рынке ценных бумаг могут стоить столько, сколько стоит один уникальный станок, работающий на этом предприятии.

Дело доходит до анекдота. Все наши нефтяные компании плюс РАО ЕЭС, плюс другие крупнейшие компании на фондовом рынке оцениваются в 160 миллиардов долларов, а одна компания «Майкрософт» стоит на 100 миллиардов больше, т.е. 260. Компания «Майкрософт» не добывает нефти, газа, не выплавляет металла, не торгует никелем, а стоит чуть ли не больше, чем вся экономика России.

Интересные вещи происходят с деньгами. Чем подкреплён доллар? Золотым запасом США? Нет. Америка давно отказалась от этого старомодного чудачества. Тогда чем? Да ничем. Какими-то обязательствами правительства США. Если завтра экономика США рухнет, а вместе с ней и доллар, то кому помогут эти обязательства? Значит, можно считать, что их нет.

В своё время один из ведущих экономистов Запада проанализировал то, как будет работать на рынке фальшивый доллар. И пришёл к выводу, что и фальшивый будет работать. То, к чему мы с таким трепетом относимся, – это всего лишь бумажка.

То же самое с акциями. Наверное, многие обратили внимание на то, что после ареста цена акций «Юкоса» стала падать, а с ними цена и на прочие ценные бумаги, и наша страна якобы за несколько дней потеряла чуть ли не десятки миллиардов долларов. Но сегодня акции падают в цене, завтра растут…

Всё зыбко в этом рыночном мире. Ясно одно: виртуальное богатство спокойно переходит в реальное богатство. Если есть покупатель на услуги, то не важно, можно обойтись без этих услуг или нет. Можно обойтись без персональных компьютеров? Вполне. Но они востребованы в мире. И эта востребованность определяет и цену компании «Майкрософт».

Ведь производство компьютеров и их программного обеспечения обрастает огромным количеством денег. Можно обойтись без голливудских фильмов?

Вполне. Многие их давно не смотрят. Но фильмы востребованы на рынке и приносят колоссальные доходы.

Едва ли не большая часть товаров и услуг, которая производится на западном рынке, – это те товары и услуги, без которых вполне можно обойтись. Но именно они приносят деньги, которые обеспечивают процветание западного общества.

Нужна нам такая экономика? Большинство наших граждан считает, что нужна. Так давайте её создавать. В конце концов, тогда у нас хватит денег и на образование, и на науку, да на всё хватит денег.

Что является необходимым условием создания такой экономики? Всякий не глупый экономист ответит – общая культура общества. Из которой вырастает и культура предпринимательской деятельности. Не наличие промышленных мощностей, запасов нефти и т.д., а именно культура – основа процветания. В Японии нет нефти и газа, но это развитая страна. Что есть в Финляндии кроме ёлок и оленей? Ничего. Кроме общества, которое в своё время получило от Швеции «прививку» западного предпринимательства. В итоге мы с нашей оборонкой почему-то не можем наладить выпуск мобильных телефонов, а финны могут. Японцы, финны и десятки других народов поняли суть западной модели экономики и процветают. А мы не можем понять? Можем. И можем действовать. Можем.

Наша беда, что экономическая наука в нашей стране развивалась так же, как и научный коммунизм. Туда попадали не самые умные люди.

Но ведь за прошедшие десять лет многое изменилось. Осознаётся необходимость коренных перемен, но надо четко обозначить задачу – перемены необходимо начать с обновления команды «рыночников».

Есть ли примеры успеха? Есть. Хотя и своеобразные. Когда некоторые наши олигархи решили подготовить свой бизнес к продаже на западном рынке, они дали умным ребятам деньги и попросили подготовить план. Ребята проанализировали ситуацию и сказали: необходимо делать компании открытыми, переходить на западную систему отчётности, выходить с акциями на западные фондовые биржи. После этого была проделана огромная работа. Досконально было изучено корпоративное право. Попутно был принят Закон об акционерных обществах. В итоге нефтяные компании резко увеличили свою капитализацию, выглядят чистенькими и открытыми, и сделки с ними заключат любые самые щепетильные западные корпорации.

Так вот, если будет наконец поставлена задача – разобраться всё же с тем, что такое западная экономическая модель, и разработать пути скорейшего перехода к ней с учётом особенностей России, то задача это будет выполнена в кратчайшие сроки. Для этого нужны деньги и смышлёные люди, которые у нас есть. А болтунов гнать в три шеи. Они кроме марксизма никогда ничего не понимали. Только делать желательно всё гласно. В этом случае и СМИ могут, наконец, помочь делу построения общества потребления в России. И бизнесмены, которые хотят остаться и работать в России, могут внести свою лепту. Они просто слишком долго считают себя должниками господина Гайдара. В чём-то они правы. Не будь реформ Гайдара, многие из них не разбогатели бы так стремительно. Но время нынче другое. И люди должны прийти другие.

Александр САМОВАРОВ,
экономический обозреватель

■ УХОДЯЩАЯ НАТУРА ■

Прости, друкарь...

Из всех бесчисленных отечественных материальных и духовных потерь последнего десятилетия мне особенно жаль московских «букинистов» (в просторечии так назывались букинистические магазины и букотделы в книжных магазинах). В отличие от храмов, музеев и памятников, они не представляли собой приманку для туристов, но, бесспорно, являлись культурной и духовной составляющей нашей столицы.

Антон МЕНЬШОВ

«Бук» советских лет – это не только очажок культуры, но и маленький рассадник свободомыслия. К обычным отношениям купли-продажи в условиях товарного дефицита, т.е. к стремлению достать то, что на прилавок не попадало, здесь добавлялось ещё одно – стремление найти-разыскать то, что вообще, в силу цензурных запретов, свободной продаже не могло подлежать. И помимо торговцев, перекупающих и перепродающих свой товар (зачастую их прибыль достигала 1000%!), вокруг каждого книжного магазина группировались десятки, сотни ведать не ведавших друг о друге единомышленников, упорно и целенаправленно искавших и находивших себя и своё место в мире через литературу и искусство. Конечно, и в то время они не составляли большинства населения, но их было много, много больше, чем сейчас.

Каждый из крупных «букинистов» Москвы имел своё особое, не похожее на других лицо благодаря сложившимся за десятилетия традициям и высоко образованному персоналу с его пристрастиями. Теперь, лишь 25 лет спустя, та эпоха с её нормами жизни выглядит столь же далёкой и нереальной, как, скажем, война 1812 года.

В конце 70-х главной приманкой стал для меня букинистический магазин на Преображенке (одноэтажное здание неподалёку от кинотеатра им. Моссовета). Там я познакомился с Еленой Константиновной, работавшей в нём продавщицей. Это была женщина где-то лет на десять старше меня, много думающая и читающая.

С тех пор несколько лет, пока она работала на Преображенке, мы постоянно общались. Она мне рассказывала о философах, например, о Канте или, прямо через прилавок, об Александре Мене, я ей – о своих последних литературных открытиях тех лет: сначала о латиноамериканском романе, потом о нашей прозе 20-х годов, о новинках журналов и кинотеатров, разумеется, о политике и, естественно, о жизни вообще.

В перестройку и книжные магазины в целом, и букинистические в частности, в сравнении с советскими временами, стали размножаться, как грибы (с наступлением гласности мы глотали-потребляли всё подряд – газеты и толстые журналы, «Вехи» и зарубежную масскультуру), чтобы чуть спустя с ещё большей скоростью начать сокращаться, менять профиль, сноситься вместе со зданиями, в которых располагались, – интерес к серьёзной книге у россиян вдруг к середине 90-х неожиданно иссяк. Иссяк сам, без давления сверху, но и препятствовать этим разрушительным для культуры страны процессам власти не стали: демократия, понимаешь ли!

Именно тогда кануло в небытие уникальнейшее явление – читающая Россия. И дело даже не в том, что всего несколько лет назад читали больше, чем сейчас. Нынешних читателей у Донцовой, бесспорно, больше, чем когда бы то ни было у Платонова или Замятина. Но раньше литература и искусство были не способом убить время и отдохнуть, а, извините за высокий слог, ещё и потребностью души.

В середине 90-х мне не раз приходилось сталкиваться с множеством мелких, частных трагедий, связанных с распродажей людьми своих библиотек, которые однако их владельцами как мелкие не воспринимались. В магазине «Военной книги» (параллельная минидрама – сначала «букинист» имел своё отдельное помещение с отдельным входом, потом это помещение у него отобрали, его перенесли в собственно «Военную книгу», затем ликвидировали вообще, наконец, закрылся и сам книжный) вдруг время от времени на продажу стали выставляться аккуратно, вручную переплетённые «выдерки» из журналов – великолепная работа скромного книжника. И какие же разнообразнейшие интересы у него были, сколько газет и журналов человек выписывал, сколько всего читал! Тематические сборники, деревенская проза, военная проза по десятилетиям, однотомники зарубежных писателей, собранные из десятков разных журналов... Большая часть распродаваемого мне была не нужна, но, имея уже пять или шесть переплётов, я-таки купил однотомник Ирвина Шоу (в нём меня особенно подкупил рассказ, вырванный из газеты, разрезанный и наклеенный на листы чистой бумаги под формат других произведений писателя), сборники советской прозы 60 – 70-х гг., в частности по сборнику критики и публицистики этих же лет, с редчайшими, ни разу не переиздававшимися материалами, которые в принципе-то нигде, кроме как в центральных библиотеках, разыскать невозможно. И лишь годы спустя я понял, что столкнулся не с одной бедой, а с двумя: книжки имели два разных типа переплёта, и на одном из них, картонном, на обложке всегда наклеен лист с машинописью – перечисление собранных вместе произведений. Так что, судя по деталям оформления, собирателей на самом деле было двое: первоначально меня ввела в заблуждение редкостная для нашей эпохи энциклопедичность интересов их обоих. И ещё – и тот и другой, бесспорно, являлись именно любителями настоящей литературы, а не профессиональными критиками или литературоведами, поскольку в подборках отсутствовало главное, необходимое для работы: там не указаны были выходные данные публикаций, так что ни на одну из них нельзя сослаться. По сю пору не знаю, как их собрания попали в бук: или владельцев довела до этого нищета, или, что кажется мне более вероятным, к этому приложили руку наследники – настоящему коллекционеру невозможно добровольно расстаться с десятилетиями бережно собираемыми и хранимыми раритетами.

То, что старая книга и в Москве, да и вообще в России сейчас не в почёте, вроде бы видно невооружённым глазом. Но не преувеличиваю ли, в конце концов, я закрытие пяти-шести горячо любимых мною «букинистов» до масштабов вселенской катастрофы? Эмоции принято проверять эмпирическим путем. Поэтому в прошлом году я собрался с духом и решил обойти все те книжные магазины Москвы, в которые два десятилетия хаживал. Всего посещено было 51 место, где вплоть до 91-ого года (время создания независимой, демократической России) торговали старой литературой. И воочию убедился: то, что произошло с букинистическими магазинами, – это настоящая катастрофа с непредсказуемыми последствиями! До последней революции, взявшей на себя дополнительную функцию и культурной, две трети столичных книжных магазинов имели свой букинистический отдел, где-то – совсем небольшой, где-то – с целую комнату. Основной удар по литературе, по чтению, пришёлся именно здесь. Практически полностью прекращён оборот всей изданной ранее в стране книжной продукции, что не только дикость, но и подлость по отношению ко многим людям – писателям, публикаторам, редакторам, положившим за одну-единственную книгу свои жизни, и не только порой в переносном, но и в прямом смысле слова.

Какие-то издания прошлых лет, хоть лопни, не повторить (исчезли оригиналы рисунков, права на книгу стоят теперь слишком дорого, чтобы она окупилась и т.д., и т.п.). Но книга должна существовать как памятник своей эпохе и ценна именно этим своим качеством. И ещё. Помимо художественной литературы прошлых лет существует литература узкопрофессиональная, 20–30–100 книг, необходимые специалисту, которые никакой Интернет заменить не может. И тут требуются не только обычные букинисты, но обязательно и те, кто специализируется на реализации продукции того или иного направления, будь то философия, история, наука... И в советские времена такие магазины были, причём многие из них в самом сердце Москвы, а не за пределами МКАД, куда не доберёшься, как сегодня.

Вдобавок, десятилетия просуществовавшие «букинисты» в центре города – это уже не просто магазины, это ещё и элемент исторического лица Москвы. Так, на месте знаменитого двухэтажного «букиниста» в Столешниковом переулке, славившегося лучшими в столице книгами по литературоведению, теперь находится «Центр ювелир». Я понимаю, что ювелирное дело гораздо доходнее книжного. Но золото человек за всю жизнь покупает порой один раз – обручальные кольца, скажем, и без ювелирки в Столешниковом вполне может обойтись.

Ещё забавнее обстоит дело с построенным на народные деньги памятником Ивану Фёдорову. Вот послушайте его описание в книжке советских времён: «В срединной Москве, на травяном холме напротив магазина «Книжная находка», стоит памятник с надписью «Друкарь книг пред тем невиданных»... Вы, наверное, сразу догадались, что никакой «Книжной находки» «напротив» уже многие годы и в помине нет. Но вот известно ли вам, что «травяной холм» взял сейчас на себя дополнительную функцию – внутри него разместился магазин с вывеской «Bentley Moscow». А по бокам от первопечатника расположились две солиднейшие фирмы, обозначившие себя как «Bvlgari» и «Ermenegildo Zegna». Ныне в окрестностях памятника вообще одна надпись на русском языке – Третьяковский проезд, 1/1. И не вздумайте поклониться великой тени! Дважды за последние годы, когда я подходил к «друкарю», из соседнего офиса выбегал охранник и долго и тщательно выспрашивал, что я здесь делаю. Может, и атрибутику в руках Фёдорова уже пора поменять на более актуальную: скажем, запихнуть мобильник или ноутбук?

Не думаю, чтобы эти колоссальные диверсии против собственного народа, против будущих поколений готовились московскими властями сознательно. Нет, центр просто освобождали от малорентабельных предприятий. Уцелевшие книжные магазины, скорее всего, сами избавлялись от дешёвой букинистической продукции как от приносящей наименьшую прибыль. Претензии у меня к властям в другом: что в московском правительстве (или кто там ещё этим делом занимается) не нашлось ни одного человека, который читал бы старые книги. Разве могут они в таком случае оценить размеры происходящей в городе катастрофы?

Вдруг некоторое время назад в одночасье в самых разных местах Москвы появилось множество лотков с объявлением: «сегодня каждая книга за 10–20–30–40 рублей». И хотя распродаются на них неликвиды последнего десятилетия, книги там зачастую встречаются более интересные, чем в огромных книжных центрах. Робко, незаметно, думаю, втихую от хозяев, здесь начинают подторговывать и литературой ещё более давней – букинистической.

Достоевского за 150 рублей? Аналогичное издание в одном солидном буке я видел за 1000. А четырёхтомник Байрона за 40? И ещё продавца отличает мудрая политика брать на авось, в расчёте на случайного покупателя, произведения не развлекательные, самим им не читанные. Там я купил и малотиражную монографию Ю. Карякина о Достоевском, и книжку, за которой тщетно гонялся лет двадцать, – детгизовское «Избранное» Карамзина, с которого и надо начинать знакомство с писателем любому школьнику.

По идее, для полноценного сохранения книги и книжной культуры в России нам требуется и скромных лотков на улицах, и больших магазинов в десятки-сотни раз больше. Для начала властям (кстати, без особых дополнительных затрат) достаточно лишь законодательно оформить обязательные нормативы для каждого из переполненных Донцовыми и пособиями по астрологии книжных магазинов: ввести у себя торговые точки по продаже литературы прошлых лет, занимающие 1/10 или хотя бы 1/20 часть их площади. И пусть это будут разношёрстные прилавки с преобладанием, полагаю, Дюма и «Анжелики», но, вероятно, и с Карякиным и Карамзиным. А потом – ведь выберемся же мы когда-нибудь из экономического кризиса – можно будет вернуться и к большим специализированным, профессионально ориентированным магазинам, торгующим литературой прошлых лет.

А пока на полное отсутствие какой бы то ни было политики властей по отношению к «букинистам» накладывается ни на миг не прекращающаяся в стране естественная, вполне обычная смена поколений. У молодых, подросших за последние годы, россиян сегодня своя, отличная от отцовских и дедовских, система культурных и духовных ценностей (или, нередко, полное отсутствие оной). Накопленные предками книжные богатства им зачастую совершенно не нужны и воспринимаются как лишний хлам. Потом и им самим (люди же растут, взрослеют, мудреют), и особенно их детям эти самые книги вновь могут понадобиться, но тогда оные будет уже неоткуда взять. А куда девают ненужные, мешающие в квартире вещи, если их нельзя продать? Только на помойку.

Так что через несколько лет восстанавливать сеть «букинистов» может и не понадобится: в ней будет просто нечем торговать. Любителям же литературы настоятельно рекомендую меняться на дома без мусоропровода. А владельцам библиотек уже укомплектованных советую ничего ценного, особенно томов из собраний сочинений, друзьям на руки не давать. Восстановить потерю вы будете не в силах.

Что же касается лично меня, то, как ни прискорбно, для дальнейшего пополнения своей библиотеки я так и не смог заставить себя специально рыться по мусорным бакам, папа с мамой не так воспитали.

Павел НУЙКИН

Дело правое

Как автомобилю необходим для движения двигатель, так и демократическому государству – правовые механизмы. Иначе бесконечно можно, под одобрительные киванин Запада, указывать на макет: «Посмотрите, движется! Право же, движется!» Но смешно ожидать, что поедет нарисованный автомобиль.

Нарушение прав человека в современной России носит, как ни прискорбно, массовый характер. По сравнению с советскими временами увеличилась незащищённость рядового гражданина перед властью и криминалом. Да и кто их сейчас отличит друг от друга? Правоохранительные органы, силовые структуры ныне более опасны, чем банальная уголовщина.

Решить общественные проблемы может только само общество. А бесценную помощь ему в этом деле могли бы оказать правозащитники. Но вот ведь незадача: куда подевалось так громко заявлявшее о себе ещё совсем недавно правозащитное движение – это удивительное сообщество противников режима, последовательно выступавших в защиту прав человека? Сообщество без командиров и подчинённых, добровольное и неформальное, в котором индивидуальная инициатива и личная ответственность каждого за свои действия сочетались с коллегиальностью и взаимопомощью. Ведь ещё не стёрты в нашей памяти шумные кампании в защиту Синявского и Даниэля, в защиту Виктора Орехова....

Правозащитники составляли открытое сообщество. Каждый порядочный человек мог туда войти (немногие стремились!). Большинство правозащитников не старались извлечь из своей деятельности моральные дивиденды (известность, признание и т.п.), тем более материальные блага. Каждый действовал по собственной инициативе, все вместе составляли некое целое. Правозащитники в первую очередь апеллировали к общественному мнению, пускай оно и не могло быть открыто выражено. Отсутствие командиров и подчиненных вовсе не означало отсутствия моральных авторитетов. Главным условием авторитета являлись личная порядочность и стойкость. Правозащитное движение состояло из людей разных политических взглядов, мировоззрений. Но объединяло их безусловное уважение к человеку и его правам, готовность за права других жертвовать своим благополучием. Правозащитники чувствовали свою личную ответственность за происходящее в правозащитном движении, стране, иногда и мире. Почитая своим долгом, иметь собственное мнение, отстаивать его, доводить до сведения других. Горькая история деградации и исчезновения правозащитного движения заслуживает отдельного разговора. Ясно одно – без этого института не может быть сильного правового государства.

Ныне сервильные средства информации пытаются внушить общественности: мол, да, были инакомыслящие, попивавшие чаёк на кухне и ведущие вольнодумные разговоры. Даже 30 октября, День политзаключённого, теперь ухитрились превратить в День памяти жертв политических репрессий. Хотя известно, что День политзаключённого был установлен самими политзаключёнными мордовских и пермских лагерей в 1974 году в ознаменование массовых акций протеста. Мысль хитроумная: растворить сотни (может быть, несколько тысяч) действительно политзаключённых в миллионах жертв советских репрессий. Безусловно, жаль старых, некогда безвинно пострадавших от террора людей, собирающихся у Соловецкого камня на Лубянке. Жаль миллионов погибших. Но всё-таки, в отличие от них, политзаключённые не жертвы режима, это режим их жертва. Так исподволь, через подручные средства информации, власть пытается убедить: дело в пострадавших от режима, а не в сопротивлении ему. Впрочем, общество готово подыгрывать власти: «Ну да, конечно, были диссиденты, несколько громких имён. А как же, вот некоторые литераторы поплатились: исключены из Союза писателей, иных даже «выдавили» за границу – какое зверство!» Забывая при этом самое главное: что кроме инакомыслящих были «инакодействующие» и «инакоживущие». Свидетельство о нарушении прав человека в СССР, передача информации за границу, распространение самиздата, публичные акции протеста – вот основные составляющие правозащитной деятельности в то время. Тем самым правозащитное движение использовало механизмы давления на власть через общественное мнение, властные и общественные институты Запада. Жила в правозащитниках вера в силу свободного слова. Был у властей страх перед свободным словом. И вера, и страх – наивные, как видно теперь. Что не уменьшает самоотверженности одних и подлости других.

Что же ныне? Да, имеются сегодня правозащитники-одиночки. Пытающиеся в славных традициях прошлого индивидуально защищать права человека. Но их мало, они разобщены, их усилия безразличны обществу. В современных условиях правозащитная деятельность принимает форму юридических кампаний, судебных тяжб. При нежелании прокуратуры и судов исполнять законы такие тяжбы по достаточно значимым делам обречены на провал. Если параллельно не подключать прессу, не апеллировать к общественному мнению, международным организациям. Но пресса, международные организации, общество в целом глухи к голосам правозащитников-одиночек. Кроме того, допустим, правозащитник работает на заводе в Москве, а его подзащитный томится в тюрьме Красноярска. Как туда поехать и на какие деньги? Достойное дело помочь конкретному человеку. Но ложкой моря не вычерпать...

Для изменения ситуации с правами человека необходима консолидация индивидуальных усилий. Что затруднительно для не имеющих организационных ресурсов правозащитников-одиночек. Их племя вымирает.

Но ведь есть, скажут, и правозащитные организации. Официально зарегистрированные, получающие зарубежные гранты или субсидии властей (иногда одновременно). Сотрудники таких организаций имеют зарплату. Поскольку денег никогда не бывает много, разгорается конкуренция и между организациями, и между сотрудниками. В результате правозащитное сообщество приобретает закрытый характер. Эдакая, самодостаточная корпорация, в которую «посторонних» не допускают. Естестеенно, правозащитные мероприятия – форумы, конференции и т.п. – тоже только для своих.

Умильная картина получается: мудрые правозащитники просвещают несколько темные (в области прав человека), но добросовестные власти. Понятно, чем чаще власти предержащие встречаются с правозащитниками, чем больше последних набивается во всяческие комиссии, чем громче о том сообщают пресса и телевидение, – тем кажется всем конструктивнее их деятельность. Исходя из такой политики и подбирается кадровый состав правозащитных организаций, который, естественно, вполне подходит редакционному составу западных радиостанций, вещающих на Россию. Великое дело в такой правозащитной деятельности представительство и отчёты. Куда ни позвони, кого ни спроси – улетел в Страсбург, прилетел из Страсбурга. Все едут защищать права человека в Страсбург, никто не едет в Магадан! Ну и отчёты: должен же знать грантодатель, как тратятся его деньги. Допустим, некая правозащитная организация занята положением заключённых. Если пытаться реально защищать права заключённых, надо постоянно судиться с лагерными администрациями, конфликтовать с прокуратурой, привлекать к ответственности судей. Сплошные столкновения! А что же писать в отчётах: вчера ругались с министерством юстиции, сегодня бранимся с прокуратурой, завтра выясняем отношения с судом? Грантодатель не поймёт. Гораздо проще сохранять со всеми хорошие отношения. Тогда и на зону пустят с гуманитарным грузом для зэков. И в отчёте галочка. Так и работают правозащитники Санта-Клаусами. При таком подходе сотрудникам не надо разбираться в специфике дела. Вот и получается, что заключёнными занимаются люди, никогда не сидевшие, солдатами – никогда не служившие, свободой слова – и строчки не написавшие вопреки цензуре. В общем, грантодатель услышит то, что хочет услышать от грантополучателя, он же сам его и подбирал. Так отсекается возможность быть услышанным тому, кто имеет своё собственное, выстраданное мнение.

Но и без организующей воли грантодателя дело обстояло бы подобным же образом. Если на кону приличная, хорошо оплачиваемая (по российским меркам) работа, некоторая известность, поездки за границу, иногда упоминания в прессе, заметность на политическом и общественном небосклоне – самые пластичные окажутся в правозащитных организациях. И все, разумеется, будут сторонниками сотрудничества с властями.

Объекты защиты тоже вполне соответствуют духу правозащитных организаций. Финансовые магнаты, высокопоставленные военные и т.д. – люди заметные. Да и сама такая правозащитная деятельность не требует каких-то специальных знаний, нелёгкого жизненного опыта, риска.

Общественность не слепая. Она замечает тенденции в деятельности правозащитных организаций. Их закрытость, относительное благополучие, склонность защищать избранных, неплохие отношения с властями, т.е. конформизм. В результате понятие «правозащитник» девальвируется и скоро упадёт так же низко, как и понятие «демократ». Тем более что и коммунисты, и так называемые демократы используют одну и ту же правозащитную риторику.

Безусловно, диалог с властями полезен, но равноправный. Сотрудничество с властями допустимо, но с позиции силы, а не слабости. А то все бегут (впереди паровоза!) сотрудничать с властью. Кто же будет с ней конфликтовать? По самой своей сути правозащитная деятельность означает противостояние власти как источнику нарушений прав человека. Компромиссы необходимы. Но компромисс не должен быть тайным и тем более за счёт третьих лиц. Есть такая мода в политике и правозащитных делах. А в результате такой сделки никто ни за что не отвечает.

Без использования реальных механизмов давления на власть правозащитная деятельность неэффективна. Поиск таких механизмов и есть сегодня насущная задача правозащитных организаций. *Нужно постараться сделать права человека фактором политики. Чтобы каждая партия, каждый политик оценивались избирателями в соответствии с их позициями по проблемам прав человека. Главное – заставить власть, в первую очередь юстицию, соблюдать законы.* Нужно, чтобы каждое заявление имело последствия, и правозащитники не были сторонними наблюдателями. Где списки мирных жителей, уничтоженных в Чечне? Где списки убитых в казармах солдат? Где списки граждан, замученных в милицейских участках? Где чёрные списки убивающих, пытающих? Прокуроров, не возбудивших уголовные дела; следователей, незаконно дела закрывших; судей, вынесших заведомо неправосудные решения? Многое можно и нужно делать в правозащитной сфере. Иначе пространство права и свободы станет неумолимо скукоживаться. И снова придётся вольнодумствовать по кухням.

Кирилл ПОДРАБИНЕК,
ветеран правозащитного движения,
бывший политзаключённый

■ ИЗ ПОСЛЕДНИХ ДИАЛОГОВ ■

Утоли мои печали

Цензура?! Магическое слово. Скажи ей «да» – и до смерти не отмоешься.

– Роль государства в литературном процессе колеблется между опекой, когда писатели кричат, чтобы оно не мешало, и неучастием, когда писатели кричат, чтобы оно помогало. Так маятник и качается, так и будет качаться.

Вот смотрите. Какой-нибудь современный продвинутый ваятель текстов матерится. Другой смакует секс с насилием. Третий поносит лиц кавказской национальности и разных прочих шведов. Разумеется, все они имеют право говорить что угодно, в том числе и молоть любой вздор. Свобода слова! Но и другие люди имеют право слушать или не слушать вздор.

Предположим, матерщинник пробует напечататься в журнале для подростков. Ему не дают. Ну и что? Он может обнародовать своё сквернословие в какой-нибудь маргинальной *друкарне*. Но не в журнале, который рассылается детям. Можно сляпать эротическую видеокассету и продать её тем, кто этим озабочен, но не тыкаться же с эдакой продукцией на гостеканал – тут уж извините. Всякая националистическая и шовинистическая ругань лежит на книжных развалах, но ей нечего делать в эфире, идущем на миллионную аудиторию. Так что – Цензура?!

Если угодно. Но не та, что была при царе-батюшке и особенно при генсеках.

При советской власти вырезанное цензурой выкидывалось вообще из всякого оборота в небытие. Цензура была убийцей. Поэтому она была тайной, её формально как бы и не было. Теперь всё иначе: есть где пристроить любую блевотину. И цензура должна быть гласной, открытой, объявленной или, как теперь говорят, прозрачной. То есть в таких-то и таких-то приличных местах гадить запрещается. Приспичило – вон туалет. Такое же цивилизованное место.

– А Интернет какое место занимает в литературном процессе?

– Пока что он похож на словесную помойку или на забор, на котором прохожие пишут что вздумается, и это вполне соответствует нынешнему состоянию умов и душ. Да и может ли помочь литературному процессу смена гусиного пера на пишмашинку? Есть технические средства и есть духовные цели. То и другое – явления одной реальности, но разные. Соотношение их – сложная штука. Известно, что каждая эпоха ставит себе лишь те технические задачи, которые может решить. Разумеется, техника открывает новые возможности для публичного самовыражения и тем самым влияет на литературный процесс. Самовыражение это в свою очередь помогает сформулировать задачи для дальнейшего технического прогресса. Где тут яйцо, а где курица, я судить не берусь. Но знаю, Интернет не поможет воссозданию литературного процесса, если духовное состояние общества не потребует его возрождения.

– Пока же наши писатели больше озабочены окололитературными процессами, чем самой литературой. Последнее время, например, с новым энтузиазмом начинает муссироваться тема «русского» и «русскоязычного» писателя в современной литературе, и, соответственно, тут же возникают разного рода спекуляции и подмены понятий.

– Русскоязычными стали называть писателей, которые пишут по-русски, но этнически русскими не являются – вроде бы их избавили от двусмысленного положения, а по сути дела, перекинулась двусмысленность на понятия: то ли «русскоязычных» изгоняют из русской литературы, то ли в неё не пускают.

Интересно, улавливается ли эта фальшивинка на английской, французской, немецкой почве? Куда девать алжирцев, пишущих на языке Гюго? Перестаёт ли Роберт Музиль быть австрийским писателем оттого, что он «германоязычный»? А канадцы обоих лингвистических станов? А Дерек Уолкотт – он какой? Англоязычный? Американский? Тихоокеанский?

Возвращаясь под родные осины, скажу, что превращение «русскоязычного» писателя в «русского» не только возможно и весьма желательно, но в идеале должно быть естественным. И неизбежным. При одном только непременном условии: русская литература – понятие не национальное, а сверхнациональное, не этническое, а полиэтническое, не племенное, а кафолическое. Великие писатели России несут в генах вселенское взаимодействие: Толстой знал о своих немецких корнях, Достоевский – о литовских, Пушкин – об эфиопских, Жуковский – о турецких, Лермонтов – о шотландских, Тютчев – об итальянских, Некрасов – о польских... Это мерцание «нерусскости» сквозь «русскость» придаёт нашей культуре особый шарм.

Советская литература приняла это наследство под ярлыком интернационализма. Замечательные писатели, выходцы из республик, дышали этим воздухом. Иногда трудно определить грань. Бабель «Конармии» – русский писатель, а Бабель «Одесских рассказов» – еврейский? Ион Друцэ – молдавский, когда повествует о Чутуре, и русский, когда о Ясной Поляне? А Василь Быков какой? Может, это зависит от того, где воюют его партизаны: в русском лесу или в Полесье? А Чингиз Айтматов? В «Джамиле» – казах, а в «Кассандре» кто? Всечеловек? А Олжас Сулейменов? В «Аргамаках», написанных по-русски, всё-таки казах, а в «Глиняной книге», тоже по-русски написанной, кто? Скиф, присягающий реальности, в которой ещё ни казахов, ни русских не было?

– Иными словами: русский писатель – тот, кто знает о себе, что он русский писатель и хочет им быть. Быть, а не числиться?

– Но всё-таки некоторая градация есть – богатство языка, умение им распорядиться. Наши знаменитые великороссы – Белов, Распутин, Абрамов – никакой «великорусской литературы» не образуют, само это понятие загодя поглощено «русской». Но они, безусловно, диктуют определённые нормы, задают высоту планки, являют нам в своих произведениях образцы великого русского языка. А назовите Астафьева «русскоязычным» – абсурд на грани кощунства! Или Эйдельмана. Он такой же русский писатель, если говорить о сути его работы.

Суть, смысл, пафос русской культуры выше национальных перегородок. Выше конфессиональных. Не без трепета произношу последнее слово: в наше ультрарелигиозное время за это можно схлопотать не хуже, чем в раннесоветские годы за бытие Божье.

Кстати, вот вопрос: в Америке, выигравшей к рубежу тысячелетий все мыслимые противостояния, какая культура? Протестантская? Католическая? Мусульманская? Белая? Чёрная? Жёлтая? Да какая угодно – была бы мечта американской, мечта без границ! Вот если взорвётся... Вернее, так: если «васпы», то есть белые протестанты англосаксонского происхождения, вообразят, что Америка только для них, – вот тогда всё у них и лопнет по национальным швам, да и по конфессиональным тоже.

Словом, всякий входящий в русскую культуру не может не стать русским.

– А, кстати, как сегодня в неё «войти»? «Шестидесятникам» когда-то старшие писатели помогали войти в большую литературу, а они кому помогли?

– Вы имеете в виду, что Белле Ахмадулиной помог Павел Антокольский, а Юнне Мориц – Илья Сельвинский? Или что из-под руки Катаева выпорхнули Анатолий Гладилин и Василий Аксенов? А то, что этих юных либералов травила так называемая партийная литкритика, а её в свою очередь гвоздила литкритика либеральная, помните? Дело, однако, в том, что в советские годы существовала та самая вожделенная литература, в которую можно было «ввести». Или в которую «не пустить». А теперь её нет. Похоронили! Куда вводить? Кому нужны поводыри? Ищи спонсора и издавай что хочешь.

В спонсоры «шестидесятники» не годятся. У них денег не сшибёшь. Бессребренники. И, конечно, кругом виноваты. Но не в том, что их «ввели» в большую литературу, а они никого не «ввели». В другом. В том, что они – последние идеалисты – поверили, будто идеальное устройство общества возможно и человек по природе хорош. Судя по тому, что произошло дальше (и происходит теперь), ошиблись «шестидесятники» капитально.

С ощущением неповторимости нашей судьбы и неутолимости нашей печали мы и уйдём, очистив место для нынешних властителей дум.

Лев АННИНСКИЙ,
литературовед

■ ЗАКОНЫ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ ■

Профессия – «ходок»

Фракции Союза правых сил в новом составе Госдумы нет, но дело её живёт. Пока не побеждает, однако депутатам придётся решать судьбу внесённого незадолго до выборов СПС законопроекта о легализации лоббистской деятельности. Можно трактовать термин «лоббизм» по-разному, проект закона официально определяет его как взаимодействие с органами государственной власти с целью влияния на подготовку и принятие решений. Заниматься этим будет разрешено только официальным лоббистам, аккредитованным в органах власти. Решения, конечно, должны быть «мудрыми и взвешенными». Конечно же, «продиктованными заботой о народе».

А СПИРТ ОСТАВЬТЕ СЕБЕ

Лоббистами смогут быть физические лица или компании, работающие на основе договора. Сведения об аккредитованных лоббистах, перечень их клиентов и целей лоббирования предлагается публиковать ежеквартально. Депутатам Госдумы, членам Совета Федерации, госслужащим и иным должностным лицам лоббизмом заниматься запрещается. Остальное – детали.

На загнивающем Западе лоббисты существовали ещё до придания этой профессии официального статуса. У нас в советские времена их тоже было пруд пруди. Называли их попросту «толкачами». Эти жертвы тоталитарного режима брали канистру спирта и ехали по городам и весям «выбивать» гвозди или шурупы для своего любимого завода. Английская калька «лоббист» звучит благороднее во всех отношениях. В нашей демократической стране менеджером ныне именуется уличный продавец, а за супервайзерами и мерчандайзерами чаще всего скрываются либо школьники-расклейщики объявлений на стенах домов, либо фанатичные торговцы «гербалайфом».

В пояснительной записке к законопроекту указывается: ныне значительная часть общества не может эффективно влиять на принятие важных для себя решений. Зато это могут сделать отдельные субъекты, обладающие деньгами и ресурсами.

Сегодня лучшие умы уверяют нас: после принятия закона алчные чиновники лишатся «ряда своих нелегальных привилегий», равно как и незаконных статей дохода. Ну а предприниматели будут мгновенно получать резолюции «Одобряю!» на своих бумагах. Лозунг борцов за народовластие – «Вся власть лоббистам!».

КАК УЧИЛ НАС МУДРЫЙ ЭЛЬЦИН

Ещё в середине девяностых депутат Государственной Думы первого созыва от фракции Партии российского единства и согласия Владимир Лепехин, куратор законопроекта о лоббизме, объяснял мне: «Лоббизм – это не просто представление тех или иных групп – социальных, политических...– в структурах власти, а процесс приведения формальной власти в соответствие с властью фактической».

А я в своём невежестве исходил из убеждения, что у нас есть три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная. Ошибался.

Следуя этой логике, интересно бы узнать: брал ли Ульянов-Ленин взятки с ходоков, если да, то в какой форме и в каких размерах? На известной картине с одноимённым названием «Ходоки у Ленина» деньги из рук в руки вроде не передают.

Ну да, ведь ходоки – это те же «лоббисты», только не подозревавшие о столь высоком своём статусе. А Ленин – то самое должностное лицо, которое наверняка могло «пробить дело».

После Октябрьской революции в питерском издательстве «Прибой» был издан «Политический словарь». «Взятка – всякое предоставление материальной выгоды лицу, состоящему на службе, за выполнение в интересах дающего какого-либо незаконного действия или за невыполнение какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица» – так его составители квалифицировали наше нынешнее состояние.

Судя по всему, именно подобным образом определялся неизвестный тогда в России термин «лоббизм». Словарь вышел под общей редакцией Б. М. Эльцина.

ПУСТЬ ПЕРЕЛОЖИТ НА САМЫЙ ВЕРХ!

Популяризацией «цивилизованного толкачества» у нас занимаются давно. В одной из наиболее ярких публикаций были приведены фрагменты беседы журналиста с руководством американской лоббистской фирмы «Нил энд компани, инкорпорейтед».

«...Как рассказывал ведущий сотрудник компании «Нил», свои, как правило, шести,-семизначные гонорары он считает отработанными даже в том случае, когда, зайдя в кабинет чиновника госдепа или совета национальной безопасности, просто перекладывает папку с делом, прошением, заявкой своего клиента из-под низа на самый верх, чтобы аппаратчик занялся этим делом в первую очередь».

«Толкачество» советского образца категорически осуждается. Наверно, потому, что эта работа стоила куда дешевле. «Шести,-семизначные гонорары» за «перекладывание папки» наверх – вот образец, достойный подражания.

Что ж, деньги смазывают шестерни механизма, чтобы тот работал, цинично, но удивительно верно признают за океаном. Хотя это у них, а не у нас принят и действует закон о «бескорыстном лоббизме».

Можно приводить сколь угодно много доводов против лоббизма. И столько же в пользу его легализации. Есть только один волнующий всех вопрос: если сегодня за «перекладывание» отдельно взятый продажный чиновник берёт себе деньги, почему в дальнейшем он станет делать это бесплатно, пусть даже по настоянию официально зарегистрированного лоббиста? К тому же главной мишенью работы лоббистов будут прежде всего «сильные мира сего»: в коридорах конгресса штата Коннектикут я встретил обаятельную «бизнес-леди» с большим «бэджиком» лоббиста – она шла решать проблемы. Наши лоббисты, нацепив опознавательные знаки, будут дневать и ночевать под дверьми депутатов Госдумы, не так ли?

Да, ни в одной стране честный законодатель не берёт денег за отстаивание законных интересов того или иного предприятия. Но никто не запретит ему жертвовать – совершенно официально – деньги в фонд его избирательной кампании. Парламентарий вновь побеждает на выборах и становится накрепко «привязанным» к своему спонсору.

НАШИ РОБИНЗОНЫ

В скором времени, после принятия закона, мы, возможно, будем читать в газетах: «Известный политик N, отстаивающий интересы ПБОЮЛ «X», сегодня выступил перед избирателями с гневной речью, обличающей всепроникающую коррупцию. Его искреннее и страстное обращение неоднократно прерывалось бурными аплодисментами и возгласами «Ура!».

Подразумевается: ни у кого не будет даже возникать и мысли, а почему, собственно говоря, политик N даже засыпает с одним-единственным желанием – поднять на недосягаемую высоту благосостояние упоминавшегося ПБОЮЛ?

Конечно, у нас были, есть и будут честные политики. Не смею и не могу утверждать, будто у нас есть нечестные – это прерогатива наших правоохранительных органов, борющихся с коррупцией, «невзирая на лица». Но ведь бытие определяет сознание – так нас учили. И наше сознание сегодня не позволит нам допустить мысли о бескорыстии политика в той абстрактной ситуации. Разве нет?

Так уж получается: любой проект закона о лоббизме в нашей охваченной буйством коррупции стране уже читается как захватывающий бестселлер. У нас так много бескорыстных «лоббистов» и альтруистов-«лоббируемых», что одна из центральных газет регулярно публикует списки наиболее влиятельных лоббистов России – первые строчки занимают высокие официальные лица.

Нынешним художникам впору создать картину «Обездоленный ходок–валютный миллионер приезжает к неподкупному должностному лицу на «Мерседесе-600».

Образ ходока в рубище от «Хьюго Босс» традиционно положительный. Термин «лоббист» не употребляется.

Виктор ГРИБАЧЁВ

P.S. Хотелось бы робко спросить: зачем нам в принципе как лоббисты, так и закон о лоббизме, если в органах законодательной – равно как и исполнительной – власти всех уровней есть состоявшиеся олигархи и олигархи начинающие? Они сами умеют прекрасно отстаивать свои интересы. Это и называется в России «лоббировать».

■ ГЛАС НАРОДА ■

Портрет чиновника в астрале

Признаться, люблю, грешным делом, по примеру Льва Николаевича Толстого потолковать со своим читателем о делах насущных. Благо, Интернет очень даже тому способствует и читатель мой – собеседник весьма приятный и расположен к задушевным беседам. А недавно вот какой разговор у нас вышел.

Павел из Красногорска:

– С написания «Ревизора» удивляться нравам чиновничества считается дурным тоном. В начальники госструктур рвутся люди, как правило, тщеславные и меркантильные... А какой доход от статуса чиновника? Токмо «неуставные» возможности.

Н. Варсегов:

– В природе всё устроено очень мудро. Симбиоз чиновники-просители-писатели (в российском варианте) тоже зачем-то нужен. Возможно, для развития нашей литературы? Культуры? Если б чиновники были кристальными, мы бы не знали ни «Ревизора», ни «Мёртвых душ», ни самого Гоголя, ни Салтыкова-Щедрина... Прозябали бы в духовном опустошении.

Антон МЕНШОВ, Игорь ПАЩЕНКО

Павел из Красногорска:

– Достойное утешение жертвам чиновничьего произвола! Ощущение сродни гордости белых мышей оттого, что служат развитию медицины. Стою на перроне ночью, жду электричку. Подходит солидный, но подвыпивший гражданин преклонного возраста: «Понимаете, я со дня рождения... Сволочи! Обещали домой отвезти... Вот с-с-суки! Да я, если захочу, все они по миру пойдут! Ведь я представитель администрации президента! Вот удостоверение, извольте убедиться! Ну почему я, находясь на таком высоком посту, должен ездить в замызганной электричке, как все?!»

По мысли таких людей, рядовой плебс государство не составляет, и думать о его благе – дело недостойное. Наглость чиновников у нас приобрела масштаб национальной катастрофы, потому что легла в благодатную почву нашей холопской ментальности. «Что ж ты хочешь – кто мы, а кто ОНИ»

Н. Варсегов:

– Уважаемый Павел, если Вы пожелаете заглянуть в ближайший медвытрезвитель, то там этих «советников президента» – каждый второй. Иные со справками. Людям свойственно грезить...

Да, наши чиновники – наше проклятие! Но в природе, известно, нет ничего лишнего. Значит, именно такие чиновники на данном этапе нашей эволюции нам и нужны. Мудрая Жизнь поотроена на симбиозе антагонизмов. Говоря проще, противодействие враждующих организмов в тандеме порождает прогресс. Говоря ещё проще: на то и щука, чтобы карась не дремал. Применительно к нашей с Вами картине: чем менее развито общество в психической и духовной сфере, тем жёстче и аморальней давит на него внешний фактор, например, в лице чиновников, дабы подвергающийся произволу мог яснее осмыслить разницу между злом и добром и совершенствоваться духовно. Я так подозреваю, что Природа готовит нас – человечество – к неким грандиозным свершениям, но прежде нам надо развить свой разум и нравственность в классовых битвах с чиновничеством!

Советую Вам почитать или перечитать Платона – «Учение о мировой душе», где Платон ещё задолго до Канта изрек: «...не во впечатлениях заключается знание, а в умозаключениях о них, ибо, видимо, именно здесь можно схватить сущность и истину, там же – нет».

То бишь окажись на Вашем месте Платон в электричке, он бы воспринял того пьяного «заместителя президента» вовсе не как объект презрения, а как материал, стимулирующий развитие мысли в осознании ещё одной грани человеческого проявления.

Анна Повел:

– Здравствуйте, господин Варсегов! Я живу за границей, но живо интересуюсь делами многострадальной Родины. Полностью солидарна с Павлом. Пока народ будет себя вести как бессловесное быдло, чиновники с ним и будут обращаться как с быдлом. Когда же научится российский народ уважать сам себя?

Н. Варсегов:

– Уважаемая Анна, так я про то и толкую! И доказываю полезность и воспитующую роль свирепых чиновников для россиян. Они и есть наши истинные учителя! Можно закончить пару университетов в стерильных условиях, но ни на йоту не познать бытия! Но только один поход в ЖЭК, в паспортный стол, в суд... даёт нам такую Школу жизни, которую стоит смело приравнивать к двум курсам Сорбонны! Они (чиновники) кладут свой живот, интеллект, все свои силы, чтобы из – как вы пишете – бессловесного быдла воспитать достойных и праведных че-ло-ве-ков! Понятно, что они развивают нас, не сознавая сами того, но следуют в своей миссии согласно законов Бытия. Не пройдя чиновничьих университетов, человек не познает до гробовой доски, кто есть он на самом деле – господин или тварь дрожащая. И в познании сим он растёт!

Анна Повел:

«... Природа готовит нас к неким грандиозным свершениям...» Не могли бы Вы пояснить, что имеете в виду? Наступление Апокалипсиса? Или приход инопланетян? Человечество совершенствуется в нравственности уже тысячи лет, а его наивысшие достижения – в мгновенном уничтожении homo sapiens ядерной бомбой. Может, к этому Природа нас и готовит? Чтобы мы покончили самоубийством и оставили её наконец в покое?

Н. Варсегов:

– Да, тысячи лет совершенствуемся! А куда торопиться? Мы творим процесс архисерьёзный. Да, медленно, но созреваем – уже давно не выбрасываем со скалы дефектных младенцев, например.

А ядерное оружие... оно не страшней огородного пугала, ибо орудия смерти развиваются пропорционально со здравым смыслом. Самое же губительное оружие для человечества на земле (тут я согласен с Церковью) – это безнравственность.

О месте человека в космическом строю я мыслю так: каждый homo sapiens – тренажёр для совершенства Вселенной, ибо в каждом из нас, помимо воды, есть частичка Космического Разума. (Душа, скажем проще.) Земля с катаклизмами и всякой зубастой тварью – идеальнейший полигон для совершенства души. Отслужив, отмотав здесь свои срока, мы с Вами уйдём теми душами в единое мыслительное пространство Вселенной. Но, как то видится мне, Вселенная примет только сдюживших испытания. У апостола Павла, например, есть толкование о сожженной совести. То есть когда душа под гнётом земных пороков сдаётся, гасит в себе все полезное для Вселенной и переходит в ничто. Вот настоящая погибель! А Вы, Анна, какой-то пустячной бомбы боитесь...

Анна Повел:

– Да с чего вы взяли, господин Варсегов, что Земля – это полигон для совершенствования душ, сиречь чистилище? А может, это, наоборот, рай, куда попадают на краткий отдых только очень заслуженные души Вселенной? Это всё от точки зрения на полупустой или наполовину полный стакан зависит.

А чиновники, как и братва, – это народ. И любой униженный может быстро стать тираном или палачом, получив немного власти. Вспомните тех, кто расстреливал царскую семью – ни один из интеллигентных большевистских правителей лично этого сделать бы не смог. Сделали это простые верноподданные, осознавшие, что они на твари дрожащие, а «право имеют». Не станем углубляться далее, а то придётся переходить к вопросу о понятиях Добра и Зла. Они ведь весьма менялись в разные эпохи.

Н. Варсегов:

– Уважаемая Анна, я рад провести с Вами ещё одну бессонную ночь в раздумьях о Вечности. Конечно же, о сути человеческого бытия можно выдвигать бесконечное количество теорий и ни одну нельзя считать утвердительной. Я опираюсь лишь на личные ощущения и видимую логику. Если Вы не будете отрицать сущности вселенского разума, то согласитесь, что этот разум в ...цать раз мудрей человека, ибо он столько сумел создать, включая нас. Но в человека зачем-то вложено любопытство, тяга к познаниям... Следовательно, вселенский разум ищет с помощью нас те потаённые закутки Истины, которые даже Ему самому неведомы. А иначе на кой Ему было нас создавать? Мы ж, в свою очередь, придумали лопату, компьютер, даже космические корабли, чтобы копать, вычислять, искать. То есть мы, являясь Его орудием, придумываем себе орудия, причём всё более «умные». И наши технические создания развивают нас. Следовательно, мы, развиваясь развиваем Его.

А на Земле мы посеяны, конечно же, не для отдыха – для тяжкой работы. Мы на Земле то и дело меняем, переплавляем технику, которая отжила или не оправдала себя, на более совершенную. Он также меняет в нашей среде отработавшие системы. Это я про убийство царя и про уничтожение дворянства. Они не оправдали возложенной на них культурно-просветительской миссии, Россия жила погано (откройте Куприна, Чехова), посему вполне справедливо были уничтожены тем (по-Вашему) быдлом, из которого должны были творить людей, но поленились. Пострадала и церковь, не оправдавшая своего истинного назначения. Потом – коммунисты. То же станет и с нынешними демократами, коли и у них не хватит ума сделать выводы из уроков. Ну и так далее... Все очень сурово, но справедливо.

Анна Повел:

– Уважаемый Николай! Я вижу, что наши философские взгляды очень расходятся. Начиная с космического разума и кончая способами проведения бессонных ночей. Неужели так уж приятно проводить их в размышлениях о судьбах Вселенной и человечества? А что касается исчезновения тех слоёв общества, которые не желают сеять разумное, доброе и вечное, – это прямая и явная угроза прежде всего современным писателям. Вы одно из немногих исключений.

Н. Варсегов:

– Уважаемая Анна! Каждый проводит ночи как он хочет. В свете этого волнительного для меня разговора хотелось бы знать – из какой Вы страны? Спасибо за последнюю фразу, которую понял не сразу. А поняв, погрустил, что не Вы мой главный издатель...

Анна Повел:

– Из какой я страны, не скажу. Пусть для Вас это останется тайной. Пока – тайной...

С народом побеседовал писатель

Николай ВАРСЕГОВ

■ «КРАСНА ДОРОГА ВСТРЕЧАМИ» ■

Дядя Ваня из Княгинина

Двенадцать лет назад в силу журналистского интереса я увязался с «новым русским» Игорем Киртбая, пламенным антиколхозником, покупать у одного нижегородского председателя колхоза 500 гектаров земли для фермеров. Землю нам, конечно, шиш продали (а ведь обещал, телеграммы в Кремль слал, что готов поддержать доброе дело!). Сказал: умрём, но не отдадим кормилицу супостатам. Землёю торговать что матерью.

Вот такая интересная логика – «мать» продавать нельзя, а в аренду её сдавать можно хоть на сто лет.

А вот тогдашний глава администрации Княгининского района Иван Свистунов даже не продал, а просто отдал землю фермерам. Ведь она, эта кормилица, многие годы уже никого не кормит и сама лежит голодная, заросшая ковылём и бурьяном. Отдал не всем желающим, их набежало как татар на поле Куликово, жаждущих за так получить что-то, внимчиво, сторожко. Устроил конкурс, проэкзаменовал на любовь и знание к той самой, за которую у нас все в любое время умирать согласны, и помог им «зацепиться» за новое дело – отстроить дома, получить кредиты и кой-какую технику, без которой на этой кормилице и делать-то нечего, кроме как семечки лузгать и в небо поплёвывать. Позже эту его «щедрость» в вину поставили (мол, разбазарил народное достояние) и «прокатили» на очередных районных выборах. Кто бы другой запил вусмерть, ушёл в отчаяние от недопонимания, а он не закручинился и вместе со своими двумя сыновьями сам подался в новоявленные «кулаки».

Славно потешился-доказал делом, как на этой земле можно жить не нищим-побирушкой, снимать невиданные дотоле урожаи и отдыхать в доме с крытым бассейном.

Но в вольных казаках погулять Свистунову долго не пришлось. В родном его городе Княгинино стала загибаться одна из старейших в Нижнем Новгороде швейная фабрика. Бывший директор, к которому в советские времена со всего Союза на поклон ездили за меховыми шапками, а он орлом над ними летал, при новых порядках сник, но, в отличие от других, понял, что нужна теперь птица другого полёта. И пригласил на царствие Свистунова. Иван такому предложению совсем не возрадовался: «Оставь меня в покое, знаю я шапкозакидательское настроение ваших фабричных!» Коллектив действительно хоть и сидел на нулевой зарплате, но нового хозяина заполучить не жаждал.

Фабрику новый директор за год поставил на ноги. И никаких он чудес не сотворил, не обещал светлейших времён через «пятьсот» или «тысячу» дней. Просто связался с Министерством обороны, на пробу получил заказ на пошив военной формы, да так выполнил, что теперь многие генералы предпочитают одеваться не в кремлёвских ателье, а в Княгинине.

Покосившись на явившееся чуть ли не с неба благополучие, к нему в «рабство» запросились ещё две фабрики из соседнего района. Они собрали всё своё дарёное новой властью богатство (акции, полученные при приватизации фабрик) и в простой руской авоське принесли его Свистунову. Ну как тут не вспомнить послание русичей Варягам: «Земля наша богатая, да порядка в ней нет. Придите к нам и правьте нами».

И теперь семьдесят процентов капитала трёх производств – его собственность!

Иван Александрович Свистунов (справа) и автор

Ну чем не удельный князь? Князь, но безземельный, а значит, по русскому обычаю не совсем князь...

Впрочем, свою сельскую специальность Свистунов не забыл и на фабричной должности. По своей собственной инициативе присобачил к фабрикам свинарники на пятьсот голов: «Нехай будут! Случись перебои с мясцом в губернии, они меня не коснутся».

Свинарники в округе воздуха, конечно же, не озонировали, но себя окупали и прибыль приносили немалую. Так вот к копеечке шёл и рубль.

Дальше – больше. Два года назад вообще учудил неслыханное, прикупил себе аж два колхоза, переименованных в акционерные общества.

Земля в этих бывших колхозах теперь не чья-то, а его личная. Он её у селян купил по доллару за гектар. То-то крику было: хищник, кровопийца, лохотронщик-кидала! Орали не бывшие собственники-нищие, а патриоты-теоретики от земли, профессиональные крикуны. А ведь земля эта в тот момент большего и не стоила. Разор в хозяйствах был, как после Мамаева нашествия. Отпущенные в одночасье на волю крестьяне снесли всё, что послал Бог. Крыши с коровников, технику хранилища и даже сельсовет разобрали по кирпичику. Нетронутой осталась только закрытая еще при большевиках церковь, потому как, по признанию самих сельчан, её динамитом брать было только можно, а динамита под рукой не оказалось: кладка семнадцатого века, креплённая не цементным раствором, а яйцом с творогом, ручному разлому не поддавалась.

Я побывал в этих сёлах – Шишковердь (что в переводе с мордовского «Соловьиное гнездо») и Белка. Поразили меня даже не оживлённость и возрождённая надежда в глазах людей, а... Невостребованность водки. Её никто, как в былые времена, не сметал с прилавка.

Как на Руси не боролись с пьянством! И полусухой, и полумокрый законы издавали и безвременной смертью пужали – всё мимо, всё не в лад. А здесь просто напомнили древнейшую истину – не потопаешь, не полопаешь. Топать выпившему не позволяют, отсылают домой. Не стыдят, не клеймят публично, а просто говорят: хочешь, пей, а хочешь, работай. Выбирают работу не из-за проснувшейся вдруг сознательности, а из-за денежки, по местным масштабам значительной. Вот такая свобода – не столько осознанная, сколько оплачиваемая необходимость.

Невольно спрашивается: зачем бывшему главе района, а потом преуспевающему фермеру Свистунову понадобилась фабрика? Ладно, предположим, ему захотелось поиграть в капиталиста. Поиграл, получилось. Но зачем удачливому капиталисту Ивану Александровичу убыточные колхозы? Только лишние хлопоты! Или гордыня заела, западло, стало быть, безземельным князем?

– Понимаешь, – объяснял мне Свистунов, – конъюнктура капиталистического рынка, как формация далеко несовершенная, капризна и переменчива. Сегодня есть потребность на пошив – сегодня у меня под завязку загружены фабрики. Армия просит форменную одежду, налоговая полиция аж требует. МЧС и всякие другие СС удовлетворяют свои и мои потребности. А случись, они свою удовлетворят, а что делать мне с моей неудовлетворённой? Лапу сосать? Я не медведь, хотя от усталости ох как поспать хочется! Но для того и волчий капитализм, чтобы зайцы не дремали. Если одна потребность исчезнет, ищи другую, а я всегда готов. Например, возродится потребность не в просто еде, а в еде качественной, экологически чистой. Той, что жизнь человеку без всяких лекарств продлевает. А я тут как тут – будьте любезны! За счёт земли и фабрики сохраню до перемены конъюнктуры спроса.

Мотаясь с ним по разноликим хозяйствам, я никак не мог постичь, в чём его управленческий талант. Здесь побазарит, там поспорит, тут накажет, где-то похохмит. Но что характерно: нет у него в районе принятой вековечно на Руси кликухи, которую народ как от широты души и размаха прилепит, так ни за какие денежки не отдерёшь. Почему бы его, к примеру, не обозвать Акулой или Буржуем, Погонялой или Жидом? Чего легче-то? Так нет: либо по имени (за глаза) Ваня, либо по отчеству.

Даже городской сумасшедший, великая достопримечательность Княгинина, Серёня, и тот его привечает, не злобится и не обзывается, хотя его блаженного язычка кое-кто круто побивается.

У всех всё требует, а у Свистунова просит. Шибко уважает.

У Свистунова просит помощи не только Серёня. При мне пришла женщина сомнительного вида, попросила на лечение – дал. Директриса местной школы зашла просить на учебники – дал. Даже коммунисты, бесплатно распространяющие газеты с призывами свергнуть капитализм, тоже что-то у него выпросили.

Вот и фермеры, к которым мы приехали на юбилей, тоже всё время у Свистунова что-то выпрашивали.

Спросил у Ивана Александровича:

– Поможете им?

– Помогу, но несильно. Фермер не может жить не развиваясь. Кто-то не выдержал и уехал. А те, кто остался, осторожничают, не совершенствуются. Не спешат объединиться и купить свой молокозавод. Жизненная идеология у них проще простенькой: господи Иисусе вперёд не суйся и назад не отставай. Семью он прокормит, ну ещё несколько... Для размаха ему нужны наёмные рабочие, а где он их возьмёт? Если шатунов каких, так они не работники, да ещё и спалить могут из-за каких обид.

Я вот много думал о Юрьеве дне, который отменили при царе Фёдоре. До этого крестьянин как бы крепостным был только на время сева и урожая. По существу, наёмным рабочим, а не рабом. С осени до весны он был вольным и мог идти куда глаза глядят. А у кого так глаза глядят? У шатуна, у человека без кола и двора, без семьи и царя в голове. Вот таких-то при сыне Ивана Грозного и отменили, потому и никакого бунта на этот счёт на Руси и не случилось. Но ведь у нас всегда разумный приказ дурью обрастает. Вот и этот развернулся совсем в другую сторону – позволил помещику над мужиком издёвку чинить: хочу, его на земле оставлю, хочу, переведу в дворовые, в бездельники, значит. Как мы в своё время умилялись тургеневским Хорям и Калинычам! А ведь они нахлебники аж в третьем поколении! Делать ничего не делают, за них другие пашут, чтоб не только барина, а и их накормить, тяготятся своим рабством, а без него и дня не проживут. Это они и другие, от труда и от земли отученные, потом подадутся в города, в пролетарии. А как не умели и не хотели ничего делать в деревне, так и в городе будут пьянствовать и бунтовать. Настоящему работяге с золотыми руками во всяческих смутах участвовать было некогда и незачем. За его труд тогда платили столько, сколько ни советскому, ни нынешнему рабочему не снилось....

А Свистунов всё гнул и гнул свою философию:

– Нынешнего фермера – ничегошнего, а не отличного крестьянина, мы к земле только прикрепили. Не земля, а мы! Значит, считает он себя (как бы тайно) человеком здесь временным, значит, оставил он для себя надежду податься в шатуны. Мы тоже все хороши: подталкиваем его к этому налогами, угрозами опять всё перераспределить, угрозами разорить вчистую. А чего легче? Не помоги в неурожай, закупи в урожай всё по бросовым ценам, цену горючки приравняй к западным... Всё – ты голенький!

Женщина ребёнка во чреве девять месяцев выращивает, а сколько заботливых лет нужно, чтобы вырастить хозяина? Не просто работника, не просто крестьянина, а хозяина, который за свою землю и за свой хутор на плаху пойдёт, который детей своих растит себе в наследники?

Помните, как в своё время партийных царей пугали, когда они решили сщё раз крестьян из рабства освободить и выдать им паспорта? Орали: «Деревни опустеют, все убегут!» Слава Богу, не испугались, потому что кто хотел сбежать, и так бежали, а в рабах крестьянина уже перед всем миром держать немыслимо было. Опустели деревни? Кое-где опустели, но не обезлюдели. Вот только их труд производительней не стал. Потому что от этого производительного труда их десятки лет отучали, а производительному не учили. И никаким законом и указом этот навык в одночасье не вернёшь...

– Вы не верите в фермерство? – изумлённо спросил я, полный слухами о великом будущем этого дела.

– Верю! – ответил дядя Ваня. – Прокормить страну они не прокормят, но из списка иждивенцев себя вычеркнут.

– Значит, вы считаете, что перспективен только ваш путь?

– Почему мой? Дорогой сращивания разных капиталов идёт сейчас весь цивилизованный мир. Единственная эта дорога или нет, я не знаю. А вот то, что старый маршрут завёл нас в тупик, – это факт.

Как и многим другим рыночным начинаниям, фермерству на Руси чуть более десяти лет. Княгининский район Нижегородской губернии – одна из точек на карте Родины, где это явление зарождалось. Сейчас фермерский юбилей здесь отмечают как праздник.

На юбилее фермеров я выпил и закусил и подумал с облегчением: «Красные в деревню уже никогда не вернутся. Они уже там были, и обратно их туда просто никто не пустит».

Из записных книжек журналиста

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

Проект «Действующие лица» – (095) 208-95-24. Шеф редактор Елена Липатова (Оберемок); Елена Беланова. *E-mail: litgazeta@pochta.ru*

Хочу – читаю, хочу – нет

Полная парадоксов, нарочито эпатажная статья, опубликованная в популярном ежемесячном журнале, послужила основой для страстной полемики

LIRE ФРАНЦИЯ

Никаких понуканий, никакой игры на нервах ребёнка, никакой иерархии навязанных литературных ценностей – таковы лишь некоторые рекомендации, которые дают педагоги родителям перед возникшей ныне угрозой: дети и подростки решительно отказываются читать. Пустите детей в свободное плавание и склоните их к непринуждённому диалогу с вами на равных, настойчиво советуют педагоги. Но не все, не все...

Познакомьтесь: десятилетний Гаспар. Не лодырь, не лгун – обычный ребёнок из семьи со средним достатком. Симпатичный мальчишка, немного смешной, немного болтливый. Ничем не выделяется из общего ряда. Его воображение неистощимо: он с удовольствием расскажет вам о проделках любимых телегероев, с которыми он на дружеской ноге.В его голове все они перепутались, но он легко выйдет из положения, присочинив к тому, что видел, любезное ему развитие событий.

Попробуйте расспросить его, какие книжки он успел прочитать и какие ему понравились. «Мне?! Понравились книги?! Да я их терпеть не могу. Совсем. Никаких», – с гордостью заявит он, приведя в смущение родителей, если те окажутся рядом. Они в смятении: как мог их прилежный сын попасть в число расплодившихся нынче неучей и строптивцев? Когда это он отбился от рук? Кто виноват? Ну виноватых найти не так уж сложно: школа, телевидение, электронные игры, да мало ли...

«Обучать детей чтению? В наше время? Зряшное дело... – утверждает Жан Дела, директор издательства, выпускающего детские книжки. – Они этому обучаются точно так же, как мой прадедушка учился плавать. Не путайте чтение и умение читать – это далеко не одно и то же. Ведь водительские права ещё не гарантируют, что вы умеете водить машину. Права на чтение есть у всех, но то, что детям навязывают для чтения воспитатели, почему-то не нравится воспитуемым, а ведь последнее слово за ними. Живуч стереотип, согласно которому чтению положено обучаться в школе. *Проходить* его как предмет... Но нынешних детей и подростков никакая палка к чтению не понудит. Если чтение не доставит им удовольствие, пиши пропало...»

Опубликованный в 2002 году Министерством образования список из 180 произведений, рекомендуемых для чтения в начальной школе (по выбору учителя), сам по себе, возможно, не так уж и плох, но он исходит лишь из критерия «полезности», не учитывая при этом вкусы и приоритеты современных юных. Им нельзя ничего навязать, к ним требуется весьма тонкий подход, чтобы создать впечатление, будто книгу для чтения они выбрали сами. В противном случае результатом будет стойкое отвращение.

Чего мы, в сущности, хотим? Отчитаться перед самими собой, что вот, дескать, подобрали младому поколению полезное чтение? Или чтобы полезное чтение действительно стало навыком, да притом ещё на всю жизнь? И даже ещё того больше: чтобы этот навык был затем передан детям наших детей?

Учитель начальной школы Марк Гатин делится своими многолетними наблюдениями: «Мальчиков практически невозможно заставить читать рассказы и повести, они твёрдо убеждены, что это занятие для девчонок. Зато – кто бы мог раньше подумать? – их очень увлекают документальные повествования с напряжённо развивающимся сюжетом, притом любая фальшивка, любая искусственная подтасовка ради возбуждения ещё большего интереса распознаются ими быстрее и точнее, чем взрослыми. Достаточно одного-двух таких «казусов», и стойкое отвращение к книге гарантировано».

Коллеги Марка Гатина отмечают также необыкновенный интерес к такому чтению, которое побуждает ломать голову над загадками, рождёнными самой жизнью, а не авторской фантазией, участвовать в поиске их разгадок. Популярны также книги, где развитие сюжета как бы обрывается в самом интересном месте, а продолжение последует в книге, пока ещё не изданной. К тому же это создаёт у детей навык следить за книжными новинками.

Школьное образование стоит сейчас перед серьёзнейшей задачей, решение которой, по крайней мере, в ближайшее время представляется сомнительным. Не имеющий завершения силлогизм выглядит так. Преподавание литературы и вообще создание какой-либо образовательной базы без чтения книг невозможно. Читать же школьники, особенно мальчики, не хотят, их можно заставить, но лишь с негативным эффектом. Каков вывод? Вывода нет. Но выйти из заколдованного круга всё же необходимо.

Даниэль Пеннак (популярный современный французский писатель. – **А.В.**), который сам долгие годы работал словесником в школах и лицеях, разработал модель, в которой скорее содержатся рекомендации, чего делать не надо, а вовсе не методика пробуждения интереса к чтению. Пеннак настоятельно советует своим коллегам, оставшимся на их неблагодарном посту, а заодно и родителям прислушаться к его советам, притом не к какому-либо из них, а ко всем, вместе взятым. Во всей их полноте. Лукавая мудрость модели состоит в том, что внешне она выглядит как гарантия прав ребёнка, на страже которых должны непреклонно стоять в начале XXI века преподаватели литературы и чтения. Хартия прав ребёнка в этой сложной воспитательной сфере, по Пеннаку, выглядит так.

За каждым школьником безусловно сохраняется: 1) право вообще не читать; 2) право читать, перескакивая со страницы на страницу; 3) право отложить книгу, ведочитав её до конца; 4) право прочитать позже то, что читать не хотелось; 5) право читать всё, что угодно, без каких-либо ограничений; 6) право читать где угодно; 7) право читать втихаря; 8) право читать вслух, а не только про себя; 9) право заткнуть нам глотку со всеми нашими нравоучениями.

Что и говорить, модель, звучащая вполне современно. К тому же пугающе. Но, может быть, в этой парадоксальности как раз есть и выход из положения? Огромное большинство педагогов, в этом можно не сомневаться, с ней не согласится. Её уязвимость вполне очевидна.

Свобода, конечно, вещь привлекательная. Но есть ли у неё берега? Ведь сегодняшний уровень свободы завтра может показаться уже недостаточным. Куда же дальше?..

Перевёл
Аркадий ВАКСБЕРГ,
соб. корр. «ЛГ», ПАРИЖ

Проводник по книжным джунглям

stern ГЕРМАНИЯ

Уши НОЙХАУЗЕР, Штефан ДРАФ

С тех пор как Эльке Хайденрайх, взяв зрителя за руку, ведёт его в телепередаче «Читать!» по книжным джунглям, она слывёт самым влиятельным человеком во всём, что касается популяризации художественной литературы в ФРГ.

Пристрастие к чтению было заметно уже в школе. На уроках рукоделия, когда все вязали, Эльке, по распоряжению учительницы, читала вслух. В остальном же ничто не говорило о том, что родившаяся в 1943 году в Рурской области девчонка станет настоящей кудесницей на поприще изящной словесности. Семья еле сводила концы с концами, мать шила занавесы для кинотеатров, отец чинил автомобили. Домашняя библиотека регулярно пополнялась новинками, первым романом, прочитанным дочерью, были «Унесённые ветром». Интерес к чтению развивали учительница немецкого языка, священник (в приходской библиотеке она прочитала всё), профессора германистики в её студенческую пору. Эльке Хайденрайх участвовала в создании литературной энциклопедии Киндлера, своего рода библии германистов всего мира. Ею написаны статьи об эпохе романтизма, Гельдерлине, Новалисе. Она была комментатором Западногерманского радио, ведущей ток-шоу, обозревателем «Бригитты»... Лишь в 1992 году решила попробовать себя в литературе – сборником рассказов «Колонии любви». Критики нашли их «вполне читабельными».

Свою личную жизнь Эльке всегда называла «счастливой». 23 года была замужем за писателем Берндом Шредером, и даже после развода они остались большими друзьями, пишут книги вместе. В сентябре 2002 года у Эльке Хайденрайх обнаружили рак, её оперировали, она прошла лучевую терапию, принимает лекарства. И наперекор судьбе счастлива: «Как раз в те дни, когда я была так больна, начальство дало добро на передачу «Читать!». Я посчитала это очень хорошей приметой».

– Фрау Хайденрайх, у книжного обозрения, с которым вы выступаете на Втором Германском телевидении, зрителей вдвое больше, чем у «Литературного квартета» в его лучшие времена. Чем это объяснить?

– Людям надоело слушать крикливую перебранку. Им больше импонирует, когда, сидя на стуле, женщина шестидесяти лет говорит о том, что кажется ей важным и прекрасным.

– Но хвалить – это ведь идёт вразрез с вашим темпераментом.

– Поскольку в остальное время я могу дерзить, как хочу, мне не скучно шесть раз в году в течение получаса быть любезной.

– Вы знаете, насколько больше книг было продано благодаря вашим похвалам? В целом тысяч на восемьсот больше. Одна из рекомендованных вами книг сразу попала в список бестселлеров, не так ли?

– Да, «Магический лабиринт» Макса Ауба – все шесть романов цикла. Но я не очень-то заинтересована в таких списках. Гораздо важнее, чтобы рекомендованные мною книги покупались и читались. И я по-прежнему считаю: читая Ауба, ощущаешь прилив счастья, потому как Ауб – замечательный, серьезный летописец минувшего века с его жуткими катаклизмами и кровавыми войнами.

– Критики благоговейно называют вас папой римским от литературы в женском воплощении.

– Чепуха. Я не отличаюсь непогрешимостью. У меня очень сентиментальный вкус. Но я знаю: он у многих такой.

– Чем увлекательно чтение?

– Вы видите, какая я прыткая, как быстро я говорю. Читая, я чувствую умиротворение, затихаю, погружаюсь в какую-нибудь историю, которая меня захватывает, отвлекает от суеты, развлекает. Любовную связь между человеком и книгой не заменит ничто.

– Говорят, вы прочитываете по 400 страниц в день. Это реально?

– Ерунда на постном масле. Писали также, будто я прочитываю по книге в день. Всё это глупости. Верно то, что я всегда занята какой-нибудь книгой. Иногда прочитываю всего лишь страниц двадцать – вечером, перед сном. А бывает, откроешь книгу утром, отключишь затем телефон и читаешь до трёх часов ночи. Так было с «Корректурами» Джонатана Францена.

– Наверное, издательства обивают ваши пороги...

– Да, я всем написала письмо с просьбой не слать мне пробные экземпляры, а присылать каталоги. Чтоб я могла видеть, написал ли что-нибудь новое Джон Апдайк или Филип Рот. Однако это вовсе не означает, что я представляю в передаче каждую заказанную мной книгу. Спокойно просматриваю каталоги с начала до конца. Каждой книге даю небольшой шанс. Обязана.

Я хочу, чтобы люди читали, и если они действительно читают, то я говорю: «Здорово! Ты своё дело сделал!»

– Предпочитаете рекомендовать малоизвестных авторов?

– Я ещё не читала новый роман Зигфрида Ленца, но на него ведь кинется весь мир. Зачем это делать ещё и нам?

– У вас всесилие доброй феи, которая может вознести до небес обыкновенного графомана.

– В следующий раз я, по-видимому, буду говорить о Людмиле Улицкой. И уже слышу возмущённые голоса критиков: «Ханзер! Она делает рекламу своему издательству!» Но меня это не колышет. Повесть российской писательницы под названием «Сквозная линия» превосходна.

– «Я вас никогда не обману», – обещаете вы в вашей передаче. Что это значит?

– Это значит, что я никогда не стану расхваливать книгу, потому что некое издательство готово оплатить за меня мою квартплату. Мне не надо делать карьеру, зарабатывать деньги. На книге про моего кота под названием «Nero Corleone» я заработала столько, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Она разошлась тиражом в миллион экземпляров и переведена на 25 языков.

– Что для вас важнее – язык или сюжет?

– В хорошей книге форма и содержание слиты воедино. Это идеальный случай. Что толку, если за красивым слогом ничего не стоит? Занятная история, рассказанная истёртыми словами, тоже не увлечёт читателя. Язык важен в жизни. Если бы люди больше читали, они бы лучше говорили. Если бы наши политики больше читали, они бы не были такими удручающе скучными. Хотя бывают и исключения. Хайнер Гайслер много читает и прекрасно играет на рояле. Иногда мы играем в четыре руки, и всякий раз Шуберта.

– Книги сделали вас лучше?

– Нет. Но немного лучше понимаешь мир. И своё место в нем. Меньше жалуешься. И в какой-то степени я умнею. Но дурные свойства моего характера остаются.

– Какие?

– Нетерпение, агрессивность. В Берлине я всегда агрессивна. Если меня начинают задирать...

– Кто будет вашим следующим гостем?

– Я бы хотела, чтобы им стал певец Герберт Гренемайер. Он читает. Есть замечательная книга о поп-музыке «31 песня» Ника Хорнби. По-моему, поп-музыка – это тоже литература. Боба Дилана давно выдвинули на Нобелевскую премию.

– Федеральный канцлер тоже много читает. Вы представляете его гостем вашей передачи?

– Ну нет. То, что читает Шрёдер, меня как-то не интересует.

– Что для вас важнее – читать или писать?

– Конечно, читать. Без чтения я не могла бы существовать. А без писательства могла бы. Писать – это роскошь. Но я нашла своего читателя и без всякого кокетства могу сказать, что горжусь этим. Добиваться большего не стремлюсь.

– Ваша житейская мудрость большей частью из книг?

– Вы думаете, я набралась житейской мудрости? Книги мне лишь говорят, что я не одна такая, какая есть. Это утешает. Многое понять мне помогла «Болезнь как метафора» Сьюзен Сонтаг. У неё тоже был рак, и она показывает, как странно порой мы относимся к нашим недугам. Начинаем вдруг винить себя. Недоумеваем, почему болезнь выбрала именно нас.

– Вы отдаёте предпочтение книгам, созвучным вашей жизни?

– Созвучность необязательна, но если она есть, то это прекрасно. Понимаешь, что ты в одном ряду с другими, что всё в этом мире относительно. И думаешь: Боже мой, какую канитель я развела вокруг маленькой проблемки в моей, в общем-то, благополучной жизни. Когда я лежала в больнице и мне действительно было плохо, читала «Искупление» Иэна Макьюэна. История девушки, разрушающей жизнь очень многих людей мерзкой ложью, отвлекла меня, заставила задуматься. Я лежала с иглой в вене, читала и обрела покой.

– Болезнь изменила вашу жизнь?

– Нет, по сути, я всю жизнь была больной. Хлипкой. Чахлое дитя всё время сидит в углу и читает. Я работаю чуть меньше и чуть больше сплю.

– В сентябре 2002 года с телеэкрана вы впервые рассказали о том, что больны.

– Газета «Бильд» на следующий день назвала меня «храброй Эльке». Всё это выдумки. Я не была храброй. Я терзалась и громко причитала.

– Если бы вы знали, что книга, которую вы читаете, – последняя в вашей жизни, что бы вы выбрали?

– Что-нибудь старое. Новое наверняка не пробудило бы во мне любопытства. Стихи. «Ступени» Германа Гёссе. «И даже возле входа гробового / Жизнь вновь, глядишь, нам кликнет клич призывный, / И путь опять начнётся непрерывный.../ Простись же, сердце, и окрепни снова»*. Но если дело действительно пойдёт к концу, то не думаю, что буду читать. Соберу всех своих друзей. И раздам своих кошек и деньги.

Фото Volker HINZ

Эльке Хайденрайх

* Заключительные строки «Ступеней» Г. Гёссе в переводе С. Апта.

Перевёл с немецкого с сокращениями
Анатолий ЕГОРШЕВ

Воздвигнуть памятник поэту! –

добиваются почитатели таланта Федерико Гарсиа Лорки

Обстоятельства потрясшей в своё время весь мир трагической гибели великого испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки, без суда и следствия расстрелянного франкистами 19 августа 1936 года под Гранадой, долгов время оставались покрытыми завесой тайны. Однако начиная с 60-х годов, когда ужас, который диктатура Франко наводила на миллионы испанцев, начал ослабевать, завеса стала постепенно приоткрываться. Каждое новое открытие в этой области «Литературная газета» освещала самым подробным образом.

Сейчас практически все обстоятельства убийства Лорки, включая самые страшные, известны. Но у потомков перед ним остался долг, который в Испании хотят выполнить. В декабре около городка Альфакар близ Гранады начнутся поиски останков поэта в массовом захоронении в овраге Виснар, где он был расстрелян. Организаторы этих поисков хотят при помощи современных научных средств найти и опознать эти останки, перемешавшиеся с прахом других жертв, находящихся в этом захоронении, и достойным образом предать их земле. Так же намереваются поступить и с другими жертвами франкистов, убитыми и захороненными в овраге в первые недели военного мятежа против законного правительства Республики, который перерос затем в гражданскую войну 1936–1939 годов.

Федерико с матерью, сёстрами – Исабелью и Кончитой – и братом Пакито

МОГИЛЫ В ОВРАГЕ ВИСНАР

Захваченная мятежниками Гранада находилась совсем рядом с зоной, над которой осуществляли тогда контроль республиканцы, франкисты опасались их прихода и возмездия, а потому репрессии были особенно жестокими. По подсчетам историков, в овраге Виснар вместе с Лоркой зарыты от 3 до 4 тысяч человек, «ликвидированных» захватившими Гранаду сторонниками генерала Франко.

Тем не менее надежда на то, что удастся идентифицировать прах Лорки, имеет серьёзные основания. Как напомнил мэр Альфакара Хуан Кабальеро, опиравшийся на указания оставшихся в живых свидетелей тех кровавых репрессий, обнаружить останки поэта не должно представить особого труда, так как он был расстрелян несколько в стороне от места основных казней. Это место известно с точностью до десятка метров. К тому же должно облегчить опознание своеобразное строение черепа поэта. И, наконец, одновременно с Федерико Гарсиа Лоркой были расстреляны заподозренные франкистами в симпатиях к Республике тореро Франсиско Галади и Хоакин Аркольяс, а также сельский учитель Диоскоро Галиндо, который ещё в юности попал под трамвай, и ему ампутировали ногу, что также может помочь идентификации праха всех троих расстрелянных.

На месте массового захоронения в овраге Виснар после смерти Франко и перехода Испании к демократии был водружён мемориальный гранитный камень в память Лорки и всех других жертв. Тем не менее в Испании постоянно говорили о том, что долг перед ним до конца не исполнен: необходимо обнаружить его останки и достойно похоронить их, создав на этом месте мемориал. К тому же земля рядом с местом массового захоронения всё больше застраивается И противиться имеющим огромные средства и обширные связи напористым дельцам, возводящим здесь загородные дома, что даёт в Испании солидную прибыль, очень непросто.

Недалеко от оврага Виснар уже построен целый коттеджный комплекс, к которому прилегает спортивный. В последние годы не раз предпринимались попытки продолжить строительство прямо на месте массового захоронения, общественность с немалым трудом отбивала их. Однако опасность фактического осквернения этого места магнатами, занимающимися недвижимостью, сохраняется.

Так проблема стала общенациональной. Многие считают, что возведение мемориала на могиле поэта, куда будут приезжать почитатели со всех стран мира, станет гарантией того, что это место не будет осквернено всемогущими дельцами.

Желающих помочь более чем достаточно. Для поисков останков Лорки уже готова команда из 40 специалистов университета его родного города Гранады. Их возглавляет видный испанский учёный профессор судебной медицины Гранадского университета и Академии ФБР в Квантико (штат Вирджиния) Хосе Антонио Лоренте. Как раз в данный момент он занят идентификацией останков великого мореплавателя Христофора Колумба. Эту работу он планирует окончить к концу года. А затем заняться претворением в жизнь заветной мечты – найти прах великого земляка. «Я уверен, что мы это сделаем, – заявил учёный. – Это национальный позор, что у одного из лучших наших поэтов, которого знают и любят во всём мире, нет могилы, которой можно было бы поклониться».

Профессиональный опыт в этом деле не только у Лоренте, но и у многих его коллег, также мечтающих участвовать в этом благородном деле, большой. Некоторые из них принимали участие в поисках жертв диктатора Аугусто Пиночета в Чили, военных диктатур в Аргентине.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Дело в том, что все погибшие в годы гражданской войны сторонники Франко давно похоронены с почестями – им установлены памятники и обелиски, мемориальные доски на храмах, они поимённо перечислены под ставшей традиционной надписью «Павшим за Бога и Отчизну». Более того, с середины 90-х годов даже семьи погибших на Восточном фронте в далёкой России, в рядах «Голубой дивизии», которую Франко послал на помощь Гитлеру, разыскивают останки родственников, погибших на Ленинградском и Волховском фронтах, эксгумируют их, опознают, многих даже перевозят на родину и там предают земле, как положено христианам. Всего в «Голубой дивизии», в которой с 1941 по 1944 год постоянно менялся состав, перебывало 150 тысяч человек, из них 5 тысяч погибли. Эту деятельность финансирует Министерство обороны Испании, считающее их испанскими солдатами (хотя официально они числились военнослужащими вермахта, состояли на его довольствии и получали за свои «подвиги» немецкие железные кресты).

Но лишь относительно недавно – года 2–3 назад – тем же делом занялись родственники безымянных жертв франкистского террора, которых в Испании насчитывается более 50 тысяч. Захоронения, в которых они покоятся, разбросаны по всей стране. Всех их, сторонников Республики, как и Лорку, в годы гражданской войны и долгое время после её завершения «ликвидировали» без суда и следствия, как правило, расстреливая у дорог и наскоро закапывая в кюветах.

По данным Испанской ассоциации по восстановлению исторической памяти, которая координирует работы по поиску безымянных жертв франкизма, по всей стране насчитывается около 50 тысяч массовых захоронений.

Правящие ныне в Испании консерваторы, многие из которых не скрывают симпатии к франкизму, выступают против этих работ, которые координирует неправительственная Ассоциация по восстановлению исторической памяти, и всячески – хотя не всегда в открытую – противостоят такой деятельности, принимающей всё более широкие масштабы. Они демагогически утверждают, что это «разжигает старые распри» и «мешает достигнутому после смерти Франко национальному примирению». Их оппоненты (кстати, ещё при жизни диктатора первыми провозгласившие необходимость такого примирения) утверждают, что настоящее национальное согласие не может быть достигнуто, если не будут достойно похоронены все жертвы той войны, в каком бы лагере они ни сражались.

Хотя такая деятельность год назад была одобрена всем испанским парламентом и её поддерживает ООН, правительство не выделяет на неё ни одного евро, она проводится на собранные пожертвования, а поисками погибших республиканцев безвозмездно занимаются тысячи добровольцев, в том числе и учёные из Гранадского университета.

Поиски останков Лорки и их погребение, таким образом, станут не только данью памяти поэта – они обретают особый смысл, так как Федерико Гарсиа Лорка, вне всякого сомнения, самый известный в Испании и в мире испанец, который до сих пор покоится в безымянной могиле. И как бы освящает родившееся в недрах народа широкое движение за поиски погибших республиканцев, захороненных в общих могилах.

ОТВЕРГНУТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ФРАНКО

Был момент, когда на пути этих планов возникло совершенно неожиданное и весьма деликатное препятствие.

Племянники Лорки, дети его брата Франсиско и сёстры Кончи, воспротивились попыткам найти останки поэта, чего никто не ожидал. Они утверждали, что раскопки у оврага Виснар будут «проявлением неуважения к этому священному месту», «потревожат посмертный покой» Лорки. При этом часто ссылались на слова знаменитой французской писательницы Маргерит Юрсенар, которая, побывав у оврага Виснар в 1960 году, сказала: «Трудно придумать более прекрасное место для упокоения поэта».

При всём уважении к родственникам Лорки большинство испанцев не согласились с ними, как не разделили и мнения французской писательницы. Их мысли наиболее точно выразил главный биограф поэта ирландец Иан Гибсон, давно живущий в Испании и внесший наибольший вклад в раскрытие тайны смерти Лорки в своей ставшей мировым бестселлером книге (под титулом «Гранада 1936 г. Убийство Федерико Гарсиа Лорки» она опубликована и в русском переводе в 1983 году). Гибсон заявил: «Лорка принадлежит Испании и всему Человечеству, а не только его семье, так как стал национальным символом, отдав жизнь за свободу и демократию в Испании».

Недавно выяснилось, по какой причине племянники Лорки вдруг пошли против мнения большинства почитателей поэта. Оказалось, что еще в 1955 году, когда они находились в изгнании, генерал Франко через придворного писателя Хосе Мариа Пемана предложил им эксгумировать прах их родственника и похоронить как положено. Они ответили категорическим отказом. Во-первых, не желали принимать игру диктатора, который таким жестом пытался сгладить страшное впечатление, которое произвело во всём мире убийство его сторонниками Лорки, и расположить к себе его наследников.

Однако внуки похороненных рядом с поэтом двух тореро и хромого сельского учителя заявили, что хотят с честью предать земле прах своих дедов. И племянники Лорки не могли пойти против их воли. Тем более их убедили, что старые и грубые методы – работа лопатой и киркой, использование экскаваторов – уже отошли в прошлое. Ныне для этого используется новейшая технология: георадары (с их помощью, в частности, в Боливии были обнаружены останки Эрнесто Че Гевары); фотокамеры, позволяющие снимать останки в трёх измерениях, что даёт возможность практически безошибочно идентифицировать их; новые генетические способы опознания и многое другое.

В конечном итоге наследники Лорки выступили с письмом, в котором говорится: «Мы решительно поддерживаем стремления установить историческую истину, сделаем всё, чтобы она стала известной и превратилась во всеобщее достояние. А потому, если для этого необходима эксгумация, то мы, как бы это ни было для нас болезненно, ни в коем случае не будем возражать».

***

Все идет к тому, что близится час, когда великий испанский поэт, которого чтят во всём мире, сможет обрести наконец истинное упокоение в родной земле.

По материалам испанской прессы.
Хуан КОБО,
корреспондент РИА «Новости» в Испании – специально для «ЛГ»

Дайджест зарубежной прессы подготовила **Ирина ХУЗЕМИ**

■ РЕЗОНАНС ■

«Про купцов, акул и олигархов»

Отрадно, что «ЛГ» затронула такую важную тему, как благотворительность и российский бизнес (статья А. Друзенко «Про купцов, акул и олигархов», № 49, 2003 г.).

Внимательно ознакомившись со статьёй А. Друзенко, которого я знаю лично по его работе в редакции газеты «Известия», и который, я надеюсь, помнит о позиции ЛУКОЙЛа как ответственного и добросовестного акционера газеты, хотел бы оспорить позицию уважаемого автора по рассматриваемой проблеме.

Во-первых, г-н Друзенко по-дилетантски продолжает отождествлять российский бизнес с определением «олигархический», не замечая, что наша страна уже прошла этот этап, и что на сегодняшний день бизнес является неотъемлемой составляющей социально-экономической системы и наиболее социально продвинутым и социально ответственным сегментом российского общества. И очень жаль, что российская пресса – главным образом, федеральные СМИ – продолжает не замечать этого и предпочитает замалчивать тему участия бизнеса в решение социальных проблем, в том числе и через благотворительность.

Во-вторых, безусловно, в современном российском обществе пока нет своих Абрикосовых, Бахрушиных, Третьяковых. А как они могли появиться? В советское время, в силу идеологических причин и проводимой социальной политики, добрые традиции российской благотворительности и меценатства были практически уничтожены. Первые шаги российских компаний в сфере благотворительной деятельности пришлись на очень непростое время в жизни нашей страны, а именно на начало 90-х годов. По прошествии чуть более чем 10 лет, и основываясь на опыте ряда российских компаний в сфере решения социальных программ, в том числе и благотворительных, можно утверждать, что уже многие российские предприниматели пришли к пониманию того, как в новых социально-экономических условиях следует финансировать социальное развитие, как следует относиться к благотворительным программам, каковы источники финансирования тех или иных аспектов общественной жизни. Чтобы убедиться в этом, достаточно посетить российские города, где крупные корпорации являются градообразующими. Многие российские компании приходят к понятию «корпоративная благотворительность», к осознанию того, что деньги, которые тратятся на благотворительные программы – это деньги акционеров, а не средство первого лица компании, и поэтому необходимо уметь доказывать, что вложение средств в социальную сферу не пустой звук. К сожалению, снова приходится говорить о том, что российская пресса не считает эту тему заслуживающей внимания.

Далее автор приводит примеры «благотворительных порывов» американских бизнесменов. В этом контексте уместно будет привести один очень впечатляющий факт: 9 из 10 взрослых жителей США жертвуют свои деньги на благотворительные цели. Отечественные показатели несравнимо скромнее. И дело тут не только в низких доходах наших сограждан. Речь идёт о несовершенстве российского законодательства в сфере благотворительности, которое, к сожалению, не только не поощряет эту деятельность, но и наоборот тормозит дальнейшее развитие этого сектора, сокращая возможные объёмы денежных поступлений в социальную сферу.

Таким образом, по нашему мнению, вопрос о развитии благотворительной деятельности – вопрос сложный, комплексный, и решать его должны все участники благотворительного процесса.

Хотел бы ещё раз поблагодарить редакцию за то, что она обратила внимание на такую важную тему, как благотворительность. Надеюсь, что статья А. Друзенко послужит началом для серьёзного обсуждения этой проблемы на страницах вашего издания, в котором компания ЛУКОЙЛ готова принять самое активное участие.

Александр ВАСИЛЕНКО,
начальник Департамента общественных связей нефтяной компании ЛУКОЙЛ

■ КОНТАКТЫ ■

Старые и новые приметы

Над Мариацким костёлом бледное солнце бодало облака, желая подсветить Рыночную площадь Кракова – пёструю и говорливую. А вечером, когда лил дождь, горожане суетились возле рождественских прилавков, подставляя шалому ветру упругие зонтики. Среди многочисленных магазинчиков нас заманила витрина с макетами костёлов, сочно раскрашенными. Что-то очень знакомое, виденное, или, по крайней мере, слышанное раньше. Вертепы! Ну, конечно же, это они, приметы искусства польской старины, мы их встречали года два назад в Москве.

Рассказывают они таинственные истории, легенды и правду о том, как чисто религиозное действо превратилось в дивное искусство театра бродячих актёров. Музыка, танцы, буффонада, сатира, юмор – всё это театр, без которого немыслимо было ни средневековое, ни современное общество.

КРИТЕРИЙ ОДИН – КАЧЕСТВО

Вообще, я давно обратил внимание, к театру у поляков священное отношение. Может быть, поэтому программа нашего визита в Польшу (журналистов Москвы) была насыщена театральной темой.

Такие имена как Крыстиан Люпа, Ян Энглерт, Анджей Вайда, Ежи Гоффман, Николай Грабовский, Ежи Стур делают честь и славу своей стране, хорошо известны в мире театра и кино. Вот мы с ними и общались: то в Варшаве, то в Кракове.

Заместитель директора Института Адама Мицкевича Гжегож Висьневский вполне сносно говорит по-русски. Сквозная тема беседы – предстоящая презентация польской культуры в России и российской в Польше (Висьневский назвал элегантно – «сезонами»). «За последнее время наши культурные контакты во многом обеднели, – заметил он. – И это нас стало серьёзно беспокоить. Столь интересная и богатая литература, как русская, по тиражу изданий, выходящих в Польше, занимает 7 – 8 места, что, конечно, не соответствует её мировой позиции. Вот Программа и вселяет надежду: намечены выпуски сборника новой русской прозы Словаря русской музыки и русского кино.

Важным событием должна стать майская книжная ярмарка в Варшаве. Задействованы ведомства по печати польские и российские. На мой вопрос, каков критерий отбора наших писателей, представляющих различные спектры современного литературного процесса, Висьневский апеллировал к Министерству печати РФ. Однако, как мы знаем по опыту международных книжных ярмарок, для этого ведомства предпочтителен «джентльменский набор»: Акунин, Пелевин, Сорокин, Толстая… Неудивительно, что у польской интеллигенции сложилось однобокое представление о нашей литературе. А напрасно.

Стержневым событием года, по мнению Висьневского, станет открытие художественной выставки «Варшава – Москва. XX век». Сначала пройдет в Польше, затем в России. Для Польши такие имена как Казимир Малевич (кстати, польского происхождения), Альфред Шнитке, Александр Сокуров – не пустой звук. Русских мастеров знают и любят.

Словам Висьневского вторит министр культуры Польского правительства Вальдемар Домбровский. Он заметил не без пафоса, что выставка «Варшава – Москва» будет построена так, что от неё своеобразными кругами должны расходиться другие виды искусства Польши: кино, музыка, театр. Всё это нам в России предстоит увидеть и услышать, и не только в столичных городах, но и в Омске, Нижнем Новгороде и других. Когда-то в Союз частенько наведывались народные хоры и ансамбли, тот же искромётный «Шлёнск»… Напомнил министру и, чувствую, озадачил его: «А ведь и правда – стоит подумать включить в Программу фольклорные коллективы». Домбровский – до мозга костей человек культуры, за ним огромный опыт приложения своего таланта и энергии в различных областях искусства. Он создатель лучшей в Польше картинной галереи, руководил одним из лучших в Европе драматическим театром в Варшаве, создатель симфонического оркестра. Мы невольно задали вопрос: «Что для вас приоритетно?». Ответ был достойный: «Качество!». Между прочим, министр долгое время занимал пост директора Варшавского Большого театра. В роскоши и гостеприимстве его мы смогли убедиться, побывав на феерическом концерте хоровых коллективов Польши, стран прибалтийских и России.

О ЧЁМ ГОВОРИТ АСТРОВ?

В некотором роде уникальность зрелищного заведения продемонстрировал нам художественный руководитель Национального театра Ян Энглерт. Всё настолько подчинено удобству для актёров и зрителей в его театре (суперсовременные сценические и закулисные навороты, прекрасная акустика и визуальность с любого места в зале), что невольно приходишь к сентенции: значит, и соответственно хорошим должен быть творческий коллектив. Это действительно так. Равно как и сам режиссёр, который поставил 26 спектаклей и производит неизгладимое впечатление на публику как актёр, сыгравший Гамлета, Ричарда Ш, Дон Кихота, короля Лира и лелеет мечту поставить у себя «Вишнёвый сад», «Чайку», «Лес». «Сейчас Чехова нам всем трудно играть и ставить, – признаётся Энглерт. – Современные режиссёры, актёры спрашивают: «О чём говорит Астров? Это же очень скучно!». А говорит-то он о любви!» И далее: «На сцене модно показывать голые ноги, много натурализма. Всё открыто и экстремально. Среди интеллигенции есть понятия «стыдно» и «бесстыдно». Моему поколению и старше было стыдно. Мы не открывались до конца. А сейчас мы открываемся. Это тоже обман! В конфликте с молодым поколением не только известные польские актёры, но и писатели, журналисты. Они спорят с дедами – не с родителями. Это ненормально. Нет критериев во вкусах, этики, эстетики. Ничего этого нет! Что ужасное, что прекрасное, а что грязное, что чистое. В Польшу очень быстро пришло поколение молодой критики, у которой никакого уважения к прошлому, что было раньше. По принципу: всё что старое – плохое, всё, что молодое, новое – всё хорошее. Они бескомпромиссно бьют мастеров…»

Так говорил поляк, с элегантными манерами, с грустным блеском голубых глаз, а я думал: Господи, как это всем нам знакомо и близко! И не удивительно, что у многих режиссёров Польши неотступна тяга к русской классике, в которой много загадок и прозрений, страданий и поэтичной радости. И всё-таки, несмотря на смену поколений, на ментальном уровне реалии прошлых лет зрителями воспринимаемы и актуальны. Может быть, по той же причине актёру и режиссёру Варшавского Драматического театра Крыстиану Люпе так близок Булгаков – до неистовости, граничащей с мистицизмом.

КАК В КИНО

Кто не знает фильмы Ежи Гоффмана «Огнём и мечом», «Потоп»? Знаем и видели. И вот новый фильм, и, конечно же, исторический: «Древнее предание, или когда Солнце было Богом». Мы только что просмотрели его в студии «Зодиак», а потом перешли в офис кинорежиссёра. Ежи Гоффман по облику своему, простите за невольное определение, сочный, что ли: и голос чуть с хрипотцой, и руки, парящие в поисках сигареты, и порывистость плотной фигуры, и взгляд пронзительных глаз-маслин, заманивающих в сочный мир их обладателя. Мы любуемся им и слушаем.

– У человека есть такие качества, которые не зависят от политики или социального строя, они присущи были на заре человечества: борьба за власть, любовь… Почему бы не показать наш славянский мир через мифы и легенды? Вместе с нашим известным писателем Юзефом Хеном мы сделали фильм по мотивам романа Юзефа Крашевского «Древнее сказание». Действие фильма происходит в Польше в IX веке, за сто лет до принятия христианства. Тема любви – одна из главных в картине, полной слёз, ревности, битв, подвигов, поражений и побед. Она – исключение в современном польском кинематографе и очень славянская. Сейчас у молодого поколения появилась тяга к волшебным историям из детства. Люди ищут спасение от больших городов, от «индустриальности». И мы решили показать наш славянский миф, славянскую фантазию… Я не работаю умом, я работаю сердцем. Я внёс в фильм свою энергию и на экране и думаю, это видно. Это действительно мой лучший фильм.

Самооценка Гоффмана достойна уважения, а главное, внимания. Поэтому я бы не хотел после просмотра сгоряча оценивать фильм. В скором времени российский зритель сможет лицезреть его. Вот тогда и поговорим… Одно лишь могу сказать: картина действительно сделана сердцем.

Анджей Вайда – фигура в мировом кинематографе пассионарная. Разумеется, мастер специально не подстраивает своё киношное дело к «Сезонам» в России. Но свои размышления, высказанные в Мастерской школы кинорежиссуры, так или иначе укладывал в нашу общую тему.

– За последние 10 – 12 лет мы видели очень мало российских фильмов, даже те, которые были на различных фестивалях и замечены. Я убеждён, что интерес к российскому кино, несомненно, был бы пристальней, – Вайда окинул нас орлиным взором, взмахнул кистью сухой руки. – Что мы можем показать российскому зрителю? Два вида кино – монументальное и зрелищное. Это фильмы Ежи Гоффмана, мои – «Пан Тадеуш» или «Месть», работы молодых талантливых режиссёров, которые в последнее время сделали свыше 10 фильмов. Предвижу несомненный интерес к ним. В конце апреля – в начале мая мы открываем международный курс. Я бы хотел, чтобы на этих курсах были два российских студента. В январе, когда поеду в Москву, может быть, мне удастся достать на них деньги. В Москве буду работать в театре «Современник». Проект, о котором мы давно говорили с Галиной Волчек, посвящён Достоевскому. Мы выбрали «Бесов». Над Достоевским я работал со многими актёрами в мире: это были немцы, французы, наконец, японцы. А теперь настал черёд воплотить проект по Достоевскому с российскими актёрами.

НИКАКОГО ЗАНАВЕСА!

Как бы там ни было, последние годы по части культурного взаимообмена, благодаря стараниям министерств культуры и МИДа обоих государств, наметились положительные сдвиги. Это заметно и в делах музейных. Заместитель директора Королевского замка Данута Уневич-Копер с нескрываемым волнением поделилась с журналистами «тайнами» замка, но вполне реалистичными и не менее значительными. Ведь история Польши настолько богата и драматична, что породила немало сокровищ культурного наследия мирового класса, которыми по праву гордится нация. Существуют ли проблемы? Конечно. Они в первую очередь относятся к теме реституции, к выставочному обмену между маститыми музеями западных стран и России. И всё же контакты с каждым годом крепнут, например, с Историческим музеем Кремля, Русским музеем и Эрмитажем. Участие обоих государств в «Сезонах», несомненно, внесёт новые краски в научные, духовные и эстетические связи.

Сергей ЛУКОНИН,
спецкор «ЛГ», ВАРШАВА – КРАКОВ

МГУ – 250

Обращение Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

25 января 2005 года исполнится 250 лет со дня основания Московского университета. С его именем связано множество знаменательных страниц в истории России, он стал символом служения науке и образованию. Московский университет окончили сотни тысяч специалистов высшей квалификации. Среди них учёные с мировым именем, нобелевские лауреаты, выдающиеся писатели и артисты, предприниматели, политики, общественные и религиозные деятели. Выпускники университета живут и трудятся в самых разных уголках России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписан Указ «О праздновании 250-летия основания Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова».

Во исполнение этого указа распоряжениями правительства РФ образован юбилейный Оргкомитет во главе с Председателем Правительства РФ, утверждена программа подготовки к этой знаменательной дате, определены мероприятия по дальнейшему развитию Московского университета как крупнейшего российского и международного центра образования, науки и культуры, сохранению его как особо ценного объекта культурного наследия народов Российской Федерации.

Большую помощь, включая финансовую, в реализации юбилейных проектов Московскому университету оказывают Правительство РФ и Правительство Москвы.

Вместе с там ряд важных юбилейных проектов и мероприятий, носящих гуманитарный, научно-издательский и реставрационно-восстановительный характер, нуждается в дополнительном финансировании.

Мы будем искренне признательны всем читателям «ЛГ», кто в порядке благотворительности, пожертвований или спонсорской помощи поддержит юбилейную программу Московского университета.

Виктор САДОВНИЧИЙ,
академик, ректор Московского университета

Реквизиты счёта МГУ для перечисления благотворительных взносов, добровольных пожертвований от организаций и физических лиц:
ИНН 7725074789 УФК МФ РФ по г. Москве (ИНН 7729082090 МГУ им. М.В. Ломоносова л/с 06386003860)
Т/с получателя средств: 40603810500001000079
Банк получателя средств: БИК 044583001
Отделение I Московского ГТУ Банка России г. Москва 705
Назначение платежа: (5030120) Разр. № 300042 от 21.06.2001 Разд. 1 п. 8
Для юбилейных проектов МГУ им. М.В. Ломоносова
Намерения об оказании спонсорской помощи просим направлять по адресу электронной почты: mbile1250@rector.msu.ru
С юбилейными проектами можно ознакомиться на сайте: www.msu2005.ru/

■ ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ» ■

Распогудилось!

35-летие серебряного голоса России совпало с 25-летием его певческой деятельности. Солиста Детского хора Ленинградского радио и телевидения Олега Погудина питерская публика знала уже на рубеже 70 – 80-х. Насколько можно судить из Москвы, юбилей его прошёл строго, сдержанно, без погремушек и фестончиков, как подобает зрелой творческой личности. Что до резонанса выступлений Олега Погудина в стране и за рубежом, он, напротив, остаётся стабильным и громким. Вот и один из крупнейших в столице концертных залов «Россия» организует 28 и 30 января выступления певца с двумя разными программами. В последний приезд Олега Погудина в Москву «ЛГ» удалось буквально на бегу пересечься и задать ему пару вопросов.

Валерий БОСЕНКО

– Олег, как живётся вам – здоровятся – можется? Поётся как?..

– Спасибо, хорошо. Грех жаловаться.

– «Были святки кострами согреты…» И нынешние крещенские морозы сродни ахматовским. А вам в Питере и Москве не холодно?

– Морозам в эту пору быть полагается. Как же иначе-то? Зато сердечно и тепло в залах – и в питерских, и в московских. Это согревает.

– На сцене вашего родного БДТ, где начинался ваш творческий путь, месяц назад достойно отметили юбилей Олега Погудина. А что Москва?

– Строго говоря, для творческой жизни важность этого события довольно-таки условна. Всякого рода юбилеи к творчеству прямого отношения не имеют, но любовь зрителей и друзей – всегда счастье. Что касается Москвы, то в стороне она не осталась. Помимо нынешних концертов в ГЦКЗ «Россия», книга «Портрет Олега Погудина» выходит именно здесь. И это мне дорого…

Микроинтервью взял **Валерий БОСЕНКО**

«ЛГ», которая публикует материалы об Олеге Погудине с самого начала его выступлений в столице, присоединяется к многочисленным поздравлениям молодому юбиляру и искренне желает ему творческих успехов и здоровья, удач и дальнейших свершений.

Обращаемся к вашему милосердию

15 января 2003 г. произошёл трагический случай в Троицкой церкви г. Бугуруслана. От сварочных работ загорелся храм. Несмотря на все приложенные усилия, спасти храм не удалось. Он сгорел до основания вместе с иконами и церковной утварью.

Обращаемся к вашему милосердию: помогите восстановить храм во имя Святой Троицы.

Просим вас выступить в качестве наших спонсоров, оказать безвозмездную финансовую помощь и принять активное участие в деле созидания храма.

Со слезами благодарят вас за ваше благое деяние все прихожане Свято-Троицкой церкви, клир и причет Церковный.

С уважением к вам

настоятель прихода протоиерей **Владимир УСЫНИН**

1. Счёт в г. Москве

ЗАО к/б ГУТА-БАНК – г. Москвы
корр. счёт 30101810100000000716
БИК 044525716 ИНН 7710353606
Банковский счёт 42301810016000006950
Владимиру Анатольевичу Усынину

2. Счёт в г. Бугуруслане

ИНН 5602003706
р/сч. 40703810200002000047
в ОАО Комбанка «Спутник» г. Бугуруслана
корр. счёт 30101810300000000806
БИК 045318806
г. Буруслан 461635
Приход Святой Троицы ул. Промысловая, 20
т. (8-35352) 2-62-35, 3-61-71
КПП 560201001

Торговый Дом ХОЛДИНГ-ЦЕНТР

Сообщение о подведении итогов осуществления акционерами преимущественного права приобретения ценных бумаг

Полное и сокращённое фирменные наименования эмитента:

полное фирменное наименование эмитента: открытое акционерное общество «Торговый Дом «Холдинг-Центр»;

сокращённое фирменное наименование эмитента: ОАО «ТД «Холдинг-Центр».

Место нахождения эмитента: 117593, г. Москва, ул. Рокотова, д. 10, корп. 2.

Адрес страницы (страниц) в сети Интернет, которая используется эмитентом для опубликования сообщений, содержащих информацию, подлежащую раскрытию на этапах эмиссии ценных бумаг: www.hcdom.ru.

Название периодического печатного издания (изданий), которое используется эмитентом для опубликования сообщений, содержащих информацию, подлежащую раскрытию на этапах эмиссии ценных бумаг: газета «Литературная газета», «Приложение к Вестнику ФКЦБ России».

Дата государственной регистрации выпуска ценных бумаг: 04 ноября 2003 года.

Государственный регистрационный номер: 1-01-01621-А-005D.

Орган, осуществивший государственную регистрацию выпуска: ФКЦБ России.

Категория (тип), форма выпуска: акции обыкновенные именные бездокументарные.

Способ размещения: открытая подписка.

Количество ценных бумаг выпуска: 1 000 000 (Один миллион) штук.

Номинальная стоимость одной ценной бумаги выпуска: 10 (Десять) рублей.

Цена (цены) размещения одной ценной бумаги выпуска:

цена размещения одной обыкновенной именной бездокументарной акции выпуска – 40 (Сорок) долларов США или сумма, эквивалентная 40 (Сорока) долларам США, в российских рублях по курсу Центрального банка Российской Федерации на дату оплаты;

цена размещения одной обыкновенной бездокументарной акции акционерам, имеющим преимущественное право их приобретения, – 40 (Сорок) долларов США или сумма, эквивалентная 40 (Сорока) долларам США, в российских рублях по курсу Центрального банка Российской Федерации на дату оплаты.

Дата начала осуществления акционерами преимущественного права приобретения ценных бумаг выпуска: 04 декабря 2003 года.

Дата окончания осуществления акционерами преимущественного права приобретения ценных бумаг выпуска: 18 января 2004 года.

Количество заявлений, поступивших от акционеров, имеющих преимущественное право приобретения акций настоящего выпуска: 0 (Ноль) штук.

Количество ценных бумаг, размещённых в результате осуществления акционерами преимущественного права их приобретения: 0 (Ноль) штук.

Количество ценных бумаг, оставшихся к размещению после осуществления акционерами преимущественного права: 1 000 000 (Один миллион) штук.

Дата подведения итогов осуществления акционерами преимущественного права: 19 января 2004 года.

Исполнительный директор

Р.Н. МАЙОРОВА

Докурассказ

Мой друг Джеймс Бонд

Берта Тодда я знал, наверно, с четверть века – ну чуть меньше, но узнал его только после его смерти. Точнее, стал узнавать, когда он лежал в коме в Норт Шор в госпитале в Куинсе, в пяти минутах от моего дома: я ходил туда к Лене Довлатовой, которая упала с подоконника и сломала колено, и не подозревал, что этажом ниже умирает мой давний приятель. За неделю до этого мне позвонила Лиля, его последняя де-юре жена (дефакто уже бывшая), и сказала, что Берт исчез, дома его, по-видимому, нет, до него не дозвониться. Я сказал: ломать дверь.

У Берта была лимфома, его бомбардировали химио- и радиотерапией, просверлили в черепе дырку и через неё всаживали лекарство в спинной мозг. Он уже не чувствовал ног и рук, но вёл себя мужественно, рулил свой «Форд Таурус», мотаясь между Нью-Джерси, куда собирался переехать к сыну от предпредыдущего брака, и старой квартирой в Куинсе, рядом с колледжем, и говорил, что победит рак. Был ли он в самом деле оптимистом или хотел им казаться – не знаю. Он был скрытен, но черта эта оказалась не личной, а ведомственной, о чём я тоже узнал после его смерти. Я ему позвонил на следующее утро после его исчезновения – он снял трубку и сказал, что чувствует себя лучше. Я решил, что с ним всё ОК, и замучил его вопросами: неделю назад он подарил Лене Клепиковой компьютер, у неё не всё там ладилось. Это был его последний разговор: ночью дверь взломали, он лежал на полу, а когда сын и жена переложили его на кровать, раздался мой звонок. Слава богу, сын не понимал ни слова по-русски, но откуда мне было знать? Тем более не первый раз мы поднимали тревогу, а он, выяснялось, заночевал у какой-нибудь девки – ходок был ещё тот. В тот же день его перевезли в Норт Шор госпиталь, куда я ходил к Лене Довлатовой, а потом стал ходить к обоим – даже странно, что мы разминулись с Евтушенко, а встретились только на панихиде. Берт уже не откликался, никого не узнавал, был овощ, а не человек. Хотя кто знает...

Пару раз он пытался вырвать капельницу – пришлось надеть на него наручники и приковать к кровати. Оброс бородой, ну чистый викинг! Если бы не все эти трубочки, я решил бы, что он просто заснул, как засыпал иногда у нас, пока загружал компьютер, – был безотказен, а я, стыдно сказать, типичный user. Но как раз тогда, чисто выбритый, с отвисшей челюстью, он казался мертвецом, но я сам напоминаю себе мертвеца, когда просыпаюсь, лёжа на спине, с полуоткрытым ртом. Врач сказал Лиле, что надежды никакой, но в таком веджетебельном состоянии он может протянуть недели, месяцы и годы, чем напугал соломенную вдову и нью-джерсийского сына, которые прямо у смертного одра Берта начали борьбу за его пенсионный фонд, а тот перевалил, по слухам, за миллион: Берт был скуп, что объяснялось его шотландскими корнями и мормонским воспитанием. Совсем как у Толстого, когда умирает старший Безухов. Я был, понятно, на стороне Лили и Анны Беллы, их с Бертом четырнадцатилетней дочки: они полностью от него – а теперь от его наследства – зависели и больше походили на сестёр, чем на мать и дочь.

На панихиде я увидел всех жён Берта – последняя, понятно, не была знакома с первой: мормонкой, старше Берта, относилась к нему, как к сыну, а вот пережила и прибыла из их родной Юты в Нью-Йорк со своим новым мужем как на торжество жизни над смертью. Такие панихиды натуральным образом переходят в «пати», где встречаются люди, вовсе не знакомые либо давно не видевшие друг друга. Как я – Евтушенко, хоть он мой сосед по Куинсу, но связывал нас только Берт, друживший с обоими. А Женя был в обиде на меня за Евтуха, как я его обозначил в «Романе с эпиграфами»: в главе «Три поэта» – о поэтическом турнире Бродского, Евтушенко и Кушнера в моей питерской квартире. Так называл его Бродский ещё до их разрыва. Он всех коверкал: Барыш, Шемяка, Лимон, Маяк, Борух. Я не поддерживал с Женей отношений после отвала и не откликался на неоднократные, ещё до публикации «Романа с эпиграфами», попытки Берта нас заново подружить – даже в тот раз, когда Женя в очередную гастроль в США не собрал зал (опять-таки, по его мнению, из-за Бродского) и остро нуждался в утешении, и Берт звонил мне из его номера, но я не пригласил и не приехал –только отчасти из-за своего тогдашнего нелюдимства, но ещё и из инстинкта самосохранения или из мании преследования, которая у меня срабатывала здесь на каждого совка. Тем не менее спустя годы, уже в пору гласности, я передал Жене через Берта, который наладился в Москву, только что вышедший в Нью-Йорке злосчастный «Роман с эпиграфами» – с автографом, содержания которого, само собой, не помню. Потом Берт рассказывал, что Женя прочёл роман за ночь (как раньше Фазиль, а позднее Булат), а наутро:

– Никогда не видел Женю таким разгневанным, – рассказывал Берт, возвратясь.

Маловероятно, что только из-за Евтуха: не в прозвище, а в самом «Романе с эпиграфами» дело. Боюсь, этот рассказ ему тоже придётся не по ноздре, хоть я и держу слово, данное ему на панихиде Берта, и Евтухом больше не называю. Ещё меньше этот рассказ понравился бы Бродскому, но я пишу не для моих героев, живых или мёртвых – без разницы, чтобы им угождать, а для себя самого. По внутренней потребности разобраться в случившемся, в узнанном.

Когда Евтушенко снял квартиру рядом в Куинсе, зашёл как-то Берт и спросил, нет ли у нас затычки для ванной, Женя просит:

– Говорит, если у тебя найдётся, он всё простит.

Увы, не нашлась, и наше с Женей примирение – как оказалось, ненадолго – случилось только на панихиде Берта.

– Если я вам жму руку, значит, прощаю за Евтуха, – сказал Евтушенко и тут же обрушил на меня – со ссылкой на своего тёзку Рейна – новую версию конфликта с Бродским: будто бы Бродскому подкинул чернуху на него Марамзин, а тот действовал по заданию гэбухи, которая завербовала его, пока он сидел в следственном изоляторе Большого дома.

Фотографии предоставлены Владимиром СОЛОВЬЁВЫМ

В «Романе с эпиграфами», а потом в нашей первой с Леной Клепиковой политологической книге «Андропов: тайный ход в Кремль» подробно излагается история, которая поссорила самого известного русского поэта с самым талантливым. Вкратце: будто бы с Евтушенко советовались о Бродском на самом высоком гэбистском уровне, и Евтушенко сказал то, что от него ожидали услышать – да, ему не представляется судьба Бродского в России, но хорошо бы, тому упростили формальности и облегчили отъезд. Эту историю я слышал в смутном изложении от Бродского за два дня до его отъезда из России и спустя полтора месяца от Евтушенко. Берт сводит Евтушенко с Бродским в гостиничном номере, а сам спускается в ресторан, заказывает столик в надежде славы и добра. Выяснив отношения, пииты являются через час, поднимают тост друг за друга, Ося обещает зла на Женю не держать. Все довольны, все смеются – больше других, понятно, домодельный Киссинджер. Недели через две Берт встречает общего знакомого, тот рассказывает, как в какой-то компании Бродский поливал Евтушенко. Берт заверяет приятеля, что это уже в прошлом, теперь всё будет иначе, он их помирил. «Когда?» Сверяют даты – выясняется, что Бродский поливал Женю после их примирения. Наивный Берт потрясен:

– Поэт хороший, а человек – нет.

– Про Евтушенко можно сказать наоборот, – промолчал я (и хорошо сделал, потому что теперь не уверен) ...И то, что он мучит близких,
А нежность дарует стихам,

Помню, уже здесь, в Нью-Йорке, в связи с одной историей упрекнул Бродского в недостатке чисто человеческой отзывчивости, на что он усмехнулся: «Не вы первый мне это говорите». Про Фриду Вигдорову, которая надорвалась, защищая его, и рано умерла, отзывался пренебрежительно: «Умереть, спасая поэта, – достойная смерть» (пересказываю со слов Анатолия Рыбакова). Неоднократно повторял, что недостаток эгоизма есть недостаток таланта.

По ту сторону добра и зла?
Плохой хороший человек?

А не есть ли тот, кто мыслит, в отличие от нас, стихами, некая патология, в том числе в моральном смысле? И чем талантливее поэт, тем ненадёжнее человек? Степень аморализма как показатель гения?

Другой вопрос: Берт мирил Бродского с Евтушенко из общехристианских (как-никак мормон!) или дружеских побуждений? Их с Женей связывала сорокалетняя дружба с первого приезда Жени в Америку, когда Берт, тогда аспирант Гарварда, пообещал безвестному Евтушенко устроить гастрольное турне по всей Америке. Фантастика! Берт, однако, сдержал слово и привёз в Москву контракт на выступления в 28 колледжах. Женя, в свою очередь, познакомил его с Окуджавой, Вознесенским, Ахмадулиной и Аксёновым – этот десант и был сброшен Россией на Америку. Да только всё не так просто, что и выяснилось на Бертовой панихиде, почему, собственно, я и упоминаю все эти детали, которые заиграют после того, как я оглашу то, что узнал.

Важно также упомянуть, что власти поначалу препятствовали американским контактам «великолепной пятёрки» и, в частности, сорвали первую американскую гастроль Евтушенко, подозревая провокацию ЦРУ, что легче всего объяснить манией преследования у КГБ, хотя это была не мания, а реальность, но я опять забегаю вперёд.

Не знаю, как у Евтушенко, но у Берта никого ближе и родней в этом мире не было. Шутя я как-то сравнил их с однояйцевыми близнецами. Стоило Жене мигнуть – и Берт бросал всё и устремлялся к другу. Лиля обижалась, когда он целыми днями пропадал где-то с Женей, оставляя ей одну с Анной Беллой, названной так в честь двух русских поэтесс. (Думаю, что и Лилю, красивую татарку чистых кровей, Берт выбрал в жены из-за разительного сходства с юной Ахмадулиной, первую книгу которой он перевёл на английский.) Да я и сам свидетель: уже в нашу с Леной бытность в Куинс-колледже, когда Евтушенко нагрянул неждданно, Берт, всех подведя, бросил классы и отправился с ним в очередное турне. Это чуть не стоило ему кафедры, которую он возглавлял, – меня тогда удивило, как Берт выкрутился. Теперь-то всё встаёт на свои места. Как и то, что скуповатый по природе Берт, когда расходы на организацию выступления превышали сборы от него, выкладывал Жене гонорар из собственного кармана. Выходит, не из собственного. А Евтушенко об этом знал? Когда он пожаловался Берту, что его шантажирует КГБ, Берт тут же организовал ему охрану из трёх телохранителей, сославшись на помощь сенатора Джравица.

Не из-за этой ли поглощающей дружбы Берт проморгал другого русского поэта – Бродского, хотя именно по инициативе Бродского Тодда того взяли в 73-м на семестр в Куинс-колледж (нас с Леной в 78-м на два семестра, а Евтушенко в 94-м с тенюром)? Отношения у них не сложились, и спустя несколько лет Бродский, помню, морщился при одном упоминании Берта Тодда. Или дело в ревности, которую Бродский, требовавший от друзей абсолютной лояльности, испытывал к Евтушенко, а потому предпочел в друзья и переводчики «незанятого» Барри Рубина? (Вера Данэм, другой профессор Куинс-колледжа, досталась Вознесенскому – такое вот распределение ролей.)

Так или иначе, заштатный Куинс-колледж стал на какое-то время пристанищем и убежищем рашн политикал эмигре. Хоть Евтушенко и не эмигре в буквальном, статусном смысле, да и времена другие, когда Россия, перестав быть супердержавой, ушла из мировых новостей и русские кафедры повсюду, включая Куинс-колледж, позакрывали, но Берту тем не менее удалось протащить сюда Евтушенко почётным профессором: distinguished professor. Из-за чего и разразился скандал с участием Бродского уже на исходе его жизненных сил, ибо, как считал Бродский, Евтушенко взяли на место несправедливо уволенного Барри Рубина. Но скандал всё-таки не такой сильный, на весь город, как несколькими годами раньше, когда в должности заведующего новообразованной кафедрой иудаистики не утвердили Томаса Бёрда, потому что не еврей (бельгиец). Несмотря на знание тем идиша и идишной культуры, но спонсоры-ортодоксы, когда на них накинулись евреи-либералы из «Нью-Йорк таймс» (в таком случае, писали они, зав. античной кафедрой должен быть древний грек или древний римлянин), ссылались именно на идиш: кому нужен идиш, когда зав. иудаистской кафедрой должен знать иврит? Понятно, антисемиты возрадовались этому скандалу как доказательству еврейской, с библейских времён, ксенофобии. Их бы успокоило разве что, если бы шефом иудаистики был назначен антисемит. Как в гестапо. Томас тоже был на панихиде Берта и единственный из выступавших плакал. По Берту? По себе? Та история его здорово подкосила.

На панихиде Берта – точнее, на последовавшей за ней тусовке – мне и вручили два письма – о содержании одного я знал раньше, другое оказалось для меня полным сюрпризом. Меня предупредили, чтобы я читал их не прилюдно, лучше дома, но – нетерпение сердца! – я не вынял и вышел из Klapper Hall на лужайку кампуса. Уже зажглись фонари и звёзды, с куинсовского холма, как на ладони, сиял силуэт Манхэттена (минус голубые башни-близнецы, к «дыре в пейзаже» надо было ещё привыкнуть), стояло бабье, или, как здесь говорят, индейское лето, я был в лёгком подпитии, но письма меня мгновенно отрезвили. Одно – от Бродского президенту куинсовского колледжа: про уволенного Барри Рубина и взятого Женю Евтушенко. Другое – от Берта второй жене, которую он попрекал, что та раскрыла его тайну третьей жене: что он был агентом ЦРУ.

Когда я вернулся в Klapper Hall, там слегка поредело, но Женя всё ещё тусовался с нервным пианистом из «Русского самовара» и парочкой бухарских студенток; несостоявшийся шеф иудаистики Томас Бёрд утирал слёзы, которые начал проливать на трибуне; вдовы Джеймса Бонда сбились в кружок и делились впечатлениями о жизни с ним (предположим я). Последняя, тридцатью тремя годами его младше (Лиля, мой гид по панихиде, всё более походившей на склеп, где плакальщики – они же мертвецы), сообщила, что Берт был сексуально энергичен и, как латентный педофил, предпочитал субтильных женщин, а Лиля как раз из породы «маленькая собачка до смерти щенок». Я стал гадать, а где же здесь представитель той организации, к которой тайно принадлежал наш с Женей mutual friend, и знает ли Евтушенко о том, что был связан дружбой не просто со своим переводчиком и импресарио, но со шпионом и знал ли об этом раньше?

«Было бы нечестно не сказать тебе, что я был ужасно разочарован, что ты сказала Лиле, что я работал на ЦРУ... – пишет Берт в своём письме. – Ты не имела права говорить ей то, что я сказал тебе однажды в минуту близости, взяв с тебя клятву, что ты никому больше не скажешь. Для этого были – и до сих пор – серьёзные причины, и я могу объяснить эту промашку с твоей стороны всё ещё длящейся болью и гневом на меня и вполне понятным резоном, что время прошло и это больше не играет никакой роли». Играет. (Намёк на то, что Берт в это время – письмо написано в 93-м – продолжал сотрудничать с ЦРУ. – **В.С.**).

Всё вдруг предстало в ином, ярком до рези свете: от организованных Бертом американских турне Евтушенко с телохранителями и гонорарами не из собственного всё-таки кармана, когда не было сборов, до самого шестидесятничества как политического – скорее, чем культурного – явления. А я-то подозревал Берта в связях с гэбухой (не на стукачеством, понятно, уровне) и материализовал свои подозрения в герое-рассказчике моего псевдодетектива «Матрёшка», которого списал с него, не догадываясь о его главной служебной и жизненной функции (роман и посвящён Берту). Что, впрочем, не мешает одно другому – мог быть и двойным шпионом. Как по ту сторону евклидова пространства сходятся параллельные линии, так и две эти организации-близнюшки где-то за пределами противостояния супердержав – как, скажем, сейчас, но и тогда, на иной, правда, высоте... бла-бла-бла. Но тогда не есть ли и шестидесятничество побочный продукт этого мистического, за земными пределами сотрудничества ЦРУ с КГБ, а наш с Женей общий друг – гермес, посланник, посредник этих богов всемирного политического Олимпа?

Тысячи вопросов сверлили мой мозг в связи с Бертовым признанием. Я даже позабыл о доносе на Евтушенко, сочинённом Бродским за два с половиной месяца до смерти, а Ося как раз от шестидесятничества всячески открещивался, да и не был шестидесятником ни по возрасту, ни по тенденции, ни по индивидуальности – слишком яркой, чтобы вместиться в прокрустово ложе массовки: одинокий волк. Их – Евтушенко и Бродского – контроверзы были общеизвестны, но одно дело – устные разговоры, другое – такое вот совковое письмецо!

«Трудно представить больший гротеск, – писал Бродский, сравнивая увольняемого из Куинс-колледжа Рубина и взятого туда Евтушенко на Гамлетов манер, как тот отца с отчимом: – Вы готовы вышвырнуть человека, который свыше трёх десятилетий изо всех сил старался внедрить в американцев лучшее понимание русской культуры, а берёте типа, который в течение того же периода систематически брызжет ядом в советской прессе, как, например, «звёзды на твоём флаге – дыры от пуль, Америка». Конечно, времена меняются, и кто прошлое помянет, тому глаз вон. Но «конец истории», мистер Президент, не есть ещё конец этики. Или я не прав? (Стихотвю цитату Евтушенко даю в обратном переводе, потому что недосуг рыскать по его сборникам.)

Хмель у меня как рукой сняло, но теперь я был пьян открывшейся мне интригой и возможностью тут же продлить её во времени, пусть и в том же пространстве Куинс-колледжа. Тем более человек, вручивший мне телегу Бродского на Евтушенко, уже слинял, да и не брал с меня слово хранить вечно. Но тут я вспомнил, как однажды сидели мы с Бертом у него дома и трепались под уютное жужжание факса, пока адская эта машина не гильотинировала полученный документ, и Берт, прочтя, передал мне: отказ другого нобельца, Милоша, от предложенной ему докторской мантии Куинс-колледжа по той причине, что там преподаёт Евтушенко. Хоть он и не хочет вмешиваться в дрязги русских, писал Милош, но принятие почётной степени в этой ситуации было бы оскорблением памяти Бродского.

– Если бы ты знал, сколько Женя натерпелся от Бродского! – сказал Берт. – Женю тотально бойкотируют, отказ за отказом, всеобщий остракизм. Особенно здесь, в Нью-Йорке. Какой-нибудь приём или банкет – приглашают Евтушенко, а потом отменяют приглашение из-за того, что гости отказываются с ним рядом сидеть. Я ему не рассказываю, не хочу огорчать. И этот факс тоже не покажу. Женя очень ранимый.

Ранимый так ранимый, решил я и письмо Жене на поминках Джеймса Бонда не показал, удержался. Но на другой день Женя звонит мне сам, он улетает на месяц в Москву, полчаса трепа после четвертьвековой тишины, две главные темы – сначала я (весёлым был всегда, но появилась лёгкость, с какой я обижаю людей; да, мы такие, как вы рассказываете, но у вас нет сожаления, что мы такие, вы пишете без боли – и тут я вспомнил, как давным-давно, в другой жизни, в Москве, одна женщина сказала, что любопытство выело во мне все остальные чувства), потом Бродский. Тут я не утерпел и, к слову, зачитал доносительный абзац из письма Бродского. Евтушенко был потрясён – привык к окольным связям, никак не ожидал письменного. В голосе у него была растерянность.

– Подарок на Новый год.

– Ну до Нового года ещё надо дожить.

– Как бы достать это письмо?

– Оно передо мной.

– Вы собираетесь его публиковать?

– Факсимильно? Не знаю. Но помину или процитирую в моём романе о человеке, похожем на Бродского, – это уж точно. В главе «Бродский – Евтушенко».

– Вы пишете роман о Бродском?

– О человеке, похожем на Бродского, – ещё раз уточнил я на всякий случай. – Чтобы сделать Бродского похожим на человека.

Перешли на стихи Бродского. Женя сказал, что лучшие написаны в России. Я добавил пару-тройку первых лет в Америке, когда Ося был одинок, неприкаян и писал «стоячим», до карьерного броска к Нобелю. Женя: это даром не проходит. Я: со ссылкой на Лену Клепикову, что Ося окончательно испортил себе здоровье уже здесь, тратя неимоверные усилия на добычу «славы и денег», которые «к жизненному опыту не принадлежат». Классный стишок Бориса Слуцкого! Женя, оказалось, говорил не о теле: перегородок в душе нет. Я без ссылки на Бродского: душа за время жизни приобретает смертные черты. Женя, снова не распознав цитату на этот раз своего вечного антагониста: об этом уже написано – Дориан Грей.

Не помню, кого из нас первым кольнуло, что позабыли покойника.

– Джеймс Бонд высшего класса. Вы знали, что он был лётчиком ВВС, потом служил аналитиком Пентагона? Пока его не перебросили на русскую культуру.

– Творческая командировка ЦРУ, – сказал я.

– ЦРУ? – удивился Женя.

Или сделал вид, что удивился?

Или Берт пользовался эвфемизмом, называя ЦРУ Пентагоном?

Я не стал ссылаться на второе письмо, а просто подтвердил взятую из него информацию, прикусив язык на моей гипотезе о шестидесятничестве как гиганТская провокации ЦРУ (вкупе с КГБ?). Но если ЦРУ организовывало первые турне Евтушенко по Америке, то не по его ли почину, пусть и с подачи Берта, Куинс-колледж дал нам с Леной ни за что ни про что двенадцать кусков сразу по приезде в Америку? После выхода «Романа с эпиграфами» парочка его негативных персонажей, приблатнённых габухой литераторов, распространяет инсинуации, что я тайный агент КГБ, а я в действительности тайный агент ЦРУ, сам того, правда, не ведая? А если я двойной агент? Ну и дела!

А тогда сколаршип от Куинс-колледжа и в самом деле свалился на нас как снег на голову (одновременно с более почётным, но и более скромным грантом от Колумбийского университета, который пришлось отложить на год). Собственно, Куинс-колледж давал только 8 тысяч, а ещё четыре добавлял Фонд Форда, который помогал советским эмигре со степенями (у меня была кандидатская), заманивая антисемитские грехи Генри Форда, как нам объяснила Мери Маклер, руководительница программы. Она же прямо сказала, что в Куинсе нам ничего не светит, и даже не хотела подавать туда наши документы, а толкала в университеты, и, по крайней мере, четыре предложили нам аспирантуру плюс преподавание, мы отказались, о чём Лена с каждым годом жалеет всё больше и больше. Вопрос о куинсовском гранте по ротационной системе решали два человека – зав. политкафедрой Генри Мортон и зав. русскойألберт С. Тодд. В этом году была как раз очередь Берта, и он выбрал нас.

Он был первым американцем – нерусским и неевреем, с которым мы познакомились. Высокий, статный, седовласый, студентки льнули к нему, да и он не остался равнодушным к их девичьим и постдевичьим прелестям. Время от времени на этой почве возникали конфликты – с родителями или с администрацией колледжа. А отсутствие внятных эмоций я счёл чертой его характера: скрытен по натуре. Оказалось, профессиональный, благоприобретённый навык.

Однажды, правда, я застал его плачущим, задолго до болезни, это было связано с семейными обстоятельствами, замнём для ясности. Утешая Берта, я вспомнил название фильма с Полем Ньюменом «WASP's тоже плачут», хотя Берт только White, не чистокровный Anglo-Saxon (шотландская примесь) и не Protestant, а мормон.

Бертово жмотство не мешало ему быть щедрым. Помимо непыльного гранта, он нас вводил в американскую жизнь, знакомил с нью-йоркскими окрестностями – с ним мы впервые побывали на Лонг-Айленде (мы выехали часов в семь, чтобы поспеть на стоянку бесплатно). С тех пор Лонг-Айленд – наша с Леной еженедельная дача.

Когда наш грант кончился, отношения продолжались – Берт был главным советчиком, когда наш сын поступал в колледж (Джорджтаун был выбран с его подачи), когда мы покупали наш первый кар («Тойота Камри»), ввёл меня в компьютерный, а потом интернетный мир, покупал для меня компьютеры, загружал их программами и, как что, оказывал техпомощь. За несколько месяцев до смерти подарил Лене шикарный компьютер (взамен её устарелого) со всеми причиндалами – монитором, сканером, принтером и коробкой дисков и дискет. Щедрый дар. Как и в отношениях с Серёжей Довлатовым, я остался в долгу у Берта. Один раз, правда, я повёз его на «Тойоте Камри» пересдавать водительский экзамен – водитель Берт был лихой, и время от времени у него отбирали права. Не имея права сесть за руль машины, он рулил самолёт и на мой вопрос, что легче, ответил мгновенно:

– Конечно, самолёт. Ни пробок, ни светофоров, возможность столкновения минимальная.

Ещё я был постоянным консультантом Берта по переводам – особенно намучились мы со сленговым и, по сути, непереводимым Высоцким. Вместе с группой энтузиастов (режиссёр-израильтянин, американские актёры, художник Миша Шемякин) Берт готовил спектакль о Высоцком. Мне эта затея казалась обреченной – с точки зрения, я оказался прав. А переводчик русских стихов Берт был отменный, чему помогало не только блестящее знание обоих языков, но собственные Бертовы юношеские (и позже) упражнения в поэзии. На вечере в манхэттеновском ресторане «Дядя Ваня» он читал в том числе свои стихи. Переводить прозу Берт терпеть не мог.

Однажды я спросил его, кто знает лучше: он – русский или Евтушенко–английский? Берт удивлённо вскинул брови. Я понял, что сморозил глупость.

На мой вопрос, почему Куинс-колледж из многих претендентов выбрал именно нас с Леной, Берт сослался на нашу статью об академике Сахарове в «Нью-Йорк таймс», за которую мы подверглись остракизму со стороны эмигрантских изданий:

– Неортодоксальное мышление. Мы были поражены.

Тогда я решил, что под «мы» он имеет в виду коллег по Куинс-колледжу.

Я сказал, что эта статья принесла нам символический гонорар – $150 и кучу неприятностей.

– Ничего себе символический! – сказал Берт и, быстро сосчитав в уме, назвал сумму: – 12 150 долларов. За 750 слов!

Для чего мы были нужны ЦРУ? Чтобы держать нас под колпаком? Или как свежаки – источник новой информации о России? Наше спринтерское диссидентство заключалось в образовании независимого информационного агентства «Соловьёв-Клепикова-пресс», чьи сообщения довольно широко печатались в американской и европейской прессе. Одна только «Нью-Йорк таймс» посвятила нашему пресс-агентству три статьи, одну с портретом основателей на первой странице. Мы были «старс», но скоро падучие, кратковременные, с мгновенной магниевой вспышкой известности, потому что одно – вести репортаж из тюрьмы, а другое – комментировать её нравы извне, как мы стали делать в наших более-менее регулярных статьях в американской периодике, сменив одну державу на другую. Что ещё хотело выжать из нас ЦРУ, дав нам куинсовский грант? Почему не вступило в прямой контакт? Или всё-таки временный приют в Куинс-колледже был нам предоставлен объективным решением ученого совета, пусть и с подачи Джеймса Бонда, а для него это было личным решением – из интереса и симпатии к нам? Последний вариант меня бы больше устроил, но скорее всего решение было принято по совокупности.

Помимо лекций на славик и политикан факультетах, мы вели с Бертом подробные беседы о цензуре и КГБ, он записывал их на магнитофон. Свой интерес объяснял тем, что собирается писать на эту тему исследование, которое так и не написал. Во всяком случае, научное. Вот чем он нас поражал (да и не только нас, в славистском мире к Берту относились пренебрежительно) – полным отсутствием у него научных работ. Теперь понятно почему.

Другой профессор-славист, Джон Глэд, лет на десять, наверно, младше Тодда, узнав от меня всю эту историю, не только подтвердил её, но и дополнил как бы с другой стороны. Берт, оказывается, помимо того, что принимал русский диссидентский десант в Америке, участвовал также в высадке американского студенческого десанта в Россию. Джон Глэд как раз и был одним из сотен студентов, которые получали от Берта Тодда необходимые инструкции перед поездкой в СССР, и власные полномочия у него, по словам Глэда, были весьма широкие. Такой случай, к примеру: Джон Глэд ухитрился потерять свой американский паспорт за несколько часов до отлёта – Берт Тодд тут же выдал ему новый. Ещё больше поразило Джона Глэда, какие огромные денежные средства были в распоряжении Тодда.

Соответственно с его официальными заслугами как слависта и переводчика Берту Тодду был посвящен скромный, в 200 слов, без портрета, некролог в «Нью-Йорк таймс» – сразу же под большим некрологом чудака, который прославился на всю страну тем, что забивал молотком себе гвозди в нос.

Что слава? Яркая заплата
На ветхом рубище певца.

В этом моём рассказе два письма и, соответственно, два сюжета. Они смыкаются на Берте Тодде, который был агентом ЦРУ и другом Евтушенко. И теперь ещё загадочнее выглядит интрига с получением Женей синекуры от Куинс-колледжа, когда из него по сокращению штатов выгнали Барри Рубина. Само собой, Бродский винтился в эту интригу по обеим причинам – объективной и субъективной: чтобы защитить старого друга и чтобы в очередной раз шарахнуть по старому врагу. Благо есть повод. Да ещё какой!

Помимо застарелой обиды, Бродский терпеть не мог конкурентов. Однажды я спросил его, кто конкурент! «В поэзии – никакой, но в знаковой системе эпохи у Евтушенко место значительно большее, чем в русской поэзии. Не говоря уже об американском, а тем более нью-йоркском культурном истеблишменте: два русских поэта – не слишком много? Два поэта-культуртрегера, два полпреда русской культуры на один космополитичный Нью-Йорк – как поделить между ними здешнюю аудиторию?

Думаю, для Бродского было мучительно узнать, что Евтушенко перебирается в Нью-Йорк для постоянной работы в Куинс-колледже. А с концом вражды между Америкой и Россией у Жени даже появлялось некое преимущество: он был послом новой России, тогда как Бродский – бывшей. Что Бродский не учёл – в Америке подобные доносы имеют обратное действие. Но и в любом случае на контринтригу (если была начальная интрига) у Бродского уже не было времени. Через два с половиной месяца Евтушенко стоял у гроба Бродского, не подозревая о телеге, которую покойник послал президенту Куинс-колледжа. А если бы знал? Всё равно пришёл – из чувства долга. Как поэт к поэту. Как общественный деятель на общественное мероприятие.

Представляю себе настроение Бродского, если бы он мог глянуть из гроба на заклятого врага. Да и не на него одного! Как всё-таки мертвецы беспомощны и беззащитны

– Того же Берта взять. Только что он присутствовал на параде своих жён (плюс любовниц), в который превратились его поминки, и подглядел нас с Евтушенко, которых он тщетно пытался помирить, пожимающих друг другу руку? Или меня на кампусе, читающего его письмо о том, что он был агентом ЦРУ? Или заглянув бы сейчас в мой компьютер, который он же мне и установил, а потом добавлял память и загружал программы, и прочёл рассказ, в котором мне осталось самое большее два-три абзаца?

Да ещё кой-какие вопросы.

Догадывался ли Евтушенко сотоварищи о роли, что предназначалась им в «куинсовском» проекте ЦРУ? Понимал ли Берт сверхзадачу порученной ему культурной миссии? А как в самом ЦРУ – сознавали в его мозговом центре, что провмериканский литературный диссент подтачивал сами основы советского государства, оправдывая худшие подозрения КГБ? В конце концов, «империя зла» рухнула, но, как мы видим, не в одночасье. Мой друг Джеймс Бонд выполнял патриотический долг и вместе со своими подопечными москвоскими литераторами также приложил к тому руку.

Святое дело?
Зависит от того,
как посмотреть.

Владимир СОЛОВЬЁВ,
НЬЮ-ЙОРК

Глава из докурассказа «Post Mortem»

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

ПАРАД ПАРОДИИ

Анатолий ЛЕНЕР

Евгений НЕФЁДОВ

Что к чему

К чему нам говорить
о том,
что нет,
О том, что с нами
никогда не будет?
Елена
МУССАЛИТИНА

О том, что нет,
к чему и речи весть?
Поговорим как грамотные
люди
О том, кого у нас сегодня есть
И за чего ничто для нас
не будет.

Поэтам – что каноны?
Помешь где ж
В лирической порыве и дерзанье
За то, что нет
винительный падеж –
Родительного есть
при отрицаньи!

Короче, обо что тут
говорить,
Тут надо знай: стихов
не состоится,
Коль, сев творить,
не станешь повторить
Сказал в застолье: – Ай да
Вася!
Добавя: – Ай да сукин сын!

Заштормило...

Я видел памятник. С тех
пор я
Штурвал свой с думою
мужской
Тихонько глажу перед
штормом.
Тайком. Шершавою рукой.
Виктор ПАХОМОВ

В далёком плаванье немало
У нас случается всего...
Порой потянешься к
штурвалу
И гладишь бережно его.

Пока никто не замечает,
Ликует сердце моряка,
Штурвал дрожит, волна
качает,
Рука шершавая крепка.

А он, соскучившись по
шторму,
Сказал в застолье: – Ай да
Вася!
Добавя: – Ай да сукин сын!

Каков вопрос – таков ответ

Во мне, в раздумии застольном,
Вопрос о Пушкине возник:
Раз у него потомков столько,
То, может, я – один из них?
Василий РОГАЧЁВ

Мой дядя с батей – Рогачёвы,
Что есть удача из удач:
Ведь если вникнуть
в это слово,
Лишь с ними муза будет
не забыть
Отнюдь не то,
что не было иль нету, –
А то, чего при этом надо
быть
И безо что не может
стать поэта!

Фамильный корень мой –
рогач.
Но рогачу всегда подружка –
Рогатка; а она, друзья,
Стреляет так же, как
и пушка.
Выходит, тоже Пушкин я!

Эх, был бы жив сегодня
классик –
Меня б он обнял, а засим
Прощай, небритая Россия,
Довольно мне твоих забот!
Не понимаю, как осилил
Я сразу столько несвобод?..

Среди совковой лжи-заразы
Я так страдал – не передать...
Едва родился, понял сразу:
Тут век свободы не видать!

Уже в роддоме спеленали,
Потом швырнули в ясель ад,
А после палками загнали,
Кормя насильно, в детский
сад...

И вместо жизни развесёлой,
Листая дальше список бед,
Я ни за что однажды в школу
Посажен был на десять лет!

Потом под дулом автоматным
Определили в институт,
Чтоб издевательски
бесплатно
Образованье дать и тут.

Уже стихи писал я тихо...
Узнали! Дальше был кошмар:
Забрали их, собрали в книгу –
И заплатили гонорар.

А сколько позже было горя!..
Руководящее жулё
То вдруг сошлёт на отдых
к морю,
То выдаст ордер на жильё.

И дальше всё в таком же стиле...
Но вот пришла пора свобод!
Меня – ура!!! – освободили
От всех немыслимых забот.

От этой всей муры ненужной:
От мирной жизни за окном,
От надоевшей старой дружбы
И от работы заодно.

И от зарплаты этой пошлой,
И наконец – поймите вы –
От всякой памяти о прошлом!
...Да и от совести, увы.

А, кстати! Администрация «Клуба ДС» решительно поздравляет Евгения Нефёдова с выходом новой книги «Говорилшада» (М., изд-во ИТРК, 2003 г., тираж 1500 экз.). Книжка состоит из циклов пародий «С штуры», «Трясучка» и «Музачество». Нас в этом фолиантике устраивает всё, кроме тиража – маловато будет для такого весёлого издания! Посему желаем автору продолжать много и хорошо. А читателям представляем подборку его новых пародий.

Александр ПАШКОВ

Алексей ПЬЯНОВ

КТО БОЛЬШЕ?

Поэт в России – больше,
чем поэт.
Евг. ЕВТУШЕНКО

Поэт в России меньше, чем
поэт.
Римма КАЗАКОВА

Кто нынче он –
Умов властитель, раб ли
С набитым чечевицей
животом?..
Россия любит
Наступать на грабли,
Но я об этом
Как-нибудь потом.

Сейчас о том,
Чем славилась Россия,
Высокий дух Отечества
храня.
Поэт в России
Был пророк, мессия,
Хранитель негасимого огня.

Поэзия
Жлобов вела к барьеру,
Командовала армиям:
«В ружьё!».
Тогда поэты делали карьеру
Тем, что они не делали её.*

Сейчас поэт
Заброшен и недужен,
Ни власти, ни политике
Не нужен.
А книг его былые тиражи
Не больше,
Чем в Сахаре миражи.
Он высшей силой
Больше не храним.
И девочки
Не бегают за ним.

И у меня, увы,
Сомнений нет:
В какой бы
Ни являлся он одежде,
Поэт в России –
Меньше, чем поэт...
А Поэтессы –
Больше, как и прежде!

**Спасибо,*
Женя! (Авт.)

Александр ПАШКОВ

ХРОНИКИ

Ау, молодые таланты!

В Центральном Доме работников искусств (ЦДРИ) под эгидой Правительства Москвы и при горячей информационной поддержке ряда изданий, в том числе «Клуба ДС» «Литературной газеты», готовится молодёжный фестиваль-конкурс им. Бориса Брунова. Жюри под руководством писателя Аркадия Арканова определит лучших в номинациях «Эстрадно-цирковой жанр», «Эстрадный танец» и «Речевой жанр». Последнее будет особенно интересно молодым (от 14 до 30 лет) авторам «Клуба ДС», которые пробуют свои силы в жанре монолога, фельетона и пишут сценарии эстрадных спектаклей. Все подробности – в Оргкомитете по тел. /095/ 923-50-47. Удачи!

ЛАВКА БУКИНИСТА

О. Л. Д' Ор – под этим псевдонимом печатался Иосиф Львович Оршер. Он родился в 1878 г. на Полтавщине. Печатался в петербургских газетах и журналах, но известность ему принесли рассказы, фельетоны и пародии, опубликованные в «Сатириконе», «Новом Сатириконе» и в книгах «Рыбьи пляски», «О сереньких людях», «Смех среди руин», «Муза с барабаном» и др. В 1918 г. редактировал один из первых советских сатирических журналов – «Гильотина». В 20-х годах печатался в журналах «Красный ворон», «Красный перец», «Бегемот», «Смехач». В 30-х гг. выпустил роман «Яков Маркович Меламедов». Умер в Ленинграде 19 февраля 1942 г. Сегодня в «Клубе ДС» рассказ писателя, не публиковавшийся почти сто лет.

Игорь СМИРНОВ

О. Л. Д' Ор

Лекция о русской литературе

Моё появление на эстраде было встречено не только сочувственно, но даже с энтузиазмом. Из последних рядов до слуха моего донеслось:

– Этот им накладёт!

– Ишь, глаза какие! Злюка, должно быть, порядочная!

– А кулаки-то как сжимаются! Держись!

Мне зааплодировали. Я приложил руки к груди, поклонился низко в ответ на аплодисменты и начал:

– Милостивые государи и милостивые государыни. В России, как и в каждой стране, более всех причастны к литературе писатели. Писатели бывают хорошие и плохие.

Публика насторожилась. В первом ряду какой-то толстый господин с лицом присяжного поверенного толкнул своего соседа в бок и многозначительно произнёс:

– Сейчас начнётся...

Я продолжал:

– К писателям хорошим необходимо отнести Леонида Андреева, Куприна, Мережковского, Сергеева-Ценского...

В зале произошло движение. Все почему-то задвигали стульями. Все, как один человек, принялись кашлять и сморкаться.

Казалось, все носы превратились в один огромный получивший насморк нос.

Я почувствовал что-то неладное. Сердце сжалось у меня. Но делать было нечего, и я продолжал:

– Огромный талант Леонида Андреева...

При этих словах со своего места поднялся пристав и с достоинством заявил:

– Считаю долгом предупредить, что демонстративное восхваление русских писателей не может быть допустимо администрацией. Прошу лектора воздержаться от подобного ниспровержения существующего строя.

Слова пристава были встречены шумными аплодисментами.

Такое трогательное единение публики с приставом меня изумило и сбило с толку. Я растерялся.

Беспокойным взглядом окинул зал и увидел злые глаза, красные от негодования лица.

У дверей стоял мой антрепренёр. В одной руке он держал пальто, в другой – выручку.

Было очевидно, что опытный антрепренёр ничего хорошего не ожидает и готовится при первом же удобном случае дать стрекача.

Молчать дальше было нельзя, и, заикаясь от волнения, я снова стал говорить:

– Могучий самобытный талант Куприна...

Резкий голос, прервав мою речь, прозвенел в зале:

– Что, он издевается над нами, что ли?

Это был сигнал к взрыву возмущения. Все закричали:

– Что это за лектор, который хвалит писателей!

– Из Чухломы он, что ли, приехал?

– Обязанностей своих не знает!

– Белая ворона!

– Уж не дураками он нас считает?

Пристав снова поднялся и заявил:

– Господин лектор! Делаю вам второе предостережение за хвалебный отзыв о господине Куприне.

Мой антрепренёр не выдержал, подбежал ко мне и злобно прошипел:

– Что вы делаете? Где это видано, чтобы современный лектор кого-нибудь хвалил? Первый раз вижу такого... такого лектора. Репутацию мою хотите испортить?

Только тут я прозрел. Собрав все свои силы, я во весь голос закричал:

– Господа! Вы не дали мне выразить свою мысль! Не прерывайте! Дайте досказать. Могучий талант Куприна по устройству поджогов, подлогов и матереубийств не даёт ему ещё права писать повести...

– Браво! Браво! – заорала публика.

– Беру одно из своих предостережений обратно! – любезно заявил пристав.

Я продолжал:

– А что такое Леонид Андреев? Отнимите у него талант, и вы увидите перед собой обыкновенного брюнета, каких среди нас тысячи...

– Беру обратно своё второе предостережение, – заявил ласково пристав.

А я продолжал:

– Перейдём к Мережковскому, к этому зверю, совершающему ритуальные убийства, питающемуся кровью младенцев.

За своей спиной я услышал голос моего антрепренёра:

– Хорошо! Хорошо! Успех пяти лекций нам обеспечен. Продолжайте, милый, продолжайте.

Он стоял без пальто. Видно было, что опасения за наши бока и кассу у него прошли окончательно.

Надо ли распространяться о моём успехе? Это был триумф, а не успех!

Публика выпрягла и сама, толкая автомобиль, доставила меня в гостиницу.

Пристав жал мне руку и поощрительно говорил:

– Обязательно доложу губернатору. Его превосходительство непременно выхлопочет вам какое-нибудь место критика. Как можно, чтобы такой человек не был критиком!

Моё турне по России прошло как сон. Меня носили на руках мужчины. Мне позволяли носить себя на руках женщины.

Какое счастье с ловким умом и талантом ругателя родиться в России...

«Солнце России», 1913 г.
Публикация
Р. СОКОЛОВСКОГО

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Мобилизация песни

Откуда есть пошла агрессивность самого лирического жанра?

Вся наша песня последних лет оказалась помещённой в координаты милитаризации. Удивляться этому в общем-то не приходится. Ещё на зара советской власти в песне то и дело провожали в солдаты (не без внутреннего протеста: «В Красной Армии штыки, чай, найдутся. Без тебя большевики обойдутся...»). Пацифистское заявление рука об руку шествовало с недвусмысленным напоминанием: «Мы – мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!» Лирическая песенная схоластика вытеснялась обещанием форсмажорных обстоятельств:

Весь мир насилья мы разрушим
до основанья, а затем...

Можно было понять советских женщин, которые взяли от своих товарок царского времени обычай бросать в воздух чепчики при виде военных людей. В их лирических песнях «на побывку ехал молодой моряк, грудь его в медалях, ленты в якорях», а если кто-то и спускался с горочки, то обязательно в «защитной гимнастёрке», «золотых погонах», «с ярким орденом на груди»...

Экстраполяция военных настроений в современную песню видна невооружённым глазом. «Полковник» стал знаковым явлением нашей песни: «Полковнику никто не пишет, полковника никто не ждёт», – печалится группа «БИ-2», сопровождая исполнение хаотической пластикой. «Ах, какой был мужчина! Настоящий полковник», – восторгается Алла Пугачёва. Даже рок-группу Борис Гребенщиков оставил для чтения мантры Пражнапарамиты на берегу какого-нибудь тибетского озера Куку-Нор и спел на своём коммуникативном языка: «Полковник Васин приехал на фронт со своей молодой женой...» (впрочем, в песенном арсенале питерского отшельника немало боевого антуража вроде припрыжечного афоризма: «Прыг, ласточка, прыг, а дело к войне...» – или многозначительной контаминации из Светлова: «И если кто-то издох от удушья, то отряд не заметил потери бойца...»).

Не остались забытыми и другие воинские звания. Олег Газманов отдал своё сердце казачьему ротмистру: «Есаул, есаул, что ж ты бросил коня?» Ну да здесь взятки гладки: сплошной «эскадрон мыслей шальных!»... Михаил Звездинский окучил белогвардейский молодняк: «Корнет Оболенский, раздайте патроны. Поручик Голицын, надеть ордена!» Ирина Аллегрова от лейтенанта СА перешла к абстрагированному офицеру екатерининских времён: «Легко влюбиться, императрица, когда так страстно бирюзовым взглядом смотрит офицер!» Запел на «Голубом огоньке» полковник Владимир Жириновский, правда, не песню «Как хорошо быть генералом!», а про султана с тремя жёнами. Разве что у одного Валерия Леонтьева в песнях остались низшие чины – «югославский солдат и английский матрос», на которых, видимо, певец возлагает надежды в связи с грядущей сексуальной революцией. В конце концов:

Каждый хочет любить: и солдат, и моряк.
Каждый хочет иметь я невесту, и друга...

У российской атмосферы отличная звукопроводимость, а у творцов российской песни первосортный нюх на конъюнктуру! Даже Борис Моисеев, отличавшийся хореографическим миролюбием (в силу жанра, что ли?), убрал из репертуара песню советских юношей: «Парни, парни, это в наших силах землю от пожара уберечь!» – и запел в русле модной милитаризации:

Я бы мог служить на флоте
и свистеть в большой свисток.
Я бы мог служить в пехоте
и траву бы красить мог.
Я держал бы всё на мушке,
что положено держать.
Только это не игрушки –
воевать так воевать!..

И – тишина. И только слышно, как Чапаевы летят за своими пустотами...

Агрессивное начало вымывает лирическую толерантность, доселе обживавшую наши песни. Реанимация старого шлягера «Нас извлекут из обломков...» с задушевным финалом: «И дорогая не узнает, каков танкиста был конец...» – вознесла его на вершину хит-парадов. «Хочешь, я убью соседей?» – с полуобещанием спрашивает Земфира, и зал отвечает согласительными аплодисментами. Взъерошенные и неадекватные «чупа-чупсы нашей эстрады» из группы «Агата Кристи» давно запутались в амбивалентных чувствах:

Я на тебе как на войне,
а на войне, как на тебе.
Но я устал, окончен бой.
Беру портфель, иду домой.

Не отстают от них «Запрещённые барабанщики» со своей ненавязчиво-дружелюбной песенкой: «Ай-ай-ай, убили негра, убили. Ни за что, ни по что, суки, замочили!»

«А на войне как на войне, патроны, водка, махорка в цене!» – поёт (с подачи Александра Шаганова, написавшего эту рифмованную белиберду) «комбат» Николай Расторгуев, упакованный в концертную гимнастёрочку образца 41-го года с хрустом портупеи, идущей через упитанное плечико. Вслед за своим «комбатом» подлевает и всё «Любэ»: «Всё «вперёд!» и «вперёд!» рота прёт наша, прёт...»

Логика подсказывает: на развитие нашей песни в военно-доктринальном русле явное влияние оказал процесс «хождения во власть» российского генералитета: генералы и адмиралы становятся губернаторами и президентами субъектов Федерации, представляют президента в федеральных округах; в одной прошлой Госдуме было около четырёх десятков бывших офицеров Вооруженных Сил, МВД, госбезопасности, полковничьи звёзды свалились на погоны Геннадия Зюганова; подполковничьи – на погоны Георгия Бооса и Сергея Глазьева; майорами сделались Борис Грызлов и Алексей Митрофанов; объявился «аграрный подполковник ФСБ» Николай Харитонов...

Даже в народе стали говорить: если бы коровы ходили в ногу, это было бы уже не стадо, а строй...

Александр ЩУПЛОВ

Восьмая страничка

Самый большой секрет XXI века

Литературно-публицистический ПРОЕКТ Ивана Мазура, соавтор Елена Мазур

Секреты, секреты, секреты...

Елена Мазур: Надеюсь, вы знаете, что неталантливых людей, а тем более детей не бывает?!

Иван Мазур: Все младенцы – «головастики». Рождаются, а «сундук с алмазами» у них уже в голове. Ключ от сундука – Главный секрет ПРОЕКТа. А алмазы...

Елена Мазур: ...алмазы-таланты самые крупные найти непросто, и каждый из них подлежит своей собственной огранке. На нашем пути поиска и развития талантов встретилось очень много секретов. Большую часть мы раскрыли... читайте книги ПРОЕКТа... кое-что вам оставили.

Иван Мазур: В секретах запрятаны проблемы. Мы предлагаем свои решения не с бухты-барахты, а те, которые нам жизнь подсказала... или подножку подставила, мы споткнулись, упали... Ничего страшного! Коленки зелёнкой, на лбы пятаки и...

Елена Мазур: Ошибки не скрываем, но учиться не предлагаем – скучное это занятие. Мы читателя развлекаем, завлекаем, привлекаем и иногда напоминаем... прежде всего надо растить себя и детей высоконравственными людьми.

Успокоил... на время

...в третий раз сын сам сделал выбор и рос, к моему невыразимому сожалению и огорчению, не на моих глазах. И пусть простят меня чудесные педагоги и те люди, которым я добровольно отдала своё сокровище, и они его по достоинству оценили, скрытно от него самого оберегали, ласкали и баловали, открыто и заслуженно бранили и неистово боролись за него, не жалея ни сил, ни времени, – все эти замечательные люди стали нашей семье очень близкими, и благодарность наша не имеет границ. И всё же, и всё же... сын жил на стороне, совсем неведомой мне жизнью, и я чувствовала, что временами эта жизнь была ему почти что не по силам, но отказаться от неё он уже не мог; я видела, что эта жизнь, взросление вне семьи, в коллективе своих ровесников ломала его, корёжила, обтёсывала, обкатывала, и, смиренно понимая, что такого жизненного периода не избежать, я опасалась, а не слишком ли рано, готов ли его подростково-юношеский организм, психика к таким бурям, выдержат ли они, и выйдет ли мой сын из этого периода взросления человеком? А вдруг я, мама, растившая его по законам любви и совести и преуспевшая в этом, получу обратно человекообразное существо, и, ничего не придумав умнее, время от времени задаю сыну один и тот же простой вопрос:

– Ты человек?

Сын прекрасно понимает, что меня беспокоит, на мгновение замирает в раздумье и отвечает серьёзно и убеждённо:

– Да!

И я успокаиваюсь... на время.

Елена Мазур

Елена Мазур: Почему надо растить талант по законам нравственности? Талант – это такая сила воздействия, чаще всего не на единицы, а на массы людей, и эта сила должна служить миру, добру, взывать к совести, вести к взаимопониманию, дружбе, любви... Любовью взращивается талант. Свобода и любовь!

Иван Мазур: Свобода и любовь... так не бывает.

Елена Мазур: В твои неполные двадцать... должно быть именно так, но... Всем! Всем! Всем! И великовозрастным детям, и взрослым я без опаски говорю:

Таланты надо любить, нежить, лелеять, баловать... и ошибки на во вред!

ЖурПИС: Интересно! Расска...

Милочка: Совет дам.

Совет от Милочки мамочке народной

Родилось дитя твоё – дай ему свободу,
Ручки-ножками пусть бьёт, трепыхается,
Баловник из него лучший получается!

ЖурПИС: Что вы советуете?!

Милочка: С детства дыша свободно полной грудью и...

ЖурПИС: ...трепыхаясь...

Милочка: ...они вырастут творческими личностями...

Ищите учителей, которые на будут учить ни вас, ни ваших детей!

Елена Мазур: Нам повезло! Мы нашли себе таких учителей и даже Главного Литературного Педагога (в «Литературной газете»). Читайте Сборник «И смех, и слёзы, и любовь...».

Иван Мазур: Теперь измучились – так хочется переписать ПРОЕКТ заново – уже и получше можем... Но нельзя. Почему? Расскажем...

(Продолжение следует...)

Иван Мазур
Елена Мазур

(Из интервью с народом любимой писательницей Ивановой М. В.; интервью брал журналист Петров И.С. «ЛГ», № от 19.03.03, «13-й стул»: КРЕСЛО.)

Иван Мазур: Мама всех авторов Сборника «И смех, и слёзы, и любовь...» считает своими детьми и так их избаловала!.. Я злюсь иногда – меня-то она начала баловать, когда я стал взрослым и воспитал из неё маму.

Елена Мазур: Не отвлекай людей от дела. Заключительный и замечательный секрет (предупреждение: без прочтения книг детской и взрослой линий ПРОЕКТа использовать запрещается):

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Леонид Колпаков,
Игорь Серков,
Валерий Павлов
(представитель «ЛГ» в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе).

«Политика, экономика» – тел. 208-63-21
ведущий редактор Владимир Поляков;
Анатолий Друзенко, Ирина Хуземи
«Русский вопрос» – тел. 208-98-21
шеф-редактор
Наталья Айрапетова
«Общество» – тел. 208-82-80
шеф-редактор Игорь Гамаюнов;
ведущий редактор Людмила Мазурова;
Валерий Бурт
«Литература» – тел. 208-94-19
заведующий отделом
Сергей Мнацаканян;
Павел Басинский, Надежда Горлова,
Александр Яковлев
«Искусство» – тел. 208-98-76
ведущий редактор
Александр Вислов;
Жанна Васильева, Ирина Тосунян

«Клуб 12 стульев» – тел. 208-82-62, 208-06-85
главный администратор
Евгений Обухов
«Научная среда» – тел. 208-82-76
шеф-редактор Владимир Губарев;
ответственный редактор
Андрей Тарасов
«Действующие лица» – тел. 208-95-24
шеф-редактор
Елена Липатова (Оберемок);
Обозреватели:
Сергей Луконин, Олег Мороз,
Александр Ципко,
Аркадий Соснов (Санкт-Петербург),
Алесь Кожедуб (Минск)
Выпускающий редактор
Борис Фуров

Фотослужба – тел. 208-81-82
Александр Карзанов
Редакция книжных изданий – тел. 208-98-96
главный редактор Виктор Широков
Генеральный директор
Алексей СОБОЛЕВ
Отдел рекламы:
тел. 208-95-24, 208-91-62
Елена Беланова, Юлия Лукьянова
Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-97-00
Марина Борисова,
Татьяна Дочкина
Сектор Интернета:
тел. 208-56-18

Общий тираж 78 000 экз.
Газета печатается в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, а также Великобритании и Израиле
Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса», 125993, ГСП-3, Москва, А-40, ул. «Правды», 24
Номер подписан к печати 27 января 2004 г.
Зак. № 403804
Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы: 50067, 34189 и 84874 (для предприятий и организаций)
Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»

Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-1835 от 10.03.2000 г.
Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва 107045
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru, editor@lgz.ru
Факс: 208 99 14, 206 62 25
Автоматический телефон для справок по редакции: 200-02-38
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

«Литературная газета» распространяется на бортах авиакомпаний
AEROFLOT Russian Airlines
JAPAN AIR LINES
BRITISH AIRWAYS
ТРАНСАЭРО ТУР

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ
Austria – 2,90 EUR;
Canada – CANO 2,50;
Denmark – DKK 18,00;
England – OP 1,80;
Germany – 2,50 EUB;
Greece – 1,60 EUR;
Hungary – HUF 930,00;
Portugal – 2,50 EUB;
Spain – PTS 475,00;
Switzerland – CHF 4,80;
Turkey – TL 850,000;
USA – USD 2,50.

Розничное распространение в Европе и Северной Америке осуществляет фирма «Пресс Пойнт Интернейшнл», в Израиле – Издательский дом «Новости недели»

ISSN 0233-4305
9 770233 430004 >
Printed in Russia

ОАО «Система Масс-Медиа»